

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Том 50, № 3

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 50, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглаич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 30,0. Дата выхода 30.09.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 561 Коренья В.С.**
Беотийский подтип классического полиса и Платей как его представитель («субкультура» в рамках развития концепции «city-state culture» М. Хансена)
- 572 Кириллов В.М.**
Политическая жизнь Лаодикеи Приморской и её округи в римское время
- 581 Лихошерстов В.А.**
Противостояние Александрии и Антиохии как ранневизантийских центров монофизитства на примере диспута патриархов Дамиана и Петра Каллиникумского
- 588 Зайковская О.С.**
Флавий Веллизарий: дискуссионные вопросы историографии
- 596 Виноградов А.Е.**
У истоков корпуса варангов в Византии: норманны, армяне или персы?
- 606 Зубов Д.Д.**
Chronicon breve de gestis Aldeberti
- 616 Филиппова А.И.**
Война Роз в изображении Уоркуорта – магистра из Кембриджа
- 626 Логинов Е.И.**
Позиция консервативных и либерально-лейбористских кругов Великобритании в отношении Гражданской войны в России
- 634 Майсам М.**
Установление правовых и культурных отношений между независимым Афганистаном и Советским Союзом в первой четверти XX столетия
- 642 Малай В.В., Тимошкова О.А.**
Средиземноморский аспект на завершающем этапе Гражданской войны в Испании (конец 1937 – начало 1939 гг.)
- 652 Кирчанов М.В.**
Проблемы Македонской Православной Церкви в исторической политике современной Сербии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 662 Солнцев Н.И.**
К вопросу о датировке и символике Церкви Покрова Богородицы на Нерли
- 673 Барнинова Е.П., Трубицын И.О.**
Канцелярские служители дворянской корпорации второй половины XIX – начала XX вв.
- 685 Меньшикова Е.Н.**
Торговля продукцией животноводства в бизнес-стратегиях купчих Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века
- 695 Ваулин В.И., Сингеев С.А., Сафронова Е.Н.**
Международная практика и особенности подготовки российских летчиков в конце XIX – начале XX веков
- 704 Смоленская О.А.**
Фабричная инспекция как орган государственного надзора за исполнением рабочего законодательства (1882–1905 гг.)
- 713 Шмаков А.А.**
Монументальная пропаганда как форма идеологического воздействия. Начало реализации в первой половине XX века
- 724 Назаренко Е.Ю.**
Солдаты в общественно-политической жизни Воронежа весной и летом 1917 г.
- 734 Абдулина Б.М.**
Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета)
- 746 Апанасенок А.В.**
«Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг.
- 758 Тумаков Д.В., Кищенко М.С., Михайлов С.А.**
Региональная политика России первой половины 1990-х гг. в оценках С.М. Шахрая и Партии российского единства и согласия
- 770 Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю., Городцова Ю.Н.**
М.И. Карагодин – учитель, краевед, археолог

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 779 Казаков М.А., Лысцев М.С.**
Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе
- 790 Золотарев Ф.Е.**
Индекс арктической научной дипломатии региона (на примере Санкт-Петербурга)
- 801 Мельников А.В., Рыжов И.В., Сикираж В.В.**
Конвенция по Каспийскому морю в региональной системе международных отношений: интересные и модели сотрудничества
- 813 Закиров А.Р., Зарипова А.Р.**
Позиция групп интересов по проблеме регулирования лоббизма в странах Латинской Америки
- 822 Петров Е.С.**
Влияние видов субъектов Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной властей
- 831 Тумов А.А.**
Предпринимательство элит и использование рент: интерпретация политической истории Кабардино-Балкарии (1989–2018 гг.)

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Volume 50, No. 3

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, professor of the department of social technologies and public service, doctor of political sciences, professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, professor of the russian history and records management department, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Head of the Department of World History, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, doctor of historical sciences, associate professor, professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, doctor of historical sciences, associate professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 30,0. Date of publishing: 30.09.2023. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 561 **Korenyak V.S.**
Boeotian Subtype of Classical Polis and Plataia as its Representation («Subculture» in Terms of Development «City-State Culture»
Concept of M. Hansen)
- 572 **Kirillov V.M.**
Political Institutions in Laodicea on the Sea and its District During the Roman Time
- 581 **Likhosherstov V.A.**
The Confrontation of Alexandria and Antioch as Early Byzantine Centers of Monophysitism on the Example of the Dispute Between
Patriarchs Damian and Peter of Callinicum
- 588 **Zaykovskaya O.S.**
Flavius Belisarius: Controversial Issues of Historiography
- 596 **Vinogradov A.E.**
At the Origins of the Varangian Corps in Byzantium: Normans, Armenians or Persians?
- 606 **Zubov D.D.**
Chronicon breve de gestis Aldeberti
- 616 **Filippova A.I.**
The War of the Roses in the Image of Warkworth – Master from Cambridge
- 626 **Loginov E.I.**
The Position of the Conservative and Liberal-Labour Circles of Great Britain Regarding the Civil War in Russia
- 634 **Maisam M.**
Establishment of Legal and Cultural Relations Between Independent Afghanistan and the Soviet Union in the First Quarter of the 20th Century
- 642 **Malay V.V., Timoshkova O.A.**
The Mediterranean Aspect at the Closing Stage of the Civil War in Spain (the End of 1937 – Beginning of 1939)
- 652 **Kyrchanoff M.V.**
Problems of the Macedonian Orthodox Church in Historical Politics in Contemporary Serbia

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 662 **Soltsev N.I.**
On the Dating and Symbolism of the Church of Intercession on the Nerl River
- 673 **Barinova E.P., Trubitsyn I.O.**
Clerical Servants of the Nobility Corporation of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries
- 685 **Menshikova E.N.**
Livestock Products Trade in the Business Strategies of Merchant Women of the Central Chernozyem Region in the Late XIX – Early XX Century
- 695 **Vaulin V.I., Singeev S.A., Safronova E.N.**
International Practice and Features of the Training of Russian Pilots in the Late XIX – Early XX Centuries
- 704 **Smolenskaya O.A.**
Factory Inspectorate as a Body of State Supervision after the Implementation of Labor Legislation (1882–1905 гг.)
- 713 **Shmakov A.A.**
Monumental Propaganda as a Form of Ideological Influence. The Beginning of Implementation in the First Half of the 20th Century
- 724 **Nazarenko E.Yu.**
Soldiers in the Social and Political Life of Voronezh in the Spring and Summer of 1917
- 734 **Abdulina B.M.**
Personal Commemorations of Soviet Higher Education in the 1920–1930s Based on Leningrad State University Periodics' Materials
- 746 **Apanasenok A.V.**
«Pensioners, Housewives and Other Citizens»: to the Question of the Orthodox Believers' Social Composition in the USSR of the 1940–1970-s.
- 758 **Tumakov D.V., Kishhenkov M.S., Mikhaylov S.M.**
Regional Policy of Russia in the First Half of the 1990s in the Assessments of S.M. Shakhrai and the Party of Russian Unity and Accord
- 770 **Bessudnov A.N., Zakharova E.Y., Gorodtsova Y.N.**
M.I. Karagodin – a Teacher, a Local Historian, an Archaeologist

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 779 **Kazakov M.A., Lystsev M.S.**
Modern History and Prospects for Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region
- 790 **Zolotarev F.E.**
Arctic Science Diplomacy Index for a Region (the Case of Saint Petersburg)
- 801 **Melnikov A.V., Ryzhov I.V., Sikirazh V.V.**
Convention on the Caspian Sea in the Regional System of International Relations: Interests and Models of Cooperation
- 813 **Zakirov A.R., Zaripova A.R.**
Interest Groups' Attitude Towards Lobbying Regulation in Latin America
- 822 **Petrov E.S.**
The Influence of the Types of Subjects of the Russian Federation on the Model of Interaction of Regional Executive and Legislative Authorities
- 831 **Tumov A.A.**
Entrepreneurship of Elites and Exploitation of Rents: Interpreting Political History of Kabardino-Balkaria (1989–2018)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-561-571

Оригинальное исследование

Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель («субкультура» в рамках развития концепции «city-state culture» М. Хансена)

Кореньяк В.С.

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14E-mail: bellice@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается концепция «city-state culture» датского антиковеда Могенса Хермана Хансена. Приводится весь набор характеристик городов-государств (из 15 пунктов), на основе которых Хансен выделил в общей сложности 37 «культур», т. е. типов городской организации, в число которых входят – как особая культура – полисы древней Эллады архаического и классического периодов. Автор статьи выделяет спорные моменты, связанные с использованием понятия «культура городов-государств», отмечает некоторое смешение ключевых понятий в работах датчанина, а также предлагает собственное дополнение к предложенной М. Хансеном типологизации, а именно деление «культур» на «субкультуры» (типов на подтипы) городов-государств. Это сделано на основе использования имеющегося источникового материала по беотийскому полису Платеи.

Ключевые слова: Платеи, Хансен, Беотия, классический полис, полисная культура, культура городов-государств

Для цитирования: Кореньяк В.С. 2023. Беотийский подтип классического полиса и Платеи как его представитель («субкультура» в рамках развития концепции «city-state culture» М. Хансена). Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 561–571. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-561-571

Boeotian Subtype of Classical Polis and Plataia as its Representation («Subculture» in Terms of Development «City-State Culture» Concept of M. Hansen)

Vladislav S. Korenyak

Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, RussiaE-mail: bellice@gmail.com

Abstract. The paper describes the “city-state culture” concept of Mogens Herman Hansen. The author lists and translates characteristics (mentioned by danish scholar) which are required for the historical settlement (and their groups) to be named “city state culture”. Based on them, Hansen distinguish 37 different cultures (or types of civic organization). Among them could be found both archaic and classical ancient greek communities – both as specific and particular types of culture. The author of this paper pays specific attention to the period of classical Greece, when at the same time trying to develop an addition

for the Hansen's typologization. The main point of this amendment is to present the idea of "city-state culture" division into "city-state subcultures" (in other words: types into subtypes). Moreover, the author tries to define which criteria is the main one for separation of city-states into different groups. Plataea is a special point of interest for the author so data gathered from narrative sources about this boiotian polis is used as an example for a subdivision mentioned in the paper.

Keywords: Plataia, Hansen, Boeotia, classical polis, polis culture, city-state culture

For citation: Korenyak V.S. 2023. Boeotian Subtype of Classical Polis and Plataia as its Representation («Subculture» in Terms of Development «City-State Culture» Concept of M. Hansen). Via in tempore. History and political science. 50 (3): 561–571 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-561-571

Введение

Как известно, одной из важнейших проблем современного антиковедения является изучение античного понятия ἡ πόλις (как в семантическом, так и в политическом смысле). В авангарде данного исследовательского направления находится Копенгагенский центр по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre), который был создан и значительное время возглавлялся датским антиковедом Могенсом Хансеном. В качестве важнейшей задачи, положенной в основу деятельности центра, являлась выработка универсального определения понятия ἡ πόλις. Итогом многолетнего труда стало, собственно, определение, которое было названо «несколько претенциозно» [Суриков, 2010, с. 9] – Lex Hafniensis de civitate, т. е. «Копенгагенским законом о полисе». Звучит он следующим образом: термин «полис», который встречается в источниках классического и архаического периодов, обозначает городской центр, однако не любой т. н. «город», а такой, который в то же самое время является центром политического сообщества. Таким образом, если при чтении источников времени архаики и классики мы встречаем термин «полис», то речь идет и о городском центре, и о центре политическом. Мы уже отмечали неоднозначный характер такого подхода [Кореньяк, 2022]. Впоследствии исследователь применил своё определение к конкретному материалу и выделил в общей сложности 37 «культур» городов-государств («city-state culture»), независимо от времени их существования. По существу, речь идет о типах общин. В число выделенных Хансеном культур входят и полисы древней Эллады архаического и классического периодов, которым посвящён отдельный труд Копенгагенского центра – Каталог полисов архаического и классического периодов [Hansen, Nielsen, 2004]. Культуры городов-государств выделяются на основе определённого набора характеристик. Таких необходимых элементов исследователь приводит пятнадцать, отмечая, что не все они могут одновременно проявляться в той или иной культуре, а значит, и не у каждой отдельной общины, относимой к данной культуре. Наличие сразу всех характеристик – некое «идеальное» проявление культуры, но конкретного минимального количества их, т. е. элементов, которым должна соответствовать общность для ее отнесения к определенной культуре, автор не называет. Но очевидно, что соответствующей, в частности, полисной культуре, можно скорее посчитать общину с совпадением 10 из 15 элементов, чем общину с совпадением 3 из 15. По нашему мнению, исследователь осуществляет смешение понятий в рамках собственной концепции и не всегда пользуется сформулированными им характеристиками именно как критериями типологизации (основаниями деления на типы, в его терминологии – на культуры). Сопоставление упомянутых критериев/характеристик с данными о том или ином городском центре позволяет не столько считать этот городской центр представителем одной из 37 культур, сколько дает возможность отнесения того или иного гражданского коллектива к полисной культуре, тем самым противопоставляя его другим формам человеческого общежития. Следовательно, датским автором производится излишняя генерализация понятия «полис», вследствие чего могут остаться незамеченными те или иные индивидуальные черты развития гражданских общин. Концепция Хансена

критиковалась коллегами – так, Пьер Фрëлих [Fröhlich, 2010, p. 655–661], подвергнув работу Копенгагенского центра наиболее полному разбору, указал на не всегда правильное противопоставление архаического и классического полисов друг другу, на излишнее стремление к подсчётам и статистике, на пренебрежение к эллинистическому полису, в конце концов, на излишне широкую трактовку понятия «полис». В связи с этим нам представляется перспективным рассмотрение элементов предложенной Хансеном типологизации на примере конкретного греческого региона классического периода – Беотии, а также вычленение полиса Платеи как одного из представителей региональной полисной культуры. Он интересен своим политическим и географическим положением, своеобразие которого отмечали ряд исследователей: Эрнст Бэдиан рассматривал специфику взаимоотношений полиса Платеи с Афинами и Спартой, при этом указывая на подчинённое положение Платей относительно соседей из Аттики, тем не менее оставляя незакрытым вопрос о том, считать ли платейскую общину полностью самостоятельным полисом или нет [Badian, 1989, p. 123]; Николас Хаммонд [Hammond, 1992, p. 145] подчеркивал неоднозначность политического положения Платей относительно именитых соседей, но при этом не отрицал статуса платейского полиса как независимой политической единицы, что в целом согласуется и с точкой зрения Хансена [Hansen, Nielsen, 2004, p. 450]; Рой ван Вейк [van Wijk, 2017, p. 21] рассматривал истоки упомянутой неоднозначности в межполисных отношениях, анализируя ситуацию на юге Беотии в VI в. до н. э., хотя для него исследовательский интерес представляют не Платеи как таковые, а все общины по берегам реки Асоп. Наиболее же полное на сегодняшний день исследование платейского полиса [Konecny, 2013, p. 347] сосредотачивается преимущественно на археологическом изучении, в гораздо меньшей степени ориентируясь на типологию датчанина.

Объекты и методы исследования

Объект исследования: понятие «полис» в работах Копенгагенского центра по изучению полиса. Предмет исследования: типология культур городов-государств М. Хансена, выделенный им полисный тип культуры и относящиеся к этому типу Платеи классического времени. При анализе исторических источников нарративного характера (см., в частности: [Кореньяк, 2019, 2020]), а именно «Истории» Геродота, «Греческой истории» Ксенофонта, «Географии» Страбона и «Описания Эллады» Павсания были рассмотрены все упоминания Платей у названных авторов. Геродот преимущественно видит Платеи маленьким, но независимым полисом, который находится в постоянном противостоянии с беотийским гегемоном Фивами, а в период греко-персидских войн становится верным союзником Афин. Ксенофонт говорит, скорее, о региональной значимости Платей, тем не менее указывая на политическую независимость платейской общины. Сведения Страбона позволяют высказывать предположения о роли территории вокруг Платей в событиях военной истории и внутрибеотийского политического противостояния, о религиозных празднествах общины. Павсаний же описывает увиденные им места, где когда-то происходили исторические события; передает услышанные от местных жителей истории, в том числе мифологические.

При применении историко-сравнительного и типологического методов проводится сопоставление сведений древних авторов о выбранном для анализа полисе Платеи с элементами концепции датского антиковеда, при этом обнаруживается необходимость выделения подтипов в рамках полисной культуры городов-государств (т. е., если продолжить терминологию Хансена, «субкультур» в рамках «культур») классического периода греческой истории.

Результаты и обсуждения

Как уже было отмечено, Хансен выделяет 15 критериев, по которым разграничивает культуры городов-государств. Дадим их перевод и рассмотрим по порядку [порядок их перечисления см.: Hansen, 2000, p. 16–17]. Строго говоря, это не всегда собственно критерии

(основания деления при типологизации), а нередко обобщенные характеристики, относящиеся ко всей совокупности городов-государств мировой истории (что свидетельствует о нечеткости предложенной датским антиковедом методики). Тем более что у Хансена эти характеристики не только не всегда выполняют функцию критерия отнесения определенной общины к одной из 37 культур, но часто служат именно для отнесения конкретного гражданского коллектива к полисной культуре, вычлняя его из иных культур. При этом, разумеется, мы признаем корректность выделения в качестве отдельной культуры городов-государств (их отдельного типа) полисную культуру, но попытаемся соотнести критерии Хансена со сведениями о конкретном регионе – Беотии и конкретном полисе в нем – Платеях. Это дает возможность понять, как действует общая схема применительно к ее отдельному элементу и в каких дополнениях/уточнениях она нуждается.

1) «Регион населён людьми, говорящими на одном языке и разделяющими общую культуру».

В религиозном и культурном плане население гражданских общин Беотии имело серьёзный центр притяжения – всебеотийский праздник Дедалов, непосредственное участие в котором принимали и жители Платей [Кореньяк, 2018, с. 194]. Беотийский же диалект древнегреческого языка вполне может выступать здесь в качестве единого языка региона [Blumel, 1985, S. 385; Te Tiele, 1985, p. 361].

2) «На протяжении значительного временного отрезка (например, на протяжении нескольких веков) регион разделён на серьёзное количество малых политических сообществ общего типа, который сейчас мы называем “город-государство”».

Беотия соответствует этому критерию; как регион античной Эллады она в определённые периоды истории состояла из отдельных субъектов, которые могли быть различными политическими сообществами, в т. ч. полисами [Hansen, 1995, p. 13].

3) «С точки зрения геополитики существует два основных типа культур городов-государств: (3а) в некоторых случаях города-государства разбросаны по материк и взаимодействуют преимущественно по суше. (3б) В других случаях города расположены на побережье, и взаимодействие между городами-государствами проходит преимущественно по морю. (3в) Некоторые культуры городов-государств смешаны».

В силу своего географического положения Беотия предстаёт перед нами территорией, общины которой взаимодействуют друг с другом почти исключительно посредством сухопутных маршрутов, что ведёт к соотношению с типом 3а. Это касается и Платей, через которые проходила одна из дорог, связывающих Беотию с соседней Аттикой [Fossey, 1988, p. 112], хотя Страбон показывает иную перспективу: «Πλαταιὰς γὰρ ἀπὸ τῆς πλατῆς τῶν κωπῶν εἰρήσθαι πιθανὸν καὶ Πλαταιέας τοὺς ἀπὸ κωπηλασίας ζῶντας, ἀλλὰ νῦν ἄπωθεν τῆς λίμνης οἰκοῦντες οὐκέτ' ἂν προσαγορευοῖντο ἐτύμως» (Strab. IX. 2. 17) ¹.

4) «Культуры городов-государств проявляются в виде одного из трёх концептов городов-государств и их культуры следующим образом: (4а) В период демографического и экономического роста урбанизация и формирование государства происходят одновременно или последовательно одно за другим. Периоду города-государства предшествует догосударственный период. Формирование городов-государств происходит постепенно и зачастую незаметно. (4б) Колонизация региона принимает форму основания некоторого числа городов-государств. (4в) В период упадка урбанизированное макрогосударство распадается таким образом, что его главные городские центры становятся городами-государствами».

Поскольку нами рассматривается классический период истории Беотии, то для этого времени беотийские гражданские общины выглядят уже сформировавшимися городами-

¹ «Платеи, вероятно, названы от «лопасти» вёсел, а «платейцы» – те, кто зарабатывал на пропитание греблей; но в настоящее время, поскольку они живут далеко от озера, это имя им в точности более не соответствует». Здесь и далее – перевод Г.А. Стратановского.

государствами. Тем не менее сам датский исследователь писал о неопределённости формирования и исчезновения полисов на территории Беотии [Hansen, 1995, p. 18–34], что позволяет отнести культуру местных городских центров к подтипу (4a).

5) «Города-государства в рамках одной культуры сильно различаются размерами как географически, так и демографически, но ни один из них не силен настолько, что мог бы захватить остальные окончательно и превратить регион в единую политическую единицу. Тем не менее см. п. 9».

Очевидно, что классические полисы всего греческого мира отличаются друг от друга по разным характеристикам. Известны и примеры V и IV вв. до н. э., когда основные участники общегреческой политики пытались утвердить самих себя в качестве панэллинских гегемонов. Тем не менее ни один из них в этом не преуспел, пусть и создал в процессе надполисные объединения². Единой политической единицы создать не получилось.

В этом контексте особенно интересной выглядит возможность применения характеристики 5 к беотийскому региону. Фивы пытались объединить, прежде всего, все беотийские общины, что удавалось сделать на определённых этапах развития региона (гегемонистский союз второй половины V и середины IV вв.). Но единым политическим субъектом, а уж тем более государством, эти объединения различных городских и сельских центров региона назвать нельзя. Это же можно сказать и про Платейский союз, просуществовавший весьма короткое время и не оставивший после себя серьёзных исторических свидетельств. Тем не менее, что весьма важно, данная характеристика может быть применима не только ко всему полисному пространству периода классики, но и к отдельным регионам греческой Ойкумены. Ведь именно о захвате региона говорит автор, при этом характеристика должна позволять судить о всей полисной культуре.

6) «Война между городами-государствами повсеместна, но в то же самое время всегда существует значительное экономическое, религиозное и культурное взаимодействие, проникающее через все границы».

Естественно, что к формам экономического, религиозного и культурного взаимодействия в полисном типе городов-государств можно отнести межполисную торговлю, единый язык (с оговоркой), панэллинские святилища и праздники и т. д. Однако наряду с общими и сакральными для всех греков религиозными событиями существовали и празднества регионального характера. В Аттики и Беотии это были Панафиней и Дедалы соответственно. Первые несли в себе то, что можно назвать «аттической идентичностью», поскольку были посвящены покровительнице Афин (и как городского, и как политического центра). Вторые, в свою очередь, объединяли все общины Беотии (Paus. IX. III. 5), даже при наличии весьма холодных отношений друг с другом [Кореньяк 2018, с. 193]. Таким образом, можно говорить о существовании конкретных различий внутри обозначенного Хансеном типа полисной культуры классической Греции. Отдельно стоит сказать о роли Платей в религиозных празднествах всего региона [Schachter, 1994]. Кроме участия в Дедалах на правах беотийской общины, определённую роль жители платейского полиса могли играть и в Панафинейях, согласно Геродоту: «ἀπὸ ταύτης γὰρ σφί τῆς μάχης, Ἀθηναίων θυσίας ἀναγόντων ἐς τὰς πανηγύριαι τὰς ἐν τῆσι πεντετηρίσι γινομένης, κατεύχεται ὁ κῆρυξ ὁ Ἀθηναῖος ἅμα τε Ἀθηναίοισι λέγων γίνεσθαι τὰ ἀγαθὰ καὶ Πλαταιεῦσι»³ (Hdt. VI. 111. 2). В то же самое время Платей являлись центром общегреческих Элефтерий [Albanidis, Vouzavidou, 2008, p. 49].

² Два Афинских морских союза, Пелопоннеский и Беотийский союзы.

³ «Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам».

7) «В мирное время города-государства политически взаимодействуют через тесные дипломатические отношения, через заключение союзов и через создание лиг и федераций, зачастую гегемонистских».

Эта характеристика в известной мере повторяет пункт 5, поэтому нет необходимости останавливаться на ней подробно.

8) «Попытки (миром или завоеванием) создать более крупные политические единицы часто приводят к тому, что меньшие города-государства оказываются поглощены большими. Но гораздо чаще подобные попытки принимают форму гегемонистских лиг, или федераций, или «мини-империй», состоящих из одного доминирующего города-государства и числа меньших зависимых городов».

Прекрасно известны примеры создания крупных политических единиц греческими полисами. Как Афины, так и Фивы стали не просто лидерами собственных полисных объединений, но и фактическими безальтернативными доминантами внутри них.

9) «Периодически, когда один город-государство добивается успеха в долгосрочном подчинении остальных, структура города-государства обычно сохраняется, а результатом является то, что крупная “столица” контролирует империю из зависимых городов-государств».

Не до конца ясно, что имел в виду исследователь под «долгосрочностью» подчинения одних полисов другим. В целом же верным выглядит тезис о сохранении полисной структуры в рамках различных межполисных объединений. Наиболее характерным примером здесь выступают Афины (как столица) и Афинский морской союз (как «империя городов-государств»). Однако беотийский регион не может полностью соответствовать этому элементу.

10) «Таким образом, города-государства одной культуры не обязательно являются «равноправными политиями», но могут представлять систему политий с иерархической организацией, в которой некоторые – гегемоны, некоторые – независимы, а некоторые – подчинены. (11) Зависимые города-государства – это самоуправляющиеся сообщества, но в отношении внешней политики или обороны они или обладают ограниченной независимостью или не обладают ей совсем, также обычно они обязаны платить дань и собирать войска для повелителя по соседству, или города-гегемона в рамках региона, или же для центрального правительства в тех территориях, где города-государства объединены в федерацию».

Данный тезис особенно интересно выглядят с точки зрения беотийской истории. Именно на примере Беотии Хансен показывает различия между статусами отдельных общин внутри гегемонистского союза [Hansen, 1995, p. 63]. Различные полисы, находясь внутри союза, не являются равноправными в союзных делах, могут быть лишены статуса полиса, но при этом оставаться полисом по своей структуре. В частности, именно к последним автор и относит полис Платеи.

12) «В некоторых городах-государствах центральным аспектом является разграничение между внутренним (гражданами) и внешним (свободными иностранцами и иногда рабами). Граждане ощущали, что являются привилегированной группой, противопоставляясь другим, населявшим город и его территорию. В некоторых культурах городов-государств этот аспект отсутствует, а в тех культурах, для которых археологический отчёт – единственное или главное свидетельство, является непроверяемым».

Допустимо считать, что в большинстве городов-государств гражданский коллектив осознавал себя как отдельную (от не обладающих политическим правами) социальную группу. Однако сложно делать выводы о таком строгом осознании гражданами себя привилегированной группой в рамках беотийской действительности V в. до н. э., поскольку беотийцы воспринимали себя и как граждан родного полиса, и как граждан союза. Корректно ли делать вывод о том, что часть союзных граждан противопоставляла свою идентичность таким же гражданам, но из другой территориальной единицы? Мы считаем, что

нет. Другое дело, что в контексте определённых событий такое противопоставление могло иметь место: «τῶν δὲ δόντων ταῦτα ἐγένοντο οἶδε, Θεσσαλοὶ Δόλοπες Ἐπιήνες Περραιβοὶ Λοκροὶ Μάγνητες Μηλιῆες Ἀχαιοὶ οἱ Φθιώται καὶ Θηβαῖοι καὶ οἱ ἄλλοι Βοιωτοὶ πλὴν Θεσπιέων τε καὶ Πλαταιέων»⁴ (Hdt. VII. 132. 1), также и в (Hrd. VIII. 66. 2), (Hrd. IX. 31. 5).

13) «Культура городов-государств прекращает существование (13а) или в результате (временного) исчезновения городского центра, что также соотносимо с исчезновением политической структуры городов; (13б) или культура исчезает в результате завоевания близлежащей великой державы: города-государства превращаются в города, порой внезапно, но иногда городам-государствам разрешают существовать некоторое время, а трансформация в города проходит медленно, практически незаметно».

Наиболее логично отнести беотийские города к варианту характеристики (13б). Отдельные общины прекращали своё существование: «ὁ γὰρ διὰ Βοιωτῶν τραπόμενος στρατὸς ἅμα Ξέρξῃ, ἐμπρήσας Θεσπιέωντῆν πόλιν, αὐτῶν ἐκλελοιπότων ἐς Πελοπόννησον, καὶ τὴν Πλαταιέων ὡσαύτως, τῆκε τε ἐς τὰς Ἀθήνας καὶ πάντα ἐκεῖνα ἐδήϊου. ἐνέπρησε δὲ Θεσπειάν τε καὶ Πλάταιαν πυθόμενος Θηβαίων ὅτι οὐκ ἐμήδιζον»⁵ (Hdt. VIII. 50. 2); «ὁρῶ γὰρ οὐκ ἄλλα μὲν ὑμῖν, ἄλλα δὲ ἡμῖν δοκοῦντα, ἀλλ' ὑμᾶς τε ἀχθομένους καὶ ἡμᾶς τῇ Πλαταιῶν καὶ Θεσπιῶν ἀναίρεσει»⁶ (Xen. Hell. VI. 3. 5). Изживание (не одномоментное) полисной культуры в Греции вообще и в Беотии в частности начинается после македонского завоевания⁷. Точнее все же сказать, это было не исчезновение, а перестройка под новые политические реалии.

14) «Культуры городов-государств часто появляются в соседних регионах, в некоторых случаях с допущением можно говорить о кластерах таких культур». Нам представляется, что именно в этом положении присутствует нераскрытый исследовательский потенциал. Именно кластером полисных культур можно назвать культуру городов-государств классического периода греческой истории. Иными словами, допустимо выделить подтипы полисной культуры классики, т. е. субкультуры городов государств. Встаёт вопрос об основании для выделения подтипов/субкультур, но сама возможность их выделения выглядит неоспоримой.

15) «В некоторых случаях регион разбит на города-государства только единожды в своей истории, но существуют примеры регионов, которые дважды, а иногда и трижды в мировой истории представляли собой культуру городов-государств».

При рассмотрении греческих полисов нельзя сказать, что данная культура городов-государств то появлялась, то исчезала. Более правдоподобно выглядит её частичное изменение или трансформация в течение веков, с последующим поглощением (а) государством, (б) другим типом политической общины, причём эти процессы разнятся и хронологически, и территориально. Сверх того, создание и существование Беотийского союза позволят говорить о развитии полисных институтов региона в надполисные, чем могли гордиться далеко не все регионы Эллады. Если же говорить непосредственно о Платеях, то нельзя назвать точный период хотя бы зарождения полисных институтов и традиций, поскольку: «τῶν δὲ βασιλέων ἄλλον μὲν οὐδένα οἱ Πλαταιεῖς ἴσασι, μόνον δὲ Ἀσωπὸν καὶ ἔτι πρότερον Κιθαίρων»⁸ (Paus. IX. I. 2) (при этом позже Павсаний противоречит своим словам (Paus. X. V. 4)), т. е. даже цари для платейцев являлись скорее частью мифологических сюжетов,

⁴ В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев».

⁵ «Так же поступил он и с Платеями, а затем проник в Аттику и разоряет там все. Феспии и Платеи царь предал огню, узнав от фиванцев, что эти города не на стороне персов».

⁶ «Я вижу, что на этот раз наши взгляды не расходятся – и у нас, и у вас вызывает одинаковое негодование исчезновение как самостоятельных государств Платей и Феспий». Перевод С.Я. Лурье.

⁷ 337–338 г. до н. э.

⁸ «Но из своих царей платейцы не знают никого, кроме Асопа и Киферона <...>». Перевод С.П. Кондратьева.

чем исторической действительностью. В то же время платейская гражданская идентичность прослеживается вплоть до II в. до н. э., несмотря на фактическое завершение эпохи греческой полисной цивилизации. В связи с этим нельзя проводить чётких границ существования, по крайней мере, греческой полисной культуры.

Заключение

Таким образом, Могенс Хансен, выделяя 37 культур городов-государств, включает в их число – как отдельную культуру – греческие полисы архаической и классической эпох на основе рассмотренных выше характеристик. Проанализировав вариант беотийских общин на примере полиса Платеи, мы можем утверждать, что конкретный полисный центр (собственно Платеи) удовлетворяет необходимым критериям культуры городов-государств (т. е. типа в целом). Однако ряд сформулированных Хансеном характеристик подводит нас к мысли, что он пытался дать чрезмерно обобщённое видение ситуации. Даже самый первый пункт концепции – наличие общего языка – свидетельствует об этом, поскольку единые языковые нормы появляются только в эллинистическую эпоху. Наличие же отдельных греческих диалектов можно охарактеризовать и как объединяющий признак (части целого), и как подвиды общего (вариации). К тому же различные представители полисной культуры архаического и классического периодов будут иметь разные специфические черты, присущие полисной культуре в целом. На основе этого можно подчеркнуть, что в рамках одной культуры одни общины будут иметь схожие между собой признаки, в то время как другие общины тоже будут иметь признаки схожести, но отличающиеся от первых. Таким образом, полис А и полис Б могут являться частными случаями полисной культуры, могут не являться полисами-близнецами, но полис В может иметь свойства, схожие с полисом А, а значит, они, скорее, могут быть сгруппированы друг с другом. Это показывает излишнюю широту выделенных Хансеном критериев. Итак, концепция является обобщающей, но приложение её к материалу конкретной общины привело нас к следующим выводам. Необходимо ввести промежуточное звено типологизации между полисной культурой (полисным типом городов-государств) и массивом отдельных полисов. Таким звеном можно считать подтип культуры (или – в терминологии Хансена – субкультуру) городов-государств, что дает возможность учесть и единые для всех общин элементы, и неповторимые, уникальные черты каждого конкретного городского центра. Можно представить это как последовательность: полисная культура > субкультура > конкретная античная гражданская община. Соответственно, возникает необходимость выделения ключевого критерия для определения рамок субкультуры полисов. На основе характеристик М. Хансена (№ 1, 3, 10, 14 и 15) мы предлагаем выделить подтипы по региональному признаку, а именно – в рамках данной статьи – беотийский подтип архаического и классического полиса. Соответственно, Платеи в таком случае будут являться представителем беотийской субкультуры полисной культуры архаического и классического периода. Если говорить о Платеях, перспективно выглядит синергия результатов данного исследования и концепции Х. Элтона относительно римского фронта [Elton, 1996, p. 2–5], но при использовании беотийского материала классического периода. В случае же более глобального рассмотрения имеет смысл вести речь о кластерах полисных субкультур в разных регионах Ойкумены или даже дискутировать о других основаниях выделения подтипов. В рамках античной полисной цивилизации классического периода можно выделять региональные, а может, даже локальные полисные субкультуры, которые будут представлять подтип – в развитие концепта «city-state culture» и, тем самым, являться дополнительным элементом типологизации, уточняющим ее.

Список источников

Кондратьев С.П. 2002. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. 4-е изд. (Серия: Классическая мысль). М., АСТ-Ладомир, Т. 1. 496, Т. 2. 512.

- Максимова М.И., Лурье С.Я. Соболевский С.И. 2011. Анабасис. Греческая История, Ксенофонт. М., АСТ; Астрель, 638.
- Стратановский Г.А. 1972. Геродот. История в девяти книгах. Л., Наука, 600.
- Стратановский Г.А. 1994. Страбон. География. 2-е изд. Репр. М., Ладомир, 944.

Список литературы

- Кореньяк В.С. 2022. Взгляд на беотийские Платеи в ракурсе «Копенгагенского закона о полисе». Чтения имени А.С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. в 2 ч., М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол. М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. Могилев: Белорус.-Рос. ун-т; 383–386.
- Кореньяк В.С. 2018. Дедалы: панбеотийское празднество. Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г., отв. ред. В.В. Дементьева; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль, Филигрань: 191–195.
- Кореньяк В.С. 2020. Политические институты античных Платей по сведениям нарративных источников. Вестник Ярославского Государственного Университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 4: 12–15.
- Кореньяк В.С. 2019. Сведения о полисе Платеи в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида. Вестник Ярославского Государственного Университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 3: 28–31.
- Суриков И.Е. 2010: Греческий полис архаической и классической эпох. Античный полис: Курс лекций. В.В. Дементьева, И.С. Суриков (ред.) М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 8–54.
- Albanidis E., Vouzanidou E. 2008. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece. *Studies in physical culture and tourism*. Vol. 1 (15): 49–52.
- Badian E. 1989. Plataea between Athens and Sparta. In *Search of Lost History*. BOIOTIKA: Vorträge vom 5. Internationalen Bötien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. S. Lauffer: Institut für Alte Geschichte Ludwig-Maximilians-Universität München, 13–17 Juni 1986. Hrsg. Von H. Beister und J. Buckler. München: 95–111.
- Blumel W. 1985. Charakterisierung des boiotischen Dialects. *La Béotie antique*. Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 15, quai Anatole-France – 75700 Paris: 385–394.
- Buck R. 1994. Boiotia and Boiotian League, 432–371 B.C. The University of Alberta Press., Edmonton, Alberta, 183.
- Elton H. 1996. *Frontiers of the Roman Empire*. Indiana University Press., Bloomington, 150.
- Fossey J.M. 1988. *Topography and population of ancient Boiotia*, vol. 1–2. Ares publishers, Chicago, 552.
- Fröhlich P. 2010. L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire. *Revue Historique*, 3 (655): 637–677.
- Hammond N. 1992: Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens. *The Journal of Hellenic studies*. Vol. 112: 143–150.
- Hansen M.H. 2004. *An Inventory of archaic and classical Poleis*. M.H. Hansen, T.H. Nielsen. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. – Oxford University Press, 1396.
- Hansen M.H. 1995. Boiotian Poleis – a Test Case. *Sources for the Ancient Greek City-State*. Symposium August 24–27 1994, Acts of the Copenhagen Polis Centre vol.2. – Munksgaard, Copenhagen: 13–63.
- Hansen M.H. 2000. *The Concepts of City-State and City-State Culture. A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre. Ed. by Mogens Herman Hansen. – Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab., Copenhagen, 636.
- Konecny A. 2013. *Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis*. Österreichisches Archäologisches Institut: Wien, 494.
- Schachter A. 1994. *Cults of Boiotia. Potnia to Zeus*. Institute of Classical Studies, Bulletin Supplement. London. Vol. 38.3: 139–159.
- Te Tiele G.J. 1985. Divergences locales dans la phonétique et la morphologie beotiennes. *La Béotie antique*. Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 15, quai Anatole France – 75700 Paris: 361–364.

van Wijk R. 2017: Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE. *Journal of Ancient History*. Vol. 5 (2): 1–26.

References

- Korenjak V.S. 2022. Vzgljad na beotijskie Platei v rakurse «Kopengagenskogo zakona o polise» [Boeotian Plataiai through the point of Copenhagen law of polis]. In: *Chtenija imeni A.S. Demboveckogo. 755–letiju Mogileva posvjashhaetsja: sb. st. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Reading in honor of A.S. Dembovecky. Dedicated to 755 years of Mogilev. Collection of articles of Ist international sholarly-practical conference]*. Mogilev, Publ. Belorussia–Russian university: 383–386 (in Russian).
- Korenjak V.S. 2018. Dedaly: panbeotijskoe prazdnestvo [Daedala: panboeotian festival]. In: *Drevnie civilizacii: socium i chelovek. Doklady konferencii Rossijskoj asociacii antikovedov s mezhdunarodnym uchastiem JarGU im. P.G. Demidova, 4–6 oktjabrja 2018 g. [Ancient civilizations: society and human. Papers of Russian antique-scholars association conference with international participation held at Yaroslavl State University named for P.G. Demidov, 4–6 october 2018]*. Jaroslavl', Publ.Filigran': 191–195 (in Russian).
- Korenjak V.S. 2020. Politicheskie instituty antichnyh Platej po svedenijam narrativnyh istochnikov [Political institutions of antique Plataia according to the data of narrative sources]. In: *Vestnik Jaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki [Bulletin of Yaroslavl State University named for P.G. Demidov. Humanities series]*. 4: 12–15 (in Russian).
- Korenjak V.S. 2019. Svedenija o polise Platei v "Istorii Peloponesskoj vojny" Fukidida [Information about polis of Plataia in Thucydides' History of the Peloponnesian war]. In: *Vestnik Jaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki [Bulletin of Yaroslavl State University named for P.G. Demidov. Humanities series]*. 3: 28–31 (in Russian).
- Surikov I.E. 2010: Grecheskij polis arhaicheskoy i klassicheskoj jepoh [Greek polis of archaic and classical period]. In: *Antichnyj polis: Kurs lekcij [Antique polis: lection course]*. Moscow, Publ. Russian fund of assistance for Education and Science: 8–54 (in Russian).
- Albanidis E., Vouzanidou E. 2008. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece. *Studies in physical culture and tourism*. Vol. 1 (15): 49–52.
- Badian E. 1989. Plataea between Athens and Sparta. In *Search of Lost History. BOIOTIKA: Vorträge vom 5. Internationalen Bötien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. S. Lauffer: Institut für Alte Geschichte Ludwig-Maximilians-Universität München, 13–17 Juni 1986. Hrsg. Von H. Beister und J. Buckler. München: 95–111.*
- Blumel W. 1985. Charakterisierung des boiotischen Dialects. *La Béotie antique. Editions du Centre National de la Recherche Scientifique*, 15, quai Anatole-France – 75700 Paris: 385–394.
- Buck R. 1994. Boiotia and Boiotian League, 432–371 B.C. *The University of Alberta Press.*, Edmonton, Alberta, 183.
- Elton H. 1996. *Frontiers of the Roman Empire*. Indiana University Press., Bloomington, 150.
- Fossey J.M. 1988. *Topography and population of ancient Boiotia*, vol. 1–2. Ares publishers, Chicago, 552.
- Fröhlich P. 2010. L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire. *Revue Historique*, 3 (655): 637–677.
- Hammond N. 1992: Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens. *The Journal of Hellenic studies*. Vol. 112: 143–150.
- Hansen M.H. 2004. An Inventory of archaic and classical Poleis. M.H. Hansen, T.H. Nielsen. *An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. – Oxford University Press, 1396.
- Hansen M.H. 1995. Boiotian Poleis – a Test Case. *Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium August 24–27 1994, Acts of the Copenhagen Polis Centre vol.2*. – Munksgaard, Copenhagen: 13–63.
- Hansen M.H. 2000. The Concepts of City-State and City-State Culture. A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre. Ed. by Mogens Herman Hansen. – Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab., Copenhagen, 636.
- Konecny A. 2013. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. *Österreichisches Archäologisches Institut: Wien*, 494.

- Schachter A. 1994. Cults of Boiotia. Potnia to Zeus. Institute of Classical Studies, Bulletin Supplement. London. Vol. 38.3: 139–159.
- Te Tiele G.J. 1985. Divergences locales dans la phonétique et la morphologie béotiennes. La Béotie antique. Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 15, quai Anatole France – 75700 Paris: 361–364.
- van Wijk R. 2017: Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE. Journal of Ancient History. Vol. 5 (2): 1–26.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.06.2023

Received 28.06.2023

Поступила после рецензирования 30.06.2023

Revised 30.06.2023

Принята к публикации 30.06.2023

Accepted 30.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кореньяк Владислав Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Vladislav S. Korenyak, graduate student of the Department of General History, Faculty of History, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9770-6680](https://orcid.org/0000-0001-9770-6680)

УДК 9.94(394)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580
Оригинальное исследование

Политическая жизнь Лаодикеи Приморской и её округа в римское время

Кириллов В.М.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
E-mail: vkirillov@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена обобщению сохранившейся информации о политической жизни Лаодикеи Приморской (совр. Латакия) в римское время. В качестве основных источников автор использует данные эпиграфики, играющей первостепенную роль, законодательства и античной нарративной традиции. В первой части работы проведён анализ института лаодикейского гражданства, затем дана характеристика деятельности коллегиальных органов управления в городе. После этого рассмотрены взаимоотношения Лаодикеи с центральными органами управления провинции и империи. В последней части статьи описан состав городских магистратов и выполняемых ими функций. Автор приходит к выводу, что развитая система политических институтов в Лаодикее стала одним из факторов для выделения территории с центром в городе в отдельную провинцию (Феодориада).

Ключевые слова: Лаодикея Приморская, магистраты, Сирия, городская традиция, городской совет

Для цитирования: Кириллов В.М. 2023. Политическая жизнь Лаодикеи Приморской и её округа в римское время. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 572–580. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580

Political Institutions in Laodicea on the Sea and its District During the Roman Time

Vladimir M. Kirillov

National Research University Higher School of Economics,
16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190121, Russia
E-mail: vkirillov@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to summarizing of extant information about political life in Laodicea on the Sea (modern Latakia) during the Roman time. The work represents a part of a comprehensive research of Laodicea and set goal to characterize and describe features of its political life. As the main sources the author uses data provided by epigraphic, rule and ancient narrative. All of them require a special approach to work with them but provide valuable data. In the first part of the work is carried out the analysis of Laodicean citizenship, then is characterized the work of collegial management bodies in the city. Then the relation between Laodicea and central management bodies of the province and the empire is discussed. In the last part of the paper the list of city magistrates and their duties is described. The author comes to the conclusion that the developed system of political institutions in Laodicea was a significant requirement to allocate the area centered in the city and create there a new province (Theodorias).

Key words: Laodicea in Syria, magistrates, Syria, urban tradition, city council

For citation: Kirillov V.M. 2023. Political Institutions in Laodicea on the Sea and its District During the Roman Time. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 572–580 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-572-580

Введение

Полис как организованный гражданский коллектив занимал особое место в административной структуре Восточных провинций Римской империи. На текущий момент сохраняется актуальность изучения полиса как в вопросах обобщающего характера, так и в более узкой тематике. Применительно к первой группе задач отмечается необходимость обработки и сведения в целостное исследование историко-культурной традиции отдельных городов, в число которых входит и Лаодикея Приморская [Грушевой, 2013, с. 9]. Вторая часть затрагивает частные, но жизненно необходимые вопросы полисной жизни: взаимоотношения с императорской властью и провинциальной администрацией, механизм снабжения города продовольствием, организацию инфраструктуры.

Объект и методы исследования

Настоящая работа является частью комплексного изучения Лаодикеи Приморской в римское время и ставит целью дать характеристику и выявить особенности политической организации этого города. Выбор Лаодикеи в качестве сферы исследования обусловлен её важностью как экономического, культурного и административного центра, вокруг которого на протяжении длительного времени формировался регион, выделенный в VI веке императором Юстинианом в провинцию Феодориада [Begass, 2022].

Результаты и их обсуждение

Основу политической организации города составлял его гражданский коллектив. Механизм и специфические особенности приобретения гражданства в Лаодикее при текущем состоянии источников охарактеризовать невозможно, однако могут быть выдвинуты определённые предположения на этот счёт. В сохранившемся посвящении спортсмена Аврелия Септимия Ириней, установленном в 221 г., действующее лицо охарактеризовано как «гражданин Лаодикеи и других городов» (Λα<ο>[δι]κεῦς...κα[ι] ἄλλων πόλεων πολεΐτης), при этом контекст следующей фразы подтверждает, что в первую очередь автор аффилирует себя именно с Лаодикеей, о которой не без гордости отзывается как об отечестве (μ[ό]νος ἐγὼ ἐκ τῆς ἐαυτοῦ πατρίδ[ος]; ἐν Λαοδικείᾳ, τῇ πατρίδι μου) [IGLS IV. 1265]. Аврелий не указывает, членом каких именно ещё коллективов он являлся. Его имя позволяет предположить, что он входил в число римских граждан, причём в первом поколении, – судя по помен, он был удостоен этого статуса при Септимии Севере (известно, что в 214 году Аврелий выступал на Немейских играх в категории мужчин, так что к моменту смерти императора тремя годами ранее он уже должен был обладать достаточным для этого возрастом). И.Ш. Шифман считает, что спортсмен получал гражданские права в городах в качестве почётной награды за выигранные соревнования и сравнивает его с другой подобной персоной Титом Клавдием Патробием [Шифман, 1977, с. 190]. Последний известен по фрагменту надписи 60-х гг. н. э. из Рима [SEG 14. 613], являлся выходцем из Антиохии, а его карьера имела куда больший успех. Он получил римское гражданство от Нерона, при этом дополнительно сохранял подобный статус только в Антиохии и Александрии. В этой связи сомнительно, что Аврелий Септимий Ириней был гражданином сразу 27 городов, в которых добился успеха на состязаниях, хоть и нельзя исключать наличие у него такого статуса в каких-то определённых центрах. Отсутствие их перечня в надписи указывает, что ценность подобного гражданства в глазах автора посвящения незначительна, предметом его гордости оно также не является, поэтому и не нуждается в упоминании.

В этом источнике показательна возможность получения гражданства сразу в нескольких полисах. Применительно к Лаодикее такое обстоятельство фиксируется задолго до III в. В опубликованной П. Русселем эллинистической надписи из храма Аполлона на Делосе (119/8 г. до н. э.) среди эфебов упоминается лаодикеец Зенон [Roussel, 1931,

р. 439]. Лаодикейцы Артемий и Дионисий упоминаются наряду с другими сирийцами в пирейском декрете 102/1 гг. до н. э. в качестве жрецов (ἱερείς) и членов коллегии сабазиастов [IG II–III. 1335].

Тенденция приобретения двойного, тройного и т. д. гражданства свидетельствует о деградации этого института, которая началась в эллинистическое, а затем продолжилась в римское время. Приобретает ценность не само гражданство как принадлежность к городскому коллективу и право на участие в его жизни, а получение такого статуса в отдельных, прежде всего больших и процветающих полисах. Причина этого явления понятна и носит утилитарный характер – гражданство открывает путь к городским магистратурам, что даёт возможность улучшить социальное и материальное положение. Эту же картину отражает отмеченное Ф. Кюмоном формирование гражданского коллектива в сирийских обществах римского времени преимущественно из финансово обеспеченных людей [Cumont, 1934, p. 188]. Имела место и возможность покупки гражданства, например, в находившемся в I в. под властью легата Сирии Тарсе желающий приобрести этот статус должен был заплатить в городскую казну 500 драхм [Dio Chr. Orat. 34, 23]. В связи с приведённой информацией посвящение Аврелия Септимия позволяет сделать вывод, что Лаодикея входила в ограниченное число сирийских городов, занимавших наивысший уровень развития урбанистической традиции в регионе, наличие гражданства которых имело особую ценность для его настоящих и потенциальных обладателей.

Значительную роль в политической жизни Лаодикеи и её окружи римского времени играли коллективные органы власти – совет и народное собрание, которые упоминаются в сравнительно большом количестве надписей. Тем не менее о сфере деятельности этих институтов известно мало, почти все данные представляют собой посвящения в честь отдельных лиц. В этом вопросе оба коллегиальных органа могли выступать как вместе [IGLS IV. 1257, 1302], так и по отдельности [IGLS IV. 1259, 1303], при этом выделить особенности чествуемых лиц и критерии распределения юрисдикции по их вопросам между обоими органами власти не представляется возможным.

О должностных лицах в совете и народном собрании города сообщает надпись из входившей в сферу лаодикейских интересов Баланеи. Она содержит упоминание грамматевса, который исполнял секретарские функции [IGLS IV. 1303]. Известно, что в других городах Сирии эта должность могла быть коллегиальной [IGLS VII. 4016 bis], занималась на определённый срок, после чего кандидат мог быть переизбран или назначен на неё заново [Inv. I. 2]. В источниках также встречается формула «грамматевс совета и народа» [Inv. X. 55], Л. Жалабер и Р. Мутерд предлагают для баланейской надписи именно этот вариант прочтения. Последнее обстоятельство весьма симптоматично – координируя действия сразу обеих коллегий, грамматевс выступал в роли связующего звена между ними и получал контроль над их деятельностью, что делало его важным и влиятельным лицом в системе городских органов управления.

Сохранилась информация о порядке замещения должностей в лаодикейском совете. Датированная римским временем надпись [IGLS IV. 1259] сообщает об Аполлонии, дочери Зе..., которая в обмен на звание члена совета для своего мужа соорудила шесть ворот в какой-то постройке, вероятно, одном из храмов, а для получения этой же должности её детьми оформила вымосткой двадцать участков колоннады (μεσόστυλ<α>). Критерием для получения звания члена совета служил имущественный ценз, при этом кандидат должен был внести вклад в развитие городской инфраструктуры. Это закрывало для неимущих слоёв населения возможность доступа в данный орган власти, который формировался полностью из представителей имущественной аристократии. Необходимость тратить значительную сумму из собственных средств не снижала стремления желающих попасть в число членов совета, единственной причиной этого могло быть только то, что полученная от занимаемой должности выгода в конечном итоге покрывала расходы на её приобретение. Такой взгляд на положение городских магистратов не всегда находит поддержку в

отечественной историографии, где исполнение ими своих обязанностей рассматривается как тяжёлая повинность, да и в целом преобладает пессимистичный взгляд на наличие политической жизни в сирийских городах римского времени [Ранович, 1949, с. 132]. Ситуация, при которой в состав совета попадали члены одной семьи, должна была приводить к попыткам их совместных действий в интересах собственного коллектива. При текущем состоянии источников невозможно более подробно охарактеризовать данный процесс. Однозначно лишь наличие в Лаодикее такого влияния, что видно по находке торгового штампа некоего Кирилла-Анатолія, который охарактеризован как сын члена совета [IGLS IV. 1274]. Помещение на печать подобной информации носило явно утилитарный характер и было призвано каким-то образом способствовать в ведении Кириллом торговых дел.

Сама покупка должностей фактически носила характер нормы. Показательно, что Дигесты сохранили комментарии римских юристов II–III вв. (Гай, Ульпиан, Лициний Руфин), очень близко описывающие ситуацию с Аполлонией и её родственниками [Dig. 24. 1, 40–42]. Гай возводит появление этого закона ко времени Антонина Пия и сохраняет информацию, что особенно остро рассматриваемый вопрос стоял в провинциях. Факт упоминания такой нормы сразу несколькими авторитетными в области права авторами указывает на её широкое распространение, а необходимость помещения в Дигесты могла быть вызвана сохранением актуальности на протяжении длительного периода.

В отличие от подавляющего большинства городов Востока для Лаодикее представляется возможным подтвердить наличие коллегиальных органов управления и в эпоху домината. Известна надпись с постамента, которая сообщает, что совет и народ Лаодикее (*ordo et populus Laodicenorum*) воздвигли в честь императора Констанция II позолоченную статую, изображающую властителя стоящим во весь рост и одетым в тогу [Aliquot, 2010, S. 62–63]. Ж. Алико датирует надпись 337–350 или 360–361 гг. Латинская формулировка *ordo et populus*, несмотря на оригинальное предположение П. Вейна, возводящего её к республиканской трактовке римских сената и народа [Veune, 1961, p. 269], применительно к городам восточных провинций должна иметь иной смысл и быть тождественной греческим *βουλή καὶ δήμος*, обозначая именно эти привычные для полиса институты. Их сохранение и функционирование на протяжении длительного времени свидетельствует о развитой системе местного самоуправления, её эффективности и удобстве применения для решения административных задач.

Деятельность городского совета в Лаодикее также характеризует надпись, содержание которой датируется эллинистическим временем, но сама стела, на которой она размещена, по палеографическим особенностям относится уже к римскому периоду [IGLS IV. 1261]. Она воспроизводит решение пелиганов по вопросу защиты от возможных посягательств на частную земельную собственность жрецов Сераписа и Исиды, принятое в январе 174 г. до н. э. Первооткрыватель надписи П. Руссель считает возможным понимать под пелиганами совет старейшин (герусию) – орган, существование которого отмечено в ряде малоазийских городов, круг обязанностей герусии он ограничивает религиозными вопросами [Roussel, 1942, p. 30–31]. Наличие такого совета отмечено и для городов Сирии, в частности, для Арада [IGLS VII. 4016 bis], однако предложение Русселя не может быть безоговорочно принято. Он обосновывает свою позицию сообщением Страбона [Strabo. VII, Fr. 2], который приводит данные, что у феспровтов, молоттов и македонян стариков называют пелиями (*τοὺς γέροντας πελίουσιν...καλοῦσιν*), а занимающих почётные должности – пелигонами (*πελιγόνας*). С этой точки зрения пелиганы в древности выступали в роли специфического для некоторых племён совета старейшин, который с течением времени трансформировался в звено государственного административного аппарата. В Сирии такой институт мог появиться как результат македонской экспансии периода эллинизма. Весьма вероятно, что в момент основания Лаодикее Селевком I Никатором основу политической организации города составили выходцы из Эпира или Македонии, которые использовали для названия органа управления привычный им термин.

Существенную информацию о пелиганах приводит Гесихий Александрийский [Hesych. Al. Lex, 1329], который в качестве синонима называет слово «достопочтенные» и добавляет, что у сирийцев так называются члены совета (παρὰ δὲ Σύροις οἱ βουλευταί). Эти данные подтверждают приведённое выше предположение. Какие-либо специфические черты деятельности этого собрания в Лаодикее Приморской, которые позволили бы ему отличаться от обычных буле, не выявлены.

Эта же надпись содержит данные о порядке принятия советом решений и его взаимодействии с представителями центральной власти. Она открывается формулой «мнение (γνώμη) эпистата Асклепиада и архонтов», затем следует изложение сути вопроса и варианта его решения, после чего помещается постановление совета (δεδοχθαι τοῖς πελιγαῖσιν), которое выражает согласие с предложенным порядком действий. Таким образом, фактическим инициатором решения выступает царский наместник, который разрабатывает и выносит на голосование его проект, функция совета в этом случае сводится к легитимизации действий представителя центральной власти.

Есть основания полагать, что при римлянах такой порядок не претерпел изменений. Наряду с известным стремлением последних сохранять существующее до них положение на местах [Bouchier, 1916, p. 24] сохранилась и информация о нахождении Лаодикеи под покровительством некоего высокопоставленного лица, имя которого утрачено. Фрагментированная надпись (IGLS IV. 1258) содержит посвящение патрону и благодетелю города за оказанные с его стороны лаодикейцам услуги (...[τὸν] πάτρονα κ<α>[ἰ εὐεργ]έτ<η>[ν τῆς πόλεω[ς] τῶν πολλῶν κα[ὶ συνε]χῶ[ν] ἀ[οιβῆς εὐποῖῶν καὶ εὐχαριστίας χάριν]). Титул, которым именуется чествуемое лицо ([πρ]εσβευτήν ἀν[τιστρά]τη[ρον]), имеет параллели в источниках и соответствует должности легата пропретора [Pflaum, 1955, p. 425], что позволяют видеть в нём наместника Сирии. Данная надпись показывает схему взаимодействия Лаодикеи с властями провинции, при котором город занимал положение клиента её правителя. В административном плане это фактически обозначало подчинение непосредственно первому лицу провинции, от кого должны были исходить указания о решениях городских вопросов (благодеяния). Разумеется, выполняя обязанности клиента, полис оказывал поддержку провинциальной администрации, что укрепляло позиции римской власти в регионе.

Даже если такая ситуация возникала эпизодически и была привязана к личности наместника, Лаодикея в остальное время не выпадала из орбиты централизованного управления. Связующим звеном между империей, провинцией и городом служили римские чиновники различного ранга. В качестве одного из них зафиксировано пребывание в городе бенефициария префекта претория [IGLS IV. 1253]. Бенефициарии входили в состав аппарата высоких должностных лиц [Смышляев, 1979, с. 69–70], являлись армейскими офицерами, которые совмещали с военной службой исполнение канцелярских обязанностей, таможенного контроля, полицейского и фискального надзора [Ott, 1995, S. 74; Nelis-Clément, 2000, p. 217, 220]. Широкий набор полномочий делал бенефициариев фактическими представителями центральной власти на местах, особенно в провинциях, где административный аппарат был не так развит. Деятельность такого чиновника не могла не оказывать влияние на работу местных магистратов и коллегиальных органов управления.

Известно о существовании в городе разветвлённого аппарата магистратов, исполнявших широкий круг обязанностей. Начиная с эллинистического времени фиксируются лица, занимавшие должность агоранома. Надписи на весовых гирях селевкидского и раннеримского времени в различных комбинациях содержат информацию о годе выпуска, весе и имени ответственного лица, также может помещаться эмитент (Лаодикея Приморская) и должность (агораном) магистрата. Одинаковое назначение, внешний облик и структура надписей позволяет рассматривать данные источники в составе одной группы. Наиболее ранняя из подобных гирь датируется 168 г. Селевкидской эры (145/4 г. до н. э.), выпущена от имени Аполлодора и имеет вес полмины [IGLS IV. 1271a]. Первое прямое

упоминание должности агоранома относится к 106/5 г. до н. э. [IGLS IV. 1271b]. Помещение даты указывает, что исполнение данной магистратуры было ограничено во времени, а продолжительность с большой долей вероятности составляла один год.

Для раннеримского времени известен уникальный случай, когда две аналогичные гири выпущены с применением одной матрицы, при этом они изготовлены от имени всей городской общины без указания ответственного лица. Первая из них хранилась в музее Дамаска [IGLS IV. 1271c; 53/2 г. до н. э.], другая в 2014 году попала в кабинет монет и медалей Национальной библиотеки Франции [Gatier, Olivier, 2015, p. 258]. Отсутствие имени магистрата на сохранившихся гирях может указывать, что в период их выпуска произошли какие-то изменения, в силу которых должность агоранома в городе не исполнялась. Вероятно, это было связано с хаосом, который как раз тогда царил в Сирии в ожидании парфянского вторжения после разгрома Красса в битве при Каррах [Cass. Dio. XL, 28–29].

Как бы то ни было, данный эпизод пока может считаться единичным. В остальных случаях информация о выпуске от имени города дополнялась или заменялась именем ответственного магистрата [IGLS IV. 1271d, f, h, i; 81–51, 36/5, 6/5 г. до н. э., 23/4 г. н. э. со-отв.]. Наиболее позднее упоминание должности агоранома на весовых эталонах относится к 6/5 г. до н. э., а последняя известная гиря этой серии датируется 37/8 г. [IGLS IV. 1271j].

В более поздний период, который укладывается в рамки от времени правления Траяна до Септимия Севера, с обнаруженных в Лаодикее весовых гирь полностью исчезают данные об эмитенте. Сохраняется информация только о годе выпуска и нормативном весе [Seyrig, 1946–1948, p. 62–66]. Данное обстоятельство не служит свидетельством об исчезновении должности агоранома в городе. Оно отражает эволюцию функционала, из которого была изъята обязанность контроля за мерами и весами на рынке. В округе Лаодикее существование подобной магистратуры зафиксировано на протяжении II в. [IGLS IV. 1303], в Сирии в целом известны и более поздние эпизоды вплоть до конца 260-х гг. [IGRRP. 1045].

И.Ш. Шифман приводит данные из талмудической традиции [Menachot, 85b], на основании которых делает вывод о существовании в городе должности эпимелета и его обязанностях по снабжению продовольствием [Шифманб, 1977, с. 225]. Источник носит характер анекдота и описывает ситуацию, при которой лаодикейцы отправили некое уполномоченное лицо на поиски масла, в котором была необходимость. Посланец искал его по всей Сирии, пройдя от Иерусалима до Халаба (Алеппо), в итоге успешно выполнив свою задачу и закупив требуемый объём. Именно этого человека Шифман описывает как эпимелета, хотя слово «*rwlmstws*», которым он обозначен в тексте, не даёт достаточных оснований для такой аналогии. Интереснее формулировка «*nšy lwdqy*» (мужи лаодикейские), под которой может пониматься гражданский коллектив города, хотя специфический жанр источника и контекст рассказа с большей долей вероятности позволяют предположить, что речь идёт о представителях местной еврейской общины.

Представляет интерес надпись II века из Баланеи, которая сообщает о существовании в лаодикейской округе должности гимнасиарха [IGLS IV. 1302]. Она занималась в данном случае Филиппом, сыном Антипатра, который также исполнял обязанности священнослужителя. Конкретный круг обязанностей гимнасиарха в данном случае источник не раскрывает, но упоминает, что со стороны названного лица вносились добровольные пожертвования. Стоит полагать, что эти пожертвования имели вполне определённую цель и тратились на организацию работы гимнасия в городе.

Создать представление о ступенях регионального *cursus honorum* и других должностях, которые не нашли отображения в остальных источниках, позволяет уже упоминавшееся посвящение некоего ...ора, сына Антиоха, внука Деметрия, относящееся ко II веку [IGLS IV. 1303]. Учитывая особенность надписей, при которой порядок занимаемых магистратур отображается в обратном их исполнению направлении, карьера этого человека восстанавливается следующим образом. Началась она с получения декапротии, что в це-

лом типично для сирийских полисов и имеет аналогии [Ранович, 1949, с. 138]. Затем ...ор стал агораномом, грамматевсом (надо полагать, совета и народа, хотя уточнение отсутствует), далее снабжал город продовольствием (ситон, за свой счёт), после чего исполнял обязанности посланника у императора, потом добился звания архонта, завершил службу в чине стратега. Кроме перечня магистратур и их последовательности источник заставляет обратить внимание на переплетение должностей городского и имперского уровня, что является отражением процесса включения городских сообществ региона в единую систему государственного управления. Также примечательно параллельное существование архонтата и стратегии как двух верховных органов управления, которые при таком условии должны были иметь разные сферы деятельности (например, отвечать за военные и гражданские вопросы).

Заключение

В целом полученная информация, при всех пробелах и недостатках источниковой базы, позволяет прийти к выводу о существовании в Лаодикее и её округе развитой системы политических институтов. Они включали в себя коллегиальные органы управления, большое количество различных полисных магистратур. Также отчётливо наблюдается тенденция присутствия в городах представителей центральной власти и их влияние на решение вопросов местного уровня. Имеющиеся данные позволяют прийти к выводу, что качественная, эффективная и структурированная политическая организация региона стала важным условием при последующем выделении данной территории Юстинианом и формировании на ней отдельной провинции.

Список источников

- Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. 2004. М., «Статут», 2004, 780.
- Dio Chrysostom. In five volumes. Volume III, with an English translation by J.W. Cohoon and H. Lamar Crosby. Loeb Classical Library. Volume 358. 1940. London-Cambridge-Massachusetts, Harvard University Press; William Heinemann Ltd., 482.
- Dio's Roman History. In nine volumes. Volume III, with an English translation by E. Cary. Loeb Classical Library. Volume 53. 1914. London-New York, William Heinemann; The Macmillan Co, 520.
- Hesychii Alexandrini Lexicon. Volumen III: Π-Σ. Herausgegeben von Klaus Alpers, Hartmurt Erbse, Alexander Kleinogel. Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker (SGLG). 2005. Berlin-New York, Walter de Gruyter, 404.
- Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Voluminis II et III edition minor. Pars prima, edidit Iohannes Kirchner. 1974. Chicago, Ares Publishers Inc., 680.
- Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes. Tomus III. Edendum curavit R. Cagnat. 1975. Chicago, Ares Publishers Inc., 696.
- Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie par L. Jalabert, R. Mouterde, C. Mondésert. Tome IV: Laodicée, Apamène №^{os} 1243–1997. 1955. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 380.
- Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie. Tome VII. Arados et regions voisines, par. J.-P. Rey-Coquais. 1970. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 120+16.
- Inventaire des inscriptions de Palmyre. Fascicule I, Introduction, le temple de Be'el, emīn. Fascicule II, Les colonnes honorifiques, par J. Cantineau. 1930. Beyrouth, Imprimerie catholique, 25.
- Inventaire des inscriptions de Palmyre. Fascicule X, L'agora, par. J. Starcky. 1949. Damas, Imprimerie catholique, 95+VIII.
- Supplementum Epigraphicum Graecum. Volumen XIV, redigendum curavit A.G. Woodhead; adiuvantibus M.N. Tod et A.M. Woodward; consilium praebentibus W. den Boer, B.A. van Groningen, J.H. Thiel. 1957. Lugduni Batavorum, Apud A.W. Sijthoff, XVI+232.
- The Geography of Strabo. In eight volumes. Volume III, with an English translation by H.L. Jones, Loeb Classical Library. Volume 182. 1954. London-Cambridge-Massachusetts, William Heinemann Ltd.; Harvard University Press, 380.

Список литературы

- Грушевой А.Г. 2013. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). СПб., Нестор-История, 380.
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.-Л., Изд-во АН СССР, 264.
- Смышляев А.Л. 1979. Об эволюции канцелярского персонала в Римской империи в III в. н. э. Вестник Древней истории 3: 60–81.
- Шифман И.Ш. 1977. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М., Наука, 310.
- Aliquot J. 2010. Laodicée-sur-Mer et les fondations de l'empereur Constance. Chiron. Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Institut. Sonderdruck aus Band 40: 61–76.
- Begass C. 2022. Die Gründung der Provinz Theodorias durch Justinian. Johannes Malalas: Der Chronist als Zeithistoriker. Malalas-Studien, 4: 153–173.
- Bouchier E. S. 1916. Syria as a Roman province. Oxford, B.H. Blackwell, Broad Street, 304.
- Cumont F. 1934. The population of Syria. The Journal of Roman studies, 24: 187–190.
- Gatier P.-L., Olivier J. 2015. Un poids antique de Laodicée-sur-Mer (Syrie). Syria, 92: 255–262.
- Nelis-Clément J. 2000. Les beneficiarii: Militaires et Administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a.C. – VIe s. p.C.). Paris-Bordeaux, Ausonius Éditions, 558.
- Ott J. 1955. Die Beneficiarii. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des Römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 246.
- Pflaum H. G. P. 1955. Novius Priscus. Bulletin de Correspondance Hellénique 79: 424–426.
- Roussel P. 1931. La population de Délos à la fin du IIe siècle avant J.-C. Bulletin de correspondance hellénique 55: 439–449.
- Roussel P. 1942. Décret des Péliganes de Laodicée-sur-Mer. Syria 23, fascicule 1–2: 21–32.
- Seyrig H. 1946–1948. Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie. Bulletin de Musée de Beyrouth VIII: 37–79.
- Veyne P. 1961. Ordo et populus, génies et chefs de file. Mélanges d'archéologie et d'histoire 73: 229–274.

References

- Grushevoj A.G. 2013. Ocherki ekonomicheskoy istorii Sirii i Palestiny v drevnosti (I v. do n. e. – VI v. n. e.) [Essays on economic history of ancient Syria and Palestine (1st c. BC – 6th c. A.D.)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 380 (in Russian).
- Ranovich A.B. 1949. Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv. [The Eastern provinces of the Roman Empire in 1st-3rd c. A.D.] M.-L., Izd-vo AN SSSR, 264 (in Russian).
- Smyshlyaev A.L. 1979. Ob evolyucii kancelyarskogo personala v Rimskoj imperii v III v. n. e. [About the evolution of clerical staff in the Roman Empire from 3rd till 5th c. A.D.]. V kn.: Vestnik Drevnej istorii 3: 60–81 (in Russian).
- Shifman I.Sh. 1977. Sirijskoe obshestvo epohi principata (I–III vv. n. e.) [The Syriac society of the Principate era (1st-3rd c. A.D.)]. M., Nauka, 310 (in Russian).
- Aliquot J. 2010. Laodicée-sur-Mer et les fondations de l'empereur Constance. Chiron. Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Institut. Sonderdruck aus Band 40: 61–76.
- Begass C. 2022. Die Gründung der Provinz Theodorias durch Justinian. Johannes Malalas: Der Chronist als Zeithistoriker. Malalas-Studien, 4: 153–173.
- Bouchier E. S. 1916. Syria as a Roman province. Oxford, B.H. Blackwell, Broad Street, 304.
- Cumont F. 1934. The population of Syria. The Journal of Roman studies, 24: 187–190.
- Gatier P.-L., Olivier J. 2015. Un poids antique de Laodicée-sur-Mer (Syrie). Syria, 92: 255–262.
- Nelis-Clément J. 2000. Les beneficiarii: Militaires et Administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a.C. – VIe s. p.C.). Paris-Bordeaux, Ausonius Éditions, 558.
- Ott J. 1955. Die Beneficiarii. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des Römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 246.
- Pflaum H. G. P. 1955. Novius Priscus. Bulletin de Correspondance Hellénique 79: 424–426.
- Roussel P. 1931. La population de Délos à la fin du IIe siècle avant J.-C. Bulletin de correspondance hellénique 55: 439–449.
- Roussel P. 1942. Décret des Péliganes de Laodicée-sur-Mer. Syria 23, fascicule 1–2: 21–32.
- Seyrig H. 1946–1948. Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie. Bulletin de Musée de Beyrouth VIII: 37–79.
- Veyne P. 1961. Ordo et populus, génies et chefs de file. Mélanges d'archéologie et d'histoire 73: 229–274.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.04.2023
Поступила после рецензирования 28.06.2023
Принята к публикации 28.06.2023

Received 17.04.2023
Revised 28.06.2023
Accepted 28.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кириллов Владимир Михайлович, преподаватель Департамента истории, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

Vladimir M. Kirillov, Lecturer of the Department of History, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3992-1934](https://orcid.org/0000-0003-3992-1934)

УДК 94 (495)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-581-587

Оригинальное исследование

Противостояние Александрии и Антиохии как ранневизантийских центров монофизитства на примере диспута патриархов Дамиана и Петра Каллиникумского

Лихошерстов В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308007, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: Likhosherstov999@yandex.ru

Аннотация. В данной работе предпринята попытка дать оценку роли и месту диспута патриархов Дамиана и Петра Каллиникумского в контексте богословского и экклезиологического противостояния Александрии и Антиохии как ранневизантийских центров антихалкидонизма. Для более ранних споров в качестве основополагающей причины разногласий выступал конфликт систем догматического богословия. Теперь же в контексте возникновения антихалкидонских яковитских церквей как альтернативных церковных структур в ранневизантийском обществе, которые окончательно оформились в результате деятельности Якова Барадея и патриарха Феодосия, обозначился вопрос главенства одной из упомянутых кафедр. Также спор патриархов является своеобразным прологом первого этапа религиозной политики императора Ираклия, который примет активное участие в устранении его результатов.

Ключевые слова: Александрия, монофизиты, Поздняя Античность, Ранняя Византия

Для цитирования: Лихошерстов В.А. 2023. Противостояние Александрии и Антиохии как ранневизантийских центров монофизитства на примере диспута патриархов Дамиана и Петра Каллиникумского. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 581–587. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-581-587

The Confrontation of Alexandria and Antioch as Early Byzantine Centers of Monophysitism on the Example of the Dispute Between Patriarchs Damian and Peter of Callinicum

Vyacheslav A. Likhosherstov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: Likhosherstov999@yandex.ru

Abstract. This article attempt is made to assess the role and place of the dispute between Patriarchs Damian and Peter of Callinicum, in the context of the theological and ecclesiological confrontation between Alexandria and Antioch as early Byzantine centers of anti-Chalcedonism. For earlier disputes, the conflict of systems of dogmatic theology was the fundamental cause of disagreement. Now, in the context of the emergence of the anti-Chalcedonian Jacobite churches as alternative ecclesiastical structures in early Byzantine society, which finally took shape as a result of the activity of Jacob Baradei and Patriarch Theodosius, the question of the primacy of one of the mentioned chairs has emerged. Also, the dispute of the patriarchs is a kind of prologue of the first stage of the religious policy of Emperor Heraclius, who will take an active part in eliminating its results.

Keywords: Alexandria, Monophysites, Late Antiquity, Early Byzantium

For citation: Likhosherstov V.A. 2023. The Confrontation of Alexandria and Antioch as Early Byzantine Centers of Monophysitism on the Example of the Dispute Between Patriarchs Damian and Peter of Callinicum. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 581–587 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-581-587

Введение

В эпоху Ранней Византии огромное значение имеют так называемые богословские споры. Особо остро данный вопрос обозначился после Халкидонского Собора (451г.). Появившееся движение антихалкидонитов (устоявшееся наименование в историографии – монофизиты) начинало разделяться на различные фракции, при этом развивая свою структуру и организацию. К моменту становления монофизитских церквей как полноценных вновь возник вопрос о соотношении роли и места древних центров христианства в отношении друг друга в восточных провинциях Римской империи. Мы считаем, что именно эти противоречия вылились в патриарший диспут между авторитетными кафедрами. Детали данного спора достаточно хорошо сохранились в источниках, поэтому их можно рассмотреть в данном контексте.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс борьбы за главенство в антихалкидонском «сообществе» яковитских церквей между патриархами Дамианом и Петром Каллиникумским.

Методологическая база исследования состоит из следующих методов: сравнительно-исторического, историко-генетического, исторического описания и контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Диспут патриархов имел событийную предысторию. Для начала стоит сказать, что камнем преткновения в данном противостоянии стал вопрос тритеизма, который, как и многие другие подобные вопросы, возникает в результате внесения философских тенденций в область догматических постановлений.

Данная вариация антихалкидонского богословия возникла в 557 году и сразу же вызвала осуждение патриарха Александрии Феодосия, который на момент её возникновения находился в Константинополе. Однако в 574 году данный дискурс был продолжен уже непосредственно в Александрии под эгидой Иоанна Филопона [Wickham, 2008, p. 5] как один из этапов развития его собственных взглядов [Martindale, 1980, p. 615–616] и мировоззренческих споров [Болгов, 2020, с. 53]. Процесс генезиса, развития и постепенного распространения тритеизма среди восточных епископов подробно описан Михаилом Сирийцем (Michel le Syrien. Hron. 9:30).

Это всё потребовало официального комментария от патриарха, который по давней традиции был высшей инстанцией в догматических вопросах. В данный момент сириец по происхождению Дамиан являлся преемником Петра IV на патриаршем престоле Александрии. После своего восшествия на кафедру Дамиан сразу же занялся написанием полемических работ с целью дискредитации различных конфессиональных группировок в Египте. Его критике подверглись милитиане, акефалы, тритеисты (Hist. part. II. 14) и гайяниты (Michel le Syrien. Hron.10:14).

Однако именно вопрос тритеизма спровоцировал бурную дискуссию с патриархом Антиохии Петром Каллиникумским. Поэтому стоит акцентировать внимание именно на этом споре.

Для начала стоит описать его причины и развитие, которую мы можем увидеть в источниках. В нашем распоряжении имеется две версии.

Первая приводится в «Истории александрийских патриархов» Севира ибн аль-Мукаффы. Здесь он пишет, что в связи со своим назначением в Антиохии Пётр направил синодальное письмо в Александрию. Дамиан же, в свою очередь, увидел ошибки в исповедании веры, что потребовало написания незамедлительного ответа. Однако Пётр остался непреклонен в своей позиции, тем самым начав раскол между двумя патриархиями (Hist. part. II. 14).

Вторая же версия, более подробная, сохранилась в «Хронике» Михаила Сирийца. По его данным, написав трактат против тритеизма, Дамиан отправляет его для верификации Петру в Антиохию. Пётр же находит там вопиющие формулировки, которые никак не соотносятся с учением Отцов Церкви. Он пишет Дамиану письмо с просьбой разъяснить увиденное, но не получает никакого ответа. Далее Дамиан получает приглашение на обсуждение данного вопроса, причём выбор места проведения предлагают выбрать именно ему. Патриарх Александрии и египетские монахи постоянно отменяли или переносили встречи, которые должны были состояться в Египте и Аравии Палестинской. Сам же Дамиан скрывается в монастырях.

Таким образом, если брать за основу именно данную версию развития событий, то действительно видно, что Пётр не желал идти на конфликт и предлагал александрийскую или же нейтральную территорию, возможно даже планировалось привлечение третьих лиц: палестинских монофизитов, монахов из Аравии (обитатели которых активно распространялись в данном регионе [Houland, 2009, p. 128–129]) или же рукоположенных Иаковом Барадем [Грацианский, 2006, с. 91–94] епископов для проведения переговоров.

Тем временем Дамиан выдвигает требование, чтобы разбор вопросов недопонимания между патриархами произошёл при помощи обмена письмами. Это всё убеждает Петра в том, что никто не хочет исправить сказанное и написанное. Далее Дамиан и его свита тайно приезжают в Сирию, при этом не ставя в известность Петра. Одновременно с этим он пытался переманить епископов из Сирии на свою сторону. Всё же сумев договориться о встрече в Аравии, Дамиан не пожелал обсуждать какие-либо вопросы (Michel le Syrien. Hron. 10:22).

Оба патриарха умирают в 591 году, но конфликт продолжает существовать. В Александрии Анастасий сменяет Дамиана, а в Антиохии новым патриархом избирают Афанасия (Michel le Syrien. Hron. 10:23).

Уже их приемники в 616 году восстановят общение между своими церквями. В «Истории патриархов» говорится, что инициатива о примирении принадлежала Александрии (Hist. part. II. 14). Синодальное послание с призывом к примирению было достаточно хорошо принято в Антиохии. Патриарх Афанасий отправился в Египет, где в одном из египетских монастырей бывшие противники объявили о воссоединении церквей (Michel le Syrien. Hron. 10:25). У этого развития событий были сторонники и противники [Maspero, 1923, p. 333–335].

Необходимо отметить, что данный спор нельзя считать только богословским спором или недопониманием.

Диспут, который разгорелся между двумя патриархами, являлся продолжением дискуссий о тринитарном догмате. Его форма носила характер интерпретации более ранних работ общепризнанных авторитетных авторов. Такое развитие событий не должно быть удивительным для нас, поскольку антихалкидониты являлись достаточно неоднородным движением в области догматики. В одной только Александрии можно выделить несколько крупных группировок, которых находились в состоянии конфронтации между собой [Болотов, 1918, с. 357–358].

Тем самым диспут патриархов в плане богословия демонстрирует нам давнее противостояние двух школ христианской догматики, которые ведут свою вражду со времён обсуждения тринитарного догмата, т. е. арианской ереси.

Однако помимо чисто богословских противоречий мы можем рассмотреть ещё один интересный вопрос в рамках обозначенной проблематики. В результате религиозной политики императора Юстиниана образовалась группа лояльных императору монофизитов, которые были готовы к заключению унии с халкидонитами [Грацианский, 2016, с. 235–237]. Но оставались и те, кто отказывался идти на компромисс, ядром которых были различные представители сирийского и египетского монашества [Дьяконов, 1908, с. 144].

Именно в такой обстановке происходит кризис, связанный с назначением нового патриарха для Сирии. Предысторией здесь будет являться попытка Павла Чёрного продвинуть на кафедру Египта своего ставленника, некоего монаха Феодора. Достаточно интересным является мнение о том, что Павел поддерживал тесные контакты с монофизитами в Константинополе, особенно с Иоанном Эфесским и его сторонниками [Brooks, 1929, p. 471]. Таким образом, его действия были санкционированы из столицы. Это подтверждает складывание к этому моменту группировок сторонников и противников примирительной политики. Однако сами александрийцы избрали Петра IV (предшественника Дамиана) (Hist. part. II. 14). Он сразу же начинает выстраивание обособленной церковной структуры. Далее Пётр и Иаков Барадей предприняли попытку отстранения Павла из-за его связей с халкидонитами и попытки рукоположения альтернативного патриарха для Египта (Michel le Syrien. Hron. 10:13). В итоге Павел оказался в изгнании, а его пост считался вакантным.

В Александрии происходит смена патриарха в связи со смертью Петра IV. Именно в этот момент уже Дамиан в 579 году предпринимает ответную попытку назначения собственного кандидата, для чего использует своё влияние в антихалкидонитском лагере [Muller, 1986, p. 126–136]. Тайно прибыв в Сирию, он останавливается в монастырях, где и договаривается об избрании потенциального патриарха Севера. Благодаря вмешательству мелькитов заговор был сорван, и Дамиан покинул провинцию (Ioan. Ep. H.E. 4.41). Антиохийским патриархом был избран Пётр Каллиникумский (Michel le Syrien. Hron. 10:15).

Мы можем констатировать факт того, что почва для противоречий созрела именно в этот момент. Это связано с положением Александрии и Антиохии как центров монофизитства. Также влияние оказал фактор не вхождения Дамиана в «группу» Иоанна Эфесского, т. е. тех, кто желал примирения между монофизитами и халкидонитами.

Необходимо учитывать, что антихалкидонские иерархии уже эволюционировали в полноценные и самостоятельные монофизитские церкви. Они имели обособленную структуру и другой механизм управления, нежели халкидониты. Патриаршие резиденции переместились в монастыри, расположенные в сельской местности [Frend, 1972, p. 294]. Отличительной чертой этих новых образований можно назвать преимущественное рукоположение монахов в епископы [Giorga, 2009, p. 54–58], хотя раньше духовенство являлось профессиональным рангом, доступным для всех слоёв населения [Рудаков, 1997, с. 200]. Подобные процессы случились в Египте [Booth, 2018, p. 179–180] и с разной степенью в Сирии [Vööbus, 2016, p. 18].

Применительно к Египту такой переход осуществился во время назначения патриархом Петра IV, который и рукоположил 70 новых епископов, по ироническому сообщению Иоанна Эфесского (Ioan. Ep. H.E. 4.12). Однако такую цифру вполне можно считать реальной [Wipszyska, 2011, p. 267]. Дамиан же пытается возвысить новую церковь среди монофизитских престолов, поскольку даже на таком уровне антихалкидониты сохраняли некую фракционность.

Можно предположить, что с точки зрения геоэклизиологии (как её определяет Ф. Блодо [Blaudeau, 2017, p. 1–2]), Дамиан пытается реставрировать модель церковного управления, которую выстраивали Кирилл и Диоскор, когда первым престолом Востока является Александрия [Блодо, 2020, с. 13–14], а её архиепископ считался вселенским патриархом [Гидулянов, 1908, с. 698–700], при этом имеющим безальтернативный авторитет в вопросах догматического богословия, что и подтверждает версия хода диспута, которую

передаёт Михаил Сириец, когда Дамиан фактически не желал встречаться с теми, кто не признаёт его богословский авторитет в определённых вопросах. Также примечательно, что именно этот патриарх активно занимался полемическим богословием.

В вопросах же иерархических назначений Дамиан позиционирует себя как приемник Иакова Барадея [Blaudeau, 1997, p. 347–349]. Его эклезиологические представления зафиксированы в письме, которое было написано на смерть Иакова Барадея. Здесь он называет себя приемником Афанасия Великого и Феодосия, также активно акцентируется внимание монофизитов на признании определений нескольких церковных Соборов, которые по итогам своих заседаний закрепляли главенство Александрии (Michel le Syrien. Hron. 10:14).

Таким образом, Дамиан действует сугубо в рамках яковитского лагеря появившихся церквей, выстраивая доминирующее положение своей кафедры. Таким образом, Антиохия как древний центр богословия и один из полюсов христианского мира представлял собой естественного конкурента и соперника для Александрии.

Заключение

Таким образом, диспут Дамиана и Петра Каллиникумского был лишь предлогом, который раскрыл два основных противоречия между патриархами. Различие богословских взглядов было обусловлено давним противодействием Александрии и Антиохии как ранневизантийских центров и полюсов христианского мира. Также египетский патриарх Дамиан в сложившейся ситуации предпринимает попытку устранения своего конкурента в процессе неудачного объединения монофизитов. Он действует в рамках появившихся яковитских церквей, предпринимая попытки по выстраиванию доминирующего положения своей кафедры.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н. и участникам научного направления «Классическая и византийская традиция».

Список источников

- Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199). Ed. and tr. Moosa M. 2014. Trenton, Beth Antioch Press: 465.
- John of Ephesus. Ecclesiastical History. Ed. R. Smith. 1860. Oxford, Oxford university press: 452.
- Sawerus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Ed. et tr. B. Evvets. 1907. Paris, Paris Firmin-Didot: 232–482.

Список литературы

- Блодо Ф. 2020. Подготовка, восприятие и защита Халкидонского собора со стороны Римского папы Льва Великого. В: Вестник ПСТГУ. М.: 11–30.
- Болгов Н.Н. 2020. Книжная культура, школы и образованность в Восточном Средиземноморье в IV–VI вв. В: Византийский временник. М.: 34–63.
- Болотов В.В. 1918. Лекции по истории древней церкви. Т. 4. Петроград, Третья государственная типография, 600.
- Гидулянов П.В. 1908. Восточные патриархи в период первых четырёх Вселенских Соборов. Ярославль, Типография Губернского Правления: 774.
- Грацианский М.В. 2006. Миссионерские предприятия 40-х годов VI в. в контексте церковной политики императора Юстиниана. В: KANEKION. М.: 57–101.
- Грацианский М.В. 2016. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., Издательство Московского университета: 389.

- Дьяконов А.П. 1908. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., Типография В.Ф. Киршбаума: 417.
- Рудаков А.П. 1997. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., Алетейя: 295.
- Blaudeau P. 1997. Le voyage de Damien d' Alexandrie vers Antioche puis Constantinople (579–580) – Motivations et objectifs. : In *Orientalia Christiana Periodica*. T 63. Rome: 333–361.
- Blaudeau P. 2017. Qu'est-ce que la géo-ecclésiologie? Eléments de définition appliqués a la période tardo-antique (IV–VI E.S.). In: *Incontro di Studiosi dell' Antichità Cristiana*. XLIII. Roma: 39–56.
- Booth P. 2018. Towards the Coptic Church: The Making of the Severan Episcopate. In: *Millennium*. Volume 14. Berlin – Boston: 151–190.
- Brooks E.W. 1929. The patriarch Paul of Antioch and the Alexandrine schism of 575. In: *Byzantinische Zeitschrift* 30 (1). Leipzig – Berlin: 468–476.
- Frend W.H.C. 1972. Rise of the monophysite movement. Cambridge, Cambridge university press, 405.
- Giorga M.C. 2009. Bishops-monks in the monasteries: presence and role. In: *The Journal of Juristic Papyrology*. Volume XXXIX. Warszawa: 49–82.
- Hoyland R. 2009. Late Roman provincia Arabia, monophysite monks and Arab tribes: a problem of centre and periphery. In: *Semitica et Classica*. Volume 2. Brepols: 117–139.
- Martindale J.R. 1980. The prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge university press: 1386.
- Maspero J. Histoire des patriarches d'Alexandrie : depuis la mort de l'empereur Anatase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). Paris, Librairie Ancienne Eduard Champion: 393.
- Muller C.D.G. 1986. Damian, Papst und Patriarch von Alexandrien. In: *Oriens christianus*. Volume 70. Wiesbaden: 118–142.
- Vööbus A. 1973. The Origin of the Monophysite Church in Syria and Mesopotamia. In: *Church History*. Volume. 42. Cambridge: 17–26.
- Wickham L. 2008. Schism and reconciliation in a sixth-century Trinitarian dispute: Damian of Alexandria and Peter of Callinicus on 'properties, rôles and relations'. In: *International journal for the Study of the Christian Church*. Vol. 8, No. 1. London: 3–15.
- Wipszycka E. 2011. Les elections episcopales en Egypte aux VI–VII siècles. In: *Episcopal elections in late antiquity*. Ed. Johan Leemans. Berlin: 259–291.

References

- Blodo F. 2020. Podgotovka, vospriyatie i zashchita Halkidonskogo sobora so storony Rimskogo papy L'va Velikogo [Preparation, perception and protection of the Council of Chalcedon by Pope Leo the Great]. V: *Vestnik PSTGU*. M.: 11–30 (in Russian).
- Bolgov N.N. 2020. Knizhnaya kul'tura, shkoly i obrazovannost' v Vostochnom Sredizemnomor'e v IV–VI vv. [Book culture, schools and education in the Eastern Mediterranean in the IV–VI centuries]. V: *Vizantijskij vremennik*. M.: 34–63 (in Russian).
- Bolotov V.V. 1918. Lekcii po istorii drevnej cerkvi [Lectures on the history of the ancient Church]. T. 4. Petrograd, Tret'ya gosudarstvennaya tipografiya: 600 (in Russian).
- Gidulyanov P.V. 1908. Vostochnye patriarhi v period pervyh chetyryoh Vselenskih Soborov [Eastern Patriarchs during the first four Ecumenical Councils]. Yaroslavl', Tipografiya Gubernskogo Pravlениya: 774 (in Russian).
- Gracianskij M.V. 2006. Missionerskie predpriyatiya 40-h godov VI v. v kontekste cerkovnoj politiki imperatora Yustiniana [Missionary enterprises of the 40s of the VI century in the context of the Church policy of Emperor Justinian]. V: *KANEKION*. M.: 57–101 (in Russian).
- Gracianskij M.V. 2016. Imperator Yustinian Velikij i nasledie Halkidonskogo Sobora [Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta: 389 (in Russian).
- D'yakonov A.P. 1908. Ioann Efesskij i ego cerkovno-istoricheskie trudy [John of Ephesus and his Church-historical works]. SPb., Tipografiya V.F. Kirshbauma: 417 (in Russian).
- Rudakov A.P. 1997. Ocherki vizantijskoj kul'tury po dannym grecheskoj agiografii [Essays on Byzantine Culture according to Greek Hagiography]. SPb., Aletejya: 295 (in Russian).
- Blaudeau P. 1997. Le voyage de Damien d' Alexandrie vers Antioche puis Constantinople (579–580) – Motivations et objectifs. : In *Orientalia Christiana Periodica*. T 63. Rome: 333–361.

- Blaudeau P. 2017. Qu'est-ce que la géo-ecclésiologie? Eléments de définition appliqués a la période tardo-antique (IV–VI E.S.). In: *Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana*. XLIII. Roma: 39–56.
- Booth P. 2018. Towards the Coptic Church: The Making of the Severan Episcopate. In: *Millennium*. Volume 14. Berlin – Boston: 151–190.
- Brooks E.W. 1929. The patriarch Paul of Antioch and the Alexandrine schism of 575. In: *Byzantinische Zeitschrift* 30 (1). Leipzig – Berlin: 468–476.
- Frend W.H.C. 1972. Rise of the monophysite movement. Cambridge, Cambridge university press, 405.
- Giorga M.C. 2009. Bishops-monks in the monasteries: presence and role. In: *The Journal of Juristic Papyrology*. Volume XXXIX. Warszawa: 49–82.
- Hoyland R. 2009. Late Roman provincia Arabia, monophysite monks and Arab tribes: a problem of centre and periphery. In: *Semitica et Classica*. Volume 2. Brepols: 117–139.
- Martindale J.R. 1980. The prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge university press: 1386.
- Maspero J. Histoire des patriarches d'Alexandrie : depuis la mort de l'empereur Anatase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). Paris, Librairie Ancienne Eduard Champion: 393.
- Muller C.D.G. 1986. Damian, Papst und Patriarch von Alexandrien. In: *Oriens christianus*. Volume 70. Wiesbaden: 118–142.
- Vööbus A. 1973. The Origin of the Monophysite Church in Syria and Mesopotamia. In: *Church History*. Volume. 42. Cambridge: 17–26.
- Wickham L. 2008. Schism and reconciliation in a sixth-century Trinitarian dispute: Damian of Alexandria and Peter of Callinicus on 'properties, rôles and relations'. In: *International journal for the Study of the Christian Church*. Vol. 8, No. 1. London: 3–15.
- Wipszycka E. 2011. Les elections episcopales en Egypte aux VI–VII siècles. In: *Episcopal elections in late antiquity*. Ed. Johan Leemans. Berlin: 259–291.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.12.2022

Received 05.12.2022

Поступила после рецензирования 15.03.2023

Revised 15.03.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Accepted 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лихошерстов Вячеслав Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vyacheslav A. Likhosherstov, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8187-9904](https://orcid.org/0000-0002-8187-9904)

УДК 929.5

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-588-595

Оригинальное исследование

Флавий Велизарий: дискуссионные вопросы историографии

Зайковская О.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85

E-mail: 1316643@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье нам представляется важным понять и осмыслить, на наш взгляд, с одной стороны, ключевые моменты, а с другой – дискуссионные вопросы, касающиеся фигуры ранневизантийского полководца Флавия Велизария. Используемые источники и литература в своей совокупности позволяют не только проследить основные вехи биографии Велизария, но и оценить его роль в событиях внутренней и внешней политики Византийской империи: политике реставрации империи, восстании «Ника» 532 г. и др. При написании статьи было важно учесть специфику источниковой базы, а конкретно сочинения историка и секретаря полководца – Прокопия Кессарийского. Статья включает в себя 3 раздела: 1) вопрос происхождения Флавия Велизария; 2) роль в восстании «Ника» 532 г.; 3) Велизарий и политика реставрации империи. Третий раздел включает в себя несколько аспектов: причины успеха и неудач в готских войнах, противопоставление Велизария и Нарзеса; роль полевых командиров в кампаниях полководца Велизария. Данные разделы в своей совокупности показывают дискуссионность фигуры полководца, ее отражение в событиях Византийской империи эпохи Юстиниана Великого (527–565 гг.).

Ключевые слова: Флавий Велизарий, военное искусство, восстание «Ника», готские войны, реставрация империи

Для цитирования: Зайковская О.С. 2023. Флавий Велизарий: дискуссионные вопросы историографии. Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 588–595. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-588-595

Flavius Belisarius: Controversial Issues of Historiography

Olga S. Zaykovskaya

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1316643@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, we are going to explore the key points in the biography of the commander Flavius Belisarius. We will also consider debatable issues that can be identified in historiography. The purpose of the study is to analyze the milestones of the commander's biography, his role in the events of domestic and foreign policy during the reign of Justinian the Great. We have considered such events as the Nika uprising of 532, the policy of the restoration of the empire, as well as the military campaigns of the commander. In addition to the figure of Belisarius, such personalities as the eunuch Narses, as well as other field commanders, were indirectly affected. The article includes 3 sections: 1) The question of the origin of Flavius Belisarius; 2) Role in the Nika uprising of 532; 3) Belisarius and the policy of the restoration of the empire. Sections include detailed historiographical analyses. We considered the specifics of the sources. Particular attention was paid to a detailed analysis of the works of Procopius of Caesarea.

Key words: Flavius Belisarius, art of war, Nika rebellion, Gothic wars, restoration of the empire

For citation: Zaykovskaya O.S. 2023. Flavius Belisarius: Controversial Issues of Historiography. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 588–595 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-588-595

Введение

Византийская империя прошла долгий путь становления, трансформации из рамок поздней античности. Логическое завершение данного процесса, по мнению А.В. Банникова, приходится на VII в. [Банников, 2019, с. 127]. Однако нельзя забывать о ключевом значении VI века, который тесным образом связан с правлением императора Юстиниана Великого (527–565 гг.). Это время ознаменовалось действительно значимыми событиями как в области внутренней политики, так и во внешней. Безусловно, значимую роль в них сыграли личности, такие как Назрес и Флавий Велитарий, о котором и пойдет речь в данной статье. Нам представляется важным затронуть не только вехи биографии полководца, но и сделать попытку проанализировать его место и роль в ряде событий, при этом обратив внимание на дискуссионные, на наш взгляд, моменты его биографии.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является фигура ранневизантийского полководца Флавия Велитария в контексте внутренней и внешней политики Византийской империи в период правления Юстиниана Великого (527–565 гг.). Предмет исследования в данном случае – изучение вех биографии полководца, которые, по нашему мнению, являются ключевыми и дискуссионными с точки зрения историографии. При написании данной статьи нами учитывалась также специфика источниковой базы, в частности, что в используемых письменных источниках, в особенности сочинениях Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы, Марцеллина Комита, Велитария как фигуре уделено гораздо меньше внимания, нежели его военным походам и событиям внутренней политики [Martindale, 1971, p. 181]. Отдельного внимания заслуживают работы Прокопия, который, будучи личным секретарем полководца, с одной стороны, был свидетелем ряда описываемых событий, а с другой – мог с долей субъективизма давать оценку поступкам Велитария, его личности как таковой. Однако с осторожностью используя массив источников и ряд историографических работ отечественных и зарубежных исследователей, мы можем применить историко-антропологический подход, просопографический метод и метод контент-анализа, чтобы проследить основные вехи биографии полководца Велитария и дать оценку его роли во внешней и внутренней политике Византийской империи.

Вопрос происхождения Флавия Велитария

Велитарий родился предположительно около 500 или 505 года [Martindale, 1971, p. 181]. Прокопий Кесарийский сообщает, что Велитарий «был родом из Германии, которая расположена между Фракией и Иллирией» (Просор. VV II, 11.21). Сведений о его родословной у Прокопия, как и в других источниках, не сохранилось, однако существует точка зрения, что отсутствие данной информации связано с уважением Прокопия к полководцу [Hughes, 2009, p. 19].

В историографии, в особенности в трудах зарубежных историков, высказываются различные точки зрения на этот счет. Так, ряд ученых придерживается мнения о его иллирийских корнях, в частности, У. Трекголд писал, что Юстин I, Юстиниан и Велитарий были урожденными иллирийцами [Treadgold, 1997, p. 246], что также упоминали в своих работах Дж. Б. Бьюри [Bury, 1958, p. 56], а позднее и Дж. В. Баркер [Barker, 1966, p. 75]. Также имеет место точка зрения о его фракийских корнях [Tucker, 2010, p. 88] и германских.

Здесь сразу следует пояснить, что в настоящее время в историографии нет однозначного ответа о происхождении полководца. Йен Хьюджес, в частности, высказывал интересное предположение о возможных аристократических корнях полководца. Автор основывался на анализе эпизода с заговором Иоанна Каппадокийского, который, насколько известно, ожидал поддержку со стороны полководца и его жены Антонины. Также автор указывает, что отсутствие такой информации в сочинениях Прокопия – косвенное доказа-

тельство знатности рода полководца. Однако мы полагаем, что версия о связи Велизария и Иоанна Каппадокийского является несколько сомнительной.

Однако, по нашему мнению, необходимо рассмотреть еще один важный момент биографии полководца, а именно вопрос, возможно, общего происхождения императора Юстиниана Великого и, собственно, Велизария. Возможно, оба были выходцами из исторической области юга Балкан, предположительно Фракии, которая относилась к областям некоторого отрыва от византийской цивилизации. Некий варварский отпечаток можно заметить и с точки зрения языка, ведь основным языком фракийцев, насколько известно, была латынь, в то время как на территории Византийской империи говорили на греческом. Поэтому в данном случае мы считаем уместным согласиться с версией Хьюджеса о том, что императора и полководца могла связывать также языковая общность [Hughes, 2009, p. 20].

Обратившись к «Хронике» Фредегара, мы находим свидетельства о довольно близких отношениях между Юстинианом и Велизарием, причем еще до коронации первого: «Юстиниан еще до того, как во времена императора Юстина воспринял власть, был комитом хартий, а Велизарий – комитом конюшен, они были преисполнены друг к другу чрезвычайным почтением и поклялись, что, чего бы ни добился один из них, они будут хранить верность друг другу вечно» (Chron. Fred. II.62). В подтверждение версии и близком знакомстве будущего полководца и будущего императора хронист также приводит эпизод о довольно тесной связи между Антониной, будущей женой Велизария, и, собственно, Юстинианом. По сообщениям автора, он даже собирался жениться на Антонине (Chron. Fred. II.61–62), которая позднее, насколько известно, была близкой подругой Феодоры.

Однако и эти сведения необходимо рассматривать с высокой долей критичности, поскольку автор не был современником описываемых событий, а у Прокопия Кесарийского и других хронистов данные сведения мы не встречаем.

Однако, рассматривая ряд вопросов, которые имеют непосредственное отношение к происхождению Флавия Велизария, необходимо учитывать также специфику письменных источников, а именно отсутствие подробных сведений о начале его карьеры вплоть до возвышения. В данном случае известно, что в первый раз Велизарий упоминается в качестве офицера-телохранителя (копьеносца), о чем нам сообщает Прокопий Кесарийский (Procop. VP I, 12.21). Фредегар же упоминает Велизария в качестве комита конюшен. Поясним, что «Комит Sacri stabuli – главный конюший императора; военачальник, ведавший императорскими конюшнями» [Чекалова, 2010, с. 89]. Ш. Диль же упоминает «Велизария, который вперемешку со своими славными походами исправлял несколько важных должностей – комита священных конюшен и потом комита телохранителей» [Диль, 1908, с. 116]. Таким образом, вопрос о начале карьеры остается в крайней степени вариативным и дискуссионным вплоть до настоящего времени.

Итак, как мы отмечали выше, версии касательно места и характера происхождения Флавия Велизария неоднократно высказывались историками. По нашему мнению, этот вопрос остается открытым. Принимая во внимание аргументы в пользу аристократических корней Велизария или его общего происхождения с Юстинианом, мы находим довольно простое его объяснение столь быстрому возвышению.

Роль в восстании «Ника» 532 г.

Восстание «Ника» 532 г. – одно из ключевых событий эпохи правления Юстиниана Великого (527–565 гг.). Безусловно, этот масштабный бунт нашел отражение в немалом количестве источников и специальных исследований. В данном случае нам представляется важным рассмотреть еще один дискуссионный аспект биографии Флавия Велизария, а именно его роль в этом событии.

Отметим, что восстание было вызвано целым рядом причин, постепенно назревающих как реакция на политику Юстиниана. Так, А.А. Чекалова выделяет следующие: уси-

ление налогового гнета, массовые гонения на монофизитов, а также недовольство внутренней, особенно церковной, политикой [Чекалова, 1997, с. 173]. Сведения о восстании, можно сказать, довольно подробно и основательно отражены в письменных источниках. О Велизарии известно, что он вернулся в Константинополь после окончания персидской кампании, обретя популярность [Martindale, 1971, p. 186]. Сообщается, что с ним прибыли приближенные отряды букеллариев (Procop. BP I, 12.40). Во время самого восстания 13–18 января 532 г. вел за собой большие силы готов-наемников, возможно, букеллариев [Bury, 1958, p. 43] – гвардии, «закаленной в боях восточного фронта» [Evans, 1931, p. 19].

В трудах Прокопия Кесарийского содержится, пожалуй, самое подробное и обстоятельное описание происходивших событий. Безусловно, историк показывает, можно сказать, исключительную роль Флавия Велизария в этих событиях: «Солдаты, как те, на которых была возложена охрана дворца, так и все остальные, не проявляли преданности василевсу, но и не хотели явно принимать участия в деле, ожидая, каков будет исход событий. Все свои надежды василевс возлагал на Велизария и Мунда. Один из них, Велисарий, только что вернулся с войны с персами и привел с собой, помимо достойной свиты, состоявшей из сильных людей, множество испытанных в битвах и опасностях войны копьеносцев и щитоносцев» (Procop. BP I, 24.39–40).

Прокопий подробно описал, как Мунд и Велизарий проникли на ипподром с той стороны, где больше всего было людей, где фактически находилась самая ответственная часть атаки восставших, ведь в случае неудачи отступить было некуда. Помимо Велизария и Мунда, в восстании приняли участие его сын Маврикий, Назрес и др. (Chron. Pasch. P. 626). Их действия носили вспомогательный характер. Прокопий, как он обычно и делал, остановился на подробном изложении событий со стороны главного удара, в котором все внимание было уделено в первую очередь Велизарию.

Возможно, по этой причине Прокопий Кесарийский и не упомянул, что еще до начала основного удара евнух Назрес, впоследствии отличившийся в готских войнах, раздал немало взяток представителям партии венетов (Malal. Chron. XVIII. P. 476), что послужило, в свою очередь, причиной очередного раздора между силами восставших. И здесь примечательно свидетельство историка Иоанна Зонары, что Велизарий и Мунд обрушили свой удар на людей, «уже и восставших друг против друга» (Zonar. 155). Поэтому в историографии была точка зрения о решающей роли Назреса, а не Велизария в разрешении восстания [Danlap, 1924, p. 44].

Довольно неприглядный образ полководца показывает Шарль Диль, отмечая, что он не обладал должной решительностью, а во время восстания «считал дело проигранным, и только Юстиниан придал ему бодрость» [Диль, 1908, с. 168]. Столь резкая точка зрения о Велизарию в целом прослеживается во всех работах Дилиа о Византии эпохи Юстиниана Великого.

Версия событий, изложенная Иоанном Малалой, довольно схожа с рассказом Прокопия, однако есть некоторые важные расхождения. Например, дискуссии вызывает факт, кто же привел к императору Ипатия и Помпея. По сообщениям Прокопия Кесарийского, этим человеком был не Велизарий, а «двоюродные братья Юстиниана, Ворайд и Юст» (Procop. BP I 24.53). Иоанн Малала же сообщает: «тайно вышедший Велизарий схватил Ипатия и Помпея и отвел их к императору» (Malal. Chron. XVIII. 71). В данном случае мы полагаем, что точку зрения Прокопия можно считать более достоверной, поскольку в случае частности Велизария к данному инциденту историк не преминул бы упомянуть об этом.

Отечественные историки вскользь затрагивали интересующий нас вопрос о роли Велизария. Ю.А. Кулаковский в «Истории Византии» упоминает о полководце, который принимал участие в подавлении восстания с отрядом готов [Кулаковский, 2003, с. 275]. А.А. Чекалова, которая посвятила восстанию «Ника» монографию, писала, что Велизарий и Мунд устроили жестокую резню, убив около 30 тыс. человек [Чекалова, 1997, с. 203]. Йен Хьюджес в своей работе также упоминал, что именно Велизарий возглавлял отряды, подавляющие восстание на ипподроме [Hughes, 2009, p. 21].

Опираясь на многочисленные письменные свидетельства историков-современников восстания «Ника» 532 г., можно сказать, что Велизарий действительно принимал участие в подавлении бунта. Также мы склоняемся к мысли, что сведения о Мунде и Велизарии, как о принявших вместе с отрядами на себя главный удар, тоже вполне убедительны. Дискуссионной здесь является информация о том, кто привел к императору Ипатия и Помпея, был ли подкуп венетов. Однозначно, что после событий бунта молодой полководец лишь упрочил свое политическое и военное влияние, затем став фигурой, сыгравшей заметную роль в политике реставрации империи.

Велизарий и политика реставрации империи

В данном разделе мы рассмотрим целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с политикой реставрации империи и фигурой полководца: противопоставление Велизария и Нарзеса, роль полевых командиров в кампаниях полководца Велизария, причины успеха и неудач в готских войнах.

Во-первых, остановимся на вопросе противопоставления Флавия Велизария и Нарзеса, которое можно отметить как в массиве источников, так и в специальных исследованиях. Важно понимать, что это были две влиятельные фигуры юстиниановского времени: Велизарий показал себя в военном поприще, при этом занимая гражданские должности, Нарзес же возвысился через гражданскую службу (СЖ XII 5. 2), впоследствии завершив завоевание Италии. Восстание «Ника» 532 г. стало для обоих, можно сказать, благоприятным способом усилить свои позиции, заслужив доверие императора.

Несмотря на то, что они добивались успеха в разных сферах, продолжительные войны с готами свели их по одну сторону баррикад. Сначала Нарзес принял участие в готской кампании Велизария, прибыв в Италию с подкреплением около 7 тыс. человек [Диль, 1908, с. 151], однако официальной должности до своей «сольной» кампании он не имел. При этом можно заметить, что имели место трудности в командовании, конфликты между полевыми командирами Велизария и Нарзеса. В качестве примера можно привести эпизод с осадой Милана 538 г., куда были посланы Мартин и Улиарий с подкреплением, который довольно подробно описывает Прокопий (Просор. ВГ II 21. 2). Командиры не спешили привести подкрепление, объясняя это тем, что заметили поблизости более многочисленные отряды готов и бургундов. Они запросили подкрепления в лице Иоанна и Юстина, которые отказались подчиниться приказу Велизария без разрешения Нарзеса, который как раз к этому времени прибыл в Италию с подкреплением. Так, чудовищная потеря времени в этих двух случаях в итоге привела к тому, что так и не дождавшийся помощи Милан сдался готам (Просор. ВГ II 22. 2–4).

Поэтому в контексте продолжительных готских войн, безусловно, можно отметить некоторое противопоставление Велизария как командующего и Нарзеса в период его «сольной» кампании 551 г. Исследователи отмечают также, что оба полководца плохо ладили между собой [Голдсуорти, 2006, с. 519], что отразилось на сложностях командования, о чем мы писали выше. Сравнить также можно разницу в обеспечении денежными и людскими ресурсами. Например, Велизарий изначально располагал 7,5 тыс. человек и небольшим контингентом собственной гвардии [Диль, 1908, с. 152], Нарзес же прибыл в Италию с 20 тыс. человек [Teall, 1965, p. 304].

Вопрос, касающийся рассмотрения причин успеха и неудач в готских войнах также остается открытым. При изучении военного дела Византии поражает «численная слабость войск, завоевавших Африку и Италию» [Диль, 1908, с. 151]. Велизарий действовал в условиях ограниченности ресурсов. Это было и достоинством, которое играло на руку при грамотном командовании, и недостатком, который в итоге показал ослабленность Византии. Мы помним, что в 551 г. Нарзес прибыл в Италию с более многочисленной армией.

По-нашему мнению, численность армии не является главным критерием победы. Важно учитывать также ряд других факторов, в числе которых грамотное командование. Велизарий изучал противника, перенимал его тактические особенности, исходя из чего рождались оригинальные стратегии, наиболее выигрышные ходы. Это показательно также и для готских войн. Например, в первой готской кампании Велизарий старается обратить малейший недостаток врага в свое преимущество, что неоднократно подчеркивает Э.П. Томпсон [Томпсон, 2003, с. 71]. Например, показательно активное использование полководцем конницы, в особенности во время первой готской кампании 537–538 гг., когда шли ожесточенные бои за Рим, и конница готов и византийцев схлестывалась в боях [Вольфрам, 2002, с. 73]. Причем З.В. Удальцова подчеркивала, что «более половины всей экспедиционной армии составляла конница» [Удальцова, 1959, с. 256].

Проводя рекогносцировку, полководец подмечал мелкие особенности вражеской армии и умело использовал их. Велизарий на протяжении всей кампании, можно сказать, ведет тактику «комариных укусов», стараясь как можно больше измотать врага в мелких стычках и затяжных осадах [Rance, 2005, p. 425]. В частности, он посылает в Неаполь Мартина и Траяна, где они занимают местные опорные крепости и начинают преследовать готские маршруты снабжения.

Безусловно, возникает закономерный вопрос, был ли евнух Нарзес, так сказать, равным Велизария и насколько велик его личный вклад в завершающем этапе готских войн 551 г. Этот вопрос остается открытым и в настоящее время, однако мы можем предположить следующее. Оба полководца внесли весомый вклад в политику реставрации империи. Велизария принадлежат блестящие победы над персами, вандалами, готами, хоть он и не завершил завоевание Италии. Нарзес же отличился в таких сражениях при Тагине и «Молочной горе» 552 г. Эти сражения, по нашему мнению, демонстрируют его способности в качестве командующего. По мнению Ф. Рэнса, эти победы обеспечили «генералуполководцу» благоприятную военную репутацию [Rance, 2005, p. 469].

И наконец отметим так называемый фактор роли полевых командиров, которые стали важнейшим явлением политики реставрации Юстиниана. Они внесли вклад не только в кампании Велизария, но и в завоевание Италии Нарзесом. Нам представляется важным на протяжении всего времени в источниках довольно много упоминаний нескольких офицеров – Валериана [Martindale, 1971, p. 601], Иоанна [Martindale, 1971, p. 652], Юстина [Martindale, 1971, p. 811]. В частности, Прокопий указывает, что именно Валериан решил исход боя с Тотилой. Обращаясь же к Павлу Диакону, находим упоминание о Дагистее – полководце предположительно германского происхождения. «В это же время Нарсес, посредством своего полководца Дагистея, воинственного и храброго мужа, получил под свою власть всю Италию» (Paul. Diac. Hist. Lang. II. 3). О Дагистее упоминает в своем труде и Х. Дельбрюк [Дельбрюк, 1999, с. 250]. Так, Нарзес, как и Велизарий, опирался на поддержку полевых офицеров.

Итак, успех готских войн, а также политики реставрации – это заслуга не одного Велизария и Нарзеса. Это сложный процесс, на успешность которого повлиял ряд факторов: командование, внешнеполитические условия, полевые командиры, организация армии, которая при Юстиниане как раз претерпевала изменения, при этом концептуально все еще имея сходства с организацией IV–V вв. [Шувалов, 2006, с. 77]. Это была связь множества элементов, которые в своей совокупности и повлияли на исход.

Заключение

Таким образом, Велизарий – фигура неоднозначная, показанная довольно подробно Прокопием как его секретарем и очевидцем событий. Безусловно, есть спорные вопросы, которые мы затронули в данном исследовании. Во-первых, вопрос происхождения полководца, которое скорее всего оказало влияние на его довольно быстрое возвышение в усло-

виях существующей социальной мобильности. Во-вторых, роль Велизария в подавлении восстания «Ника». На основе изложенных аргументов мы полагаем, что полководец действительно сыграл одну и ключевых ролей в этом событии. Вместе с тем его полководческий талант в полной мере был раскрыт в Африке, Италии, в конфликтах с Ираном. Также мы полагаем, что этот талант складывался не только из грамотного анализа сил противника, расчетов, знания стратегии, тактики, но и того, что его окружали талантливые полевые командиры, целая плеяда молодых офицеров, которым поручалось выполнение тактических задач. Итак, полководец Флавий Велизарий, безусловно, заслуживает пристального внимания в наших дальнейших исследованиях.

Список литературы

- Банников А. В. 2019. Римская армия от Адрианополя до «Стратегикона». СПб., «Евразия», 192.
- Вольфрам Х. 2002. Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). СПб., 653.
- Голдсуорти А. 2006. Во имя Рима. Люди, которые создали Империю. М.: АСТ. Транзиткнига, 542.
- Диль Ш. 1908. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке: Пер. с фр. / Шарль Диль, кор. ин-та. Санкт-Петербург, тип. Альтшулера, 687.
- Дельбрюк Г. 1999. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2. СПб.: Наука; Ювента, 354.
- Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3 тт. Т. 2: 518–602. СПб., 512.
- Томпсон Э.А. 2003. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., Издательский Дом «Ювента», 288.
- Удальцова З.В. 1959. Италия и Византия в VI веке. М., Академия наук СССР, 1959, 408.
- Чекалова А.А. 2010. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 531.
- Чекалова А.А. 1997. Константинополь в VI веке. Восстание «Ника». СПб., 298.
- Шувалов П.В. 2006. Секрет армии Юстиниана. СПб., ПБ, 418.
- Hughes Ian. 2009. Belisarius: The Last Roman General. Pen and Sword, 288.
- Barker John W. 1966. Justinian and the later Roman Empire. University of Wisconsin Press, 305.
- Bury J.B. 2011. History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Dover Publications, Vol. II., 512.
- Dunlap A.S. 1924. The office of the Grand Chamberlain in the Later Roman and Byzantine Empire. Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. New York, 295–299.
- Evans J.A.S. 2005. The Emperor Justinian and the Byzantine Empire. Greenwood Press, London, 278.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume III. A.D. 527–641. Cambridge, 761.
- Rance P. 2005. Narses and the Battle of Taginae (552 A.D.): Procopius and Sixth-Century Warfare. Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte 30.4, 424–472.
- Teall J.L. 1965. The Barbarians in Justinian's Armies. Speculum. 1965. Vol. 40, 2: 294–322.
- Treadgold Warren T. 1997. A history of the Byzantine state and society, Stanford University Press, 1019.
- Tucker Spencer C. 2010. Battles that changed history: an encyclopedia of world conflict. 1st. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 654.

References

- Bannikov A.V. 2019. Rimskaya armiya ot Adrionopolya do «Strategikona» [The Roman Army from Adrionopolis to «Strategicon»]. SPb., «Evraziya», 192 (in Russian).
- Vol'fram Kh. 2002. Goty. Ot istokov do serediny VI v. (opyt istoricheskoy etnografii) [From the origins to the middle of the VI century (experience of historical ethnography)]. SPb., 653 (in Russian).
- Goldsuorti A. 2006. Vo imya Rima. Lyudi, kotorye sozdali Imperiyu [In the name of Rome. The people who created the Empire]. M., AST. Tranzitkniga, 542 (in Russian).
- Dil' Sh. 1908. Yustinian i vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI veke [Justinian and the Byzantine civilization in the VI century]: Per. s fr./ Sharl' Dil', kor. in-ta. Sankt-Peterburg, tip. Al'tshulera, 687 (in Russian).

- Del'bryuk G. 1999. Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii [The history of military art within the framework of political history]. Т. 2. SPb., Nauka; Yuventa, 354 (in Russian).
- Kulakovskiy Yu.A. 2003. Istoriya Vizantii [The History of Byzantium]. V 3 tt. Т. 2: 518–602. SPb., 512 (in Russian).
- Tompson E.A. 2003. Rimlyane i varvary. Padenie Zapadnoy imperii [Romans and barbarians. The Fall of the Western Empire]. SPb., Izdatel'skiy Dom «Yuventa», 288 (in Russian).
- Udal'tsova Z.V. 1959. Italiya i Vizantiya v VI veke [Italy and Byzantium in the VI century]. М.: Akademiya nauk SSSR, 408 (in Russian).
- Chekalova A.A. 2010. Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV – pervaya polovina VII veka [The Senate and senatorial aristocracy of Constantinople. IV – the first half of the VII century]. М., 531 (in Russian).
- Chekalova A.A. 2006. Konstantinopol' v VI veke. Vosstanie Nika [Constantinople in the VI century. Nick's Rebellion]. SPb., 298 (in Russian).
- Shuvalov P.V. 2006. Sekret armii Yustiniana [The Secret of Justinian's Army]. SPb., PV, 418 (in Russian).
- Hughes Ian. 2009. Belisarius: The Last Roman General. Pen and Sword, 288.
- Barker John W. 1966. Justinian and the later Roman Empire. University of Wisconsin Press, 305.
- Bury J.B. 2011. History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Dover Publications, Vol. II., 512.
- Dunlap A.S. 1924. The office of the Grand Chamberlain in the Later Roman and Byzantine Empire. Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. New York, 295–299.
- Evans J.A.S. 2005. The Emperor Justinian and the Byzantine Empire. Greenwood Press, London, 278.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume III. A.D. 527–641. Cambridge, 761.
- Rance P. 2005. Narses and the Battle of Taginae (552 A.D.): Procopius and Sixth-Century Warfare. Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte 30. 4: 424–472.
- Teall J.L. 1965. The Barbarians in Justinian's Armies. Speculum. 1965. Vol. 40, 2: 294–322.
- Treadgold Warren T. 1997. A history of the Byzantine state and society, Stanford University Press, 1019.
- Tucker Spencer C. 2010. Battles that changed history: an encyclopedia of world conflict. 1st. Santa Barbara, Calif., ABC-CLIO, 654.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.01.2023

Received 28.01.2023

Поступила после рецензирования 30.04.2023

Revised 30.04.2023

Принята к публикации 30.04.2023

Accepted 30.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зайковская Ольга Сергеевна, магистрант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Olga S. Zaikovskaya, undergraduate Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-8540-6415](https://orcid.org/0009-0002-8540-6415)

УДК 930.23
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-596-605
Оригинальное исследование

У истоков корпуса варангов в Византии: норманны, армяне или персы?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь, 119313, Москва, Россия
E-mail, alwynor@mail.ru

Аннотация. Происхождение названия византийских императорских гвардейцев *βάρανγοι* чаще всего связывается со скандинавами и в обратной зависимости – с феноменом варягов в Восточной Европе, однако эти связи носят дискуссионный характер. Из виду упускаются иные, зафиксированные в источниках этнокультурные импульсы, связанные с волнами немусульманских переселенцев из восточных халифатов. Предлагается альтернативная версия, согласно которой начало этой гвардии положили персы из религиозной секты хуррамитов, мигрировавшие в Византию после своего поражения в противостоянии Аббасидам и принятые на военную службу императором Феофилом. Характеристика императорских гвардейцев как «секироносных варваров» связана с национальным оружием северных регионов Персии, откуда мигрировали в Византию последние хуррамиты. Сам термин *βάρανγοι* претерпел сложную эволюцию, включая контаминацию персидского и греческого слов, означавших оборонительный горный рубеж, и приобрел окончательную форму под влиянием лексики народов, составивших основу элитного воинского контингента уже в период зрелой истории Византийского государства.

Ключевые слова: Варанги, Византия, хуррамиты, секироносные варвары, фемы, клисура, армяне, норманизм, Аббасиды

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2023. У истоков корпуса варангов в Византии: норманны, армяне или персы? *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 596–605. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-596-605

At the Origins of the Varangian Corps in Byzantium: Normans, Armenians or Persians?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,
Moscow 119313, Russia
E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The origin of the name of the Byzantine imperial guards *βάρανγοι* is most often associated with the Scandinavians and, inversely, with the phenomenon of the Varangians in Eastern Europe, however, these connections are debatable. Of the ethno-cultural impulses identified and recorded in the sources associated with the waves of unreceptive Muslim settlers from the eastern caliphates. An alternative version is proposed, according to which the beginning of this guard belongs to the Persians from the Khurramite religious sect, who migrated to Byzantium after their presence in opposition to the Abbasids and were accepted for military occupation by Emperor Theophilus. Later, Greek traditions are being prepared and new ethnic warriors, the composition of this contingent and its name have undergone changes while maintaining some cultural traditions. The latter were accepted, including by Armenians, from Scandinavian and British warriors, who began to make up a sample of part of the Varangians only in the 11th century. The characterization of the imperial guards as "ax-bearing barbarians" affects the natural needs of the northern regions of Persia, from where the last Khurramites migrated to Byzantium. The

term *βάραγγοι* itself underwent a complex evolution from the original Persian word, contamination with the Greek beginning, which went to the defensive-mountainous line, and acquired its final form under the release of the vocabulary of the peoples who formed the appearance of an elite military contingent already in the period of the mature history of the Byzantine state.

Keywords: Varangians, Byzantium, Khurramites, Themes, Ax-wielding Barbarians, Kleisoura, Armenians, Normanism, Abbasids

For citation: Vinogradov A.E. 2023. At the Origins of the Varangian Corps in Byzantium: Normans, Armenians or Persians? *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 596–605 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-596-605

Введение

Дискуссия о происхождении названия византийских императорских гвардейцев *βάραγγοι*, *варанги* является важной составной частью более общего полемического курса, касающегося генезиса этнонима *варяги*, а значит, и основ Древнерусского государства в целом.

В доминирующей до сих пор норманнской составляющей дискуссии основным является мнение о том, что константинопольская гвардия обязана своим названием служившим в ней скандинавам, изначально, возможно, торговцам, связанным клятвой (*vár*), позже «дружинникам», * *warāngR*, варягам. Термином *βάραγγοι* обозначались сначала служившие в разных уголках империи «внешние» варанги, а затем, приблизительно с 980 г., «внутренние», императорские гвардейцы. В форме *væringjar* название этого престижного с точки зрения службы подразделения стало известно в Скандинавии [Мельникова, 1998, с. 159–162; Николаева, 2009; Blöndal, 2007, pp. 4, 7; Lindt, 2009, p. 27; D’Amato, 2011, p. 4].

Однако и ряд современных исследователей, придерживающихся в целом норманнской версии, утверждает, что история контингента варангов «туманна» и нет уверенности в том, что скандинавы составляли в Византии какое-либо отдельное подразделение и в X в., и даже вплоть до воцарения Комнинов [Jacobsson, 2020, p. 84] (1057 г. – А.В.), а связка *βάραγγοι* – *væringjar* содержит внутренние противоречия [Романчук, 2016, с. 65]. Со своей стороны, мы отмечаем отсутствие реальной связи между реконструируемой формой * *warāngR*, арабским названием северного народа *Варанк* и норвежским гидронимом *Vargangerfjördr* (Варангерфьорд), при том что «этноним» *Варанк* – *Фаранк* относится, скорее, к «воображаемому сообществу» [Виноградов, 2022]. То же в несколько иной терминологии предполагал еще В.Г. Васильевский [Васильевский, 1881, с. 329].

По нашему мнению, принять норманнскую версию мешает несколько обстоятельств, до сих пор не находящихся четкого объяснения. В частности, северные саги нигде, во всяком случае, прямо не говорят о том, что «веринги» в «Миклагарде» (Константинополе) институционализировались как норманнский корпус, и сам термин имеет соответствующие корни. Это весьма странно на фоне того, что саги всячески превозносят мнимые и реальные подвиги норманнов в Византии.

Характеристика варангов в источниках, «секироносные варвары» (*πελεκηφόρους βάρβαρος*) [Comnenae Anna, 1884, p. 84], факт, что носимые на плечах топоры или секиры были их «знаковым типом вооружения» [Луговой, 2005, с. 117], очевидно свидетельствуют о традиции некоего национального, наиболее характерного для данного этноса оружия. Нет сомнений, что норманны с секирой, как и с другим холодным оружием, были неплохо знакомы. Однако в известных традициях и ритуалах викингов на первый план выходят меч, копьё, лук, стрелы и др. [Стриннгольм, 2003, с. 424–437], но никак не *πελεκη*.

Арабский вариант написания этнонима *Варанк* – *Фаранк* копирует вариант греческого названия императорских гвардейцев, *Φάραγγοι*, *Φαράγγων* (довольно ранний и вряд ли случайный, Н. Икономидис определял его как «интересный» [Oikonomydes, 1996, p. 267]).

И по сохранившимся устным формам (в песнях понтийских греков) передачи имени этих «варваров» *фаранги* [Васильевский, 1908, с. 219], возможно, именно глухая, а не звонкая начальная согласная была в этой лексеме правильной.

Названия различных элитных подразделений византийской армии, существовавших до X в. или вошедших к тому времени в состав столичной фемы: *protectores, domestici, scribones, spatharii, candidati, stratori*, как и «царских» отрядов – тагм, имевших более широкое применение: *экскувиты, арифмы, иканаты* и др. [Мохов, 2004; Мохов, 2013, с. 74] обнаруживают греческое или латинское происхождение. «Варвары»-иноземцы, которых источники нередко упоминают в том числе в составе царской охраны, если и составляли костяк регулярных подразделений, то под «ромейским» именем. Так, в трактате «О церемониях» как «македонская» значится часть этерии, т. н. великая этерия [De ceremoniis aulae Byzantinae 1829, p. 576], тюрки и арабы-христиане составляли малую этерию [Мохов, 2004, с. 19].

Таким образом, начальный словообразовательный импульс от * *warāngR* выглядит в указанной схеме довольно проблематичным.

Между тем и иные версии происхождения названия константинопольской дворцовой стражи не более убедительны, в частности южнобалтийская [Грот, 2014; Прохвятилов, 2021], чьи сторонники так и не предоставили внятных доказательств присутствия балтийских славян в Константинополе. Высказанная же еще А.А. Шахматовым возможность происхождения слова *βάρανγοι* от этнонима *Φράγγοι*, франки [Шахматов, 1919, с. 47] хотя и в принципе существует, т. к. франки были реальным «действующим лицом» византийской истории, однако сильно дискредитируется тем, что *Φράγγοι* и *βάρανγοι* выступают рядом, в одних и тех же источниках, но явно как разные силы или подразделения [Штриттер, 1774, с. 170; Michaelis Attaliateae Historia, 2011, p. 186].

Объекты и методы исследования

Объяснению, на наш взгляд, подлежит факт, что упомянутый вариант *Φαράγγοι* практически или идеально точно воспроизводит во множественном числе греческую лексему *Φαράγγος* со значениями от «утес» до «ущелье, узкая горная долина». Напомним, что основой оборонительной системы Византии в Малой Азии в VIII–IX вв. служили *клизуры* с довольно близкой семантикой «горный проход» [Oxford Dictionary of Byzantium, 1991-2, p. 1132; Кашляк, 2005, с. 133]. Вряд ли случайно и то, что упомянутые герои понтийских песен, *фаранги*, действовали именно в клисурах [Васильевский, 1908, с. 219]. Вместе с тем термины, означавшие укрепления и подразделения (небольшие военные округа), охранявшие ущелья, видоизменялись в соответствии со временем и византийскими границами. Так, уже в XIII в. схожую семантику приобрел термин *δρόγγα, друнга*, до этого означавший просто один из типов небольших воинских отрядов [Oxford Dictionary of Byzantium, 1991-1, p. 664]. Но еще до создания системы клисур лексема *Φαράγγοι* могла использоваться в том же контексте, о чем свидетельствует, в частности, название крепости *Φαράγγιον* в горном районе Спер, предмете острого соперничества Византии с Персией [Procopius of Caesaria, p. 138].

Предположение, что термин *Φαράγγοι* мог происходить из собственно греческо-византийской военной терминологии, логически соотносится со временем появления лексемы в источниках и фактами трансформации оборонительной системы империи во второй половине X – первой четверти XI в. Тогда от фемной системы, включавшей оборону пограничных крепостей подразделениями регулярных войск, Византия перешла к трехчастной, в рамках которой границы оборонялись иррегулярными и полурегулярными отрядами стратиотов [Капсалыкова, 2017]. В рамках такого сопоставления появление *фарангов* во внутренних фемах и даже в дворцовой страже по-своему логично: им просто не стало места в новой системе пограничной обороны.

Однако при всей кажущейся привлекательности такой схемы она вряд ли может быть принята за основу без ответа на два вопроса: об отсутствии каких-либо сведений о постоянных и не локальных, как в Спере, отрядах *фарангов* (*варангов*) ранее 1034 г. (сообщение Скилицы, причем ретроспективное, сам он писал полувеком позже), а также о смысле превращения греческого *Φάραγγοι*, причем в текстах самих греков, в как будто искаженное, «варварское» *βάρραγγοι*.

Ответ на первый вопрос, на наш взгляд, следует выбирать из двух вариантов, имеющих лексико-семантические и историко-культурные обоснования. В частности, речь идет об одной из немногих известных характеристик варангов, связанных с их обычаями. Комментируя их описание у Скилицы, Г.Г. Литаврин полагал, что их характеризуют железная дисциплина и «рыцарский культ», проявляемый в отношении к женщине. При этом отмечалось, что подобные черты опережают развитие традиционных рыцарских культов Западной Европы [Литаврин, 1999, с. 5]. Следует отметить, что комплекс своеобразных ритуалов и обычаев, а также системы обучения, характеризующийся как рыцарство, складывался и на Востоке на базе системы воспитания, именуемой *фраханг* у иранцев [Кашляк, 2005, с. 133]. Форма *frāhang*, в Аббасидскую эпоху принявшая вид *farhang* (буквально «знание»), привлекает внимание своим сходством с *Φάραγγοι*, *Φαράγγος*. Не случайно Н. Адонц, рассматривая вопрос о названии упомянутой крепости в Спере, пытался связать его именно с *farhang* [Адонц, 1908, с. 26]. Хотя ученый придавал этому слову весьма расширительное толкование, сама логика представляется правильной. Несмотря на то, что *farhang* изначально касалась персидской конной военной элиты, можно предполагать ее постепенную эволюцию уже в Византии в соответствии с изменением военной системы и места, которое в ней занимали персидские отряды.

Второй вариант просматривается в неких *Φαρυάγοι*, отмеченных среди охраны византийских василевсов IX–X вв. [Штриттер, 1774, с. 164–165]. А.П. Каждан полагал этот термин искаженным названием *варангов* [Две византийские хроники X в., 1959, с. 86]. Вместе с тем современные исследователи, с одной стороны, под влиянием свидетельств о службе *фарганов* при дворе арабских халифов, с другой – из-за лингвистических трудностей перехода *фарган* > *варанг*, предпочитают выносить этот вопрос за рамки дискуссии о дворцовой гвардии Византии.

По нашему мнению, такая позиция связана лишь со стереотипом скандинавского происхождения константинопольских гвардейцев, куда охрана еще и халифов не вписывается. В рамках таких представлений *Φαρυάγοι* предстают скорее ферганцами [Хроника Симеона Магистра Логофета, 2014, с. 179]. Однако, в отличие от других этнических отрядов-перебежчиков из Халифата (мардаитов, персов, арабов и др.), в источниках не зафиксировано случаев миграции в Византию из весьма далекой от нее Ферганы. Зато семантика топонима Фергана (Фаргана) «межгорная долина» [Аюбов, 2017, с. 63] демонстрирует некоторую близость к вышеупомянутому греческому «узкая горная долина». Представляется довольно интересным сблизить *Φαρυάγοι* не с жителями Средней Азии, а с персоязычными воинами-защитниками вообще «межгорных долин». С учетом того, что оборонительные рубежи персов, а затем и арабов также строились вокруг межгорных проходов, не было бы ничего удивительного в том, что ираноязычные воины-перебежчики стали нести такую же службу в Византии.

Таким образом, оба варианта связаны с иранской лексикой, и здесь возникает ряд вопросов, в частности, о возможности и времени появления таких заимствований. Они, как нам кажется, находят ответ в факте массового исхода в Византию ираноязычных воинов, связанном с религиозным движением хуррамитов. Восстания представителей этого движения и подавление их Аббасидами вызвали только в 830-е гг. две или три волны миграций, насчитывавших вместе до 30 тысяч воинов [Мехамадиев, 2020, с. 216]. Любопытно, что, несмотря на все повороты участи вновь созданной «персидской турмы» в составе византийской армии, включая поддержку хуррамитами императора Феофила, а затем уча-

стие в заговоре против него, распыление этой турмы по различным фемам очевидно, эти воины-мигранты оставили значительный след в истории империи. Несмотря на формальную опалу со стороны Феофила, по-видимому, персы были прощены им и в основном были использованы для охраны восточных границ Византии [Korramis in Byzantium]. Там, например, в Халдии рядом со Спером персидские отряды – тагмы – отмечаются до середины – второй половины X в. [Меxамадиев, 2020, с. 218] Несомненно, что, поскольку большинство этих воинов мигрировало холостыми, а император «предоставил им жен» [Меxамадиев, 2020, с. 213], происходило их смешение с местным населением. Однако, поскольку противостояние хуррамитов и мусульманских правителей в прикаспийских областях Ирана продолжалось и в начале X в. [Rekaaya, 1984, pp. 52–43], можно предполагать и другие волны перебежчиков к грекам и, следовательно, несмотря на крещение мигрантов, поддержание определенной культурной традиции (хотя и исключавшей использование ими самоназвания, связанного с хуррамитским культом).

На связь корпуса варангов с традициями хуррамитов может указывать свидетельство «Саги о людях Лососевой долины», что вернувшиеся со службы из этого корпуса Болли Боллисон и его спутники поразили северян в том числе такой деталью внешнего вида, как ярко-красные плащи [Laxdoela Saga, 1920, s. 237]. Именно красный цвет одежд был характерной чертой, выделявшей хуррамитов, в том числе в византийском войске [Меxамадиев, 2020, с. 213]. Одно из немногих личных имен известных варангов, Ναυλίτος, вариант которого Блэндаль воспроизводит как Nabites и считал прозвищем скандинавского или английского происхождения [Blöndal, 2007, p. 123, 216], однако, находит аналогию именно в антропониме (не прозвище) ирано-персидского происхождения. Речь идет о Ναβέδης, известном еще во времена Прокопия [Justi, 1895, p. 218].

Результаты и их обсуждение

Возможно, предыстория термина *Φάραγγοι* выглядит, скорее, «иранской». Именно этим, возможно, и объясняется его длительное отсутствие в греческих источниках, гнушавшихся его «варварским» характером, но постепенно «национализировавших» его.

Вместе с тем остается вопрос о трансформации термина *Φάραγγοι* уже в *βάραγγοι*, форму, наиболее распространенную в источниках и кажущуюся мало связанной как с иранским, так и греческим языками. Оснований видеть здесь какое-либо норманнское влияние, по нашему мнению, нет. Термин *варяги*, применявшийся в древнерусском летописании по отношению к этносу, обитавшему как в ряде районов Балтии, так и в глубине восточной Европы, едва ли может быть, во всяком случае, в контексте IX–X вв. связан со скандинавами [Виноградов, 2020]. Вместе с тем А.А. Шахматов не случайно полагал, что *βάραγγοι* – это не просто чужеродное вкрапление в греческую лексику, а более сложный случай, по его мнению, «переделка» имени (хотя и ошибочно связывал этот случай с франками и аvaraми) [Шахматов, 1919, с. 47].

В этой связи нельзя не вспомнить, что подразделения, претендовавшие на царскую охрану, часто имели названия не просто греческого или латинского корня, но связанные с их типом оружия: так, *манглавит* переводят как «булавоносец», возводят к *manuclavium* – палица [Мохов, 2004, с.125], *снафарии* обязаны названием мечу. Считаем не лишним предположение, что упомянутый фонетический переход, «переделка» имени императорской гвардии связаны с ее характеристикой как отряда «секироносных варваров».

Сам по себе топор на длинной ручке, секира, являлась интернациональным оружием, ее использовали и скандинавы, и аланы, и различные малоазиатские народности, и, кстати, долго выполнявшие функции императорской охраны армяне [Луговой, 2005, с. 118], изображение секиры заметно и в иллюстрированных трудах из Матенадарана [Димидюк, 2019, с. 46]. Однако ни в какой воинской традиции она не играла столь эксклюзивной роли, как у *варангов*. Вместе с тем нельзя не отметить, что последние оплоты хуррамитов

находились в горных южных прикаспийских районах, резко отличающихся от остальной Персии обилием лесов. И занятия населения данного региона издавна были связаны с рубкой леса, еще в XIX в. в Табаристане, само название которого, возможно, связано с соответствующей семантикой, практически невозможно было встретить мужчину без топора [Дорн, 1875, с. 71]. Нельзя исключить, что топор-секира в Константинополе стал скорее символом воспоминаний, традиций прикаспийских хуррамитов.

Вместе с тем эти традиции, несомненно, трансформировались ввиду постепенного смешения их носителей с населением регионов, где они несли службу, а это были прежде всего малоазиатские армянские регионы. Кроме того, *варанги* как императорская гвардия заменили около 980 г. именно армянских телохранителей [Мельникова, 1998, с. 162]. В этой связи нельзя не обратить внимания на особенность армянского лексикона, в котором начальное *Φ*, за исключением некоторых заимствованных имен собственных, практически не употребляется. С другой стороны, показательным кажется средневековое армянское название топора, которое исследователи воспроизводят как *вагхр* [Димидюк, 2019, с. 41]. На наш взгляд, речь может идти об участии этого термина в эволюции имени *Φάραγγοι*, с заменой глухого звука на звонкий и параллельной контаминацией, заменой потерявшего первоначальный и чуждый армянам смысл слова на «вооруженные секирами, топорами».

«Арменизация», на наш взгляд, может объяснить и сам казус присутствия в прежде сугубо греческо-латинской среде столичной фемы иноязычного обозначения престижного воинского контингента. От всех прочих этнических влияний в этой терминологии византийская традиция высокомерно открещивалась, как от «варварских». Персидскому же, на наш взгляд, термину для укоренения в Византии пришлось пережить греческую «адаптацию». Однако другое отношение, по всей видимости, к концу X в. сложилось по отношению к армянской терминологии. После бурного роста числа не только придворной знати, полководцев, но и самих императоров армянского происхождения, превращения империи, по сути, в византийско-армянскую державу снобизм Константинополя в отношении слов такого происхождения наверняка дал трещину. В условиях, когда грецизированный термин *Φάραγγοι* потерял смысл из-за превращения «защитников ущелий» в столичную гвардию, искаженное слово *βάρανγοι*, воспринимавшееся уже как армянское, было легализовано греками, а также сменявшими персов и армян новыми контингентами гвардейцев – по преимуществу скандинавами, а также, видимо, жителями Британских островов.

Заключение

Таким образом, история появления термина *βάρανγοι* в нашей гипотезе представляется достаточно сложной. Термин родился и претерпел первоначальные изменения в одной этнокультурной среде, затем в соответствии с новым географическим и военно-административным статусом его носителей поменял форму, и, наконец, под влиянием нового этнического элемента принял окончательный вид, в каком его узнали далеко за пределами Византии. Но при этом такая комбинация позволяет, на наш взгляд, дать ответы на вопросы, которые не решаются в рамках существующих концепций.

Список литературы

- Адонц Н. 1908. Армения в эпоху Юстиниана. Т. I. СПб, Типография Императорской Академии Наук. XIV. 526.
- Аюбов А.Р. 2017. Население древней Ферганы: саки или парикане? В: Номан донишгох. Ученые записки № 3: 61–66.
- Васильевский В.Г. 1881. Советы и рассказы византийского боярина XI века. ЖМНП. т. ССХVI: 316–357.
- Васильевский В.Г. 1908. Труды. Т. 1. СПб, Тип. Имп. Академии Наук, VIII +401.
- Виноградов А.Е. Варангерфьорд и Варанголимен: «гавани варягов» или созвучия? В: Вестник МГПУ. Серия История. Политология. 2022. 1: 5–18.

- Виноградов А.Е. 2020. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы. В: Вестник МГПУ. Серия История. Политология. 1: 8–20.
- Грот Л.П. 2014. «Варины – варяги – вэринги»: судьбы в истории и историографии. В: Начала Русского мира. 1 (1): 67–88.
- Две византийские хроники X в. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. 1959. Перевод и комментарии А.П. Каждана. М., Издательство Восточной литературы. 264
- Димидюк Д. 2019. Холодное оружие в армянских хрониках эпохи Багратидов (конец IX – сер. XI вв.): терминология вопроса. В: История и культура. Арменоведческий журнал. 2: 33–47.
- Дорн Б.А. 1875. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб; Тип. Императорской академии наук, [IV, LVI] 718.
- Капсалькова К.Р. 2017. Регулярная армия и традиционное общество в Византийской империи в X – первой половине XI в. В: Вестник Вятского ГУ. 12: 92–99.
- Кашляк Г. 2005. Византийская пограничная дружина. В: Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М.М. Нікольскага і У.М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В.А. Фядосік і І.А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ: 133–136.
- Литаврин Г.Г. 1999. Варяги и византийка. В: Славяноведение. 2: 4–6.
- Луговой О. 2005. Комплекс вооружения и другие аспекты материальной культуры отрядов византийских варангов. В: Антропологические исследования в Молдове. 6: 117–120.
- Мельникова Е.А. 1998. Варяги, Варанги, Вэринги: Скандинавы на Руси и в Византии. В: Византийский временник. Т. 55 (80), ч. 2, М., Наука: 159–164.
- Мехмадиев Е.А. 2020. Персы-хуррамнты на службе в Византийской армии в 833–839/840 гг.: военный ранг и функции персидских войсковых подразделений. В: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. 6: 211–221.
- Мохов А. 2004. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. В: Известия Уральского государственного университета. 7 (31): 14–34.
- Мохов А. 2013. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та. 278.
- Николаева Т. 2009. Секироносцы. Варяги на службе Византии: русский след. В: Родина. 5: 58–59.
- Прохватиллов И.В. 2021. Первоначальный этнический состав «варяжской гвардии» Византии. В: Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Сборник научных трудов. Отв. редактор О.В. Розина. М., 177–191.
- Романчук А.А. 2016 Варяги и варязи: к вопросу об этимологии и времени возникновения этнонима варяг. В: Восточно-европейский научный вестник. 2: 65–72.
- Стриннгольм А. Походы викингов. М., Гранзиткнига, 2003. 736.
- Хроника Симеона Магистра Логофета. 2014. Комм. П.В. Кузенкова. М., Университет Дмитрия Пожарского. 264 с.
- Шахматов А.А. 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Пг, Русский исторический журнал. 64 с.
- Штриттер И. 1774. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю с древнейших времен / СПб, Императорская Академия Наук, XIX+226.
- Blöndal S. 2007. The Varangians of Byzantium. Cambridge – N.Y., Cambridge Un. Press. 260.
- Comnenae Anna. 1884. Alexias. Lipsiae, B.G. Teubner. XXVIII+344.
- D’Amato R. 2011. The Golden Age of the Varangian Guard. In: Medieval Warfare V. 1 2: 24–27.
- De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo. 1829. Bonnae, E. Weber. LXII+887.
- Jacobsson S. 2020. The Varangians. In God Holy Fair. Cham (Switzerland), Palgrave MacMillan. 230.
- Justi. F. 1895. Iranisches Namenbuch. Marburg, N.G. Elwert. 526.
- Korramis in Byzantium. In: Iranicaonline. [Электронный ресурс]. <https://www.iranicaonline.org/articles/korramis-in-byzantium>
- Laxdoela Saga. 1920. Túlk. B. Sveinsson. Reykjavik, S. Kristjánsson. 288.
- Laxdoela Saga. 1920. Túlk. B. Sveinsson. Reykjavik, S. Kristjánsson, 288.
- Lindt J. 2009. The importance of Varangian traditions of East-West Collaboration and Confrontation in the 12th-13th centuries. In: Expansion-Integration. Danish-Baltic contacts 1147–1410 A.D. Vordingborg, DanMark Borgcenter: 27–37.

- Michaelis Attaliatae Historia. 2011. Ed. E. Th. Tsolakakis. Athenis Academia Atheniensis. Institutum Litterarum Graecarum et Latinarum Studiis Destinatum. XCV, 322.
- Oikonomydes N. 1996. Fiscalité et exemption fiscale a Byzance (IX–XI s.). Athènes, Institute de Recherches Byzantine. 324.
- Oxford Dictionary of Byzantium. 1991–2. Ed. in chief A. Kazhdan. V. 2. New York – Oxford, Oxford University Press. XXI+744.
- Oxford Dictionary of Byzantium. 1991–1. Ed. in chief A. Kazhdan. V. 1. New York – Oxford, Oxford University Press, XLV+728.
- Procopius of Caesaria. 1914. History of the Wars. T. 1. New York – London, W. Heinemann. The Macmillan Co. 557.
- Rekaya M. 1984. Le Hurrām-din et les mouvements Hurrāmītes sous les Abbāsides *Studia Islamica*, № 60: 5–57.

References

- Adonc N. 1908. Armeniya v epohu Yustiniana [Armenia in the era of Justinian]. T. I. St.-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. XIV +526 (in Russian).
- Ayubov A.R. 2017. Naselenie drevnej Fergany: saki ili parikane? [The population of ancient Ferghana: Saks or Parikans?]. In: *Noman donishgoh. Uchenye zapiski [Scientific notes]* № 3: 61–66 (in Russian).
- Vasil'evskij V.G. 1881. Sovety i rasskazy vizantijskogo boyarina XI veka [Councils and stories of the Byzantine boyar of the XI century]. *ZHMNP [Journal of the Ministry of Public Education]* t. CCXVI: 316–357 (in Russian).
- Vasil'evskij V.G. 1908. Trudy [Works]. T. 1. St.-Petersburg, Tip. Im. Akademii Nauk, VIII +401 (in Russian).
- Vinogradov A.E. 2022. Varangerford i Varangolimen: «gavani varyagov» ili sozvuchiya? [Varangerfjord and Varangolimen: “harbors of the Varangians” or consonances?]. In: *Vestnik MGPU. Seriya Istoriya. Politologiya [MGPU Bulletin. Series History. Political science]* № 1: 5–18 (in Russian).
- Vinogradov A.E. 2020. Kul'tura dlennykh kurganov v svete varyazhskoj problemy [The culture of long mounds in the light of the Varangian problem]. In: *Vestnik MGPU. Seriya Istoriya. Politologiya [MGPU Bulletin. Series History. Political science]*. 1: 8–20 (in Russian).
- Grot L. 2014. «Variny – varyagi – veringi»: sul'by v istorii i istoriografii [“Varins – Varangians – Warings”: sulbs in history and historiography]. In: *Nachala Russkogo mira [Beginnings of the Russian World]*. 1 (1): 67–88 (in Russian).
- Dve vizantijskie hroniki X v. Psamafijskaya hronika. Ioann Kameniata. Vzyatie Fessaloniki. 1959. Perevod I kommentarii A. Kazhdana [Two Byzantine chronicles of the 10th century. Psamaphic Chronicle. John Kameniata. Capture of Thessalonica]. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoj literatury. 264 (in Russian).
- Dorn B.A. 1875. O pohodah drevnih russkih v Tabaristan, s dopolnitel'nymi svedeniyami o drugih nabegah ih na pribrezh'ya Kaspijskogo morya [About the campaigns of the ancient Russians in Tabaristan, with additional information about their other raids on the shores of the Caspian Sea]. St.-Petersburg, T. I. Imperatorskoj akademii nauk [IV, LVI] 718 (in Russian).
- Dimidyuk D. 2019. Holodnoe oruzhie v armyanskikh hronikah epohi Bagratidov (konec IX – ser. XI vv.): terminologiya voprosa [Melee weapons in the Armenian chronicles of the Bagratid era (late IX – mid-XI centuries): terminology of the issue]. In: *Istoriya i kul'tura. Armenovedcheskij zhurnal. [History and Culture. Armenian Studies Journal]*. 2: 33–47 (in Russian).
- Kapsalykova K.R. 2017. Regulyarnaya armiya i tradicionnoe obshchestvo v Vizantijskoj imperii v X – pervoj polovine XI v. [Regular army and traditional society in the Byzantine Empire in the X – the first half of the XI century]. In: *Vestnik Vyatskogo GU [Bulletin of the Vyatka State University]*. 12: 92–99 (in Russian).
- Kashlyak S.G. 2005. Vizantijskaya pogranichnaya družhina [Byzantine border squad] / S.G. Kashlyak In: *Listapadaŭskiya sustrechy – 5. Prablemy starazhytnasci i syarednyavechcha: Zbornik artykulaŭ pa materyyalah Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi ŷ gonar akademikaŭ M.M. Nikol'skaga i U.M. Percava (13–14 listapada 2003 g., Minsk) [November meetings – 5] / Navuk. red. V.A. Fyadosik i I. A. Eŷtuhoŷ. – Minsk, BDU: 133–136 (in Russian).*

- Litavrin G.G. 1999. Varyagi i vizantijska [Varangians and Byzantine]. In: Slavyanovedenie [Slavic Studies], 2: 4–6 (in Russian).
- Lugovoj O. 2005. Kompleks vooruzheniya i drugie aspekty material'noj kul'tury otryadov vizantijskih varangov [Armament complex and other aspects of the material culture of the Byzantine monitor lizards]. In: Antropologicheskie issledovaniya v Moldove [Anthropological research in Moldova], 6: 117–120 (in Russian).
- Mel'nikova E.A. 1998. Varyagi, Varangi, Veringi: Skandinavcy na Rusi i v Vizantii [Varyagi, Varangi, Varingi: Scandinavians in Russia and Byzantium]. In: Vizantijskij vremennik [Byzantine Timeline]. T. 55 (80), ch. 2, Moscow, Nauka: 159–164 (in Russian).
- Mekhamadiev E.A. 2020. Persy-hurramity na sluzhbe v Vizantijskoj armii v 833–839/840 gg.: voennyj rang i funkcii persidskih vojskovykh podrazdelenij [Persians-Khurrmites in the service of the Byzantine army in 833–839/840: military rank and functions of the Persian military units]. In: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4]. T. 25. 6: 211–221 (in Russian).
- Mohov A.S. 2004. Voennye preobrazovaniya v Vizantijskoj imperii vo vt. pol. X – nachale XI v. [Military transformations in the Byzantine Empire in the second half of the 10th – early 11th centuries]. In: Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Ural State University], 7 (31): 14–34 (in Russian).
- Mohov A.S. 2013. Vizantijskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnyh struktur [Byzantine army in the middle of the VIII – the middle of the IX century: the development of military administrative structures]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 278 (in Russian).
- Nikolaeva T. 2009. Sekironoscy. Varyagi na sluzhbe Vizantii: russkij sled [Ax-bearers. Varangians in the service of Byzantium: Russian trace]. In: Rodina [Motherland], 5: 58–59 (in Russian).
- Prohvatilov I.V. 2021. Pervonachal'nyj etnicheskij sostav «varyazhskoj gvardii» Vizantii [The initial ethnic composition of the "Varangian guard" of Byzantium]. In: Duhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kul'ture Rossii. Sbornik nauchnyh trudov. Otv. redaktor O.V. Rozina [Spiritual heritage of Byzantium and Athos in the history and culture of Russia]. Moscow: 177–191 (in Russian).
- Romanchuk A.A. (2016) Varyagi i varyazi: k voprosu ob etimologii i vremeni vozniknoveniya etnonima varyag [Varangians and Varyazi: on the issue of etymology and the time of occurrence of the ethnonym Varangian]. Vostochno-evropejskij nauchnyj vestnik [East European Scientific Bulletin]. 2: 65–72 (in Russian).
- Strinnholm A. 2003. Pohody vikingov [Viking expeditions]. M., Tranzitkniga, 736 (in Russian).
- Hronika Simeona Magistra Logofeta. 2014 [Chronicle of Simeon Magister Logofet]. Komm. V. Kuzenkova. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 264 (in Russian).
- Shahmatov A.A. 1919. Drevnejšie sud'by russkogo plemeni [The most ancient fate of the Russian tribe] Petrograd [Russian historical journal]. 64 s. (in Russian).
- Shtritter I. 1774. Izvestiya vizantijskih istorikov, ob"yasnyayushchie rossijskuyu istoriyu s drevnejših vremen [News of Byzantine historians explaining Russian history from ancient times]. / St.-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. HIX+226 (in Russian).
- Blöndal S. 2007. The Varangians of Byzantium. Cambridge – N.Y., Cambridge Un. Press. 260.
- Comnenae Anna. 1884. Alexias. Lipsiae, B.G. Teubner. XXVIII+344.
- D'Amato R. 2011. The Golden Age of the Varangian Guard. In: Medieval Warfare V. 1 2: 24–27.
- De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo. 1829. Bonnae, E. Weber. LXII+887.
- Jacobsson S. 2020. The Varangians. In God Holy Fair. Cham (Switzerland), Palgrave MacMillan. 230.
- Justi. F. 1895. Iranisches Namenbuch. Marburg, N.G. Elwert. 526.
- Korramis in Byzantium. In: Iranicaonline. [Электронный ресурс]. <https://www.iranicaonline.org/articles/korramis-in-byzantium>
- Laxdoela Saga. 1920. Túlk. B. Sveinsson. Reykjavik, S. Kristjánsson. 288.
- Laxdoela Saga. 1920. Túlk. B. Sveinsson. Reykjavik, S. Kristjánsson, 288.
- Lindt J. 2009. The importance of Varangian traditions of East-West Collaboration and Confrontation in the 12th-13th centuries. In: Expansion-Integration. Danish-Baltic contacts 1147–1410 A.D. Vordingborg, DanMark Borgcenter: 27–37.
- Michaelis Attaliatea Historia. 2011. Ed. E. Th. Tsolakakis. Athenis Academia Atheniensis. Institutum Litterarum Graecarum et Latinarum Studiis Destinatum. XCV, 322.

- Oikonomydes N. 1996. Fiscalité et exemption fiscale a Byzance (IX–XI s.). Athènes, Institute de Recherches Byzantine. 324.
- Oxford Dictionary of Byzantium. 1991–2. Ed. in chief A. Kazhdan. V. 2. New York – Oxford, Oxford University Press. XXI+744.
- Oxford Dictionary of Byzantium. 1991–1. Ed. in chief A. Kazhdan. V. 1. New York – Oxford, Oxford University Press, XLV+728.
- Procopius of Caesaria. 1914. History of the Wars. T. 1. New York – London, W. Heinemann. The Macmillan Co. 557.
- Rekaya M. 1984. Le Hurrām-din et les mouvements Hurrāmītes sous les Abbāsides *Studia Islamica*, № 60: 5–57.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.05.2023

Received 25.05.2023

Поступила после рецензирования 16.07.2023

Revised 16.07.2023

Принята к публикации 16.07.2023

Accepted 16.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, Independent researcher, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)

УДК 94(44)"11"(093)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-606-615
Оригинальное исследование

Chronicon breve de gestis Aldeberti

Зубов Д.Д.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

Аннотация. Данная публикация содержит комментированный перевод на русский язык «Chronicon breve de gestis Aldeberti», произведения, созданного во 2-й половине 60-х гг. XII в. в Манде – столице жеводанской епархии. Это анонимное историческое сочинение представляет собой редкий образец окситанской историографической традиции, крайне скудной, а потому малоизученной на сегодняшний день. Помимо того, «Краткая хроника» раскрывает сложную судьбу церкви на юге Франции, отдалённой от культурных очагов и королевского двора. Основную канву её беспорядочного повествования составляют мероприятия епископа Альдеберта III де Турнель, направленные на борьбу за свои права со светскими феодалами и на поддержание мира в Жеводанской епархии. Хроника позволяет в деталях проследить начало процесса становления епископов Мандских в качестве светских правителей Жеводана, а также ярко маркирует первую попытку использования ими прошлого для решения актуальных политических проблем. Перевод даётся по наиболее авторитетному изданию Кловиса Брюнеля.

Ключевые слова: Окситания, Жеводан, Альдеберт III де Турнель, средневековая историография

Для цитирования: Зубов Д.Д. 2023. Chronicon breve de gestis Aldeberti. Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 606–615. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-606-615

Chronicon breve de gestis Aldeberti

Daniil D. Zubov

Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

Abstract. This publication contains a commented translation into Russian of «Chronicon breve de gestis Aldeberti», a work created in the 2nd half of the 60s of the XII century in Mande – the capital of the Diocese of Gévodan. This anonymous historical work is a rare example of the Occitan historiographical tradition, which is extremely scarce, and therefore little studied today. In addition, the «Brief Chronicle» reveals the difficult fate of the church in the south of France, remote from cultural centers and the royal court. The main outline of her disorderly narrative consists of the activities of Bishop Aldebert III de Tournelle, aimed at fighting for their rights with secular feudal lords and maintaining peace in the Diocese of Gévodan. This chronicle allows us to trace in detail the beginning of the process of formation of the Bishops of Mande as secular rulers of Gévodan, and also vividly marks the first attempt by them to use the past to solve current political problems. The translation is given according to the most authoritative edition of Clovis Brunel.

Keywords: Occitania, Gévodan, Aldebert III de Tournelle, medieval historiography

For citation: Zubov D.D. 2023. Chronicon breve de gestis Aldeberti. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 606–615 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-606-615

Введение

Средневековая окситанская историографическая традиция крайне бедна, скупа и нередко приближалась к тому, что сегодня называют «народной историографией». Во многом это связано не только с утерей рукописей, но и с особенностями местного общества и геополитическим положением Окситании. Удалённость от центра становления государства Капетингов и быстрое развитие юридической культуры уготовили истории на Юге Франции подчинённое положение, самозамыкание и в конечном счёте «крах» [Гене, 2002, с. 355–356]. Однако, несмотря на столь неутешительный диагноз Бернара Гене, историческая культура в Окситании никогда не исчезала полностью. Благородные роды Нижнего Лангедока и Прованса продолжали помнить о сражениях своих предков с сарацинами [Mazel, 2006], в некоторых монастырях и городах составлялись анналы и хронологические таблицы [Bisson, 1990, p. 285–286].

В XII в., в эпоху очередного «возрождения», южная историография стала отходить от «хронологий, генеалогий и выцветших топосов старой историографии» [Bisson, 1990, p. 305]. Как кажется, более всего повлиял на этот процесс возросший уровень юридической культуры [Cotts, 2013, p. 171–173]. Новые традиции написания истории были порождены утомительными и запутанными спорами о правах. Прежде всего, между представителями интеллектуальных элит: церковной и светской. Такая тяжба между епископом и рыцарской знатью породила один из наиболее примечательных памятников окситанской историографии – «Краткую хронику деяний Альдеберта».

Объект и методы исследования

Несомненным героем её, возможно столь же исключительным для современников, как и персонажи «песен о деяниях», является епископ города Манд в Жеводане – Альдеберт III (1151–1187/1188 гг.). Происходил он из рода, который в середине XIII в. станет именоваться «баронами де Турнель» [Brunel, 1912, p. XXV]. Однако же во время жизни епископа, похоже, данный замок принадлежал одной из ветвей обширного рода Шатонёф-Рандон [Remy, 2000, p. 43]. По этой причине Альдеберта де Турнель могут именовать Альдебертом де Шапью – по наименованию замка, который он возвёл. Вероятно, это название носил его род до перемещения своего центра в Турнель, на что указывает прозвание тробайрицы XII в. Изольды (Изеут) де Шапью [Мейлах, 1993, с. 195]. О жизни Альдеберта до его становления епископом известно очень немного: он занимал должность прево Мандской церкви и был каноником в Ле-Пюи [Brunel, 1912, p. XXVII]. Однако, вступив в должность, Альдеберт начал действовать активно и даже агрессивно, пытаясь восстановить права, престиж и власть епископа во вверенном ему регионе. Так, представители могущественных родов Гарен де Шатонёф и Гильом де Рандон уже в 1151 г. принесли ему оммаж за замок Рандон [Stronski, 1907, p. 43]. Подобные энергичные действия составляют основную канву повествования «Краткой хроники». Кульминационным моментом деятельности епископа стало получение им «Золотой буллы» от короля Франции Людовика VII, которая даровала тому суверенную власть над Жеводаном. Если его правитель, граф Раймон Беренгер II, был слишком занят войнами с феодалами Прованса [Aurell, 1985, p. 179], то жеводанские бароны, без участия и согласия которых Альдеберт заключил соглашение с королём, посчитали такой акт узурпацией их прав, а потому подняли восстание [Bulman, 2008, p. 24]. Началось оно в 1163 г., когда епископ отбыл вместе с папой Александром III на Турский собор. Краткое описание дальнейших событий оставил сам Альдеберт в «Opuscules» – сочинении, созданном в 70-е гг. XII в. и описывающем обнаружение мощей св. Привата, их перенос, а также последующие чудеса. «Ведь и наши (люди) напали на наш собственный замок, вынесли награбленное, устроили пожар, и чужеземцы на общественной дороге, что находились под нашим покровительством, таким же образом были ограблены. Это (было) началом страданий, ибо на протяжении семи лет грабежи, отчуждения, поджоги не прекращались во всём нашем диоцезе, так что, по мере того как зло непрерывно увеличивалось, каждый день

становился хуже предыдущего»⁹ [Brunel, 1912, p. 34–35]. У нас практически нет сведений о конкретных участниках данного восстания. Поименно можно назвать лишь Гига-Мешена де Турнель [Brunel, 1912, p. XXXII], брата Альдеберта, да Гарина д'Апчьера, в сирвентах против которого трубадур Торкафоль упоминает, что барон стал врагом «*reis de Fransa*», или что он «нападал на тех, кто носит крест и колокольчик» (т. е. священнослужителей») («*assail a cels que an croz e sonail*») [Appel, 1898, p. 40–42]. По всей видимости, епископу пришлось бороться против баронской оппозиции своими силами, так как король Людовик VII вступил в длительное противостояние с графом и дофином Овернскими, на чьей стороне в 1167 г. выступил Генрих Плантагенет [Prouzet, 1846, p. 246], а граф Прованса и виконт Жеводана Раймон-Бернгер погиб в 1166 г., что вылилось в противостояние графа Тулузы и короля Арагонского за обладание его наследством [Moline de Saint-Yon, 1859, p. 446]. Во всяком случае, ок. 1170 г. военные действия прекратились. Епископ пошёл на некоторые уступки своему брату, отдав тому отцовское наследство и Шапью [Brunel, 1912, p. XXXVI–XXXVII], однако в остальном, похоже, одержал победу. От второй половины его правления до нас дошло лишь несколько хартий. Скончался Альдеберт в 1187 или в 1188 гг.

По всей видимости, «Краткая хроника деяний Альдеберта» создавалась в бурные годы баронского восстания, т. е. примерно в промежуток с 1165 по 1170 гг., на что указывает последний параграф, где содержится намёк на боевые действия, исход которых ещё не предрешён. По своей сущности данное сочинение близко к кафедральным хроникам, появившимся в XII в. как на севере Франции, так и на юге (например, в Ле-Пюи [Chevalier, 1891, p. 151–166] и Магеллоне [Berthele, 1908, p. 123–141]). Весьма вероятно, что Альдеберт мог быть с ними знаком. Создавались такие исторические труды в похожих обстоятельствах: перед их авторами стояла необходимость отстоять права епископа от каких-либо посягательств. Для этих целей в основном они прибегали к церковным документам, которые тогда же начали систематизировать в картуляриях. Образ главы епархии также схож. Если в «Хронике Сен-Пьер-дю-Пюи» епископы предстают справедливыми блюстителями прав церкви и хранителями мира [Bisson, 1990, p. 303], то таким же рисуется и Альдеберт в «Краткой хронике». Отличительная же её черта состоит в том, что повествование ведётся о деяниях лишь одного человека. Возможно, на это повлияла не только исключительность Альдеберта III, но и беспорядок в архивах, вызванный восстанием. Этим же можно объяснить сбивчивость и отсутствие какого-либо хронологически упорядоченного изложения. Автор или же авторы «Краткой хроники» неизвестны, однако можно с уверенностью сказать, что он или они были канониками Мандского собора.

Данная публикация содержит первую попытку комментированного перевода выше-названного сочинения. Впервые оно было найдено мандским архивариусом Кловисом Брюнелем в плохо сохранившейся и неполной рукописи «Книги чудес св. Привата» XV в. После текста «Краткой хроники» следовали несколько хартий преемников Альдеберта на посту епископа, которые при переводе мы решили упустить, как не относящиеся конкретно к историографии. Впервые данный труд был издан всё тем же Брюнелем в 1912 г., со-вокупно с «Чудесами св. Привата» и «Opuscules» Альдеберта III де Турнеля [Brunel, 1912, p. 124–139]. В нашей работе за основу было взято это издание и приняты конъектуры французского исследователя. Названия мест и имён собственных, где это возможно, транскрибировались на французском, а не окситанском языке. Мы старались сохранить оригинальный стиль текста, однако в некоторых местах отошли от буквального следования первоисточнику ради большей благозвучности. Прежде всего, это касается параграфов 3, 4, 8, 12, 14, 15, 17.

⁹ «*Nam et nostri proprium nostrum castrum invaserant, predam tulerant, incendia dederant, et extranei in publica que sub cura nostra erant simili modo fuerant debachati. Initia dolorum hec, namque per totuni septenniuni rapine, cedes, incendia in tota dyocesi nostra non cessarunt ita ut, malis jugiter incrementum accipientibus, fierent omni die novissima pejora prioribus*».

Результаты и их обсуждение

«Краткая хроника деяний Альдеберта»

1.

Во имя Господа. Мы желаем, (дабы) всем потомкам сделалось известным что и сколько, а именно замков, укреплений, городов и других владений Альдеберт, епископ Манда, прибавил церкви в своё мирное время.

2.

Прежде всего, именно он укрепил окружающей стеной и валом со всех сторон город Манд¹⁰, что был поселением в полях, и, таким образом, сделал его неприступным, потому как многие тысячи вероломных народов: баски, арагонцы, тевтоны¹¹, – многожды пытавшиеся взять его штурмом, не смогли (этого)¹².

3.

Каждый из четырёх знатных людей, а именно граф Барселонский, сеньор де Каниль-як, сеньор де Долан и сеньор де Кабриер, присвоил себе право собственности в епархии Манда, и (они) заняли в своих собственных и частных домах четыре угла епархии, таким образом ни епископ, ни кто-либо из дома епископа не мог подойти к собору, кроме как через их здания.

Сеньор де Каниль-як присвоил себе в епархии некоторое право, что называется архиклаварией¹³, и, по причине этого права, владел в восточной части епархии нашей собственностью и собственными домами.

Сеньор де Кабриер, якобы претендуя на право архидиакона, имел в южной части епархии дома и укрепления, каковые все достопамятный господин епископ купил за большую цену серебром и с большими дарами, и проданное невозможно было вернуть: (епископ) возвёл на месте архиклавария церковь в честь блаженной священноймученицы Фёклы¹⁴, чтобы место, однажды посвящённое Богу, невозможно было в дальнейшем лишить святости.

Сеньор де Долан же претендовал на господство и распоряжение епископским домом, куда епископ отсутствовал, (а также на) золото, серебро, одежду и всяческую домашнюю утварь; и по этой причине он имел собственный замок в северной части епархии, между собором и домом епископа, обширные дома и большие постройки, которые господин епископ приобрёл и восстановил все провозглашённые по своему титулу права церкви, которые были отторгнуты.

Граф Барселонский¹⁵ же претендовал на первенство и полную власть в епархии Манда и в городе и требовал от епископа клятвы о возвращении города и верности от людей, по этой причине (он) провозгласил сеньора де Долан, рыцарей города¹⁶ и викариев¹⁷

¹⁰ Укрепления были построены между 1165 и 1170 гг.

¹¹ Вероятно, брабанты (см. след. прим.).

¹² Неудачная осада Манда басками и брабантцами («Brabanteorum et Bascolorum») упоминается в «Чудесах Божьей Матери Рокаматурской» [Albe, 1907, p. 277–281], написанных в 1172 г.

¹³ Т. е. имел должность казначея [Vulman, 2008, p. 21].

¹⁴ Т. е. в честь первоученицы св. Фёклы Иконийской (30-е гг. I–II вв.).

¹⁵ Раймон Беренгер II (1136–1166 гг.).

¹⁶ «milites civitatis».

¹⁷ Викарий или вигьер (vigueur) – должностное лицо графа, зачастую выполнявшее свои обязанности в городских центрах. В эпоху Каролингов viguerie – судебный округ, в котором председательствовал vouer – помощник графа. Во время правления Людовика IX (1226–1271 гг.) вигьер – мелкий чиновник лангедокских сенешальств, исполняющий военные, финансовые и судебные обязательства во вверенном округе.

своими вассалами¹⁸. По причине такого господства, он имел в западной части епархии собственный замок, что назывался Капель Фраг, и владел собственной деревней рядом с ним. Однако господин епископ, обдумав всё это, пошёл и продал многое, что имел, и купил всё, чем вышеназванный граф по праву или не по праву владел, имел или требовал в епархии или в городе, или на этих территориях, или в замке дель Пон, или в феодальных владениях, или в викариатах, или в каких-либо иных владениях. Вышеупомянутый граф эту продажу подтвердил, поклявшись на святых Евангелиях, (что) он гарантирует, (чтобы) церковь Манда или город из-за всего этого не претерпевали каких-либо дальнейших неприятностей или споров от кого-либо; и таким образом (епископ) выкупил церковь, стеснённую с четырёх сторон, из рук разбойников¹⁹ и вернул ей вечную свободу.

4.

Также в доме епископа существовал дурной и неслыханный обычай: рыцари города назначали управляющего и главу кухни²⁰ в епископском доме без совета епископа или же против его воли и ежегодно получали от них некоторые подати; они же, хотя и ведали делами епископа, считались подозрительными по причине своей службы²¹... Сверх того, было дано следующее решение: епископ по собственному усмотрению волен назначать или увольнять кого пожелает, рыцари же отстранялись (от этого права).

5.

Некий горожанин имел четверть поместья каноников, что называлось Гирбальс, где каждый год рождалось восемьдесят или более секстариев²² овса для стола каноников. Вышеназванный человек, обманном путём и во вред церкви, притеснив каноников, сдал поместье и его имущество в бессрочную аренду с небольшим ограничением, а именно в двадцать секстариев²³. Епископ Альдеберт же, силой правосудия прекратив ложный договор аренды, вернул каноникам поместье с их имуществом.

6.

Кастеляны²⁴ Планиоля²⁵ владели столь долгое время неким поселением близ Планиоля, которое было собственностью епископа Манда, что память людей едва ли сохранила происхождение (этого) владения. Дабы прервать это владение, доброй памяти Гильом²⁶, предшественник (епископа), пришёл в вышеназванное поселение во время уборки урожая, объявив о своих притязаниях, и там он ничего не получил и (только) оценил стоимость фруктов и всех посевов. Мысль же его была предзнаменованием, что после него возникнет такой преемник, который вернёт поселение с его угодьями церковной власти.

¹⁸ «feudatories suos».

¹⁹ «de manibus latronum».

²⁰ Кловис Брюнель предполагает, что «dispensatorem et principem coquine» – одно лицо, т. е. «управляющий и начальствующий на кухне». Однако это не соответствует грамматике предложения.

²¹ Далее следует лагуна в тексте. При нашем переводе выпущены слова «...eo invito», следующие после лагуны, так как неясен пассаж, к которому они относятся.

²² Секстарий – мера объёма, равная 0,547 л.

²³ Кроме того, секстарий – площадь земли, засеянной одним секстарием зерна.

²⁴ Кастелян, шателен – глава гарнизона замка или же его владелец.

²⁵ Замок Планиоль (Planiol, Planuol) находится на излучине реки Тарн в 42 км к юго-западу от Манда, недалеко от современной коммуны Ла-Мален.

²⁶ Гильом III (епископ с 1123 по 1150 гг.). Мог происходить из могущественных жеводанских семейств Шатонёф-Рандон или Пейре. Обязал каноников своей епархии проживать совместно на регулярной основе, следуя правилу св. Августина [Pascal, 1853, p. 192–193].

7.

Гарен де Шатонёф²⁷ давно отнял семь домов у богадельни²⁸, которые епископ Альдеберт по приговору, вырвав из его рук, вернул вышеобозначенной богадельне.

8.

Много лет назад были обнаружены серебряные рудники в Габаллитанском регионе²⁹, в котором предшественники епископа не претендовали ни на право, ни на владение. Он же, взяв во внимание право десятины и первенство кафедрального собора³⁰ и других церквей, обдумав также суверенную и полную власть³¹, которую получил от короля франков³², рассмотрев и обдумав пример соседних регионов, созвал всё духовенство и народ Габаллитанского региона и изложил присутствующим свои притязания³³. Поэтому они, не слишком радуясь его начинанию, единодушно воспротивились и доложили об этом графу Барселонскому. Тот же, согласившись с ними, запретил предоставлять епископу какое-либо право по отношению к вышеназванным серебряным рудникам. В конце концов, вопреки воле и запрету графа и других, он прибавил право к своей церкви, отчего ежегодно получал четыреста марок серебром.

9.

В округе Ариситонико находится замок, который называется Гарди³⁴, из коего один из двух совладельцев изгнал другого, каковой, обратившись за помощью и покровительством епископа Альдеберта, отдал ему и его преемникам свой замок в бессрочное владение, а также дал обязательство возвращения замка и верности своих людей.

10.

Ричард де Пейре³⁵, человек могущественный и враждебный своим соседям, в течение долгого времени требовал несправедливых и чрезвычайных поборов в деревнях и владениях святого Привата³⁶. В конце концов, по судебному решению епископа и по принуждению рукой воинов он отрёкся от всего, чтобы в будущем кто-либо из его потомков не повторил этого, и обещал ему дать клятву об иных гарантиях.

11.

Викарии сеньора де Долан, о коих мы упоминали выше, много лет назад захватили деревню Нермон³⁷, с титулом и званием её господина, у епархии Манда; на протяжении этого времени многие главы епархии умерли, однако никто из них не прервал вышеназванного владения. Услыхав о нарушении, епископ Альдеберт, всё ещё исполняющий обя-

²⁷Представитель семейства Шатонёф-Рандон. Есть возможность идентифицировать его с Гарином д'Апчьер или Гарином ло Брюном (ум. 1156 г.) [Carapezza, 2008, p. 9] – трубадурами из того же клана, жившими в середине XII в.

²⁸«helemosinarie domui».

²⁹Габалы – галльское племя, проживавшее на территории Жеводана [Prouzet, 1846, p. 11–12]. Вероятно, речь идёт о регионе вокруг Жаволя, что в 30 км к северу от Манда.

³⁰«matricis ecclesie».

³¹«regiam et plenam potestatem».

³²Речь идёт о «Золотой булле», выданной Людовиком VII епископу Альдеберту в 1161 г.

³³Имеется в виду налог на серебряные рудники.

³⁴Возможно, речь идёт о замке Ла-Гард, недалеко от современной коммуны Альбаре-Сен-Мари, что в 50 км к северу от Манда. Замок принадлежал семье д'Апчьер – одной из ветвей рода Шатонёф-Рандон.

³⁵Большая часть владений семьи Пейре располагалась недалеко Жаволя, на старой римской дороге из Ле-Пюи в Родез.

³⁶Св. Приват (ум. между 255 и 260 гг.). Покровитель Мандской епархии.

³⁷Современная деревня Ле-Борье-Басс в 4 км от Манда.

занности главы, возбудил столь долго спящую тяжбу и, предав это дело суду, возвратил обозначенную деревню из неправильного владения и восстановил владение епархии.

12.

В Габаллитанском регионе есть монастырь, что называется Канонжа³⁸, потому что, по словам древних, он получил начало и устав³⁹ от церкви Манда, и который впоследствии марсельские монахи⁴⁰, насильно изгнав оттуда каноника, захватили руками мирян⁴¹. Их насильственное владение долгое время поддерживалось тишиной и молчанием, так что не осталось ни одного свидетеля, который мог бы постичь начало насильственного владения, куда епархия Манда, не веря в своё право, уже прекратила всякое вмешательство. Впоследствии же епископ Альдеберт, приступив к безнадежному делу, возбудил тяжбу, и аббат и монахи Марселя, как из-за страха Римской курии, которой он был дорог более всех прочих, так и из-за собственного попустительства вследствие сделки передали епископу и епархии Манда в вечное владение поселение, что зовётся Фреч Виллар, из коего вышеупомянутому канонику каждый год выплачивался доход в тысячу солидов⁴², и церковь Лаубиас, которая в качестве ренты предоставляла двадцать секстиариев годового урожая, одну свинью и одно право на пищу, и всё они дали более из уважения к епископу, нежели из страха к правосудию.

13.

Жиро де Пейре и его брат Ричард отдали епископу Альдеберту и епархии Манда на неограниченный срок свои собственные замки и укрепления, а именно Круэйзу⁴³, Пейре⁴⁴, Маршастель⁴⁵ и другое, чем они владели и что они держали от него; более того, они на всём воздвигли знамя святого Привата и получили (вышеописанное) от епископа по праву феода⁴⁶.

14.

Епископ Альдеберт, именем святого Привата и церкви Манда, построил замок под названием Шапё⁴⁷, при возведении которого были исключены все иные, кроме нескольких его друзей-клириков и горожан Манда, коим он определил и передал место для основания и постройки замка; (и) после того, как собрались его соседи и друзья, пред реликвиями и на глазах у всех было отпраздновано дарение вышеназванного замка с его территорией, с прилегающими деревнями⁴⁸...

15.

В епископате Габаллитанском, недалеко от общественной Ригорданской дороги⁴⁹, есть замок, называемый Гуарда⁵⁰, который не замок, а пещера, существовавшая всегда,

³⁸Современная коммуна Ла-Канург в 40 км к западу от Манда.

³⁹«ordinem canonicalem».

⁴⁰Т. е. монахи Сен-Виктор-де-Марсель.

⁴¹В картулярии Сен-Виктор-де-Марсель находится акт 1060 г. о передаче монастыря епископом Манда Альдебертом I в ведение марсельских монахов [Guegard, 1857, p. 192–196].

⁴²Т. е. в 1 000 су.

⁴³Вероятно, замок стоял где-то по течению реки Крюейз, между Насбиналем и Марведжольсом.

⁴⁴Современная коммуна Сен-Совёр-де-Пьер в 30 км к северу от Манда.

⁴⁵Недалеко от современной коммуны Насбиналь в 50 км к северо-западу от Манда.

⁴⁶Между 1131 и 1144 гг. Жиро и Ричард де Пейре принесли оммаж за те же владения графу Барселонскому [Vulman, 2008, p. 18].

⁴⁷Замок Шапё располагался на горе Мимат, в 10 км от Манда.

⁴⁸Дальше следует лакуна в тексте. В конце параграфа наличествуют слова «*possessionem, castrum et...*», которые выпущены в нашем переводе, так как, скорее всего, относятся к недошедшему до нас пассажу.

⁴⁹Оживлённая дорога из Ле-Пюи-ан-Веле через Севенские горы и Нижний Лангедок в Сен-Жилль.

⁵⁰Ла-Гард-Гёрен, что в 60 км к востоку от Манда, недалеко от современной коммуны Альте.

ведь там пребывали разбойники, каковые днём и ночью часто грабили на дорогах имущество путников и, причиняя ущерб, оставляли (их) полуживыми и очень часто убивали. Каждый день там совершались грабежи, кражи, убийства и другие преступления. Это дурное гостеприимство преследовали соседние епископы, особенно Мандские, которые имели целью заботу, однако (они) не смогли полностью уничтожить злой и укоренившийся обычай. Епископ же Альдеберт, не чуждый известному стиху: *«Всякий имеет право путешествовать по всем дорогам»⁵¹*, – воспользовался крайней мерой⁵² и осадил выше-названный замок не только церковным предупреждением, но и военной рукой. Жители же, поколебленные страхом, предложили мир. Затем, избрав день покаяния, они припали к ногам епископа Манда: не только рыцари или их сыновья, но и слуги, юноши и старики, – и в присутствии множества народа оставили дурные привычки и злые обычаи. Тогда каждый друг за другом, коснувшись священного Евангелия, поклялся, что не будет ничего требовать от путников на выше-названной дороге и не причинит им никакого насилия или беспокойства. Когда (это) свершилось, приняв покаяние за прошлое, они удалились.

16.

Епископ, постоянно посвящавший себя славе и благу своей епархии и мира, пришёл к королю франков⁵³. Король же, крайне обрадовавшись его прибытию, почтительно принял его и выказал благодарность. Более того, он пробыл с ним множество дней. В конце концов, король, созвав своих баронов, сиречь магнатов⁵⁴ и некоторых выдающихся мужей, в их присутствии даровал⁵⁵ епископу Альдеберту и его преемникам вечную суверенную власть и полную юрисдикцию над всеми людьми, как старыми, так и молодыми, что проживали в его епископате. Церковь же Манда он наградил такой же привилегией.

17.

О, как трудно при счастливых делах избежать зависти! Воистину умение и усердие пастыря, его справедливый успех послужили искрой для зависти и ненависти толпы; ибо с того дня, как его подданные услышали, что епископ получил княжескую власть, обратили они свои сердца, дабы ненавидеть его и строить козни епископу Господнему. Какая скорбь! Процветание сменяется противоположным, благое ставится под угрозу разорения. Однако не видит для себя ущерба тот, кто ожидает себе вечных наград от Господа, который не (оставляет) добро незнаграждённым, а зло – ненаказанным, который не изменяет или не омрачает награды⁵⁶.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю канд. ист. наук Е.С. Данилову (ЯрГУ им. П.Г. Демидова) и канд. ист. наук Д.Л. Фролову (ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) за консультации в процессе подготовки данной публикации.

⁵¹ «Quisquis ubi que viam jure viator habet».

⁵² «extremam manum apposuit».

⁵³ Людовик VII (1137–1180 гг.).

⁵⁴ «ducibus».

⁵⁵ В 1161 г. Полный текст «Золотой буллы» можно найти в [Teulet, 1863, p. 84–85]. Согласно данному документу, епископ получал нечто близкое к суверенному правлению в Жеводане, однако при этом признавал подчинение королю Франции – это вело к очевидным противоречиям, тем более запутанным, что виконтом Жеводана был граф Барселонский. Как кажется, король Людовик попытался вновь применить данную практику, известную с начала X в., дабы нарастить присутствие королевской власти в спорной Оверни, куда Капетинги до того старались не вмешиваться [Lauranson-Rosaz, 1987, p. 153].

⁵⁶ «...quo nullum bonum irremunerabile, nullum malum inipunitum et apud quem non est transmutatio nec vicissitudinis obumbratio».

Список источников

- Жизнеописания трубадуров. 1993. Жан де Нострадам; пер. М.Б. Мейлаха, Н.Я. Рыковой; пер. стихов А.Г. Архипова, Д.В. Бобышева, В.А. Дынник; изд. подг. М.Б. Мейлах; отв. ред. Е.М. Мелетинский; сост. прим. М.Б. Мейлах, Л.П. Каменотрус-Занд, М.Л. Гаспаров. М., Наука, 736.
- Appel C. 1898. Poesies provencales inédites tirées des manuscrits d'Italie. Paris: H. Welter, 132 p.
- Berthele J. 1908. La vielle chronique de Maguelone. Chronicon Magelonense vetus. Nouvelle edition. Mémoires de la société archéologique de Montpellier, 4: 95–194.
- Carapezza F. 2008. Garin lo Brun. *Nueyt e jorn suy en pessamen*. Lecturae tropatorum, 1: 1–26.
- Cartulaire de l'abbaye de St.-Chaffre du Monastier et chronique de St.-Pierre du Puy. publiée par U. Chevalier. Paris, A. Picard, 1891.
- Cartulaire de Saint-Victor-de-Marseille. Vol.2 / publiée par M. Guerard. Paris, Ch. Lagure, 1857.
- Layettes du Trésor des chartes. Vol. 1. publiée par. M.A. Teulet. Paris, H. Plon, 1863.
- Les miracles de Notre-Dame de Roc-Amadour. publiée par E. Albe. Paris, H. Champion, 1907.
- Les miracles de saint Privat suivis de opuscules d'Aldebert III, évêque de Mende. publiée par C. Brunel. Paris, A. Picard et fils, 1912.

Список литературы

- Гене Б. 2002. История и историческая культура средневекового Запада. Пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской; отв. ред. И.И. Соколова. М., Языки славянской культуры, 496. (Guenée B. 1980. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Paris, Aubier-Montaigne, 480).
- Aurell M. 1985. L'expansion catalane en Provence au XII siècle. *Estudi general*, 5: 175–193.
- Bisson T.N. 1990. Unheroed Pasts: History and Commemoration in South Frankland before the Albigensian Crusades. *Speculum*, 65. (2): 281–308.
- Bulman J.K. 2008. The court book of Mende and the secular lordship of the bishop. *Recollecting the past in the thirteenth-century Gevaudan*. Toronto, University of Toronto press, 179.
- Cotts J.D. 2013. Europe's long twelfth century. Order, anxiety and adaptation, 1095–1223. Basingstoke-New York, Pallgrave-Macmillan, 244.
- Lauranson-Rosaz C. 1987. L'Auvergne et ses margues (Velay, Gévaudan) du VIII au XI siècles: la fin du monde antique? Paris, Université de Paris, 494.
- Mazel F. 2006. L'héritage symbolique de Guillaume dans l'aristocratie méridionale des XI–XIII siècles: tradition familiale ou fascination épique? In: *Entre histoire et épopée. Les Guillaume d'Orange (IX–XIII siècles)*. URL: <https://books.openedition.org/pumi/36183> (accessed: 03.02.2023).
- Moline de Saint-Yon A.-P. 1859. Histoire de comtes de Toulouse. Vol.2. Paris, A. Bertrand, 572.
- Pascal J.-B.-E. 1853. *Gabalum Christianum ou recherches historico-critiques sur l'église de Mende*. Toulouse, L. Chapelle, 445.
- Prouzet J.-B. 1846. Histoire de Gévaudan ou suite aux annals de cette province. Vol. 1. Mende, Pecoul, 432.
- Remy I. 2000. Le site castral du Tournel (Lozère) XII–XVI siècles. *Son analyse architectural*. *Archéologie du Midi medieval*, 18: 41–67.
- Stronski S. 1907. Quelques potecteurs des troubadours. *Annales du Midi*, 19: 40–56.

References

- Guenée B. 1980. Gene B. 2002. *Istorija i istoricheskaja kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture in the medieval West]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 496. (Guenée B. 1980. Histoire et culture historique dans l'Occident medieval. Paris, Aubier-Montaigne, 480).
- Aurell M. 1985. L'expansion catalane en Provence au XII siècle. *Estudi general*, 5: 175–193.
- Bisson T.N. 1990. Unheroed Pasts: History and Commemoration in South Frankland before the Albigensian Crusades. *Speculum*, 65. (2): 281–308.
- Bulman J.K. 2008. The court book of Mende and the secular lordship of the bishop. *Recollecting the past in the thirteenth-century Gevaudan*. Toronto, University of Toronto press, 179.
- Cotts J.D. 2013. Europe's long twelfth century. Order, anxiety and adaptation, 1095–1223. Basingstoke-New York, Pallgrave-Macmillan, 244.
- Lauranson-Rosaz C. 1987. L'Auvergne et ses margues (Velay, Gévaudan) du VIII au XI siècles: la fin du monde antique? Paris, Université de Paris, 494.

- Mazel F. 2006. L'héritage symbolique de Guillaume dans l'aristocratie méridionale des XI–XIII siècles: tradition familiale ou fascination épique? In: Entre histoire et épopée. Les Guillaume d'Orange (IX–XIII siècles). URL: <https://books.openedition.org/pumi/36183> (accessed: 03.02.2023).
- Moline de Saint-Yon A.-P. 1859. Histoire de comtes de Toulouse. Vol.2. Paris, A. Bertrand, 572.
- Pascal J.-B.-E. 1853. Gabalum Christianum ou recherches historico-critiques sur l'église de Mende. Toulouse, L. Chapelle, 445.
- Prouzet J.-B. 1846. Histoire de Gévodan ou suite aux annals de cette province. Vol. 1. Mende, Pecoul, 432.
- Remy I. 2000. Le site castral du Tournel (Lozère) XII–XVI siècles. Son analyse architectural. Archéologie du Midi medieval, 18: 41–67.
- Stronski S. 1907. Quelques protecteurs des troubadours. Annales du Midi, 19: 40–56.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.03.2023

Received 07.03.2023

Поступила после рецензирования 05.06.2023

Revised 05.06.2023

Принята к публикации 05.06.2023

Accepted 05.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зубов Даниил Дмитриевич, студент кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет, г. Ярославль, Россия

Daniil D. Zubov, Student of the Department of General History, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3035-8022](https://orcid.org/0000-0003-3035-8022)

УДК 94(410).04
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-616-625
Оригинальное исследование

Война Роз в изображении Уоркуорта – магистра из Кембриджа

Филиппова А.И.

Ивановский государственный университет,
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39
E-mail: filippova160498@gmail.com

Аннотация. В статье ставится проблема изображения событий Войны Роз и её основных участников современниками этой политической борьбы. Одним из них является Уоркуорт – глава старейшего колледжа Кембриджского университета Питерхаус, автор «Хроники первых тринадцати лет правления короля Эдуарда Четвертого». Процесс научного осмысления хроники Уоркуорта рассматривается в контексте особенностей восприятия автором Войн Роз. Диалектический и лингвистический анализ текста не ставится в качестве цели исследования. В центре внимания точка зрения Уоркуорта как академического преподавателя на события политической борьбы в Англии XV века. При изложении хода событий в своей хронике Уоркуорт особое внимание уделяет фигурам монархов – Эдуарда IV и Генриха VI. Хронист не демонстрирует крайне негативную либо, наоборот, «восхваляющую» точку зрения на фигуры и действия королей и их сторонников. Он последовательно повествует о происходящем, не комментируя и не выражая свою приверженность тому или иному королю, не используя возможные способы пропаганды, присутствующие и у других авторов хроник того времени. Хроника Уоркуорта предназначалась для узкого круга лиц, так как не отражала тенденции изображения деяний представителей и сторонников династии Йорков с положительной стороны. Уоркуорт как академический преподаватель, излагая ход событий, в основном основывался на имеющихся источниках и не комментировал описываемые им события с точки зрения выражения собственной позиции.

Ключевые слова: Уоркуорт, особенности изложения, академический преподаватель, образы Эдуарда IV и Генриха VI, сторонники Йорков и Ланкастеров

Для цитирования: Филиппова А.И. 2023. Война Роз в изображении Уоркуорта – магистра из Кембриджа. Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 616–625. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-616-625

The War of the Roses in the Image of Warkworth – Master from Cambridge

Aliona I. Filippova

Ivanovo State University,
39 Yermak St., Ivanovo153025, Russia
E-mail: filippova160498@gmail.com

Abstract. The article raises the problem of the peculiarities of Warkworth's depiction of the events of the War of the Roses and its main participants. One of the contemporaries covering the political struggle for power between the Lancaster and York dynasties is Warkworth, the head of the oldest college at Cambridge University, Peterhouse, the author of the Chronicle of the first thirteen years of the reign of King Edward the Fourth. The process of scientific understanding of the Warkworth chronicle is considered in the context of the author's perception of the Wars of the Roses. When describing the course of events in his chronicle, Warkworth pays special attention to the figures of the monarchs – Edward IV and Henry VI. The chronicler does not demonstrate an extremely negative, or vice versa, "praising" point of view on the figures and actions of kings and their supporters. He consistently narrates about what is

happening, without commenting, and without expressing his commitment to this or that king, without using possible propaganda methods present in other chronicle authors of that time. The chronicle of Warkworth was intended for a narrow circle of people, since it did not reflect the tendency to depict the deeds of representatives and supporters of the York dynasty on the positive side. As an academic teacher, when presenting the course of events, he was mainly based on already available sources and did not comment on the events described by him from the point of view of expressing his own position.

Keywords: Warkworth, features of presentation, academic teacher, images of Edward IV and Henry VI, supporters of the Yorks and Lancasters

For citation: Filippova A.I. 2023. The War of the Roses in the Image of Warkworth – Master from Cambridge. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 616–625 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-616-625

Введение

Политическая конъюнктура периода борьбы двух династий – Йорков и Ланкастеров – за власть, которая трактуется в историографии как Войны Роз, обосновала появление разных хроник, авторами которых являлись приверженцы как Йорков, так и Ланкастеров. Они по-разному воспринимали, трактовали, преподносили и оценивали происходящее и действия участников конфликта в зависимости от того, чью сторону они занимали и чьи интересы представляли. Зачастую определённая трактовка, по возможности, выставлялась как официальная с целью пропаганды законности власти, правомерности действий того или иного правителя. Данное обстоятельство привело к появлению абсолютно различающихся точек зрения на одни и те же сюжеты. Войны Роз – один из наиболее мифологизированных периодов истории Англии. Поэтому следует обратиться к изучению субъективного восприятия данных событий. А именно, каким образом современники относились как к королям – представителям противоборствующих династий, так и к их окружению.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали Хроники Уоркуорта. Нами использовались следующие методы исследования: структурно-семантический анализ текста хроники, историко-компаративный, метод классификаций. Данные методы предполагают изучение особенностей стиля изображения автором хроники королей Эдуарда IV и Генриха VI, а также их сподвижников, методов завоевания власти; литературно-художественных приёмов в контексте особого авторского восприятия исторического процесса в целом и отдельных элементов в частности.

Результаты и их обсуждение

Фактологический аспект событий войны Роз изучен практически досконально. Огромный массив различных исторических источников многократно и разнопланово проанализирован. Научная литература о причинах, хронологии, ходе, последствиях, персоналиях Войн Роз насчитывает достаточно большое количество публикаций как зарубежных, преимущественно британских, так и отечественных исследователей. Споры по наиболее очевидным вопросам: когда начались, какой период охватывали, какие причины и последствия имели Войны Роз, начались еще в XV веке [Pollard, 1988, p. 38]. Данные сюжеты нашли широкое отражение в работе Е.Д. Браун [Браун 2010, с. 243–257]. В её фундаментальном труде – «История. Мифология. Историография» – дана достаточно подробная историографическая справка, последовательно реконструируется восприятие Войн Роз: глазами джентри, живших во времена противостояния Йорков и Ланкастеров, с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков. Тематику мифологизации Войн Роз Е.Д. Браун продолжает в своих статьях: Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира) [Браун, 2012а] и Создание стереотипов правителей в «Новых хро-

никах Англии и Франции» Роберта Фабиана [Браун 2012b, с. 149–170]. Масштабный анализ участников Войн Роз, принадлежавших к различным социальным слоям, проводит в своей диссертации А.Г. Праздников [Праздников, 2021, с. 5–80]. Отражение политической борьбы XV века в актах английского парламента рассмотрел в своей статье Евсеев В.А. [Евсеев, 2018, с. 132–137]. Однако, что касается исследований о субъективном отношении представителей различных слоёв населения, отдельных личностей к происходящим событиям, то данные сюжеты изучены недостаточно.

Одним из современников, освещающих политическую борьбу за власть между династиями Ланкастеров и Йорков, является Джон Уоркуорт – глава старейшего колледжа Кембриджского университета Питерхаус. Уоркуорт – предполагаемый автор «Хроники первых тринадцати лет правления короля Эдуарда Четвертого», которая появилась где-то между 1478 и 1483 гг. и охватывает период с 1461 г. по 1473 г. [Warkworth, 1839]. В зарубежной историографии данная хроника широко не изучалась, лишь несколько исследователей интерпретировали её содержание, среди которых Майкл Браун [Brown, 2000, р. 953–954], А. Кауфман [Kaufman, 2016, р. 49–63], Дж. Томпсон [Thomson, 2001, р. 657–664], А. Уиттл [Whittle, 2019]. Ряд историков использовал её в качестве источника в своих работах, посвящённых различным сюжетам Войн Роз: Чарльз Росс [Ross, 2010], Д. Сантьясте [Santiuste, 2011], Дж. Ландер [Ландер, 2013]. Среди научных изысканий отечественных исследователей выделяется статья Т.Б. Сорокиной [Сорокина, 2017, с. 146–147], в которой приводится внешняя критика источника: авторство, место составления, анализ двух рукописей хроники. Современные исследователи, занимающие центральное место в области изучения Войн Роз, такие как Е.Д. Браун [Браун, 2010, с. 243–257], А.Г. Праздников [Праздников 2014, 2021], упоминают хронику Уоркуорта в качестве исторического источника, но без подробного анализа и интерпретации содержания. Примечательно, что в трудах как зарубежных, так и отечественных исследователей не рассматривалась тематика особенностей субъективного изображения Уоркуортом событий политической борьбы в Англии.

Согласно национальному биографическому словарю, Уоркуорт был человеком неизвестного происхождения, однако выдвигаются предположения, что он уроженец епархии Дарема, который был рукоположен в послушники епископом Греем из Эли в 1468 году [Gairdner, 1899, р. 387]. Известно, что хронист учился в Оксфорде, был избран членом Мертонского колледжа в 1446 году и оставался главой колледжа до своей смерти, которая произошла в октябре или ноябре 1500 года. Уоркуорт оставил завещания своим церквям в Леверингтоне и Коттенхеме и монастырям в Эли, Кройленде и Барнуэлле, создав свой собственный колледж, которому он был крупным благотворителем [Warkworth, 1839, р. XXV]. Среди множества рукописей, которые он передал колледжу, была «Хроника», обычно называемая его именем, с надписью его собственной рукой на обложке тома. В самой хронике автор не приводит никаких свидетельств о себе. Достаточно скудную информацию о предполагаемом создателе «Хроники» предоставляет и известный шекспировед Джеймс Холливел-Филипс, опубликовавший прокомментированное научное издание хроники в 1839 году [Warkworth, 1839, р. 4]. Холливел утверждает, что «судя по стилю, в котором это написано, не может быть никаких сомнений, что это собственноручный почерк Уоркуорта; и это также видно из сравнения с несколькими его автографами, все еще хранящимися в библиотеке Колледжа» [Warkworth, 1839, р. XXV]. Исследователь указывает, что ему «не удалось собрать ничего относительно личной истории Уоркуорта, за исключением того, что он был магистром Колледжа Святого Петра с 1473 по 1498 год нашей эры» [Warkworth, 1839, р. XXV]. Он был большим любителем учебы и литературы. Как представитель интеллигенции и руководства колледжа, Уоркуорт имел доступ к разным источникам. Основной источник – анонимная хроника «Брут», доведённая несколькими продолжателями до 1419 года и дополненная до 1461 года известным издателем Уильямом Кекстоном, напечатавшим её в 1483 году в Сент-Олбансе [Сорокина, 2017, с. 146].

Наряду с первой версией, обнаруженной в архиве в Кембридже, появилась и вторая, которая ранее рассматривалась историками в качестве копии первой рукописи, она была обнаружена в архиве в Глазго. Первый вариант оставался в колледже до тех пор, пока не был перенесен в библиотеку Кембриджского университета [Сорокина, 2017, с. 146]. История нахождения второго варианта не совсем ясна. Есть версия, что до XVI в. рукопись находилась в частных архивах неизвестных нам жителей Лондона, а затем была приобретена сыном короля Якова I. В XVIII в. рукопись купил врач и антиквар В. Хантер и привёз её в архив Глазго, где она и была обнаружена [Сорокина, 2017, с. 146]. Вопрос об авторстве хроники носит дискуссионный характер. Так, Холливел, издавший хронику в XIX в., был уверен, что Уоркуорт являлся автором рукописи, но впоследствии историки усомнились в этом. Появились предположения о том, что Уоркуорт, возможно, выполнял чей-то заказ или являлся собственником хроники, а затем подарил ее колледжу. Э. Гренсен и К. Росс считали, что в хронике содержится подробная информация о событиях на севере Англии, а это может указывать на то, что Уоркуорт был и автором, и дарителем рукописи [Ross, 2010, p. 108]. Л. Мэтесон также отмечает бесспорный интерес, который автор хроники проявлял к событиям на севере. Важен тот факт, что в рукописи встречаются северные орфографические нормы, и, хотя хронист использовал преимущественно среднеанглийский диалект, к нему примешиваются северные слова и выражения [Whittle, 2019, p. 65].

Исходя из этого, мы также задались вопросами, для кого предназначалась данная хроника, на какую аудиторию была рассчитана. Однако, к сожалению, ни в тексте самой хроники, ни в комментариях её издателей не содержится такая информация. Поэтому мы можем лишь предположить, что хроника Уоркуорта предназначалась для узкого круга лиц. Вероятно, данный труд не мог широко распространяться среди населения в качестве изложения официальной точки зрения, потому что хронист неоднократно транслирует некоторые негативные оценки правления Эдуарда IV. Такие изречения явно были бы опасны для автора.

В традиции, заложенной предыдущими поколениями средневековых хронистов, Уоркуорт уделяет значительное внимание астрономическим знакам и предзнаменованиям, которые призваны привлечь внимание читателя, подчеркивая при этом значимость событий, которые он описывает. Например, по свидетельству хрониста, в 1468 году «пылающая звезда» появилась «на западе»; в 1471 году труп Генриха VI «истекал кровью» на площади Святого Павла, а затем в «Black Frygies» как доказательство того, что он встретил насильственный конец; в январе следующего года была и другая комета, «самая чудесная сверкающая звезда» [Warkworth, 1839, p. 27].

Уоркуорт чётко не обозначает свою позицию относительно законности власти династии Йорков или Ланкастеров, он лишь отмечает, что король [Эдуард IV] высадился на севере и заявил, что не претендует на корону, а лишь хочет получить Йоркское герцогство, принадлежавшее ему по праву наследования [Warkworth, 1839, p. 14]. То есть номинально магистр признаёт право династии Йорков на трон Англии. Возможно, благодаря такой позиции хронике удалось сохранить. В противном случае все свидетельства, которые создавались в период правления Эдуарда и выражали бы явный проланкастерский уклон, вряд ли имели право на существование.

Уоркуорт упоминает об отношении народа к правлению Эдуарда IV Йорка: «когда король Эдуард IV правил, люди заботились о процветании и мире, но этого не произошло; одна битва за другой, и множество неприятностей и ужасов среди простых людей; и эти и другие подобные вещи привели к падению Англии» [Warkworth, 1839, p. 19]. Хронист отмечает, что после неудачного правления неспособного на то короля Генриха VI Ланкастера народ от нового короля ждал исключительно положительных изменений: «он вернул бы все свои утраченные владения, и исправил бы все коррумпции в государстве, и принес Англии процветание и мир» [Warkworth, 1839, p. 19]. Однако, как отмечает Уоркуорт, ожидания англичан не оправдались: вместо желаемого мира в правление Эдуарда происходила одна битва за другой, много бед и потерь среди простого народа.

Разочарование народа в деятельности Эдуарда IV впоследствии отразилось в проявлении сочувствия и сострадания подданных к другому королю – Генриху VI, когда он вновь взойшёл на трон. Уоркуорт пишет: «Этому были полны радости все его доброжелатели и большая часть людей» [Warkworth, 1839, p. 11]. Уоркуорт также подчёркивает, что за время правления Эдуарда IV, по мнению жителей, экономика страны пришла в упадок. Обвиняли они в этом самого монарха: «король Эдуард был виноват в нанесении вреда торговле, поскольку в его дни они [английские товары] не были в других странах, в том числе в Англии, не пользовались такой репутацией и доверием, как раньше» [Warkworth, 1839, p. 11]. Примечательно, что по отношению к Генриху VI хронист придерживается позиции, что «плохим» и виноватым, например, в потере территорий был не сам король, а его ближайшие сторонники: «Франция, Нормандия, Гасконь и Гаяна были потеряны в его время <...> все из-за его фальшивых лордов, а не из-за него» [Warkworth, 1839, p. 12]. Уоркуорт подводит нас к выводу, что Эдуард не оправдал ожиданий и надежд, которые на него возлагались народом, поэтому возвращение на трон другого короля, Генриха, было воспринято более или менее благосклонно.

Для хроники, написанной после 1478 года, она предлагает необычно «ланкастерское» прочтение событий в решающий 1470 год, когда Генрих VI вернулся на трон. Действительно, хронистом высказывается ряд критических замечаний в адрес йоркистского режима, одно из которых касается повышения налогов. Пятнадцатая часть от дохода населения была обложена налогом, за который проголосовал парламент, для финансирования военной кампании [Warkworth, 1839, p. 19]. Эти жалобы на Эдуарда IV и его правление весьма значимы, поскольку они показывают, что современные отзывы о короле были далеко не повсеместно благоприятными. Критические замечания, которые так часто будут выдвигаться против него в будущем, от замечаний по поводу его неудачного брака до нападок на его финансовую политику, похоже, были впервые сформулированы на страницах «Хроники» Уоркуорта. Это ясно, что негативные оценки Эдуарда IV начались не посмертно, а отражают настроение скрытого недовольства, которое испытывали многие из его подданных. В конце концов, учитывая, что немногие авторы в этот период писали по чисто бескорыстным причинам, у Уоркуорта почти наверняка был покровитель, и он должен был знать, что было бы приемлемо писать так, как он писал [Whittle, 2019, p. 65].

Однако следует отметить, что Эдуард IV действительно был достаточно популярен как среди простого люда, так и привилегированной части населения, аристократии [James, 2016, p. 58–60]. По свидетельству Уоркуорта, с самого начала своего правления Эдуард использовал все возможные средства, чтобы расположить к себе народ и привлечь как можно больше сторонников: «он подтвердил и ратифицировал все блага городам и деревням и даровал многим городам и поселениям больше привилегий, чем было дано раньше» [Warkworth, 1839, p. 2]. Естественно, вновь пришедшему к власти королю были необходимы сподвижники и опора среди знати. Для этого Эдуард «раздавал» титулы и земли, что также подчёркивается хронистом [Warkworth, 1839, p. 2].

При возвращении на престол в 1471 году Эдуард IV таким же способом «добывал» союзников. Если верить Джону Уоркуорту, к 1470 г. авторитет Эдуарда, десять лет занимавшегося подавлением мятежей и выявлением измены, упал не меньше, чем престиж Генриха VI к 1460 г.

Уоркуорт приводит множество свидетельств, подтверждающих расположение Лондона к династии Йорков и её сподвижникам. Так, в хронике мы читаем: «В феврале 1461 г. после победы во второй битве при Сент-Олбансе ланкастерско-шотландская армия подступила к Лондону. Горожане отказались ее впустить. Когда простолюдины узнали, что мэр и олдермены собираются отправить во вражеский лагерь продовольствие для того, чтобы заручиться благосклонностью королевы Маргариты на тот случай, если город все же окажется в ее руках, они не выпустили телеги с ними за ворота» [Warkworth, 1839, p. 2].

Практически Уоркуорт достаточно равнодушно говорит о первых годах правления Эдуарда IV, не обозначая своей позиции, он лишь излагает хронологию событий по опреде-

лённому шаблону: обозначение года правления Эдуарда IV, далее следует описание происходящего. Не обошёл хронист в своём повествовании и тайную женитьбу Эдуарда на вдове сэра Джона Грея [сторонника Ланкастеров] – Элизабет Грей, которая станет причиной раскола, как отмечает и сам Уоркуорт, между королём и одним из его сподвижников «делателем королей» – графом Уориком. Летом 1464 года Уорик отправился во Францию, чтобы договориться о возможном браке с родственницей короля Людовика XI, Боной Савойской, но в сентябре того же года Эдуард объявил своему двору, что он уже женат. Автор также никак не комментирует данный сюжет, лишь предвещает тот факт, что в дальнейшем «Уорик оплатит ему тем же» [Warkworth, 1839, p. 3], что впоследствии и произойдёт – Уорик будет инициатором двух заговоров, в ходе которых он пытался посадить на трон вначале младшего брата Эдуарда IV, Джорджа, герцога Кларенса, а затем свергнутого ранее короля Генриха VI.

Примечательно, что Уоркуорт в период правления Эдуарда IV фиксирует масштабные аресты и казни обвинённых в измене, среди которых граф Оксфорд, лорд Абрей, его сын, лорд Хангерфорд и множество других – как знатных, так и простых людей. Уорик также непосредственно участвовал в свершении «правосудия» относительно изменников: «Хамфри Невилл, рыцарь, и Чарльз, его брат, были взяты графом Уориком и казнены в Йорке в присутствии короля» [Warkworth, 1839, p. 6]. Единственный комментарий автора относительно масштабных арестов и казней, который встречается в большинстве случаев после перечисления обвиняемых, что обвинение им было предъявлено по праву, а следовательно, и последовавшие наказания: арест, заточение в Тауэр или же казнь. Например, в хронике мы читаем: «И в тот же год сэр Томас Хунгерфорд, сын лорда Хунгерфорда, и Герри Кертни, граф Девиншир по праву, были взяты в тюрьму и казнены в Солсбери» [Warkworth, 1839, p. 6], а также: «так 20 человек дворян и женщин были повешены, вытаснены, четвертованы и обезглавлены; и после этого их повесили по закону» [Warkworth, 1839, p. 9]. Подобная характеристика действий монарха объясняется с точки зрения божественности королевской власти, согласно которой они всегда правы и справедливы.

Хронологические рамки хроники Уоркуорта логически позволяют добавить экскурс и о другом короле – представителе династии Ланкастеров Генрихе VI. Хронист воздерживается от комментариев относительно характера власти как самого монарха, так и его предков. Однако Уоркуорт чётко обозначает позицию народа в отношении правления Генриха: оно было неудачным [Warkworth, 1839, p. 19], данный тезис выдвинут хронистом в контексте ожиданий народа от новоиспечённого короля Эдуарда, пришедшего на смену Генриху.

Автор лишь отрывочно говорит о личности короля Генриха VI. «Никакая сила короля не оказывала чести, ни своего блага, ни общего блага страны, где король Генрих доверял им, что они могли сделать, и трудился во веки веков для общего блага, что они делали вопреки его воле; а также Франция, Нормандия, Гасконь и Гаяна были потеряны в его время. И это были среди прочего причины, которые заставили людей злиться на него, и все из-за его фальшивых лордов, а не из-за него» [Warkworth, 1839, p. 13]. Хронист отражает достаточно привычные элементы восприятия подданными деяний своего монарха, которые бытовали в Англии в это время.

Отдельного внимания с точки зрения пропаганды заслуживает и сюжет о реставрации династии Ланкастеров – краткосрочном возвращении короля Генриха VI к власти.

Уоркуорт последовательно повествует о возвращении к власти представителя династии Ланкастеров без каких-либо комментариев относительно законности происходящего. Он говорит о действиях графа Уорика и брата Эдуарда IV – герцога Кларенса, которые собирали людей с целью свержения Йорка. Хронист пишет: «в начале месяца октября, года нашего Господа, в 1470 году епископ Винчестерский, с согласия герцога Кларенса и графа Уорика, отправился в Тауэр Лондона, где король Генрих находился в тюрьме по приказу короля Эдуарда, и там его отняли от своих хранителей» [Warkworth, 1839, p. 11]. Хронист уточняет, что короля Генриха содержали в заключении «так тщательно, как полагает принцу» [Warkworth, 1839, p. 11].

Далее Уоркуорт описывает дальнейшие действия сподвижников графа Уорика, которым была поручена данная миссия: «Они вытащили его, и вновь возвестили его, и оказали ему великие благоговения, и привели его к приятелям Вестминстера, и так он был снова возвращен в корону» [Warkworth, 1839, p. 11]. Автор подчёркивает, что этому были полны радости все его доброжелатели, и большая часть людей» [Warkworth, 1839, p. 11].

Хронист без излишних комментариев информирует: «Время короля Эдуарда было закончено, и король Генрих снова был удостоен своей короны и достоинства и передал своих людей в наследство» [Warkworth, 1839, p. 13]. Особенно детального анализа требует, вероятно, самый противоречивый в рассматриваемых нами хронологических рамках одного из этапов Войн Роз сюжет – смерть короля Генриха VI Ланкастера. Противоречивость данного события и вопрос о его влиянии на дальнейший ход событий объясняется отсутствием достоверных источников о произошедшем. Во время «второго правления» короля Эдуарда IV хроники создавались в контексте так называемого «Йоркского мифа», в соответствии с которым все исторические данные должны были изображать деяния династии Йорков исключительно с положительной стороны и способствовать укреплению их власти и авторитета. А все сюжеты, связанные со смертью короля Генриха VI в Лондонском Тауэре, значительно подрывали престиж Йорков [Griffiths, 2015].

Уоркуорт в своей хронике не указывает конкретной причины смерти Генриха. Он предоставляет информацию как факт: «И в ту же ночь, когда король Эдуард прибыл в Лондон, король Генрих, находившийся в лондонском Тауэре, был уничтожен, 21 день мая, ночью вторника, между 11 и 12 часами, были тогда в Тауэре герцог Глостер, брат короля Эдуарда, и многие другие» [Warkworth, 1839, p. 21].

Существенна роль сподвижников королей в действиях, направленных на завоевание и удержание власти каждого из королей эпохи Войн Роз.

Уоркуорт не делает отдельного экскурса про окружение Эдуарда IV и практически не приводит какой-либо конкретной характеристики о его приближённых, он лишь плавно вплетает действия конкретных личностей, участников тех событий, в хронологическую канву происходящего.

Так, хронист пишет, что в 1469 году брат короля Джордж Кларенс и граф Уорик объединились и захватили короля, казнили отца и брата Елизаветы Вудвилл – жены Эдуарда IV. Ее мать обвинили в сговоре с темными силами, а Эдуарда удерживали и доставили его на некоторое время в замок Уорика, а после – в Йорк; и там честным словом и обещанием король вырвался из рук епископов и пришел в Лондон [Warkworth, 1839, p. 7]. Эдуарду удалось освободиться, подавить восстание и изгнать мятежных родственников во Францию: «И когда герцог Кларенс и граф Уорик услышали, что битва проиграна, они направились на запад, к берегу моря, и направили сюда корабли; так что герцог и граф были готовы бежать к королю Франции, где их с благоговением приняли» [Warkworth, 1839, p. 9]. Следует обратить внимание на нейтральный характер описания хронистом этих событий, которых он никак не комментирует и не оценивает действия герцога Кларенса и Уорика. Автор не осуждает их поступки, не применяет средств выражения, которые бы могли показать его отношение к такому повороту событий.

Уоркуорт не говорит однозначно и открыто о мотивах действий графа Уорика, как и о его влиянии на Эдуарда, который обязан Уорику своим восшествием на престол. Хронист последовательно повествует о событиях, в которых принял участие граф Уорик, говорит об изменениях его взаимоотношений с королём Эдуардом IV, о заговорах, инициатором которых он являлся, мотивах и целях его действий [Warkworth, 1839, p. 4, 9]. Согласно свидетельству Уоркуорта, взаимоотношения между Уориком и Эдуардом начали ухудшаться после тайной свадьбы короля на Елизавете Вудвилл: «И когда Граф Уорвик вернулся домой и пришел сюда, тогда он был очень недоволен королём; и после этого все больше и больше рос разлад между ним и королем» [Warkworth, 1839, p. 3]. Вероятно, Уорик не ожидал, что Эдуард не посчитается с его мнением и проявит самостоятельность.

Заклучение

Подводя итог, мы можем прийти к выводу, что хронист не демонстрирует крайне негативную либо, наоборот, «восхваляющую» точку зрения на фигуры и действия Эдуарда IV и Генриха VI. Он последовательно повествует о происходящем, не выражая свою приверженность тому или иному королю, не используя возможные способы пропаганды, присутствующие у других авторов хроник того времени. Уоркуорт пытался некоторым образом показать отношение народа к политике королей и всему происходившему. При изображении данных сюжетов хронист использует тот же стиль, что и при описании самих королей.

Уоркуорт как академический преподаватель, излагая ход событий, основывался на уже имеющихся источниках и не комментировал описываемые им события с точки зрения выражения собственной позиции. Также хронист не привязывает происходящие события к вопросам веры и религии в целом, что ещё раз подтверждает влияние социального положения автора на характер изображения сторонников противоборствующих династий, а также фактического отсутствия приверженности к Йоркам или Ланкастерам.

Список источников

Warkworth J.A. 1839. *Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of King Edward IV* ed. J.A. Halliwell. L., 79.

Список литературы

- Браун Е.Д. 2010. Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии. *Вестник РГГУ. Исторические науки. Всеобщая история*: 243–257.
- Браун Е.Д. 2012. Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира). *Электронный научно-образовательный журнал*. URL: <https://history.jes.su/s207987840000371-7-1/> (дата обращения: 15.12.2022).
- Браун Е.Д. 2012. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана. *Люди и тексты. Исторический альманах*, (2): 149–170.
- Браун Е.Д. 2016. *Войны Роз. История. Мифология. Историография*. СПб., Центр гуманитарных инициатив, 208.
- Евсеев В.А. 2018. Политическая борьба эпохи войны Роз в законодательстве английского парламента. *Британия. История, культура, образование*. 4: 132–137.
- Ландер Дж.Р. 2013. *Войны Роз*. Пер. с англ. А.А. Крапиной. СПб. 277 (Lander J.R. 1997. *The wars of the Roses*. London, 244).
- Праздников А.Г. 2021. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 711.
- Праздников А.Г. 2014. Войны Роз и развитие английских городов второй половины XV в. *История*. Вып. 6: 121–136.
- Сорокина Т.Б. 2017. Ревизия хроники Уоркуорта в современной английской историографии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 3 (1): 145–147.
- Устинов В. *Йорки против Ланкастеров*. Москва, Вече, 2016. 429.
- Штокмар В.В. *История Англии в средние века*. СПб.: Алетейя, 2000. 203.
- Brown Michael. 2000. Review: *Death and Dissent: Two Fifteenth-Century Chronicles* by L.M. Matheson. *The English Historical Review*. Vol. 115: Oxford University Press: 953–954.
- Bruce John. 1838. *Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of His Kingdoms from Henry VI*. Printed for the Camden society London, 84.
- Gairdner J. 1899. Warkworth John. *Dictionary of National Biography*. Vol. 59. London, 387.
- Griffiths R.A. 2015. Henry VI (1421–1471). *Oxford Dictionary of National Biography*, Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/12953> (дата обращения: 23.12.2022)
- Jeffrey James. 2016. Edward IV: Glorious Son of York. *Royal Studies Journal*: 29–131.

- Kaufman Alexander L. 2016. And Many Oþer Diuerse Tokens: Portents and Wonders in Warkworth's Chronicle. The Prose Brut and Other Late Medieval Chronicles: Books Have Their Histories. Essays in Honour of Lister M. Matheson. In: York Medieval Press: 49–63.
- Pollard A.J. 1988. The Wars of the Roses. N.Y.: St. Martin press, 111.
- Ross C. 2010. Edward IV University of California Press, 1974.
- Santiuste David. 2011. Edward IV and the Wars of the Roses. Grub Street Publishers, 208.
- Thomson J. 2001. Warkworth's Chronicle' Reconsidered. In: The English Historical Review. Vol. 116. Oxford University Press: 657–664.
- Whittle A. 2019. The Historical Reputation of Edward IV 1461–1725. In: University of East Anglia, School of History PHD: 65–69.

References

- Braun E.D. 2010. Voyny Roz: sravnitel'nyy analiz podkhodov rossiyskoy i angloyazychnoy istoriografii [Wars of the Roses: a comparative analysis of Approaches of Russian and English-language Historiography]. Vestnik RGGU. Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya [Bulletin of the Russian State University. Historical sciences. General history]: 243–257 (in Russian).
- Braun E.D. 2012. Sozдание mifa o Voynakh Roz (ot Richarda Yoroka do Shekspira) [The Creation of the Myth of the Wars of the Roses (from Richard York to Shakespeare)]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal, Institut vseobshchei istorii RAN, Tsentr istorii istoricheskogo znaniia [Electronic scientific and Educational journal, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Center for the History of Historical Knowledge]. Vyp. 3 (11) URL: <https://history.jes.su/s207987840000371-7-1/> (accessed 15 December 2022) (in Russian).
- Braun E.D. 2012. Sozдание stereotipov praviteley v «Novykh khronikakh Anglii i Frantsii» Roberta Fabiana [Creating Stereotypes of Rulers in the New Chronicles of England and France by Robert Fabian]. Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh [People and texts. Historical Almanac]. Vyp. 2: 149–170 (in Russian).
- Braun E.D. 2016. Voyny Roz. Istoriya. Mifologiya. Istoriografiya [Wars of the Roses. History. Mythology. Historiography]. SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 208 (in Russian).
- Evseev V.A. 2018. Politicheskaya bor'ba epokhi voyny Roz v zakonodatel'stve angliyskogo parlamenta [The Political Struggle of the War of the Roses era in the legislation of the English Parliament]. Britaniya. Istoriya, kul'tura, obrazovanie. Vyp. 4: 132–137 (in Russian).
- Lander Dzh.R. 2013. Voyny Roz. Per. s angl. A.A. Kralinoy [Wars of the Roses (translated from English by A.A. Kralina)]. Sankt-Peterburg, 277. (Lander J.R. 1997. The wars of the Roses. London, 244).
- Prazdnikov A.G. 2021. Sostav i modeli povedeniya aktivnykh uchastnikov sotsial'no-politicheskogo konflikta v Anglii vtoroy poloviny XV veka [The composition and behavior patterns of active participants in the socio-political conflict in England in the second half of the XV century]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Nizhniy Novgorod, 711 (in Russian).
- Prazdnikov A.G. 2014. Voyny Roz i razvitie angliyskikh gorodov vtoroy poloviny XV v. [Wars of the Roses and the development of English cities in the second half of the XV century]. In: Istoriya [History]. Vyp. 6: 121–136 (in Russian).
- Sorokina T.B. 2017. Reviziya khroniki Uorkuorta v sovremennoy angliyskoy istoriografii. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie [Revision of the Warkworth Chronicle in Modern English Historiography]. In: Voprosy teorii i praktiki [Questions of theory and practice]. Vyp. 3 (1): 145–147 (in Russian).
- Ustinov V. Jorki protiv Lancasterov. M., Veche, 2016. 429 (in Russian).
- Shtokmar V.V. Istoriya Anglii v srednie veka. SPb., Alteya, 2000. 203 (in Russian).
- Brown Michael. 2000. Review: Death and Dissent: Two Fifteenth-Century Chronicles by L.M. Matheson. The English Historical Review. Vol. 115: Oxford University Press: 953–954.
- Bruce John. 1838. Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of His Kingdoms from Henry VI. Printed for the Camden society London, 84.
- Gairdner J. 1899. Warkworth John. Dictionary of National Biography. Vol. 59. London, 387.
- Griffiths R.A. 2015. Henry VI (1421–1471). Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/12953> (accessed 23 December 2022)
- Jeffrey James. 2016. Edward IV: Glorious Son of York. Royal Studies Journal: 29–131.

- Kaufman Alexander L. 2016. And Many Oþer Diuerse Tokens: Portents and Wonders in Warkworth's' Chronicle. *The Prose Brut and Other Late Medieval Chronicles: Books Have Their Histories. Essays in Honour of Lister M. Matheson*. In: York Medieval Press: 49–63.
- Pollard A.J. 1988. *The Wars of the Roses*. N.Y.: St. Martin press, 111.
- Ross C. 2010. *Edward IV* University of California Press, 1974.
- Santiuste David. 2011. *Edward IV and the Wars of the Roses*. Grub Street Publishers, 208.
- Thomson J. 2001. Warkworth's Chronicle' Reconsidered. In: *The English Historical Review*. Vol. 116. Oxford University Press: 657–664.
- Whittle A. 2019. The Historical Reputation of Edward IV 1461–1725. In: University of East Anglia, School of History PHD: 65–69.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.03.2023

Received 15.03.2023

Поступила после рецензирования 10.06.2023

Revised 10.06.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Accepted 10.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппова Алёна Игоревна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Aliona I. Filippova, postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

 [ORCID: 0009-0000-2003-5292](https://orcid.org/0009-0000-2003-5292)

УДК 94(47).084:94(410)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-626-633
Оригинальное исследование

Позиция консервативных и либерально-лейбористских кругов Великобритании в отношении Гражданской войны в России

Логинов Е.И.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: eugenewhite99@yandex.ru

Аннотация. Гражданская война 1917–1922 гг. является одной из самых неоднозначных и дискуссионных страниц в истории России. Будучи следствием революционного кризиса, настигшего Российское государство в начале XX века, эти события стали определяющими для дальнейшего развития страны. Любые политические, экономические, информационные, военные и другие потрясения не остаются незамеченными для других мировых держав, которые активно ищут выгоду из сложившейся ситуации в рамках своих национальных интересов. В этом аспекте примечательна иностранная интервенция в России 1918–1921 гг., которая представляла собой военное вмешательство стран Антанты и Четверного союза в Гражданскую войну на стороне Белого движения. Одним из самых активных участников интервенции была Великобритания, претендовавшая на ряд территорий бывшей Российской империи. Армения, Грузия, Курдистан, а также «казачьи и кавказские области» были определены в зону интересов Великобритании 10 (23) декабря 1917 года на англо-французских переговорах в Париже. Тем не менее в правящих кругах Великобритании велись активные споры о необходимости и целях вмешательства в Россию. Отсутствие четко выработанного плана и консолидации правящих элит в итоге не позволили осуществить какие-либо результативные мероприятия в России.

Ключевые слова: интервенция, Гражданская война, Великобритания, «русский вопрос», У. Черчилль, Советская Россия, Белое движение, Д. Ллойд Джордж, консерваторы, лейбористы

Для цитирования: Логинов Е.И. 2023. Позиция консервативных и либерально-лейбористских кругов Великобритании в отношении Гражданской войны в России. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 626–633. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-626-633

The Position of the Conservative and Liberal-Labour Circles of Great Britain Regarding the Civil War in Russia

Eugene I. Loginov

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: eugenewhite99@yandex.ru

Abstract. The Civil War of 1917–1922 is one of the most complex and controversial issue in the history of Russia. As a consequence of the revolutionary crisis that overtook the Russian state at the beginning of the XX century, these events became decisive for the further development of the country. Any political, economic, informational, military and other shocks do not go unnoticed by other world powers that are actively seeking benefits from the current situation within their national interests. In this aspect, the foreign intervention in Russia of 1918–1921, which represented the military intervention of the Entente countries and the Quadruple Alliance in the Civil War on the side of the White Movement, is noteworthy. One of the most active participants interested in the intervention was Great Britain, which on December 10 (23), 1917, at the Anglo-French negotiations in Paris, decided to delineate zones of interest in the

territories of the former Russian Empire. The "Cossack and Caucasian regions", Armenia, Georgia and Kurdistan were identified as the zone of interests of Great Britain. Despite the fact that it was stated that the agreement was directed exclusively against the Central Powers, Great Britain subsequently introduced its armed forces into the territory of revolutionary Russia. Nevertheless, there were active debates in the ruling circles of Great Britain about the goals and necessity of intervention in Russia. The absence of a clearly developed plan and consolidation of the ruling elites in the end did not allow any effective measures to be carried out in Russia.

Keywords: intervention, Civil War, Great Britain, "Russian question", W. Churchill, Soviet Russia, White Movement, D. Lloyd George, Conservatives, Labour

For citation: Loginov E.I. 2023. The Position of the Conservative and Liberal-Labour Circles of Great Britain Regarding the Civil War in Russia. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 626–633 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-626-633

Введение

На сегодняшний день как в отечественной, так и в зарубежной историографии военной интервенции в Россию в период Гражданской войны уделено недостаточно внимания, даже несмотря на то, что работ по Гражданской войне в целом написано не так мало. Особый интерес вызывают зарубежные источники и работы для анализа позиций западных стран в вопросе вмешательства в дела других государств. В наши дни происходит изменение хронологических рамок исследования революции в виде включения в них последних лет Российской империи и первых лет России советской.

По мнению историка Р. Уэйда, такие изменения позволяют пересмотреть и Гражданскую войну, которая обычно значится отдельной главой в истории революции [Wade, 2016, p. 35–36]. В то же время дискуссией является и целостность Гражданской войны, например, Дж. Смил в своей монографии считает, что Гражданская война – это, скорее, серия локальных восстаний и военных столкновений в разных частях бывшей Российской империи [Smele, 2016, p. 28–29]. Данное утверждение указывает на то, что Гражданская война рассматривается в контексте революции, в отличие от иностранной интервенции в Россию в 1918–1922 гг., которой в последние несколько лет было отведено несколько трудов. Зарубежные историки, как правило, рассматривали интервенцию в рамках дипломатических отношений отдельных стран-участниц. Работа Й. Моффата является хорошим примером, так как освещает подробные детали всех дипломатических перипетий между союзниками, но, как и другие современные исследователи, он определяет интервенцию в Россию как продолжение «Великой войны», во многом потому что это было продолжение деятельности стран Антанты, США и Японии на мировой арене [Moffat, 2015, p. 265]. Моффат также делает примечательное замечание – Антанта как довольно мощный военно-политический союз терпит неудачу в решении «русского вопроса». Основная мысль автора заключается в том, что союзники в вопросе интервенции в Россию не имели ни общей цели, ни единого подхода к Белому движению и их противникам, ни общего плана; это видно даже в отдельно взятых странах, в частности в Великобритании, в противостоянии Ллойд-Джорджа и Черчилля. Именно роль Великобритании уже традиционно считается одной из ведущих в иностранной интервенции [Там же, p. 273–274]. Монография Д. Райта «Секретная война Черчилля против Ленина» содержит значительный материал о военном корпусе Великобритании, участвовавшем в Гражданской войне в России. Райт детально описывает военные аспекты интервенции на территориях Севера России, Сибири, Дальнего Востока и в Туркестане, но не уделяет должного внимания дипломатии и политике и опирается в основном на материалы британских архивов, оставляя без внимания российские [Wright, 2017, p. 198]. О значительной роли Великобритании отмечает и С. Балбирни. В своей работе, посвященной интервенции на территории севера России в

1918–1919 гг., автор говорит о том, что руководящую роль в борьбе Белого движения взяла на себя не сильная личность, как например А.В. Колчак или А.И. Деникин, а именно британский военный корпус [Balbirnie, 2016, p. 131]. Но тем не менее это привело к не самым лучшим результатам, так как это разрушило и так сложные отношения между британцами и местным русским союзным населением [Там же, p. 144–145].

На основании указанных работ можно проследить акцентирование внимания на значимости Великобритании в военной интервенции в Россию в годы Гражданской войны и на основании этого необходимо проанализировать, какие процессы в британских политических элитах привели к решению о вмешательстве во внутренние дела революционной России, какие цели и идеи были у определенных правительственных кругов и какими методами они планировали их реализовывать.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является политика Великобритании в вопросе военной интервенции в Россию в годы Гражданской войны. Основой исследования является историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный методы. С их помощью проводится необходимый анализ документов, изданий периодической печати и мемуаров современников для определения последовательности обсуждений и принятий решений в кругах британских элит.

Результаты и их обсуждение

Анализ различных источников говорит о том, что вопрос о вмешательстве во внутренние дела России стал активно обсуждаться спустя небольшое время после Октябрьской революции. Первое умозаключение, которое возникло в правящих кругах Великобритании, показывает, что установление Советской власти не может быть долговременным и в результате контрреволюции сторонникам Российской империи удастся восстановить порядок в стране. Хорошим доказательством этого являются издания периодической печати и, как мы знаем, многие издания придерживаются определенного политического вектора. Выпуск газеты «Times» от 9 ноября 1917 г. утверждает, что Ленин начинает терять контроль над ситуацией в стране [The Times, 1917, 9 Nov.]. В это же время консервативная «Daily Mail» также делает прогноз на то, что традиционные, буржуазные основы России будут восстановлены [Daily Mail, 1917, 9 Nov.] Либеральные «Daily News and Lieder» и «The Manchester Guardian», поведывая о данном вопросе, воспроизводят ту же мысль [Daily News and Lieder, 1917, 12 Nov.; The Manchester Guardian, 1917, 12 Nov.]. Однако, несмотря на то, что положение большевиков стало укрепляться, Великобритания, как и другие страны Антанты, не спешила идти на переговоры с Советской властью, как минимум чтобы не признавать её легитимной. Не вступая в переговоры, правительство понимало, что нельзя и позволить состояться германо-советскому диалогу. Секретарь лейбористской партии А. Гендерсон в интервью «Daily Chronicle» заявил, что будет сделано всё, чтобы большевизм в России проиграл [Daily Chronicle, 1917, 29 Nov.].

В телеграмме британского военного кабинета, направленной послу Дж. Бьюкенену в Петроград, говорилось о том, что правительство финансово поддержит любую политическую силу в России, которая будет вести полномасштабную борьбу против большевиков и будет готова сотрудничать с союзными державами [Бьюкенен, 2001, с. 121]. Такой силой было Белое движение, и, таким образом, Великобритания, оказывая поддержку белым, способствовала эскалации конфликта. Тем не менее объяснение такой политики приводилось, например, на строках из «The Contemporary Review»: «Российский народ нуждается в моральной и политической помощи. Нам нужно пробудить к жизни новые социальные силы. В этой огромной работе необходимы наше сочувствие и поддержка» [Ullman, 1961, p. 186].

Большой проблемой в проведении такой политики стали разногласия политического класса, представленного консерваторами и либерало-лейбористами. Рассматривая пози-

ции противоборствующих сторон, следует отметить, что У. Черчилль и другие консерваторы придерживались мнения, что при заключении сепаратного мирного договора с Германией советское правительство автоматически становилось бы открытым врагом Великобритании [Черчилль, 1932, с. 78]. В газете «Daily Chronicle» прослеживается позиция либералов по этому вопросу. Основная мысль заключается в том, что необходимо, чтобы в Брест-Литовске мирные переговоры не состоялись, и в результате этого Россия смогла бы возобновить военные действия против Германии [Daily Chronicle, 1918, 4 Jan.].

Важное значение играет Парижская конференция 23 декабря 1917 г., на которой Великобритания и Франция в ходе переговоров заключили соглашение об интервенции и разделении сфер влияния в России. По соглашению, в английскую зону входили: север России, Средняя Азия, Кавказ, Дон и Кубань [Documents..., 1949, p. 77]. Парижская конференция была необходима Великобритании для формулировки единого представления политики в отношении «русского вопроса». У. Черчилль видел в этом событии возможность найти союзников его плана открытой интервенции. Он старался воспользоваться этой возможностью по максимуму, во многом благодаря отсутствию его главного оппонента в этом вопросе Д. Ллойд Джорджа по причине начала беспорядков в столице Великобритании [Черчилль, 1932, с. 109]. Д. Ллойд Джордж в «Правде о мирных договорах» позже напишет: «Черчилль очень ловко использовал возможности, которые давал ему мой и президента Вильсона отъезд, чтобы поехать туда и поставить свои планы в отношении России на рассмотрение французской, американской и английской делегаций» [Д. Ллойд Джордж, 1957, с. 317]. Великобритания и Франция договорились совместно заключить с южной русской армией Белого движения союз и поддержать её участие в гражданской войне, однако оказывать эту поддержку нужно было тайно, чтобы не допустить открытых конфликтов с большевиками. Д. Ллойд Джордж при этом делает важную ремарку в объяснении причин интервенции. Главной целью было недопущение захвата Германией продовольствия, сырья и нефти из наиболее развитых регионов России. Поддержка Белого движения была не идеологической и не антибольшевистской, а скорее практичной, благодаря лояльности Белого движения к союзникам [Ллойд Джордж, 1938, с. 223]. Журнал «Times» в том числе доводит эту мысль до своих читателей, говоря о том, что восстановление Восточного фронта – необходимость военных целей союзников, которая вынуждает провести интервенцию в России [The Times, 1918, 3 Aug.]. Британский общественный деятель А. Бальфур писал, что одной из важных причин интервенции было и традиционное желание Великобритании не допустить хоть какого-то усиления России. В этом смысле ни Советская власть, ни восстановление монархии не устраивали правящие круги, так как оба варианта создавали опасность для интересов Великобритании в целом.

Нельзя оставить незамеченным и тот факт, что Великобритания инвестировала в Россию. Например, вклады в российскую промышленность составляли примерно 507 млн рублей, а займы, выданные Царскому и Временному правительству, составляли 5 300 млн рублей [Системная история..., 2000, с. 213]. Учитывая характер Советской власти, британской элите было понятно, что по итогу революции все капиталовложения будут потеряны. Экономическая сторона «русского вопроса» имела большое значение. Посол Дж. Бьюкенен, который тоже был активным сторонником интервенции, стал президентом англо-русского клуба, члены которого имели преимущественно экономические связи с Россией. Клуб, как правило, работал над разработкой планов, направленных против большевистской власти, и предлагал разработки правительству Д. Ллойд Джорджа, а также Военному Кабинету [Ллойд Джордж, 1938, с. 308]. Если рассматривать предложения самого Дж. Бьюкенена, то можно отметить, что основной идеей являлось предоставление России свободного выбора в пользу отказа от сепаратного мира, что позволило бы России продолжить войну с Германией [Buchanan, 1923, p. 225–226].

Что касается вопроса позиции лейбористов, то можно определить, что основными условиями проведения интервенции были в первую очередь соглашения с США и договор с Японией о гарантии незаинтересованности. Лейбористы предоставляли Японии

большую свободу в военной интервенции. Обращаясь к журналу «Times», можно обнаружить статью «Берлин – Токио», суть которой подтверждала эту позицию. В статье говорилось о том, что японское правительство в целом было готово к тому, что большевики пойдут на сепаратный мир, и поэтому оно сделает всё, что потребуется, если Россия всё же пойдет на этот шаг [The Times, 1918, 27 Feb.].

По мнению Д. Ллойд Джорджа, вторжение в Россию привело бы к нестабильности внутри Великобритании из-за деятельности британских социалистов, которые готовились сделать интервенцию главной темой для своей прессы. Военный министр одобрил интервенцию, но, по замечанию У. Черчилля, вряд ли нашлось бы достаточное количество добровольцев для крупной армии [Англо-советские отношения, 1927, с. 45]. 31 декабря 1918 г. У. Черчилль снова высказался о консолидации сил для борьбы с большевизмом. Аргументировал он свое мнение преимущественно тем, что, по его мнению, подавляющее большинство россиян не поддерживает большевиков, а значит, при проведении выборов, организованных при помощи союзников, большевики сокрушительно проиграют. При этом Д. Ллойд Джордж оппонировал тем, что большевизм сам по себе не сможет утвердиться и рухнет [Уорт, 2006, с. 169–172].

С началом 1919 г. Британская лейбористская партия решает более активно вступить в дискуссию о «русском вопросе». Организовав заседание в январе, они пригласили посла непризнанной Советской России М. Литвинова. Довольно неожиданным было его заявление, которое сильно удивило консервативную часть правящего класса. Суть в том, что М. Литвинов заявил: «если в результате переговоров не будет достигнут мир, революция в Германии или в каких-либо государствах становится одной из самых ближайших перспектив. Русские начали работу за общий мир, которую в одиночестве закончить не смогут. Могу только посоветовать британским рабочим: не медлите» [Там же, с. 223]. Газета «Daily Express» обращает внимание на то, что речь М. Литвинова является довольно дерзкой, особенно отмечая тот факт, что подобные слова произносит посол относительно дружественной страны [Daily Express, 1918, 25 Jan.].

Одним из важнейших условий У. Черчилля было решение об отправке вооруженного корпуса в Россию. В секретной телеграмме премьер-министру от 3 февраля 1919 г. он писал: «Я получил меморандум от Начальника Имперского Генерального Штаба... о безопасности наших войск на севере России... Моя точка зрения заключается в следующем: ...с момента отправки войск, и пока они находятся там, ответственность за их надлежащее техническое обслуживание, питание и поддержку лежит на Военном министерстве, и я обязан принять любые меры, которые одобряет военный совет, чтобы убедиться, что наши войска не подвергаются жестокому обращению и не разбиты... я прошу, чтобы решение правительства Великобритании против посылки большего количества людей в Россию было изменено...» [Churchill, 1919]. В это же время для Д. Ллойд Джорджа наиболее возможной политикой в отношении России была поддержка Белого движения оружием, припасами и снаряжением [War Cabinet, 12 February 1919]. 13 февраля 1919 г. в кабинете министров У. Черчилль снова предпринял попытку продвинуть свои идеи в вопросе интервенции, однако большинство членов кабинета были более лояльны к идее военно-технической помощи [War Cabinet, 13 February 1919].

Важным обстоятельством принятия политики было и мнение народных масс. Лейбористы активно работали в этом направлении, о чем говорится в «Daily Herald», где была опубликована статья, призывающая английских рабочих не только осудить военную интервенцию, но и понять цели русской революции [Daily Herald, 1918, 29 Dec.]. Главный редактор этой газеты Д. Лэксбери считал, что решить назревшие проблемы в британском обществе можно, прекратив политику милитаризма [Daily Herald, 1919, June 7]. Однако проблема была еще не только в противостоянии консерваторов и лейбористов, но и внутри лейбористской партии. Происходит разделение партии на два крыла: праволейбористы и леволейбористы. Суть в том, что если правое крыло считало, что можно ограничиться

спокойным экономическим сближением с Россией, то левое крыло было сторонником радикальной поддержки России в виде забастовок и митингов [Gordon, 1965, p. 21].

5 апреля 1919 г. Ч. Элиот, британский уполномоченный в Сибири, предложил признать Временное правительство А.В. Колчака, используя определенные условия. С данной идеей в целом были согласны и У. Черчилль, и Д. Ллойд Джордж, который аргументировал решение о признании тем, что А.В. Колчак точно не является реакционером, в отличие от А.И. Деникина, у которого как минимум в окружении есть реакционеры [Англо-советские отношения, 1927, с. 56].

Наблюдая и анализируя ситуацию в России, с каким бы переменным успехом ни шла Гражданская война, силы, лояльные к Великобритании, терпели поражение в глобальном смысле. После всех надежд на Белое движение 12 августа 1919 г. было созвано заседание британского кабинета для направления проекта, по которому Великобритания отказывалась нести основную тяжесть поддержки антибольшевистских сил [Aspects of..., 1927, p. 40]. 8 ноября 1919 г. Д. Ллойд Джордж произносит речь, которая создает переломный момент в англо-русских отношениях. «Мы не можем позволить продолжать интервенцию в этой бесконечной гражданской войне... Россия – это зыбучие пески... Великие армии и великие империи прошлого были сокрушены в песках бесплодных побед. Россия представляет собой очень опасную землю для интервенции... К счастью, сейчас может появиться возможность для крупных держав мира установить мир и согласие в этой великой стране» [Daily Chronicle, 1919, 9 Nov.]. Начинают устанавливаться дипломатические и торговые соглашения с Советской Россией, даже несмотря на то, что всеобщего одобрения в правящих кругах Великобритании такое положение дел не обрело. На страницах «Times» речь Д. Ллойда Джорджа названа скорее импровизацией, чем обдуманное политическое решение, и вместе с тем газета хотела показать, что премьер-министр Великобритании – это еще не вся Великобритания [The Times, 1919, 9 Nov.]. Либеральные и лейбористские газеты, напротив, поддержали выступление Д. Ллойда Джорджа, выразив надежду на то, что страна наконец-то прекратит военное посягательство на Советскую Россию и задаст новый тренд на развитие дипломатических отношений [Daily News and Lieder. 1919, 10 Nov.]. В результате более продуманной и гибкой политики в первую очередь либерально-лейбористских правящих кругов, к началу 1920 г. Великобритания вывела основные части своих войск с территории России.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа источников можно отметить, что британская политика в вопросе военной интервенции в Россию претерпевала постоянные изменения не только из-за стремительных темпов изменения ситуации на фронте Гражданской войны, но и из-за конфронтации мнений двух противоположных политических направлений в лице консерваторов и либерало-лейбористов. Лейбористы более рационально оценивали ситуацию и беспокоились больше об экономическом положении Великобритании, не забывая о том, что дипломатия с Советской Россией открывала бы новые и, возможно, более перспективные отношения, чем с царской, что в конечном итоге позволило именно такому подходу победить в политике британского правительства. Проводя сравнительный анализ позиции консерваторов и либералов, можно прийти к выводу, что консолидирующей мыслью была необходимость продолжения активной интервенции. Однако если консерваторы поддерживали открытую конфронтацию с большевиками с вводом войск и регулярными поставками вооружения, то либералы не считали ввод военного корпуса целесообразным, ограничиваясь поставками припасов. В отличие от либералов консерваторы не допускали возможность признания большевиков легитимной властью. Нерешительность либералов в вопросе интервенции и её необходимости вызывала опасение провала всего «русского вопроса», по мнению консерваторов. Либералам было важно заручиться поддержкой США, хотя и общее соглашение союзных стран было не менее важным для консерваторов.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю профессору С.В. Любичанковскому за методическую помощь в реализации исследования.

Список литературы

- Англо-советские отношения. 1918–1927. Ноты и документы. 1927. М., 172.
Бьюкенен Дж. 2001. Мемуары дипломата. Минск, 341.
Ллойд Джордж Д. 1938. Военные мемуары, т. 5. М., 251.
Ллойд Джордж Д. 1957. Правда о мирных договорах: В 2 т. М., Изд-во иностранной литературы, Т. 1. 656 с.
Системная история международных отношений в 4-х т. События и документы. 1918–2000. Т. 2. Документы. 1918–1945. М., 718.
Уорт Р. 2006. Антанта и русская революция. 1917–1918 гг. М., Центрполиграф, 269.
Черчилль В. 1932. Мировой кризис 1918–1925. М., 336.
Aspects of British Foreign Policy. 1927. ed. by Sir Arthur Willert. New Haven, 141.
Balbirnie S. 2016. “A Bad Business”: British Responses to Mutinies Among Local Forces in Northern Russia, *Revolutionary Russia*. Vol. 29, no. 2. 129–148.
Buchanan G. 1923. My mission to Russia and others diplomatic memoirs. Vol. II. L., 186.
Daily Mail. 1917. 9 Nov.
Daily News and Lieder. 1917. 12 Nov.
Daily Chronicle. 1917. 29 Nov.
Daily Chronicle. 1918. 4 Jan.
Daily Express. 1918. 25 Jan.
Daily Herald. 1918. 29 Dec.
Daily Herald. 1919. June 7.
Daily Chronicle. 1919. 9 Nov.
Daily News and Lieder. 1919. 10 Nov.
Documents on the British Foreign Policy, 1919–1939. 1949. Vol. III, L., 1054.
Gordon M.R. 1965. Conflict and Consensus in Labour Foreign Policy. 1914–1965. Stanford, 333.
Moffat I. 2015. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. London, Palgrave Macmillan, 317.
Smele J.D. 2016. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. Oxford, Oxford University Press, 423.
The Manchester Guardian. 1917. 12 Nov.
The Times. 1917. 9 Nov.
The Times. 1918. 27. Feb.
The Times. 1919. 9 Nov.
Ullman R.H. 1961. Anglo-Soviet Relations. 1917–1921. Princeton, 127.
Wade R. 2016. The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917, *Journal of Modern Russian History and Historiography*, Vol. 9, no. 1. 9–38.
War Cabinet: minutes. 12 February 1919, *ibid.* P. 521–525.
War Cabinet: minutes. 13 February 1919, *ibid.* P. 525–527.
Winston S. Churchill: departmental minute. 29 January 1919, *ibid.* P. 497.

References

- Anglo-sovetskie otnosheniya. 1918–1927. Noty i dokumenty [English-Soviet relations. 1918–1927. Notes and documents]. 1927. M., 172 (in Russia).
Buchanan J. 2001. Memuary diplomata [Memoirs of a diplomat]. Minsk, 341 (in Russia).
Lloyd George D. 1938. Voennye memuary [Military Memoirs]. Vol. 5. M., 251 (in Russia).
Lloyd George D. 1957. Pravda o mirnyh dogovorah [The truth about the peace Treaties]. Vol. 1. 656 (in Russia).

- Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v 4-h t. Sobytija i dokumenty [Systemic history of international relations in 4 vol. Events and documents]. 1918–2000. Vol. 2. Documents. 1918–1945. M., 718 (in Russia).
- Worth R. 2006. Antanta i russkaja revoljucija. 1917–1918 gg. [The Entente and the Russian Revolution 1917–1918]. M., 269 (in Russia).
- Churchill V. 1932. Mirovoj krizis 1918–1925 [The world crisis of 1918–1925]. M., 336.
- Aspects of British Foreign Policy. 1927. ed. by Sir Arthur Willert. New Haven, 141.
- Balbirnie S. 2016. “A Bad Business”: British Responses to Mutinies Among Local Forces in Northern Russia, *Revolutionary Russia*. Vol. 29, no. 2. 129–148.
- Buchanan G. 1923. My mission to Russia and others diplomatic memoirs. Vol. II. L., 186.
- Daily Mail. 1917. 9 Nov.
- Daily News and Lieder. 1917. 12 Nov.
- Daily Chronicle. 1917. 29 Nov.
- Daily Chronicle. 1918. 4 Jan.
- Daily Express. 1918. 25 Jan.
- Daily Herald. 1918. 29 Dec.
- Daily Herald. 1919. June 7.
- Daily Chronicle. 1919. 9 Nov.
- Daily News and Lieder. 1919. 10 Nov.
- Documents on the British Foreign Policy, 1919–1939. 1949. Vol. III, L., 1054.
- Gordon M.R. 1965. Conflict and Consensus in Labour Foreign Policy. 1914–1965. Stanford, 333.
- Moffat I. 2015. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. London, Palgrave Macmillan, 317.
- Smele J.D. 2016. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. Oxford, Oxford University Press, 423.
- The Manchester Guardian. 1917. 12 Nov.
- The Times. 1917. 9 Nov.
- The Times. 1918. 27. Feb.
- The Times. 1919. 9 Nov.
- Ullman R.H. 1961. Anglo-Soviet Relations. 1917–1921. Princeton, 127.
- Wade R. 2016. The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917, *Journal of Modern Russian History and Historiography*, Vol. 9, no. 1. 9–38.
- War Cabinet: minutes. 12 February 1919, *ibid.* P. 521–525.
- War Cabinet: minutes. 13 February 1919, *ibid.* P. 525–527.
- Winston S. Churchill: departmental minute. 29 January 1919, *ibid.* P. 497.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.06.2023

Received 18.06.2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised 21.08.2023

Принята к публикации 21.08.2023

Accepted 21.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Логинов Евгений Игоревич, магистрант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Eugene I. Loginov, MA student of History Department, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 [ORCID: 0009-0003-2636-5438](https://orcid.org/0009-0003-2636-5438)

УДК 504.53.052
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-634-641
Обзорная статья

Установление правовых и культурных отношений между независимым Афганистаном и Советским Союзом в первой четверти XX столетия

Майсам Махди

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Mahdimaisam2020@gmail.com

Аннотация. У Советского Союза был план поддержки колонизированных стран с момента его создания, и Афганистан был в центре этого внимания. В международных договорах СССР декларировал Афганистан как независимую страну, что в некоторой степени способствовало обретению независимости Афганистана от Великобритании. Глубокие политические и культурные связи с СССР после завоевания независимости обусловили усиление позиций Афганистана на мировой арене. Заключение многочисленных соглашений по важным вопросам развития и культуры сблизило две страны. Мотивирование и развитие культурных связей в области афганистики между исследователями обеих стран имело результатом подготовку и публикацию многочисленных научных статей и работ, особенно в сфере сельскохозяйственных и географических исследований. Предоставление различных исследовательских площадок и всесторонние отношения привели к появлению новых направлений для отношений между двумя странами.

Ключевые слова: Афганистан, СССР, Пагманское соглашение, научные и культурные связи, афганиствоведение

Для цитирования: Майсам Махди. 2023. Установление правовых и культурных отношений между независимым Афганистаном и Советским Союзом в первой четверти XX столетия. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 634–641. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-634-641

Establishment of Legal and Cultural Relations between Independent Afghanistan and the Soviet Union in the First Quarter of the 20th Century

Mahdi Maisam

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Mahdimaisam2020@gmail.com

Abstract. The Soviet Union had a plan to support the colonized countries from its inception, and Afghanistan was at the center of its attention. In international treaties, this country declared Afghanistan as an independent country, which somehow helped the independence of Afghanistan from Great Britain. Deep political and cultural ties since independence have made Afghanistan strong on the world stage. The conclusion of numerous agreements on important developmental and cultural issues has brought the two countries closer together. The motivation and development of cultural ties in the field of Afghan studies between the researchers of the two countries led to the growth and publication of numerous scientific articles and works, which led to the enrichment of literary areas, especially agricultural and geographical studies. The provision of various research platforms and comprehensive relations have led to new directions for relations between the two countries.

Key words: Afghanistan, USSR, Paghman Agreement, scientific and cultural ties, Afghan studies

For citation: Mahdi Maisam. 2023. Establishment of Legal and Cultural Relations between Independent Afghanistan and the Soviet Union in the First Quarter of the 20th Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 634–641. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-634-641

Введение

В первой четверти XX века Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и независимый Афганистан смогли начать и развить взаимовыгодное сотрудничество. Опыт советско-афганского сотрудничества базировался на ранее неизвестных истории принципах равноправных международных отношений. Фундамент отношений между двумя странами был основан на добрососедстве и взаимной выгоде, что привело к установлению разносторонних связей. Известие о социалистической революции в России быстро нашло отражение в афганской прессе как событие исторического масштаба. Афганская общественность полагала, что новое правительство в Советской России может помочь Афганистану освободиться от британского правления [Рубинштейн, 1953, с. 391].

Результаты и их обсуждение

В Брест-Литовском договоре, заключенном между большевиками и Центральными державами в годы Первой мировой войны, Афганистан упоминался как независимая страна [Документ, Т. I–XXI, 123]. После Второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.), завершившейся ограничением полномочий Афганистана, это был первый международный документ, в котором Афганистан назывался независимым государством. Афганская газета «Сирадж аль-Ахбар» («Свет вестей») 25 июня 1918 г. опубликовала полный текст Брест-Литовского договора. В этой газете публиковались статьи о позиции Советской России, и эти публикации неизменно сопровождались «признанием и благодарностью народа Афганистана» [Портянников, 1980, с. 242]. Совет Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) отказался узаконить ограничение внешнеполитической субъектности Афганистана со стороны Великобритании, и 4 июня 1918 г., еще до обретения Афганистаном независимости, заявил о готовности учредить полномочное представительство РСФСР в Афганистане. В связи с этим поручением Туркестанский Центральный Комитет (ЦК) своим постановлением направил в Афганистан специальных представителей. Но под давлением англичан афганское правительство не решилось допустить этих представителей в страну [Рубинштейн, 1953, с. 108].

РСФСР была первой страной, признавшей Афганистан 28 февраля 1919 г., – через месяц после того, как шах Аманулла-хан провозгласил независимость государства [Губар, 1987, с. 84–85]. Нарком иностранных дел Туркестанской Советской Республики Е.Е. Богоявленский в своем письме афганскому правительству от 27 марта 1919 г. сообщал, что РСФСР отменила декреты русского царского правительства, посягавшие на афганский суверенитет⁵⁷. В этом документе упоминается, что Советская Республика направила своего представителя, который является востоковедом и владеет персидским языком, для заключения дружественных договоров из Москвы в Ташкент.

Первыми официальными посланиями между властями независимого Афганистана и большевистским правительством России считаются письмо шаха Афганистана в Москву от 7 апреля 1919 г. с предложением обмена дипломатическими миссиями [Документы. Т. II, 175] и ответное письмо 27 мая 1919 г. руководителей советского государства В.И. Ленина и М.И. Калинина [Ленин, 1958–1965, с. 386].

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 071. Оп. 1. П. 101. Д. 91. Лл. 33.

В апреле 1919 г. советское правительство назначило своим официальным лицом в Кабуле Н.З. Бравина, на которого были возложены обязанности представлять Наркомат иностранных дел РСФСР в Афганистане. 23 июня 1919 г. Я.З. Суриц был назначен чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в странах Средней Азии. Советские дипломаты прибыли в Кабул 14 декабря 1919 г. Посланники Советской России были тепло встречены местными властями [Июффе, 1968, с. 97]. Позже, 10 октября 1919 г., в Москву прибыла ответная делегация из девятнадцати афганских представителей во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом Афганистана генералом М. Вали-ханом Дарвази. На перроне Казанского вокзала играл приветственный туш и был выстроен почетный караул, встречающие скандировали лозунги «Да здравствует народ Афганистана, освобожденный от британского ига!». Эта миссия продлилась до 28 ноября 1919 г. и была продолжена в Ташкенте. Теплые приемы в Москве и Ташкенте, по словам очевидцев, свидетельствовали о начале хороших добрососедских и разносторонних связей [Мурабов, с. 226]. Советское правительство пристально следило за процессом обретения Афганистаном независимости от Великобритании. Так, в отчете заседания Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (ЦИК РСФСР) от 17 июня 1920 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин отмечал, что «...народ Афганистана считает нас защитниками своей независимости, и его надо поддерживать» [Чичерин, 1961, с. 168–189]. В сентябре 1920 г. афганские представители участвовали в I съезде народов Востока, проходившем в Баку. Решения Конгресса содержали призыв к народам Востока к единству и борьбе за отмену колониального рабства [Fraser-Tytler, 1953, с. 139]. Указанные визиты имели большое значение для становления независимости Афганистана. Как сильная страна РСФСР поддерживала независимый Афганистан в процессе обретения международной субъектности [Тихонов, 2008, с. 2].

В начале 20-х годов XX в. интенсивно развивалась правовая и институциональная база двухсторонних отношений РСФСР и Афганистана. В результате успешных переговоров 13 сентября 1920 г. в Кабуле представитель Советской России Я.З. Суриц и министр иностранных дел Афганистана М. Тарзи подготовили текст Договора о дружбе [История дипломатии. Т. III, 1965, с. 221–224]. В этом акте советское правительство обязалось выплачивать денежную помощь, обучить афганских летчиков, основать авиашколу, наладить телеграфные линии и иные технические службы [Fraser-Tytler, 1953, с. 140].

Через два года после провозглашения независимости Афганистана 28 февраля 1921 г. в Москве впервые в истории двух стран были подписаны Договор об установлении дружественных отношений и Пакт о дружбе [Документы, Т. III, с. 550]. Со стороны Советской России документы подписали нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин и его заместитель Л.М. Карахан, с афганской стороны – Чрезвычайный посол Афганистана М. Вали-хан Дарвази и высокопоставленные лица М. Мохаммед Хан и Г. Сиддик Хан. Отличительной особенностью этих документов было то, что это были первые в своем роде акты, заключенные Советской Россией с восточным государством. Это был первый в новейшей истории случай, когда восточное государство рассматривалось как равноправный партнер европейской стороны [Акрамова, Акрамов, 1973, с. 58]. Договор о дружбе между РСФСР и Афганистаном явился внушительной победой молодой советской дипломатии, прогрессивного и патриотического народа Афганистана и создал прочную основу для последующих дружественных двусторонних отношений, так как они основывались на принципах равноправия и справедливости, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Этот договор явился надежной гарантией укрепления и долговечности национальной независимости Афганистана, а также развития и расширения культурных и экономических отношений между двумя странами. Можно сказать, что это был переломный момент в истории отношений советского государства со странами Востока. Акт подготовил почву для многих последующих договоров и соглашений не только с Афганистаном, но и с другими государствами, освобождающимися от колониализма.

В Договоре (ст. 4 и 5) рассматривалось учреждение и открытие консульств РСФСР в Афганистане в городах Герат, Майман, Мазари-Шариф, Кандагар и Газни, а взамен Афганистан мог размещать консульства в Петрограде, Казани, Ташкенте и Самарканде [Документы, Т. IV, 414]. В марте 1921 г. над зданиями всех представительств РСФСР в Афганистане были подняты красные знамена [Документы, Т. IV, 664–665]. После 1921 г. сотрудничество Советской России и Афганистана осуществлялось уже посредством учрежденного дипломатического представительства.

Второй значимый советско-афганский документ был заключен 31 августа 1926 г. под названием «Договор о взаимном нейтралитете и ненападении между Советским Союзом и Афганистаном». Документ был подписан в Пагмане (летней резиденции афганских королей в Кабуле) и получил название Пагманского договора⁵⁸. Заключение советско-афганского Договора о нейтралитете и взаимном ненападении не только стало важной вехой в укреплении отношений между Советским Союзом и Афганистаном, но и способствовало укреплению независимости и международных позиций афганского правительства [Июффе, 1968, с. 406]. Этот договор открыл путь для глубоких культурных отношений между двумя странами и предоставлял возможности для оптимального использования культурных ресурсов двух стран и народов [Теплинский, 1988, с. 276]. Министерство обороны Советского Союза направило первых военных советников в Афганистан в начале 1920-х гг., которые принимали активное участие в подготовке афганских вооруженных сил [Салмин, 2009, с. 3]. 28 ноября 1927 г. в Кабуле между Советским Союзом и Афганистаном был подписан Договор об установлении регулярного авиапочтового и пассажирского сообщения между Ташкентом и Кабулом [Документы, Т. X, с. 501]. Это соглашение укрепило и развило туризм и культурный обмен между двумя странами. В апреле 1932 г. в Кабуле были подписаны соглашения между соответствующими ведомствами Советского Союза и Афганистана о телеграфной и радиосвязи, о сотрудничестве в области авиапочты, пассажирских перевозках и туризме. Эти соглашения предусматривали не только двусторонний обмен почтовой и телеграфной корреспонденцией, но и транзит через Советский Союз в Афганистан. В связи с появлением перспектив развития почтово-телеграфной торговли в Афганистане в качестве специального органа было создано самостоятельное почтово-телеграфное агентство [Документы, Т. XI, с. 736].

Значительные усилия были приложены в области расширения культурных связей между двумя странами. В 1920 г. в Кабул был отправлен подарок от советского правительства – радиостанция со специальной технической командой. Это были первые советские специалисты в Афганистане. Радиопередачи на афганском языке, транслируемые этой радиоточкой, особенно на образовательные и культурно-просветительские темы, безусловно, способствовали сближению народов двух стран. В 1924–25 гг. при технической помощи Советского Союза была построена телеграфная линия на железных балках, соединившая Кушку, Герат, Кандагар и Кабул. В 1927 г. началось строительство телеграфной линии из Кабула в Мазари-Шариф. Была организована специальная школа, в которой советские кадры готовили технический состав афганской службы связи⁵⁹. В конце 1920-х годов в Московском институте востоковедения был создан Наримановский отдел Индо-Афганистана во главе с И.М. Рейснером, который заложил основы научного и образовательного направления (школы) афганистики⁶⁰. В рамках работы отдела были созданы основы комплексной программы изучения Афганистана. Первая специальная работа на эту тему была издана военным специалистом А.Е. Снесаревым. Его научный труд «Афганистан» представлял собой специальный анализ восточного и военного образования, состоявший из курса лекций для слушателей Восточного отделения Академии штаба Рабоче-

⁵⁸ АВПРФ. Ф. 3а. Оп. 1. П. 4. Д. 32.

⁵⁹ <https://шурави.екатеринбург.рф/novostinovyi-razdel/84633>

⁶⁰ Архив Института восточных рукописей РАН. Фонд А.Е. Снесарева. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.

Крестьянской Красной Армии (РККА). Эта работа на долгие годы стала образцом научно-прикладного подхода в советском востоковедении [Снесарев, 1921, с. 244]. С этой же целью еще в 1920 г. по инициативе М.В. Фрунзе в Ташкенте была организована специальная школа, основной задачей которой было ознакомление бойцов и командного состава РККА с культурой и бытом стран Средней Азии и Афганистана [Бойко, 2016, с. 16].

Развивалось научное сотрудничество по другим направлениям. Первые советские ученые побывали в Афганистане еще в 1920 г. Это Л.М. Рейснер и Л.В. Никулина. Вернувшись в Советский Союз, они подготовили уникальные научные материалы об Афганистане [Теплинский, 1988, с. 191]. В августе 1922 г. совету директоров Научного общества востоковедения была поставлена задача организовать научную экспедицию советских этнографов в Афганистан и помочь подготовить ответную экспедицию афганских специалистов в Советскую Россию для научных занятий. По итогам этих мероприятий летом 1923 г. был издан сборник обзорных статей по Афганистану, содержащий историко-этнографический материал. Научная и практическая деятельность научных сообществ была ориентирована на издание как можно большего числа книг и статей об Афганистане и СССР, чтобы охватить все аспекты научных исследований, в том числе и по естественным наукам. Так, в 1924 г. советские ботаник и агроном Н.И. Вавилов и Д.Д. Букиннич за 5 месяцев проехали верхом по Афганистану пять тысяч километров и представили советскому и афганскому научному сообществу крупнейшую сельскохозяйственную энциклопедию Афганистана под названием «Земледельческий Афганистан», которая является одним из самых полных научных исследований по данной теме [Теплинский, 1988, с. 192]. Авторы труда активно делились о результатах своей экспедиции в Афганистан в прессе, что было одобрено читателями и всеми интересующимися. За свои научные достижения Н.И. Вавилов впоследствии получил медаль Географического общества [Ромодин, 1983, с. 167]. Ценные научные сведения в области знаний о таджикском этносе в Панджшерской долине Афганистана среди гор Гиндукуша содержались в исследованиях советского ученого М.С. Андреева. В 1926 г. он издал труд о местных обычаях и истории этого народа, а также природно-климатических особенностях региона Панджшер. Это исследование помогло исследователям-этнологам лучше изучить условия жизни некоторых афганских племен [Теплинский, 1988, с. 192]. Успешное развитие советско-афганских отношений было прервано в конце 1928 г., когда в Афганистане вспыхнуло восстание против Амануллы-хана и его реформ [Советские документы внешней политики. С. 400–401].

Помимо научно-теоретических исследований об Афганистане в СССР начала формироваться и их практико-ориентированная часть, поскольку этого требовала военно-политическая обстановка на южных границах Советской Республики. Эти сведения помогли РККА провести успешные боевые действия против басмачества в Средней Азии и во время военных мятежей в Афганистане в 1928–1929 гг. [Ванченко, 1928, с. 72].

Одним из исследователей, который, помимо воинского долга, интересовался научными исследованиями об Афганистане и странах Средней Азии, являлся А.В. Станишевский. Во время службы в Красной Армии он поступил вольнослушателем в Киевский институт международных отношений, где учился у видного украинского востоковеда А.Е. Крымского. Вскоре А.В. Станишевский поступил в оперативный отдел ОГПУ и несколько лет работал на границе Афганистана и китайского Синьцзяна, где познакомился с религиозными, политическими и культурными особенностями народов, населяющих афганский Горный Памир и Бадахшан Таджикистана. Там он собрал большую коллекцию редких исмаилитских рукописей⁶¹. В своих научных и прикладных исследованиях этот автор подготовил несколько работ по актуальным проблемам Афганистана: «Административные реформы Амануллы-хана», «20 лет борьбы за независимость Афганистана: 1912–1932», а также документы, статьи, заметки в рукописном виде. Весной 1933 г. А.В. Станишевский

⁶¹ ЦГА РУз. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3.

был вызван в Москву руководством ОГПУ, где начал работать над историей басмахизма. Другим важнейшим вкладом в современное афганиствоведение стали работы Президента Академии Наук СССР С.Ф. Ольденбурга по истории исмаилитства, большая часть из которых была написана во время его научной работы в Афганистане⁶². Значительными с научной точки зрения считаются также работы советского исламоведа В.В. Бартольда, который познакомил афганских исследователей с российскими/советскими академическими исследованиями в области тюркологии, арабистики и архивоведения [Документы внешней политики СССР. Т. XVII, с. 814].

В 20-х годах XX в. в СССР была развернута культурно-просветительская работа по афганской тематике. В 1929 г. в Музее восточных культур в Москве была открыта выставка «Современный Афганистан», которая имела целью популяризацию знаний о культуре Афганистана в советском обществе [Теплинский, 1988, с. 192]. Обустройство советских торговых выставок в Афганистане также было налажено на регулярной основе. 7 ноября 1931 г. в Мазари-Шарифе открылась большая выставка афганской и советской сельскохозяйственной продукции. Эта выставка стала важным культурным, экономическим и политическим событием своего периода [Пикулин, 1956, с. 292].

Наибольшую информацию об Афганистане дает М. Рейснер, хотя Афганистану посвящены и статьи многих других авторов, в которых подробно рассматривается внутренняя жизнь афганского народа, его быт, его обычаи. В 1931 г. был опубликован роман «Седьмое горе Атауллы», автором которого был С.М. Водкин, написавший в конце 1920-х годов статьи, брошюры и несколько книг о колхозном движении в Советском Союзе. Свой роман автор посвящает «сельским комсомольцам СССР». Действие этого романа происходит в Афганистане в 1928–1929 годах. В романе автор пытается реконструировать образ восстания Бача Сакао против Амануллы-хана, выявить социальные конфликты, особенно обострившиеся в деревнях Афганистана. Он показывает истоки восстания. Круг действующих лиц романа очень широк. Фермеры и торговцы, горожане и солдаты, чиновники и священнослужители повсюду играют роли в романе, который показывает аутентичную культуру Афганистана [Роман, 1958, с. 141].

Заключение

В заключение можно отметить, что в первой четверти XX в. политическая поддержка независимого Афганистана Советским Союзом и установление дипломатических отношений между двумя странами сыграли решающую роль в вопросах налаживания и дальнейшего развития двухсторонних культурных и научных связей. Данные контакты были диверсифицированными, т. е. осуществлялись сразу по нескольким направлениям: научные (естественные, военные, этнографические, культурологические и т. д.) исследования, техническая помощь, организация различных видов сообщения, пропагандистская деятельность, литературно-публицистическое творчество. Контакты были достаточно продуктивными по своим результатам, о чем могут свидетельствовать относительно успешное начало процесса вовлечения Афганистана в орбиту советского влияния, с одной стороны, и рост симпатий к СССР и происходящим в нем процессам в афганском обществе – с другой стороны.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю доктору исторических наук профессору Лобанову Константину Николаевичу и заведующей кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ», доктору исторических наук профессору Литовченко Елене Викторовне.

⁶² ЦГА РУз. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3.

Список источников

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). 1917. Ф. 071. Оп. 1. П. 101. Д. 91. ЛЛ.33 и За. Оп. 1. П. 4. Д. 32
- Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. 1960. Фонд А.Е. Снесарева. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.
- Документы внешней политики СССР. 1957–1977. Т. I–XXI. Москва, 123, 175, 414, 664, 665, 736, 550, 501, 814 с.
- История дипломатии. Т. III. 1965, Москва, Издательство политической литературы: 221–224.
- Советские документы внешней политики, 1925–1932: 400–401. Ответ Карахана министру иностранных дел Афганистана о формировании новогоафганского правительства.
- Центральный государственный архив (ЦГА) РУз, 1984. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 1, Л. 32–44, 52 и Д. 9. Л. 1–3. <https://шурави.екатеринбург.рф/novostinovyi-razdel/84633>

Список литературы

- Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. 1973. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Научно-библиографический очерк. Душанбе, Ирфон, 58 с.
- Бойко В.С. 2016. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв: Учебное пособие. Барнаул, АлтГПУ, 16 с.
- Ванченко А. 1928. Афганистан и его вооруженные силы. Москва: Государственное издательство, 72 с.
- Губар М.Г. 1987. Афганистан на пути истории. Москва: Институт Востоковедения АН СССР; Наука: 84–85.
- Иоффе А.Е. 1968. Внешняя политика Советского Союза, 1928–1932 гг. АН СССР. Ин-т истории. Москва, Наука, 406 с.
- Ленин В.И. 1958–1965. Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. Москва, Госполитиздат, 386 с.
- Мурабов Г.А. 1981. Новый этап Апрельской революции в Афганистане. Народы Азии и Африки. 2: 226.
- Пикулин М.Г. 1956. Афганистан (экономический очерк). Акад. наук Узбек. ССР. Ин-т востоковедения. Ташкент, Изд-во Акад. наук УзССР, 292 с.
- Портяников И.С. 1980. Развивающиеся страны: проблемы внешнеэкономических связей. Москва, Политиздат, 242 с.
- Роман С.М. 1958. Независимый Афганистан: 40 лет независимости: Сборник статей. Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения; Отв. ред. Р.Т. Ахрамович. Москва, Изд-во вост. лит, 141 с.
- Ромодин В.А. 1983. Очерки по истории и истории культуры Афганистана, середина XIX – первая треть XX в. Москва, Наука, 167 с.
- Рубинштейн Н.Л. 1953. Внешняя политика Советского государства в 1921–25 гг. Москва, Госполитиздат, 108 с.
- Салмин Н. 2009. Афганистан: Дороги войны (часть 1). Уральские военные вести. 1: 3.
- Снесарев А.Е. 1921. Афганистан. Т. I. Москва, Государственное издательство, 244 с.
- Теплинский Л.Б. 1988. История советско-афганских отношений 1917–1987. Москва, Мысль, 276 с.
- Тихонов Ю.Н. 2008. Афганская война Сталина: битва за Центральную Азию. Москва: ЭКСМО, Яуза, 122 с.
- Чичерин Г.В. 1961. Статьи и речи по вопросам международной политики. Сост. и авт. вступ. статьи, с. 3–21, Л.И. Трофимова. Москва, Соцэргиз: 168–169.
- Freyzer-Titler V.K. 1953. Afghanistan. Study of political developments in Central and South Asia. London – New York – Toronto, Oxford University Press: 139–140.

References

- Akramova Kh.F., Akramov N.M. 1973. Vostokoved Mikhail Stepanovich Andreev. Nauchno-bibliograficheskiy ocherk [Orientalist Mikhail Stepanovich Andreev. Scientific bibliographic essay]. Dushanbe, Irfon, 58 s.
- Boyko V.S. 2016. Mirovaya afganistika mezhdou naukoj i politikoj: problemy istorii i modernizatsii Afganistana v XX – nachale XXI vv: Uchebnoe posobie [World Afghan studies between science

- and politics: problems of the history and modernization of Afghanistan in the XX – early XXI centuries]. Barnaul, AltGPU, 16 s.
- Vanchenko A. 1928. Afganistan i ego vooruzhennyye sily [Afghanistan and its armed forces]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 72 s.
- Gubar M.G. 1987. Afganistan na puti istorii [Afghanistan on the path of history]. Moskva: Institut Vostokovedeniya AN SSSR; Nauka: 84–85.
- Ioffe A.E. 1968. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz, 1928–1932 gg. [Foreign policy of the Soviet Union]. AN SSSR. In-t istorii. Moskva, Nauka, 406 s.
- Lenin V.I. 1958–1965. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]. In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. - 5-e izd. Moskva, Gospolitizdat, 386 s.
- Murabov G.A. 1981. Novyy etap Aprel'skoy revolyutsii v Afganistane [A new stage of the April Revolution in Afghanistan]. Narody Azii i Afriki. 2: 226.
- Pikulin M.G. 1956. Afganistan (ekonomicheskiy ocherk) [Afghanistan (economic essay)]. Akad. nauk Uzbek. SSR. In-t vostokovedeniya. Tashkent, Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 292 s.
- Portyannikov I.S. 1980. Razvivayushchiesya strany: problemy vneshneekonomicheskikh svyazey [Developing countries: problems of foreign economic relations]. Moskva, Politizdat, 242 s.
- Roman S.M. 1958. Nezavisimyy Afganistan: 40 let nezavisimosti: Sbornik statey [Independent Afghanistan: 40 years of independence: Collection of articles]. Akad. nauk SSSR. In-t vostokovedeniya; Otv. red. R.T. Akhramovich. Moskva, Izd-vo vost. lit., 141 s.
- Romodina V.A. 1983. Ocherki po istorii i istorii kul'tury Afganistana, seredina XIX – pervaya tret' XX v. [Essays on the history and cultural history of Afghanistan, the middle of the 19th – the first third of the 20th century]. Moskva, Nauka, 167 s.
- Rubinshteyn N.L. 1953. Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–25 gg. [Foreign policy of the Soviet state in 1921–25]. Moskva, Gospolitizdat, 108 s.
- Salmin N. 2009. Afganistan: Dorogi voyny (chast' 1) [Afghanistan: Roads of war (part 1)]. Ural'skie voennyye vesti. 1: 3.
- Snesarev A.E. 1921. Afganistan [Afghanistan]. T. I. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 244 s.
- Teplinskiy L.B. 1988. Istoriya sovetsko-afganskikh otnosheniy 1917–1987. [History of Soviet-Afghan Relations 1917–1987]. Moskva, Mysl', 276 s.
- Tikhonov Yu.N. 2008. Afganskaya voyna Stalina: bitva za Tsentral'nuyu Aziyu [Stalin's Afghan war: the battle for Central Asia]. Moskva: EKSMO, Yauza, 122 s.
- Chicherin G.V. 1961. Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoy politiki [Articles and speeches on international politics]. Sost. i avt. vstup. stat'i, s. 3–21, L. I. Trofimova. Moskva, Sotsekgiz: 168–169.
- Freyzer-Titler V.K. 1953. Afghanistan. Study of political developments in Central and South Asia. London – New York – Toronto, Oxford University Press: 139–140.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.12.2022

Received 22.12.2022

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Revised 27.02.2023

Принята к публикации 27.02.2023

Accepted 27.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майсам Махди, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Mahdi Maisam, Postgraduate Student of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9071-8144](https://orcid.org/0000-0001-9071-8144)

УДК 94(460)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-642-651

Оригинальное исследование

Средиземноморский аспект на завершающем этапе Гражданской войны в Испании (конец 1937 – начало 1939 гг.)

Малай В.В. , Тимошкова О.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: malay_v@bsu.edu.ru, timoshkova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье, основанной на анализе документов внешней политики Великобритании и Германии и материалов Архива внешней политики Российской Федерации, рассматриваются проблемы Средиземноморья в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. на ее завершающем этапе (конец 1937 – начало 1939 гг.). Авторы подчеркивают, что Средиземноморье, встретившее начало испанской трагедии в состоянии сложных, неразрешенных как международных, так и двусторонних отношений, к концу войны в Испании 1936–1939 годов превратилось в серьезный очаг международной напряженности. Результаты исследования показывают, что, переместив Средиземноморье на некоторое время с периферии в центр европейской политики, события в Испании в 1936–1939 годах вынудили ведущие европейские страны расставить новые акценты в своей политике в этом регионе.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936–1939 гг., международные аспекты гражданской войны в Испании, Средиземное море, предвоенный конфликт

Для цитирования: Малай В.В., Тимошкова О.А. 2023. Средиземноморский аспект на завершающем этапе Гражданской войны в Испании (конец 1937 – начало 1939 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 642–651. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-642-651

The Mediterranean Aspect at the Closing Stage of the Civil War in Spain (the End of 1937 – Beginning of 1939)

Vera V. Malay , Olga A. Timoshkova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: Malay_v@bsu.edu.ru, timoshkova@bsu.edu.ru

Abstract. The article, based on an analysis of British and German foreign policy documents and materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, examines the problems of the Mediterranean in the context of the international aspects of the Spanish Civil War 1936–1939, at its final stage (late 1937 – early 1939). The authors emphasize that the Mediterranean, having met the beginning of the Spanish tragedy in a state of complex, unresolved both international and bilateral relations, turned into a serious hotbed of international tension by the end of the war in Spain of 1936–1939. The Spanish war caused a further deepening of international contradictions in the region, strengthening the tendencies of both the "Mediterranean appeasement" itself and the bloc policy. The results of the study show that having moved the Mediterranean from the periphery to the center of European politics for some time, the events in Spain in 1936–1939 forced the leading European countries to place new accents in their policy in this region. England and France lost not only in Spain and in the Mediterranean. Their defeat in Europe became a matter of time.

Keywords: the Spanish Civil War 1936–1939, international aspects of the Civil War in Spain, Mediterranean, pre-war international conflict

For citation: Malay V.V., Timoshkova O.A. 2023. The Mediterranean Aspect at the Closing Stage of the Civil War in Spain (the End of 1937 – Beginning of 1939). *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 642–651 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-642-651

Введение

Понимание международных аспектов гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. не будет полным без рассмотрения роли, места и значения в их комплексе средиземноморского фактора. Он закономерно выделяется среди геополитических аспектов испанского конфликта. С возрастанием геостратегического значения Средиземного моря и Франции, и Британии нужно было ликвидировать все потенциальные препятствия на этом пути, по возможности не обостряя ни с кем отношений.

Вопросы Средиземноморья во французской интерпретации были прочно привязаны к общеевропейским. В британском понимании средиземноморская проблема была подчинена или являлась частью общеимперской, и ее решение было важно в той степени, в какой она задевала интересы империи. Наиболее выгодно в геостратегическом плане в Средиземном море располагалась Италия. Но с началом событий в Испании для Италии позиция в Средиземном море была едва ли не самой болезненной и насущной. Включаясь в борьбу за преобладание на средиземноморской арене, Италия фактически погружалась в водоворот общеевропейской борьбы и менее всего могла рассчитывать на расположение европейских государств, за исключением Германии.

Гитлер не рассматривал Средиземное море как сферу прямых германских интересов, он мог только выиграть от большего итальянского, французского и британского внимания к этому региону и концентрации там их присутствия. Фюрер был готов при отказе Муссолини от претензий на Центральную Европу уступить ему южное, средиземноморское направление в экспансионистских устремлениях.

Смещение векторов внешней политики ведущих держав в конце 1937 г. – начале 1938 г. в центральную Европу и на Дальний Восток снижало роль «испанского фактора» в международных отношениях. Одновременно нарастание предвоенного кризиса расширяло значимость Средиземноморского региона в военно-стратегическом, коммуникационном и базовом отношениях. Средиземное море в еще большей степени играло роль «разменной карты».

Объект и методы исследования

Объектом исследования является комплекс проблем Средиземноморья в контексте международных аспектов Гражданской войны в Испании на ее завершающем этапе (конец 1937 – начало 1939 гг.).

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности, позволивших проанализировать архивные материалы, советские, британские документы внешней политики конца 1930-х гг., мемуары политиков, материалы европейской прессы 1936–1939 гг. Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию международных отношений в связи с испанской гражданской войной на ее завершающем этапе; сравнительно-исторический помог рассмотреть и сопоставить подходы и тактику европейских и советских политиков и дипломатов в Средиземноморье в связи с испанскими событиями в конце 1937 – начале 1939 гг.

Результаты и их обсуждение

Некоторое осложнение советско-итальянских отношений в августе – начале сентября 1937 г. (из-за увеличения масштабов фашистского подводного пиратства против европейских кораблей летом 1937 г. для поддержки мятежников) не должно было, по мнению обеих сторон, помешать дальнейшему их развитию. Советская дипломатия отдавала себе

отчет, что ее ноты протеста и демарши «могли бы иметь главным образом демонстративное, ответно-политическое значение... Из всех проводимых нами мероприятий итальянцы почувствовали и начали реагировать только на прекращение отгрузок нефти»⁶³. И когда 10 сентября 1937 г. в Батуми было недогружено итальянское нефтеналивное судно, итальянское Морское министерство поспешило обратиться за разъяснениями к советской стороне. Народный комиссариат по внешней торговле сослался на «невыясненность условий плавания в Средиземном море». Италию настораживали не разовые недоразумения, а перспектива потери поставок советской нефти на длительный срок. В таком случае проблемы нефтепоставок были бы тесно завязаны на состоянии международных политических отношений, в том числе в средиземноморском бассейне: Италия попадала бы в определенную зависимость от Англии в связи с необходимостью доставки нефти через Гибралтар. Но временная приостановка отгрузок из СССР не помешала итальянцам в сентябре 1937 г. получить нужное им количество мазута из США. Морское министерство принимало срочные меры для расширения объемов этих поставок. Это обстоятельство вкупе с нескрываемым стремлением Рима урегулировать абиссинский вопрос на проходящей сессии Лиги наций и перспективой переговоров с Великобританией стимулировало желание итальянского правительства разрешить конфликт с Советским Союзом⁶⁴.

Советская дипломатия справедливо заключала, что «ныне существующая, выгодная для СССР связанность Рима и нежелание обострять отношения с нами может почти целиком исчезнуть»⁶⁵. Для фашистской Италии обострялась актуальность лозунга Муссолини: «Для нас, итальянцев, Средиземноморье – это жизнь».

Великобритания, стремясь максимально смягчить для себя влияние углублявшегося общеевропейского кризиса, готова была пожертвовать многим для замирения отношений с потенциальными агрессорами. Как комментировал подобную тактику советский полпред в Лондоне И. Майский, «если врага нельзя задушить, его надо обнять»⁶⁶.

Советская дипломатия еще в августе 1937 г. обладала информацией, «что Лондон выдвинул идею тройственного итало-англо-французского средиземноморского пакта с подтверждением сохранения территориальной целостности Испании»⁶⁷. Более обоснованными оказались циркулировавшие в европейских дипломатических кругах слухи о возможности итало-британского соглашения: «...Англия хочет по возможности свести на нет итальянскую интервенцию в Испании путем некоторой компенсации Италии: уступить ей некий статус-кво на Средиземном море». При этом итальянская сторона выражала надежду, что разгоравшийся дальневосточный конфликт отвлечет и Британию, и Россию от испанских проблем⁶⁸.

В коммюнике по итогам переговоров британского и французского министров иностранных дел А. Идена и И. Дельбоса в Лондоне (29–30 ноября 1937 г.) ситуация в Испании напрямую связывалась со средиземноморской проблемой и подчеркивалось ее значение для обеих стран⁶⁹.

Стремление Италии заручиться соглашением с Великобританией по основным средиземноморским проблемам (вкупе с абиссинской) не останавливало ее активности на германском направлении. На встрече Муссолини с послом Германии в Лондоне И. Риббентропом (ноябрь 1937 г.) испанская проблема и ее перспективы тесно переплеталась со

⁶³ Архив внешней политики РФ (Далее – АВП РФ). - Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 183.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 182–183, 195–196.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 181.

⁶⁶ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Кн. 2. 1938–1940. М., 1998. С. 448.

⁶⁷ АВП РФ. Ф.0136. Оп.21. П.169. Д.837. Л.9.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4. Л. 134; Documents on German Foreign Policy (далее – DGFP). 1918–1945. 1950. Ser. D. Vol. 3. Germany and the Spanish Civil War. 1936–1939. Wash., Doc. 410. P. 434.

⁶⁹ DBFP. 2nd ser. Vol.19. Annex to Doc. 354. P. 620–621; Doc. 355. P. 621–623.

средиземноморской. Муссолини отметил важность для Италии сохранения присутствия на Балеарских островах: удобная база в случае войны с Францией (ее побережье достигаемо судами за несколько часов), перерезаются ее связи с Северной Африкой («ни один легионер не попадет во Францию через Средиземное море»). На Пальме были созданы хорошо укрепленные морская и военно-воздушная итальянские базы, три аэродрома⁷⁰.

Когда в середине ноября 1937 г. премьер-министр Н. Чемберлен вновь подчеркнул желание примирения с Италией, международная обстановка по сравнению с началом того же года настолько обострилась, что «амплитуда маневренных жестов» (Б. Штейн) значительно сузилась. На призыв Н. Чемберлена Муссолини ответил резкой по тону и по содержанию статьей. По мнению советской дипломатии, отдельные фразы этой статьи не оставляли сомнений об авторстве Муссолини. Статья выражала суть итальянской тактики того периода: или немедленные переговоры или точка на «комедии жестов»⁷¹. Тревогу у Муссолини вызвали изменения в английской политике по отношению к лидеру испанских мятежников Франко: назначение английских «агентов» при саламанкском правительстве. Дуче насторожили перспективы возможной потери итальянских позиций в Испании. Кроме того, к концу ноября 1937 г. стало очевидным, что до следующей весны Франко вряд ли сумеет одержать победу. Все эти факторы повлияли на то, что Муссолини поторопился сделать «испанский вопрос картой в своих руках при окончательном сговоре с Англией»⁷². Дополнительным «козырем» Муссолини стало присоединение Италии в ноябре 1937 г. к «антикоминтерновскому пакту», что значительно укрепило систему координации политики Италии и Германии.

Ход подготовки и заключения англо-итальянского соглашения 1938 г. достаточно освещен в отечественной и зарубежной литературе [Михайленко, 1982, с. 30–48; Попова, 1991, с. 186–189; Трухановский, 1983, с. 154–159]. Разногласия между Чемберленом и Иденом по этому поводу носили сугубо тактический характер. По признанию А. Идена (беседа с советским полпредом И.М. Майским, 11 февраля 1938 г.), он вел игру на выживание, надеясь, что положение Муссолини со временем станет все более затруднительным – в Абиссинии, Испании, Австрии и внутри собственной страны. И тогда Муссолини станет гораздо более податливым, «ручным». Поэтому Иден саботировал, например, в начале февраля 1938 г., попытки серьезных бесед с итальянским послом Гранди, выставив в качестве предварительного условия начало благоприятного разрешения испанского вопроса (в частности, начало эвакуации «добровольцев») ⁷³. В своей речи в Парламенте (21 февраля 1938 г.), фактически поставившей точку на его довоенной политической карьере, Иден особо подчеркнул, что попытки последних полутора лет улучшить отношения с Италией провалились из-за испанской проблемы [Eden, 1971, p. 261].

В ответ на предложения английской стороны (начало февраля 1938 г.) начать переговоры как можно скорее, Муссолини предложил обсудить на них четыре вопроса: пропаганда, положение в Средиземноморье, колониальный и экономический. В Лондоне обратили внимание на отсутствие вопроса об Испании⁷⁴.

Англо-итальянское соглашение, включавшее протокол и восемь приложений, обмен нотами между сторонами относительно Испании, Ливии и др. было подписано 16 апреля 1938 г. Наиболее существенным с точки зрения международных аспектов Гражданской войны в Испании является следующее. Действие документа не было ограничено определенным сроком. Он подтверждал ноты от 13 декабря 1936 г. и «джентльменское соглашение»

⁷⁰ Ciano's Diaries. P. 144–145.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 218.

⁷² Там же. Л. 215.

⁷³ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. Сб. док-в 2 кн. М., Кн. 2. 1938–1940. Приложение 3, с. 517–518.

⁷⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 486. P. 834–835.

относительно статус-кво в Западном Средиземноморье. В двусторонних отношениях как кардинальные были обозначены испанский вопрос и признание итальянского захвата Абиссинии. Итальянская сторона сохраняла за собой контроль над Балеарскими островами как военно-воздушной базой. При этом она давала заверения об отсутствии территориальных, политических или экономических интересов в Испании или на Балеарских островах⁷⁵. Великобритания признавала за Италией жизненно важные интересы на Средиземном море, английские интересы были лишь обозначены как существенные. В ответ на признание захвата Эфиопии Лондон получал обещание Рима на эвакуацию итальянских войск из лагеря испанских мятежников. Английское правительство сознательно шло на затягивание эвакуации итальянских войск с территории Франко, будучи заверено итальянцами, что победа мятежников и, следовательно, окончание войны в Испании произойдет не позже мая 1938 г.⁷⁶

Францию очень насторожил факт подписания англо-итальянского соглашения. На англо-французских переговорах (апрель 1938 г.) премьер-министр Франции Э. Даладьё с особой тревогой говорил, что для французского военно-морского флота обостряются две задачи: защита своих интересов в Средиземноморье и Северной Африке. В связи с событиями в Испании повышалась и значимость баз в Атлантике. Рассматривались возможности переброски войск из французских колоний через Атлантический океан в случае перекрытия коммуникаций Средиземного моря. Даладьё повторил, что этот вариант делается все более реальным из-за последних событий в Испании⁷⁷.

Попытки Франции прийти к соглашению с Италией не встретили взаимности. Как подчеркнул в своей речи в мае 1938 г. в Генуе Муссолини: «Франция и Италия по разные стороны баррикад в Испании»⁷⁸.

Все большее вовлечение Центральной Европы в предвоенный кризис 1938 г. оставляло испанский «узел» не развязанным и тяготило ведущие европейские державы. Им готовы были пожертвовать, выторговывая отсрочку начала общеевропейского военного конфликта. В начале июня 1938 г. Галифакс записал в дневнике: «В Испании правительство [британское] болеет за Франко» [The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940. 1970, p. 48]. В июле-августе 1938 г. вновь было зарегистрировано несколько случаев бомбардировки мятежниками английских торговых судов, находившихся в испанских водах. В августе комитет британских судовладельцев представил правительству доклад с указанием убытков, причиненных торговому флоту мятежниками, и потребовал от правительства принятия мер для их возмещения⁷⁹.

16 июля английский посол Перт в Италии заявил Чиано, что, по мнению английской стороны, для введения в силу англо-итальянского договора имелись лишь три возможности: перемирие между Франко и республиканцами, односторонняя немедленная эвакуация итальянских войск из Испании численностью не менее 10 тыс. человек. Чиано отверг как предложение о перемирии, так и идею одностороннего вывода итальянских войск⁸⁰.

Иллюстрацией усиления после Мюнхенской конференции (1938 г.) фактора силы во внешней политике Германии и Италии и сдачи своих позиций Францией и Великобританией в Испании и Средиземноморье могут служить т. н. «ухаживания за Берлином и Римом»: например, попытки Франции в ноябре 1938 г. вернуться к идее итало-французских переговоров. Италии в очередной раз были предложены уступки железной дороги в Абиссинии, территориальные «прирезки» за счет французского Сомали и увеличение итальянской доли во владении акциями Суэцкого канала. Муссолини не удовлетворился этим, продолжая настаивать на предоставлении Франко прав воюющей стороны, предъявляя

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 22. П. 26. Д. 11. Л. 2–17; DBFP Vol. 19. Doc. 662, p. 1084–1110.

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 64.

⁷⁷ DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 164. P. 203.

⁷⁸ DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 242. Note 2. P. 325.

⁷⁹ АВП. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 62; Coverdale. Op. cit. P. 359.

⁸⁰ АВП. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 133.

претензии на Тунис под предлогом защиты статуса итальянцев в этой стране⁸¹. Как писал полномочный представитель СССР во Франции Я. Суриц, «для приемлемого для Франции соглашения момент уже упущен, для капитулянтского еще не вполне созрел»⁸².

К концу 1938 – началу 1939 гг. дипломатическая активность Франции на время сконцентрировалась на средиземноморском направлении и протекала под лозунгом защиты французских имперских интересов. Этот лозунг наряду с идеей защиты континента включал защиту колоний и особенно коммуникаций, связывавших ее с колониями. Угроза их потери по мере приближения победы Франко в Испании становилась все более очевидной. Среди французских сторонников каудильо большинство были против допущения итальянцев или немцев к своей пиренейской границе. Лозунг «Ни одной пяди французской земли», безусловно, мог бы сыграть консолидирующую роль накануне мировой войны, но у его защитников, равно как и у внешнеполитических оппонентов, возникало совершенно естественное сомнение в способности Франции его отстоять⁸³. В этой связи закономерным выглядит провал попыток Парижа в конце 1938 г. привести свои позиции в некоторое соответствие с английскими. Так, во время англо-французских переговоров (декабрь 1938 г.) значительное место снова отводилось средиземноморской проблеме, взаимоотношениям с Италией и испанскому вопросу. Чемберлен не проявил особой склонности изменять свою политику в отношении Италии в угоду французам, ограничившись обещаниями оказать воздействие на итальянскую сторону через своего посла в Риме и лично в ходе предстоящего визита в Италию. В декабре 1938 г. британский дипломат лорд Перт высказывал в Риме мнение, что перечисленные требования Муссолини к Франции не были бы нарушением статус-кво в Средиземном море, и все это нужно оговаривать⁸⁴.

Британская пресса в ноябре 1938 г. очерчивала круг вопросов, готовившихся к обсуждению на встрече Чемберлена с Муссолини: «Испания, средиземноморские проблемы и вопросы колониального сотрудничества». Одновременно выражалась закономерная озабоченность тем, что в испанском вопросе Н. Чемберлен пойдет на уступки, а «Муссолини дорого запросит за свою «дружбу». Триумф Франко «означает явную угрозу нашему существованию как морской державы. Но, увы! – этого не понимают те, кто едет в гости к Муссолини»⁸⁵. В ответ на кампанию в печати вокруг итальянских претензий на Тунис Н. Чемберлен вынужден был сделать заявление в парламенте о том, что статус-кво в Средиземном море предусматривает и Тунис⁸⁶.

Англо-итальянские переговоры января 1939 г. продемонстрировали как заинтересованность обеих стран в Средиземноморском бассейне, так и взаимное нежелание и невозможность идти на уступки в данном регионе. Анализируя их итоги, германские политические круги утверждали, что «ось Берлин – Рим» действует безотказно, а статус-кво в Средиземноморье не является реальностью. Итальянская печать в более сдержанных тонах высказывала надежду, что Н. Чемберлен предоставит Муссолини больший простор в Средиземном море⁸⁷.

Желанием удержать свое присутствие и влияние в регионе было продиктовано решение английского правительства (начало февраля 1939 г.) об оказании поддержки испанским мятежникам в захвате острова Менорки и посылка им на помощь крейсера «Девоншир». В ответ английская сторона получила заверение, что ни итальянские, ни германские войска не будут допущены на Менорку⁸⁸.

⁸¹ АВП. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 229, 231.

⁸² Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1998. Сб. док-в 2 кн. М., Кн. 2. 1938–1940. Приложение 3, с. 537.

⁸³ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 240.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 243–245, 236.

⁸⁵ TheTimes. 1938. 29 Nov.; Daily Herald. 1938. 29 Nov.; Manchester Guardian. 1938. 30 Nov.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 6.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 10–11.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 21; Д. 48. Л. 12.

По мере приближения развязки испанской трагедии обстановка в Средиземном море становилась более напряженной. 5 апреля 1939 г. Италия отказалась соблюдать Нионское соглашение о запрете пиратства иностранных судов в Средиземноморье. Чиано заявил лорду Перту, что итальянский флот должен получить возможность не считаться ни с какими ограничениями в Средиземном море. 6 апреля в Палате общин британского парламента правительству был задан ряд вопросов о том, какие меры примет правительство, если статус-кво в Средиземном море будет нарушен. Н. Чемберлен ограничился формальным заявлением, что итальянское правительство хорошо знакомо с содержанием англо-итальянского соглашения⁸⁹.

Британская оппозиционная пресса, комментируя политику своего правительства в Средиземном море, еще в конце 1938 г. задавалась справедливым вопросом: «Относится ли независимость Испании к «жизненным интересам» [Англии] или нет? Если относится, то поведение Чемберлена за последние 6 месяцев кажется несколько странным»⁹⁰.

Европейская печать в последний месяц Испанской войны, подводя ее итоги, писала, что «в будущем, при разрешении средиземноморских вопросов голос Испании будет звучать более решительно» (*Frankfurter Zeitung*)⁹¹.

Англия и Франция проиграли не только в Испании и Средиземноморье. Их поражение в Европе становилось вопросом времени.

Заключение

Судьба средиземноморского ареала в контексте испанских проблем 1936–1939 гг. как никогда подтверждает теснейшую связь геопространства и развития межгосударственных отношений.

Средиземноморский кризис, вызванный итальянской агрессией в Абиссинии, не успев исчерпать себя до конца, приобрел новое наполнение с началом Гражданской войны в Испании. Он не прекращался фактически до начала Второй мировой войны, принимая лишь разные формы и являя дипломатической практике различные прецеденты решения его промежуточных вопросов. Он стал частью общеевропейского предвоенного кризиса и также продемонстрировал разность в значимости средиземного региона для ведущих европейских держав как в общем внешнеполитическом курсе, так и контексте испанских событий. Британские интересы в Средиземноморье укладывались в общеимперские, геополитические. Италия отождествляла их с национальными. Для Франции, Германии и Советского Союза в данной связи средиземноморские проблемы носили подчиненный характер.

Испанская война вызвала дальнейшее углубление международных противоречий в регионе, усилив тенденции как собственно «средиземноморского умиротворения», так и блоковой политики. Вынеся Средиземноморье с периферии в центр европейской политики, события в Испании 1936–1939 гг. заставили ведущие европейские страны расставить новые акценты в своей политике в этом регионе. Рассматривая связь и взаимовлияние Гражданской войны в Испании и Средиземноморского кризиса с конца 1937 до начала 1939 г., можно условно выделить этапы и отметить их характерные черты: в конце 1937 – марте 1938 г. превалировал англо-итальянский «вектор» в средиземноморском кризисе, усиливалось военное присутствие этих стран в регионе наряду с поисками путей мирного урегулирования спорных проблем по линии двусторонних отношений. Было подписано англо-итальянское соглашение. С весны 1938 и до начала 1939 г. постепенно снижалась амплитуда средиземноморского кризиса, он все больше подчинялся общеевропейскому, наблюдались временные осложнения или, напротив, улучшения в этом контексте двусторонних отношений. Завершилась гражданская война в Испании. Крах потерпела политика

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 48. Л. 28.

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 8.

⁹¹ *Frankfurter Zeitung*. 1939. 6 Feb.

испанского и средиземноморского «умиротворения», проводимая Англией и Францией. Средиземноморские базы всеми сторонами готовились к будущей, уже мировой, войне.

Таким образом, на отдельных этапах ситуация вокруг Испании осложняла средиземноморский кризис, в других развивалась параллельно или даже приобретала подчиненный характер.

Собственно, средиземноморская проблема в некоторые моменты превалировала для ряда европейских стран (Великобритания и Италия) над испанской, обрекая Республику на более длительную и тяжелую агонию.

Список источников

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 69. Референтура по Англии (1936–1939). Оп. 28. П. 98. Д. 24.
- АВП РФ. Ф. 011. Секретариат В.П. Потемкина (1937–1938). Оп. 1. П. 4. Д. 35.
- АВП Ф. 011. Секретариат В.П. Потемкина. Оп. 2. П. 17. Д. 165.
- АВП Ф. 011. Секретариат В.П. Потемкина. Оп. 2. П. 21. Д. 227.
- АВП РФ. Ф. 082. Секретная референтура по Германии (1936–1939). Оп. 20. П. 86. Д. 4.
- АВП РФ. Ф. 098. Секретная референтура по Италии (1936–1938). Оп. 22. П. 26. Д. 11.
- АВП РФ. Ф.0136. Секретная референтура по Франции (1936–1939). Оп. 21. П. 169. Д. 837.
- Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1998. Сб. док-в 2 кн. М., Кн. 2. 1938–1940. 624 с.
- Documents on British Foreign Policy (DBFP).1982. 2nd ser., vol. 19. European affairs, July 1, 1937 – August 4, 1938 / ed. by W.N. Medlicott, Douglas Dakin a. M.E. Lambert, London, 1160 p.
- Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP). 1949. 3rd Ser. 1938. Vol. 1. Ed. by E.L. Woodward, a. Rohan Butler. London, 655 p. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. 1950. Ser. D. Vol. 3. Germany and the Spanish.
- Ciano's Diaries. 1939–1943. 1946. The Complete, Unabridged Diaries of Count Galeazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943. Ed. by H. Gibson. New York. 584 p.
- Civil War. 1936–1939. Wash., 951 p.
- Daily Herald. 1938. 29 Nov.
- Eden A. 1971. Foreign Affairs. London, New York. 356 p.
- Frankfurter Zeitung. 1939. 6 Feb.
- Manchester Guardian. 1938. 30 Nov.
- The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940. 1970. London, 448 p.
- The Times. 1938. 29 Nov.

Список литературы

- Кузьмин В.А., Михайленко В.И. 1986. Англо-итальянские противоречия в Восточном Средиземноморье накануне второй мировой войны. Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 70–86.
- Малай В.В. 2011. Средиземноморский вектор внешнеполитических планов европейских государств накануне Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Научные ведомости. БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 19 (114), вып. 20: 71–81.
- Михайленко В.И. 1982. Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск: 30–48.
- Пожарская С.П. 1986. Гражданская война в Испании и проблемы Средиземноморья. Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М.,: Наука: 60–70.
- Попова Н.П. 1991. Англо-итальянские отношения в Средиземном море в 1937–1938 гг. Рах Britannica: Актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Великобритании в новое и новейшее время. Тез. научн. конф. Ч. 2. Уфа: 186–189.
- Трухановский В.Г. 1983. Антони Иден. М., 422 с.
- Alpert M. 1994. A New International History of the Spanish Civil War. L., 209 p.
- Aymard C. 1938. Le Drame de la Mediterranee. Paris, 284 p.

- Brandford E. 1971. *Mediterranean Portrait of a Sea*. L., 576 p.
- Coverdale. 1975. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. Princeton, 445 p.
- Esch P.A.M. 1951. *Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939*. The Hague, 201 p.
- Esenwein G., Shubert A. 1995. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939*. L., N.Y., 283 p.
- Malay V.V. 2011. *The Spanish Civil War of 1936–1939 and Europe. International aspects of the conflict*. Moscow, Nauka. 291 p. (in Russian).
- Malay V.V., Krupskaya S.Y., Timoshkova O.A., Uryvsky A.P., Fomichev N.N. 2015. *The Mediterranean Problems in the Context of the International Aspects of the Civil War in Spain 1936–1939*. *The Social Sciences*. 10 (6): 855–858.
- Mediterranean Fascism, 1919–1945*. 1970. Ed. by C.F. Delzell. N.Y., 398 p.
- La Méditerranée de 1919 à 1939. Actes du Colloque organisé par le Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine*. 1969. Paris, 176 s.
- Pratt L. 1975. *East of Malta, West of Suez: Britain's Mediterranean Crises, 1936–1939*. Cambridge, 215 p.
- Preston P. 1999. *Italy and Spain in Civil War and World War, 1936–1943: Spain and the Great Powers in the XX Century*. Ed. by S. Balfour a. P. Preston. L., N. Y.: 151–183.
- Spain and the Great Powers in the Twentieth Century*. 1999. Ed. by Balfour S., Preston P.L., N.Y., 288 p.
- Watt D.C. (1975). *Britain, France and Italian Problem. Les relations franco-britanniques de 1935 a 1939*. Paris: 243–262.

References

- Kuz'min V.A., Mikhaylenko V.I. 1986. *Anglo-ital'yanskije protivorechiya v Vostochnom Sredizemnomor'e nakanune vtoroy mirovoy voyny. Sredizemnomor'e i Evropa: istoricheskie traditsii i sovremennye problem [Anglo-Italian contradictions in the Eastern Mediterranean on the eve of the Second World War. Mediterranean and Europe: historical traditions and modern problems]*. M., 70–86.
- Malay V.V. 2011. *Sredizemnomorskiy vektor vneshnepoliticheskikh planov evropeyskikh gosudarstv nakanune Grazhdanskoy voyny v Ispanii 1936–1939 gg. [Mediterranean vector of foreign policy plans of European states on the eve of the Spanish Civil War 1936–1939]*. *Nauchnye vedomosti. BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 19 (114), vyp. 20: 71–81.
- Mikhaylenko V.I. 1982. *Anglo-ital'yanskoe soglasenie 16 aprelya 1938 g. Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveyshee vremya [Anglo-Italian agreement April 16, 1938. Policy of the great powers in the Balkans and the Middle East in modern times]*. *Sverdlovsk*: 30–48.
- Pozharskaya S.P. 1986. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii i problemy Sredizemnomor'ya. Sredizemnomor'e i Evropa: istoricheskie traditsii i sovremennye problemy [The Spanish Civil War and Mediterranean Issues. Mediterranean and Europe: historical traditions and modern problems]*. M., Nauka: 60–70.
- Popova N.P. 1991. *Anglo-ital'yanskije otnosheniya v Sredizemnom more v 1937–1938 gg. [Anglo-Italian Relations in the Mediterranean 1937–1938]*. *Pax Britannica: Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Velikobritanii v novoe i noveyshee vremya [Pax Britannica: Actual problems of the socio-economic and political history of Great Britain in modern and contemporary times]*. *Tez. nauchn. konf. Ch. 2*. Ufa: 186–189.
- Trukhanovskiy V.G. 1983. *Antoni Iden [Anthony Eden]*. M., 422 s.
- Alpert M. 1994. *A New International History of the Spanish Civil War*. L., 209 p.
- Aymard C. 1938. *Le Drame de la Méditerranée*. Paris, 284 p.
- Brandford E. 1971. *Mediterranean Portrait of a Sea*. L., 576 p.
- Coverdale. 1975. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. Princeton, 445 p.
- Esch P.A.M. 1951. *Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939*. The Hague, 201 p.
- Esenwein G., Shubert A. 1995. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939*. L., N.Y., 283 p.
- Malay V.V. 2011. *The Spanish Civil War of 1936–1939 and Europe. International aspects of the conflict*. Moscow, Nauka. 291 p. (in Russian).

- Malay V.V., Krupskaya S.Y., Timoshkova O.A., Uryvsky A.P., Fomichev N.N. 2015. The Mediterranean Problems in the Context of the International Aspects of the Civil War in Spain 1936–1939. *The Social Sciences*. 10 (6): 855–858.
- Mediterranean Fascism, 1919–1945. 1970. Ed. by C.F. Delzell. N.Y., 398 p.
- La Méditerranée de 1919 à 1939. Actes du Colloque organisé par le Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine. 1969. Paris, 176 s.
- Pratt L. 1975. East of Malta, West of Suez: Britain's Mediterranean Crises, 1936–1939. Cambridge, 215 p.
- Preston P. 1999. Italy and Spain in Civil War and World War, 1936–1943: Spain and the Great Powers in the XX Century. Ed. by S. Balfour a. P. Preston. L., N. Y.: 151–183.
- Spain and the Great Powers in the n the Twentieth Century. 1999. Ed. by Balfour S., Preston P.L., N.Y., 288 p.
- Watt D.C. (1975). Britain, France and Italian Problem. Les relations franco-britanniques de 1935 a 1939. Paris: 243–262.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.07.2023

Поступила после рецензирования 25.08.2023

Принята к публикации 25.08.2023

Received 15.07.2023

Revised 25.08.2023

Accepted 25.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Малай Вера Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5699-4989](https://orcid.org/0000-0001-5699-4989)

Тимошкова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-4087-6843](https://orcid.org/0000-0003-4087-6843)

Vera V. Malay, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations, Foreign regional studies and Political Studies, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Olga A. Timoshkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign regional studies and Political Studies, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 378 + 930

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-652-661

Оригинальное исследование

Проблемы Македонской Православной Церкви в исторической политике современной Сербии

Кирчанов М.В.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394000, Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является анализ восприятия проблем истории статуса Македонской Православной Церкви в политике памяти современной Сербии. Новизна исследования заключается в анализе особенностей религиозного уровня политики памяти в современном сербском обществе как светском государстве. В статье также показано, что политика памяти, которая формирует и продвигает восприятие истории македонской Церкви в Сербии, связана с развитием сербского национализма, хотя уровень влияния сербской националистической идеи на мемориальную культуру развития македонских образов в обществе современной Сербии значительно ниже в сравнении с аналогичными восприятиями, характерными для болгарских агентов политики памяти. Результаты исследования позволяют предположить, что мемориальная культура современного сербского общества в контекстах восприятия истории Церкви на территории Македонии отличается умеренным характером, а восприятие церковной истории в коллективной памяти Сербии развивается в контекстах урегулирования наследия церковного раскола, порожденного политикой коммунистического режима.

Ключевые слова: Сербия, Македония, историческая память, историческая политика, политика памяти, история Церкви, Македонская Православная Церковь – Охридская Архиепископия, мемориальная культура, войны памяти

Для цитирования: Кирчанов М.В. 2023. Проблемы Македонской Православной Церкви в исторической политике современной Сербии. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 652–661. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-652-661

Problems of the Macedonian Orthodox Church in Historical Politics in Contemporary Serbia

Maksym V. Kyrchanoff

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394000, Russia
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to analyse the perception of the problems of the history of the status of the Macedonian Orthodox Church in the politics of memory of modern Serbia. The novelty of the study lies in the analysis of the features of the religious dimension of the politics of memory in modern Serbian society as a secular state. The article also shows that the politics of memory promoting the perception of the history of the Macedonian Church in Serbia determine on the development of Serbian nationalism, although the level of the Serbian nationalist idea influence on the memorial culture un contexts of Macedonian images is much lower in comparison with similar perceptions of Bulgarian agents of memorial politics. The results of the study suggest that the memorial culture of modern Serbian society in the perception of the history of the Church on the territory of Macedonia is characterized by its moderate character, and the perception of church history in the collective memory of Serbia develops in contexts of resolving the legacy of the church schism generated by the policy of the communist regime.

Keywords: Serbia, Macedonia, historical memory, historical politics, politics of memory, Church history, Macedonian Orthodox Church – Ohrid Archdiocese, memorial culture, wars of memory

For citation: Kyrchanoff M.V. 2023. Problems of the Macedonian Orthodox Church in the Historical Politics of Contemporary Serbia. *Via in tempore. History. Political science.* 50 (3): 652–661. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-652-661

Введение

Большинство государств современного мира не могут эффективно и успешно функционировать без использования символических ресурсов прошлого, которые правящими элитами облакаются в формы исторической политики. Историческая политика или политика памяти стала универсальным явлением. Поэтому различные формы и механизмы исторической политики применяются большинством правящих элит практически во всех современных государствах. Что касается современной Сербии, то сербские элиты стремятся так же активно использовать историю, манипулировать фактами прошлого, поощрять историческое мифотворчество с целью консолидации как сербского общества, так и укрепления собственного положения.

Историческая политика в Сербии и в других странах в первую очередь является инструментом для укрепления и легитимации правящих политических элит и групп. Кроме этого, политика памяти используется для консолидации национальной идентичности, особенно в случае столкновения с внешними вызовами и угрозами. Что касается сербского опыта исторической политики, то особое место в мемориальной культуре Сербии занимают македонские церковные нарративы, связанные с попытками властей СР Македонии в конце 1960-х гг. учредить собственную Македонскую Православную Церковь, которые встретили непонимание со стороны властей Сербии и Сербской Православной Церкви. В результате начался конфликт между двумя церквями и государствами, который продлился до 2022 г., пока формально не был урегулирован.

Объект и методы исследования

Объектом исследования в представленной статье является сербская историческая политика, сфокусированная на восприятии статуса Македонской Православной Церкви. В методологическом плане статья основана на принципах междисциплинарности, применяемых для изучения исторической политики и ее производных, включая исторические памяти и мемориальные культуры. В историографии историческая политика описывается как совокупность политических и культурных практик как правящих элит, так и интеллектуальных сообществ, которые направлены на формирование и поддержание идентичности той или иной группы. В современных условиях такими группами, которые выступают в качестве универсальных потребителей памяти, являются нации как воображаемые сообщества. Кроме этого, на статус потребителей памяти и, как результат, носителей мемориальных культур могут претендовать верующие. Несмотря на то, что тематическая направленность развития исторической памяти наций и других групп, например, верующих, профессиональных корпораций могут отличаться, тем не менее механизмы формирования образов прошлого через вспоминание или забывание тех или иных событий характеризуются общими особенностями. Исходя из этих положений, автор анализирует то, каким образом сербская историческая политика формирует и развивает образы, связанные со статусом Македонской Православной Церкви.

Цель и задачи статьи

В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики Сербии в контекстах конструирования, изобретения и воображения маке-

донских церковных образов. Автор рассмотрит, каким образом церковные нарративы влияют на мобилизацию и консолидацию сербского общества в контексте внешних угроз. Македонская проблематика активно использовалась сербскими средствами массовой информации и активистами исторической политики для консолидации, так как попытка создания МПЦ воспринималась как форма раскола и отторжения от Сербии, канонически подчиненных ей территорий. Македонские церковные нарративы в сербской политике памяти актуальны в силу того, что Православная Церковь воспринимается как один из системных институтов общества, а попытки отделения подчиненных ей территорий были восприняты как внешняя угроза сербской идентичности, что воспринималось как попытка лишить Белград части сербского исторического и культурного наследия.

Результаты и обсуждения

Македонская церковная проблема: историко-политический фон

Македонский церковный вопрос – совокупность противоречий, связанных со статусом Церкви на территории современной Северной Македонии. В 1966 г. верующие Македонии при поддержке властей республики обратились к Сербской Православной Церкви с просьбой представить автокефалию, на что получили отказ. В ответ на это власти инициировали проведение Церковно-народного собора в Охриде в июле 1967 г., что привело к обострению конфликта с СПЦ. 19 июля 1967 года в СР Македония была провозглашена автокефалия. Ответом Белграда стало признание церкви раскольнической, а СР Македонии, наоборот, создала в 1967 г. семинарию, а в 1977 г. – богословский факультет.

Появление в 1991 г. независимой Македонии привело к интернационализации конфликта. СПЦ, с которой МПЦ была вынуждена вести диалог, формально стала иностранной. Власти Македонии в 2004 г. приняли «Декларацию в поддержку Македонской Православной церкви», которая предусматривала существование МПЦ как единственной признанной Церкви, что вызвало противодействие со стороны властей Сербии и СПЦ. В 2005 г. Скопье обратилось к патриарху Константинопольскому Варфоломею, пригласив его выступить в качестве посредника в переговорах с СПЦ. В 2009 г. МПЦ изменила свое официальное наименование на «Македонская православная церковь – Охридская архиепископия», подчеркивая права на средневековое наследие.

9 мая 2022 г. Священный синод Константинопольского патриархата признал Церковь Македонии под названием «Охридская архиепископия». 24 мая 2022 г. автокефальный статус МПЦ под названием «Охридская архиепископия» признали в Белграде. Формализация положения Церкви не привела к радикальным изменениям в исторической политике основных участников спора, что указывает на важность, актуальность и необходимость анализа церковного измерения в политике памяти.

Македонские церковные нарративы в исторической политике Сербии

Македонские нарративы в сербской исторической политике памяти, которая, подобно другим манипулятивным практикам с фактами прошлого в современном мире, «предполагает идеологизацию и инструментализацию истории» [Копосов, 2013. С. 69], практически никогда не имели критического значения, занимая второстепенное место в мемориальной культуре. В этом отношении политика памяти Белграда в отношении Македонии носит явно реакционный характер, будучи реакцией на попытки македонских властей институционализировать статус церкви, который у сербской стороны до формального урегулирования в 2022 г. вызывал многочисленные вопросы.

В рамках сербской мемориальной культуры в отношении Македонской Церкви сложилось следующее двусмысленное мнение: Македония, с одной стороны, получила автономно от СПЦ, что признается Белградом, но с другой – в 1967 г. духовенство и власти

СР Македонии в одностороннем порядке провозгласили автокефалию, которая, соответственно, не признается [МРС: Nema uslova...]. Каждая политическая система, по мнению белорусского исследователя А. Казакевича, «определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [Акудовіч, Казакевіч, 2006. С. 44], что фактически легитимирует манипулятивные практики как универсальную форму проведения политики памяти.

В подобной модели памяти ответственность за попытку одностороннего создания Македонской Церкви возлагалась на коммунистический режим. Дж. Матиевич, сербский эксперт, подчеркивал, что «к реализации “проекта” под названием “Македонская православная церковь” коммунистические лидеры из Скопье и Белграда приступили сразу после окончания Второй мировой войны и создания Народной Республики Македония. Корни этого церковного сепаратизма восходят к ряду тезисов КПЮ по национальному вопросу» [Матијевић, 2019]. Аналогичная точка зрения характерна и для сербского историка доктора А. Раковича, комментарии которого для средств массовой информации превратили его в публичную фигуру и участника политики памяти. По мнению А. Раковича, «братские отношения двух народов подверглись испытанию из-за претензий коммунистического режима социалистической Югославии уничтожить власть Сербской Православной Церкви на территории Народной Республики / Социалистической Республики Македония» [Срби и македонци заједно...].

В мемориальной культуре Сербии относительно попытки создания МПЦ доминирует нарратив, согласно которому «история македонского раскола представляет собой уникальную хронику политического вмешательства в церковные дела, манипуляций, осуществления национальной и религиозной инженерии» [Драговић, 2021]. Подобная логика развития коллективной памяти может быть описана в рамках интерпретационной модели, предложенной пролагающими, что в современных обществах «происходит рост фрагментации памяти и разные социальные группы пытаются конструировать свое прошлое различно» [Аўтўэйт, Рэй, 2006. С. 30]. В сербском контексте политики памяти эти различия институционализированы именно социально, будучи ограниченным Церковью как одним из общественных институтов.

Церковная память предстает только как частный случай коллективной памяти в целом, основанной на идеях сербского антикоммунизма. Мемориальные конфликты между Скопье и Белградом, если они касались церковной истории, поднимали не проблемы этнической и политической принадлежности, но в большей степени «канонического права и церковной традиции» [Вселенската Патријаршија ја призна...]. В этой ситуации, как и в других мемориальных конфликтах Восточной и Центральной Европы, «профессиональная историография все меньше влияла на историческое сознание общества» [Сагановіч, 2013. С. 185], представления которого о прошлом формировались не историками, но агентами исторической политики. Решение мемориальных и исторических противоречий между Сербией и Северной Македонией вырабатывалось не через «войны памяти», но попытки консолидации и признания другого коллективного исторического опыта, что, по мнению Скопье, вызывало «бурные реакции» [МПЦ: Разговорите со СПЦ...] со стороны БПЦ, которая обвинялась в склонности к конфронтации и историческом ревизионизме, так как не признавала македонскую идентичность исторической Охридской Архиепископии.

Вовлеченность Церкви и ее активное участие в политике памяти актуализирует тенденцию расширения количества акторов, вовлеченных в процесс проработки прошлого, так как «число агентов “исторической политики” возрастает и они находятся в отношениях конкуренции и сложного взаимодействия» [Белов, 2022. С. 60]. В связи с этим македонская сторона декларировала наличие «общих мест памяти на балканском и средиземноморском пространствах», которые «предполагают инклюзивные отношения, а не исключительное присвоение истории и традиции, предполагают интеллектуальную свободу, а не рабство перед анахроничными историческими стереотипами и иллюзиям». В своих попытках найти компромиссные варианты развития мемориальной культуры, многие мо-

менты которой оказывались общими с соседями, Македония апеллировала к «исторической правде», понимаемой не как политическая догма, но «диалогическая, многомерная категория, чувствительная к точке зрения, в данном контексте и к национальным интересам каждого» [МАНУ, МПЦ-ОА и УКИМ со заеднички...].

В свою очередь, сербская сторона через отдельных активистов исторической политики, которые открыто выражали свое мнение в публичных пространствах, стимулировала склонность Скопье воспринимать ситуацию как «войну памяти». В частности, М. Балабан приписывал македонским элитам не только национализм, но и склонность к этнофилии [Posledice raskola...], фактически объявляя их наследниками болгарских политиков, которые в XIX веке попытались положить в основу организации БПЦ национальный принцип. Подобные сравнения с болгарскими националистами с македонской стороны, разумеется, вызывали крайне негативные отклики, что содействовало реализации конфронтационной модели в развитии культур памяти Северной Македонии и Сербии.

Сербские средства массовой информации как основные агенты исторической политики в 2009 г. не могли не отреагировать на изменение официального названия МПЦ, которая в Сербии в то время не признавалась канонической. Сербские СМИ оценили новое название Церкви как попытку политического вмешательства в дела православия, особо подчеркивая то, что к смене названия были причастны македонские политические элиты, так как «за закрытыми дверями парламент принял решение об изменении церковного устава» [Македонска православна...]. Мемориальная конфронтация сербской и македонской коллективной памяти была связана не с самим фактом создания МПЦ, а с тем, каким образом македонские элиты действовали в этой ситуации, что, вероятно, указывает на верность предположения немецкого историка Ю. Шеррер, полагающей, что «история выполняет терапевтическую функцию, так как могут обсуждаться только те аспекты прошлого, которые кажутся полезными для нации» [Шеррер, 2009. С. 101]. Именно этим следует объяснять меньшую репрезентативность проблем Македонской Церкви в сербской мемориальной культуре в сравнении с исторической политикой Болгарии или Греции.

Скопье обвиняло Сербию в злоупотреблении использованием административных ресурсов в решении вопроса статуса МПЦ [Стефан, 2020]. В этой ситуации «потенциально конфликтные обстоятельства прошлого не стали предметом обсуждения в обществе» [Астров, 2009. С. 112], так как агенты политики памяти оказались вовлеченными в идеологически отягощенные «бои за историю». В условиях такой мемориальной конфронтации, не отрицая за Скопье права на автокефалию, Белград, в свою очередь, явно не соглашался с давлением сначала коммунистических, а после 1991 г. и демократических элит Македонии. В рамках такого восприятия ситуации и отсутствия «переговоров на официальном уровне», которые заменялись «неофициальными контактами» [МРС: Rešenje za...], проблемы церковной истории Македонии, в отличие от Болгарии, в Сербии избежали масштабной политизации.

В двух мемориальных культурах утвердились диаметрально противоположные интерпретации провозглашения автокефалии в 1967 г. Если для сербской стороны это действие было нелегитимно и оценивалось как «раскол», то для македонской оно представляло собой не акт создания новой, но восстановление раннее существовавшей Церкви [Гацовска-Спасовска, 2022]. В 2022 г. СПЦ согласилась с изменением статуса Македонской, что сербские средства массовой информации прокомментировали как акторы исторической политики, активно манипулируя фактами прошлого и настаивая, что условия для раскола отсутствовали, так как «статус максимально широкой автономии, то есть полной внутренней независимости, был предоставлен еще в 1959 году» [Сабор СПЦ саопштио...].

Сближение СПЦ и МПЦ в 2022 г. стало результатом компромисса между двумя фактически национальными Церквями, за которыми стояли соответствующие политические элиты. Именно последние интерпретировали диалог Церквей через призму политики памяти. Президент Македонии С. Пендаровски оценил признание МПЦ со стороны СПЦ как «исправление исторической несправедливости» [Пендаровски – Одлуката на СПЦ...], что,

правда, сочеталось в сербской мемориальной культуре с учетом мнения Афин. В этой ситуации Сербия проявляла солидарность с Грецией, подчеркивая, что достижение компромисса «зависит от решения вопроса о названии македонского государства» [MPC: Rešenje za...]. Сербские политические элиты восприняли ситуацию с урегулированием статуса Македонской Церкви как очередной повод использовать ресурс политики памяти, предположив, что новая актуализация новейшей истории в публичных и общественных пространствах позволит «преодолеть горькие проблемы прошлого» [Македонци ќе још...].

Подобная стратегия в сербской мемориальной культуре стала возможной в силу восприятия прошлого как «нечто негативного, как тяжести и отклонения от "нормального" пути», что поставило перед элитами и обществом «задачу прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» [Ластоўскі, 2016. С. 37]. Предполагалось, что достижение этой цели возможно путем коррекции представлений о собственном прошлом при помощи диалога и урегулирования статуса Македонской Церкви, что позволило бы иначе локализовать ее образы в мемориальной культуре, избавив их от конфронтационных коннотаций.

Использование именно таких нарративных стратегий свидетельствует о склонности элит активно манипулировать фактами прошлого, что и составляет основу исторической политики в Сербии. Поэтому допущение Т. Адорно о том, что «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [Adorno, 2005. P. 90] для большей части балканских обществ оказывается неприменимым, так как политические процессы определяются не гражданскими обществами, а местными этническими националистами, не только вовлеченными в историческую политику, но фактически контролирующими мемориальные культуры. Несмотря на относительно умеренный характер македонско-сербских мемориальных противоречий, македонская сторона стремилась использовать потенциал, связанный с позиционированием себя как жертвы.

Именно такие нарративы активно использовались агентами исторической политики в общественных пространствах Македонии. Например, из контекста выступлений македонского президента в 2022 г. следовало, что источником «несправедливости» [Пендаровски – Одлуката на СПЦ...] в отношении Македонской Церкви стала сербская сторона. В целом же нарратив о «многолетней несправедливости, причиненной нашей Церкви» [Вселенската Патријаршија ја...] со стороны других Церквей в македонской культуре памяти стал универсальным. Доминирование именно такого нарратива является характерной чертой сербской мемориальной культуры в контекстах церковной истории. Поэтому в политике памяти Северной Македонии позиция Сербии в отношении истории православия воспринимается как «узурпаторская и легкомысленная» [Македонската Православна...].

Сербская сторона, комментируя церковную проблему Македонии, склонна использовать потенциал коллективной исторической памяти, настаивая на том, что урегулирование статуса Македонской Церкви положит конец «проекту, начатому коммунистическим правительством Броза» [Тасић, 2022]. Несмотря на то, что СПЦ и МПЦ стремились урегулировать конфликт, стремясь не политизировать ситуацию (в отличие от комментариев и заявлений болгарской стороны) и не превращать его в «войну памяти», основным выгодополучателем оказалась не сербская и не македонская, но греческая сторона, связанная с церковными властями в Константинополе, которые в мае 2022 г. продекларировали, что «раскол, длившийся около шести десятилетий, по инициативе Вселенского Патриархата завершился, был устранен, и мы вступаем в новый период» [Вартоломеј, 2022].

Такая компромиссная позиция устраивает не всех агентов исторической памяти в сербском обществе, так как часть из них склонна воспринимать прошлое в рамках конфронтационной модели. Сербский историк В. Савич, отрицая отдельный статус македонского языка и воспринимая его как диалект, отзываясь о Македонской Церкви исключительно как о «так называемой», настаивая на том, что о континуитете современной Церкви на территории Северной Македонии и Охридской Архиепископии «с точки зрения церковной ис-

тории говорить излишне, ибо упомянутая церковная организация не имеет ничего общего с тем византийским творением 1018 года, и между ними нет преемственности» [Савић, 2022].

В этой ситуации сербские активисты политики памяти в полемике со своими македонскими оппонентами фактически транслируют греческую точку зрения, настаивая, что историческая «Охридская архиепископия всегда была греческой, с греческими архиепископами, митрополитами и епископами... официальным языком был греческий. Она никогда не имела чисто славянского "македонского" характера... она не была автокефальной церковью – ни в византийский период, ни при болгарях, ни при сербах, ни при турках» [Ђурић, Мишина, 2021], что, разумеется, стимулирует македонскую сторону продвигать свою версию исторической контрпамяти. Подобная позиция в сербской мемориальной культуре, основанная на отрицании македонской идентичности, в отличие от Болгарии, где такие настроения доминируют, является исключительной. Тем не менее периодическая актуализация такой точки зрения в публичных пространствах содействует росту конфронтации между сербской и македонской мемориальной культурой.

Заключение

Македонские нарративы в сербской исторической памяти никогда не играли столь значимой роли, которые они имели, например, в болгарской или греческой исторической памяти. Актуализация македонских церковных образов в сербской исторической политике и мемориальной культуре носила и продолжает иметь исключительно ситуативный и конъюнктурный характер. Известно, что Македонская церковь возникла в результате отделения от Сербской, и именно этот факт отделения, связанного с ним длительного несогласования и неурегулирования статуса Македонской церкви и является основной причиной формирования негативных образов Македонской церкви в сербской политике коллективной исторической памяти. При этом формирование подобных нарративов в сербской модели мемориальной культуры, в отличие от Болгарии, не отягощено влиянием этнического национализма.

В случае с Сербией функционирование македонских церковных нарративов подчинено идее территориального единства Сербской Православной Церкви. В этом случае большинство претензий направляется не столько в отношении македонского проекта как политической нации, отличной от сербов, сколько в отношении той тактики, которую македонские элиты выбрали для институционализации и оформления статуса Македонской Церкви. В этом случае мы можем прогнозировать постепенное сокращение роли македонских церковных нарративов в сербской исторической политике в силу того, что в 2022 г. статус Македонской церкви был урегулирован.

Вместе с тем не представляется возможным исключать ситуативное обращение сербской политики памяти к македонским образам в том случае, если сербская сторона почувствует необходимость в национальной консолидации. Политика памяти может актуализировать свой как мобилизационный, так и спекулятивный потенциал, связанный с использованием ресурсов исторического мифотворчества. В целом на современном этапе церковные нарративы, связанные с Македонией и статусом Македонской Церкви в современном сербском обществе, утратили статус, который не имели несколькими годами ранее. Представляется логичным предположить, что развитие македонских церковных нарративов в рамках сербской мемориальной культуры в будущем будет носить ограниченный характер.

Македонские церковные нарративы будут преимущественно использоваться и применяться в рамках коллективной памяти СПЦ как одного из сегментов общества. В этой ситуации логично предположить фрагментацию сербской мемориальной культуры в направлении одновременного и параллельного соразвития памяти гражданской сербской нации и контрпамяти верующих, которая будет иметь не только этнические, но и религиозные признаки. В этом случае нельзя исключать тенденции фрагментации и специализации сербской исторической памяти и мемориальной культуры, что нуждается в дальнейшем изучении.

Список источников

- Вартоломеј. 2022. Отстранувањето на повеќеденеската шизма е историски момент. Радио Слободна Европа. Мај 25. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31866844.html>
- Вселенската Патријаршија ја призна Македонска православна црква – Охридска Архиепископија. МакИнфо. 2022. Мај 9. URL.: <https://makinfo.rs/вселенската-патријаршија-ја-призна/>
- Вселенската Патријаршија ја призна Охридската Архиепископија за канонска, за автокефалност и натаму ќе се преговара. Радио Слободна Европа. 2022. Мај 9. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31841512.html>
- Стефан. 2020. Бигорски е потврда за правото на црковна самобитност. Радио Слободна Европа. Октомври 18. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/30899614.html>
- Македонска православна црква – Охридска архиепископија. Радио-телевизија Войводина. 2009. Ноембер 13. URL.: https://rtv.rs/rsn/drustvo/makedonska-pravoslavna-crkva-ohridska-arhiepiskopija_158150.html
- Македонската Православна Црква – Охридска Архиепископија е апостолска црква, тоа е благослов кој ретко која црква и народ го има! Родина. 2020. Октомври 29. URL.: <https://rodina.org.mk/македонската-православна-црква-охр/>
- Македонци ќе још чекати томос: Упркос благослову СПЦ, аутокефалност цркве у Скопљу тек треба да прође црквеноправно решето. Новости. 2022. Мај 26. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/1120183/makedonci-jos-cekati-tomos-uprkos-blagoslovu-spc-autokefалnost-crkve-skoplju-tek-treba-prodje-crkvenopravno-reseto>
- МАНУ, МПЦ-ОА и УКИМ со заеднички меморандум - Македонски манифест. Радио Слободна Европа. 2022. Декември 03. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/30982503.html>
- Матијевић Ј. Осам векова СПЦ: Болни раскол у режији државе // Новости. 2019. Ноембар 11. URL.: <https://www.novosti.rs/вести/насловна/репортаже.409.html:829475-Osam-vekova-SPC-Bolni-raskol-u-reziji-drzave>
- МПЦ: Разговорите со СПЦ продолжуваат се до признавањето на аутокефалноста на нашата црква. МакИнфо. 2022. Мај 10. URL.: https://makinfo.rs/sr_rs/мпц-оа-разговорите-со-спц-продолжув/
- Пендаровски – Одлуката на СПЦ ќе придонесе за исправање на историските неправди. Радио Слободна Европа. 2022. Мај 24. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31865332.html>
- Сабор СПЦ саопштио: Македонској цркви статус најшире могуће аутономије који јој је доделен још 1959. Новости. 2022. Мај 16. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/1117108/najnovije-vesti-spc-makedonska-pravoslavna-crkva-ohridska-arhiepiskopija>
- Срби и македонци заједно ќе на причешће: Др Александар Раковић о окончању македонског црквеног питања. Новости. 2022. Јуна 3. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/1122660/srbi-makedonci-zajedno-prisesce-aleksandar-rakovic-okoncanju-makedonskog-crkvenog-pitanja>
- МРС: Nema uslova za pregovore sa SPC. Радио-телевизија Войводина. 2010. Август 21. URL.: https://rtv.rs/rsn/region/mpc-nema-uslova-za-pregovore-sa-spc_207442.html
- МРС: Rešenje za MPC u rukama grčke i srpske crkve. Радио-телевизија Войводина. 2012. Мај 2. URL.: https://rtv.rs/rsn/drustvo/mpc-resenje-za-mpc-u-rukama-grcke-i-srpske-crkve_316609.html
- Posledice raskola Makedonske Pravoslavne Crkve: Predavanje Milovana Balabana na Jutjub kanalu KCNS. Новости. 2022. Јануар 28. URL.: <https://www.novosti.rs/drustvo/vesti/1080612/predavanje-milovana-balabana-jutjub-kanalu-kcns-video>

Список литературы

- Акудовіч А., Казакевіч А. 2006. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Палітычная сфера, 6: 44–48.
- Астров А. 2009. Эстония: политическая борьба за место в истории. Pro et contra. Май – август: 109–124.
- Аўтўэйт Ў., Рэй Л. 2006. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм. Палітычная сфера, 6: 27–43.
- Белов М.В. 2022. «Историческая политика» или «политика памяти»? Историческая политики в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История: 7–27.

- Гацовска-Спасовска З. 2022. По канонското признавање на Охридската архиепископија се отвора пат за признавање на автокефалност на МПЦ. Радио Слободна Европа. Мај 9. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/po-kanonskoto-priznavanje-na-ohridskata-arhiepiskopija-se-otvora-pat-za-priznavanje-na-avtokefalnost-na-mpc-/31841651.html>
- Драговић Р. 2021. Раскол са благословом комунистичких власти. Новости. Јануар 13. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/953038/raskol-blagoslovom-komunistickih-vlasti-svi-patrijarsi-posleratnom-periodu-bili-suoceni-problemom-crkve-makedoniji>
- Ђурић Мишина В. 2021. Држава и партија стварају нову цркву // Новости. Јануар 14. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/953041/drzava-partija-stvaraju-novu-crkvu-prilozi-istoriju-zloupotrebe-vere-ideoloske-politicke-svrhe>
- Копосов Н. 2013. Исторические понятия в мире без будущего. Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., РОССПЭН: 57–93.
- Ластоўскі А. 2016. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка. Палітычная сфера, 1: 37–55.
- Савић В. 2022. Признање "Охридске Архиепископије": Срби и Македонци су један народ, а СПЦ би да сведу на Православну цркву Србије. Новости. Јуна 12. URL.: <https://www.novosti.rs/c/kultura/vesti/1125500/priznanje-ohridske-arhiepiskopije-viktor-savic-srbi-makedonci-jedan-narod-spc-svedu-pravoslavnu-crkvu-srbije>
- Сагановіч Г. 2013. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў. Беларускі Гістарычны Агляд, 1–2: 173–188.
- Тасић Ј. 2022. Борба за православне душе. Србин Инфо. Јуна 15. URL.: <https://srbin.info/pocetna/aktuelno/borba-za-pravoslavne-duse/>
- Шерпер Ю. 2009. Германия и Франция: проработка прошлого. Pro et contra. Май – август: 89–108.
- Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. 2005. Critical Models: Interventions and Catchwords / trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press: 89–103.

References

- Akudovič A., Kazakievič A. 2006. Navuka i strategii pracy z minulym [Science and strategies for working with the past]. Palityčnaja sfera [Political Sphere], 6: 44–48 (in Belarusian).
- Astrov A. 2009. Estoniya: politicheskaya bor'ba za mesto v istorii [Estonia: political struggle for a place in history]. Pro et contra. May – August: 109–124 (in Russian).
- Aütšejt Ū., Rej L. 2006. Madernasć, pamiać i postkamunizm [Modernity, memory and post-communism]. Palityčnaja sfera [Political Sphere], 6: 27–43 (in Belarusian).
- Belov M.V. 2022. «Istoricheskaya politika» ili «politika pamyati»? ["Historical politics" or "politics of memory"?]. Istoricheskaya politiki v stranakh byvshey Jugoslavii [Historical politics in the countries of the former Yugoslavia] / ed. M.V. Belov. SPb.: Nestor-Istoriya: 7–27 (in Russian).
- Dragović R. 2021. Raskol sa blagoslovom komunističkih vlasti [Schism with the blessing of the communist authorities]. Novosti [News]. January 13. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/953038/raskol-blagoslovom-komunistickih-vlasti-svi-patrijarsi-posleratnom-periodu-bili-suoceni-problemom-crkve-makedoniji> (in Serbian).
- Ђурић Мишина В. 2021. Држава и партија стварају нову цркву [State and Party Create a New Church]. Novosti [News]. January 14. URL.: <https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/953041/drzava-partija-stvaraju-novu-crkvu-prilozi-istoriju-zloupotrebe-vere-ideoloske-politicke-svrhe> (in Serbian).
- Gadžovska-Spasovska Z. 2022. Po kanonskoto priznavanje na Ohridskata arhiepiskopija se otvora pat za priznavanje na avtokefalnost na MPC [After the canonical recognition of the Ohrid archdiocese, the path for the recognition of autocephaly at the Macedonian Orthodox Church is opened]. Radio Slobodna Evropa [Radio Free Europe]. May 9. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/po-kanonskoto-priznavanje-na-ohridskata-arhiepiskopija-se-otvora-pat-za-priznavanje-na-avtokefalnost-na-mpc-/31841651.html> (in Serbian).
- Koposov N. 2013. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future]. Kak my pishem istoriyu [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. M.: ROSSPEN: 57–93 (in Russian).
- Lastoŭski A. 2016. Prapracoŭka kamunistyčnaha minulaha ū Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika [Processing the Communist Past in Slovakia: Main Factors and Dynamics]. Palityčnaja sfera [Political Sphere], 1: 37–55 (in Belarusian).

- Sahanovič H. 2013. Biezuladdzie i praŭladnaś bielaruskich historykaŭ [Anarchy and pro-authority of Belarusian historians]. *Bielaruski Histaryčny Ahliad [Belarusian Historical Review]*, 1–2: 173–188 (in Belarusian).
- Savić V. 2022. Priznanje "Ohridske Arhiepiskopije": Srbi i Makedonci su jedan narod, a SPC bi da svedu na Pravoslavnu crkvu Srbije [Recognition of the "Archbishopric of Ohrid": Serbs and Macedonians are one people, and they would reduce the Orthodox Church of Serbia to the Orthodox Church in Serbia]. *Novosti [News]*. June 12. URL.: <https://www.novosti.rs/c/kultura/vesti/1125500/priznanje-ohridske-arhiepiskopije-viktor-savic-srbi-makedonci-jedan-narod-spc-svedu-pravoslavnu-crkvu-srbije> (in Serbian).
- Scherrer J. 2009. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo [Germany and France: working through the past]. *Pro et contra*. May – August: 89–108 (in Russian).
- Tasić J. 2022. Borba za pravoslavne duše [Struggle for Orthodox souls]. *Srbin Info*. Juna 15. URL.: <https://srbin.info/pocetna/aktuelno/borba-za-pravoslavne-duse/> (in Serbian).
- Adorno Th. 2005. *The Meaning of Working Through the Past*. Adorno Th. 2005. *Critical Models: Interventions and Catchwords* / trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press: 89–103.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 04.02.2023

Received 04.02.2023

Поступила после рецензирования 30.04.2023

Revised 30.04.2023

Принята к публикации 30.04.2023

Accepted 30.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Maksym V. Kyrchanoff, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and of Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3819-3103](https://orcid.org/0000-0003-3819-3103)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.1

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-662-672

Оригинальное исследование

К вопросу о датировке и символике Церкви Покрова Богородицы на Нерли

Солнцев Н.И.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А
E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме датировки и семантики Церкви Покрова Богородицы на Нерли. Автором рассматриваются гипотезы о времени и обстоятельствах начала строительства храма, технических работ по его возведению, времени завершения строительного процесса. Анализируется научная полемика, относящаяся к этой теме. Выдвигается предположение, что время постройки церкви связано с эсхатологическими переживаниями середины XII века во Владимиро-Суздальской Руси. Высказывается мнение, что постройка Покровской церкви стала завершающим этапом формирования архитектурного комплекса Нового Иерусалима, созданного Андреем Боголюбским. Раскрывается назначение и семантика храма Покрова как части общего проекта храмового зодчества Боголюбова и Владимира. Делается попытка доказать, что строительство церкви ознаменовало защиту человечества Богородицей и избавления его от Страшного Суда. Рассматривается влияние ветхо- и новозаветной символики на мышление средневекового человека, семантика образности богородичного культа, ставшего ведущим религиозным символом как Владимирской Руси, так и России.

Ключевые слова: средневековая эсхатология, храмовая символика, средневековое религиозное сознание, средневековые профетические ожидания

Для цитирования: Солнцев Н.И. 2023. К вопросу о датировке и символике Церкви Покрова Богородицы на Нерли. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 662–672. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-662-672

On the Dating and Symbolism of the Church of Intercession on the Nerl River

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia;
Nizhny Novgorod State Linguistic University N.A. Dobrolyubov,
31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of dating and semantics of the Church of the Intercession of the Virgin on the Nerl. The author considers hypotheses about the time and circumstances of the

beginning of the construction of the temple, the technical work on its construction, the time of completion of the construction process. The scientific controversy related to this topic is analyzed. It is suggested that the time of the construction of the church is connected with the eschatological experiences of the middle of the XII century in Vladimir-Suzdal Rus. The opinion is expressed that the construction of the Church of the Intercession was the final stage in the formation of the architectural complex of New Jerusalem, created by Andrei Bogolyubsky. The purpose and semantics of the Church of the Intercession as part of the overall project of temple architecture by Bogolyubov and Vladimir are revealed. An attempt is made to prove that the construction of the church marked the protection of mankind by the Mother of God and deliverance from the Last Judgment. The influence of the Old and New Testament symbolism on the thinking of a medieval person, the semantics of the imagery of the Mother of God cult, which has become the leading religious symbol of both Vladimir Rus' and Russia, is considered.

Keywords: medieval eschatology, temple symbols, medieval religious consciousness, medieval prophetic expectations

For citation: Solntsev N.I. 2023. On the Dating and Symbolism of the Church of Intercession on the Nerl River. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 662–672 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-662-672

Введение

Строительство церкви Покрова на Нерли совпало со временем расцвета Владимиро-Суздальской Руси в период правления Андрея Боголюбского. Оно завершало грандиозную строительную инициативу великого князя по созданию уникального комплекса культовых сооружений, превративших Владимир и Боголюбово в памятник русской средневековой архитектуры и отразивших в своей семантике всю гамму сложных религиозно-психологических переживаний этого времени. В этот период начинается реализация грандиозных архитектурных проектов. В 1157 году подошло к концу строительство не дошедшего до нас Георгиевского собора [Воронин, 1961, с. 91–100]. В 1158 году начинается возведение Успенского собора во Владимире и храма Рождества Богородицы в Боголюбове [Воронин, 1961, с. 145]. К 1164 году завершается сооружение Золотых ворот, заложенных, по мнению Н.Н. Воронина, не ранее 1158 года [Воронин, 1961, с. 132]. Таким образом, на промежуток времени с 1158 по 1164 год приходится пик строительных начинаний князя Андрея, завершившихся, как это традиционно считается, сооружением церкви Покрова Богородицы на Нерли, блистательным итогом творчества средневековых зодчих.

Объект и метод исследования

Связь данной постройки с богородичными храмами Владимира и Боголюбова позволяет в качестве цели работы еще раз поставить вопрос о датировке строительства и ритуальной символике храма Покрова на Нерли, связав ее с общей концепцией созданного архитектурного комплекса. Методологическая основа работы определена исходя из указанной цели и включила в себя исторический и феноменологический анализ иеротопии са-кральных пространств в их связи с семантикой владимирской храмовой архитектуры.

Результаты и их обсуждения

Источники не указывают точной даты возведения храма, единственное упоминание о постройке Покровской церкви содержит в себе Владимирский летописец XVI века, который под 6666 (1158) годом сообщает: «... князь Ондрѣи Боголюбовный град спом осыпа, постави церковь камену Рождества святѣи богородици на Клязьмѣ рѣцѣ, а другую Покровь святѣи богородици на Нерли, и устрои монастырь» [ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись, с. 68. л. 107 об.], Тем не менее традиционно считается, что церковь Покрова была заложена в 1165 году. Данная датировка

историографически восходит к середине XIX века и была обоснована редактором Владимирских губернских ведомостей В.И. Доброхотовым. Опираясь на Житие Андрея Боголюбского, прославленного в лике святых в 1702 году, он делает предположение, что храм был возведен не ранее 1166 года и его постройка исторически связана с походом князя на волжских булгар 1164 года. «Ежели камни из Болгарских каменоломней начали перевозить с августа месяца 1164 года, то есть со времени завоевания Болгарии, то получается два лета на перевозку камней (считая летний остаток 1164 года и осень) и лето на построение церкви, как сказано в житии князя, выйдет, что она построена в 1166 году» [Доброхотов В. 1852, с. 71]. Доброхотову также принадлежит мысль о посвящении Покровской церкви умершему сыну Боголюбского Изяславу.

Высказанное предположение никем не было оспорено, датировка была принята и вошла в оборот как само собой разумеющееся [Георгиевский, 1894, с. 47; Касаткин, 1906, с. 25]. «Сохранилось лишь известие в рукописном житии святого благоверного князя Андрея, по которому эта церковь основана Боголюбским после смерти его сына Изяслава, скончавшегося в 1165 году. Если это известие справедливо, то годом основания будет 1166» [Георгиевский, 1894, с. 161]. Высказанная в 1869 Н.А. Артлебенем и в 1899 году Н.П. Кондаковым и И.И. Толстым мысль о закладке храма Покрова вместе с владимирским Успенским собором [Артлебен, 1871, с. 297; Толстой, Кондаков, 1899, с. 14] осталась без должного внимания. В 1903 году Д.Н. Бережков выдвигает гипотезу, согласно которой город Владимир и его окрестности переживают два строительных бума – 1158–1160 и 1185–1197 годов. По его мнению, было бы нерационально держать до 1165 года бригады каменщиков, освободившихся от дел, после постройки Успенского собора во Владимире в 1161 году. Согласно данной версии, храм Покрова был построен не ранее 1185 года во исполнение воли уже князя Всеволода вновь приглашенными мастерами [Бережков, 1903, с. 100]. Так как основания для этого предположения были весьма умозрительны, данная датировка не прижилась и впоследствии была подвергнута критике [Вагнер, 1969, с. 18]. В середине XX века с выходом в свет ставшей классической работы Н.Н. Воронина, 1165 год становится установленной датой закладки церкви, входит в обиход и гипотеза, связывавшая постройку храма с походом на булгар 1164 года и смертью князя Изяслава в 1165 году [Воронин, 1961, с. 262, 278–279, 298–299]. Уже к концу 50-х годов эти сведения настолько входят в официальный оборот, что попадают в работы по истории архитектуры [Раппопорт, 1993, с. 264], описания и путеводители по Владимирскому краю [Горская, Шлионский, 1959, с. 124].

Однако существует и другая точка зрения на датировку строительства Покровского храма. Так, С.В. Заграевский абсолютно справедливо указал на целый ряд несоответствий, возникающих после прочтения Жития Андрея Боголюбского и датировки, сделанной на его основании. По мнению исследователя, например, нельзя понять, как камень на строительство храма мог быть «отлагаем» от материалов, заготовленных для Успенского собора. Ведь в 1158 году Андрей Боголюбский еще не мог знать, что в 1165 лишится сына. Непонятно, как и где мог храниться строительный камень. Если храм посвящен памяти князя Изяслава Андреевича, то почему он не связан с его тезоименитством, а посвящен Покрову Богородицы. Кроме этого, существуют и другие редакции Жития, кроме той, что была представлена В.И. Доброхотовым, а в них о возведении Покровской церкви не говорится ни слова. Все это позволило С.В. Заграевскому принять за дату возведения храма 1158 год [Заграевский, 2008, с. 129–146]. К аналогичному выводу подводят своих читателей Т.М. Тимофеева и С.М. Новаковская-Бухман. Ссылаясь на статьи, находящиеся перед комиссионным списком Новгородской первой летописи, и на данные Владимирского летописца, они допускают, что храм был сооружен в числе первых построек Андрея Боголюбского по приезду его во Владимир на Клязьме, то есть в 1158 году [Тимофеева, Новаковская-Бухман, 2003, с. 5–7].

Приведенные гипотезы весьма любопытны, однако более ранней датировки памятника безоговорочно не доказывают. Тем не менее мысль, которую высказывает С.В. Заграевский, весьма обоснована: если князь Андрей создает комплекс богородичных храмов, то вместе с закладкой церковью Рождества и Успения вполне логично предположить создание еще одного храма, посвященного Богородице. Но в этом случае разумнее было бы заложить церковь Благовещения. В этом случае комплекс представлял бы собой архитектурную иллюстрацию всего жизненного пути Пресвятой Девы и имел бы ярко выраженную, законченную и подсознательно понятную семантику. Символика же омофора Пресвятой Богородицы, являющего собой знак покровительства, защиты и спасения, наделяла бы архитектурный комплекс смыслами, требующими дополнительного объяснения.

К сожалению, не обосновывает более раннюю дату закладки храма и приведенная фраза из статей, находящихся в рукописи археографической комиссии перед комиссионным списком Новгородской первой летописи: «а се князи русьстии». Что, собственно, сообщает источник? По прибытии во Владимир Андрей Боголюбский привозит с собой икону Богоматери «и постави еи храмъ на рѣцѣ Клязмѣ 2 церкви каменны во имя святыя Богородица и створи град и нарече ему имя се есть мѣсто Боголюбимое» [ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, с. 467. л. 10–10 об.]. Учитывая факт того, что в XII веке и Владимир, и Боголюбово находились на самом берегу Клязьмы, летописец сообщает нам, что князь в этих городах заложил две каменные церкви – Успения во Владимире и Рождества Богородицы в Боголюбово. Таким образом, привязывать обе постройки исключительно к Боголюбову было бы нелогично. Приведенные же выше строки из Летописца Владимирского, скорее всего, описывают уже сложившуюся на момент его написания (XVI век) действительность и надежным подтверждением закладки Покровской церкви в 1158 году быть не могут. Таким образом, обе даты – 1158 и 1165 год – могут датировать время постройки Храма Покрова на Нерли весьма умозрительно, и вряд ли можно надеяться, что появится письменный источник, решающий проблему датировки. Исходя из этого, следует попробовать связать постройку храма и его символики с возможными обстоятельствами той эпохи, когда он был возведен.

Линейность христианской истории неизбежно приводила к мысли о ее конечности. Идея нарастания человеческой греховности, формировавшая мировоззренческие особенности христианской эсхатологии, воплощалась зачастую в ярких переживаниях, связанных с ожиданием наказания за людские пороки, приводившие социум в ожидании неизбежного суда божия в крайне экзальтированное состояние [Сидоров, 2018, с. 28–30, 34]. Как следствие, самым сильным из душевных переживаний средневекового человека было ожидание конца света. Однако грядущий Страшный Суд приводил общество не только в состояние уныния [Данилевский, 1995, с. 107], но и порождал некий религиозный оптимизм [Алексеев, 2006, с. 243; Приселков, 1923, с. 40; Горский, 1989, с. 65–75, Бондарь, 1990, с. 64–143, Мильков, 1997, с. 136–190], охватывающий широкие слои верующих, который приобретал действенные, иногда материальные формы демонстрации благочестия. Все эти особенности следует учитывать, рассматривая обстоятельства создания на Клязьме уникального богородичного храмового комплекса.

Обратим внимание на дату, начало строительных инициатив князя Андрея Боголюбского приходится на 6666 (1158) год, символика которого может достаточно ярко охарактеризовать настроения эпохи. Нумерологические совпадения не могли ускользнуть от внимания древнерусского книжника. Так, под 1092 Лаврентьевская летопись описывает рыскающих по улицам Полоцка бесов, восставших мертвецов, inferнальных всадников, убивающих горожан, засуху и угрожающие небесные явления [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи, 1846, с. 92]. По мнению А.И. Алексеева, «заметить» подобные явления заставили летописца не столько усобицы князей и нашествие половцев, сколько год произошедшего 6600 от сотворения мира [Алексеев, 2006, с. 255]. «В лѣто 6660. Князь Юрьи създа церковь Спаса да Бориса и Глеба в Кидекши в Суздали. Того же лѣта князь

Юрьи в Переславли постави церковь святого Спаса» [ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись, 1965, с. 66. л. 103 об. – 104], сообщает нам Владимирский летописец. Н.Н. Воронин отмечает, что именно в этом 6660 (1152) году Юрием Долгоруким было заложено пять храмов [Воронин, 1961, с. 91]. «Тогда же Георгий князь в Суждалѣ бѣ и отврзль ему Бог разумнѣи очи на церковное здание, и многи церкви поставиша» [ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись, 1921, с. 77], весьма красноречиво замечает по этому поводу летописец. Исходя из сказанного вряд ли можно считать 6666 (1158) год нумерологически отвлеченной датой. Для профетически настроенной личности было очевидно, что пришло время действовать, тем более что вся окружающая обстановка красноречиво свидетельствует о приближении Страшного Суда.

В христианской эсхатологии неоднократно подчеркивалась невозможность для человека предугадать это событие [Мф. 24:36, Деян. 2:18, 2Пет. 3:10], тем не менее новозаветная традиция достаточно очевидно трактовала признаки наступления последних дней. Гибель людей от бедствий [Лк. 21:26], моральная деградация и отречение от веры [Мф. 24:12, Лк. 18:8], появление лжепророков [Мф. 24:5, 1Ин. 2:18] – все это свидетельствовало о приближении последних времен. Жизнь средневековой Руси этого времени лучше всего подтверждает правоту пророчеств. Разгорается княжеский конфликт, превратившейся в братоубийственную войну за обладание Киевом. Начало усобицы сопровождается небесными явлениями. «... Тогда явися звѣзда превелика на западѣ, испущающи луча» [ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 1843, с. 298], в 1145 году на небосклоне появляется комета Галлея. В 1147 «бысть знамение на небеси: солнечныя луча погибоша, а луна кровава» [ПСРЛ. Т. 9. Патриаршья или Никоновская летопись, 1862, с. 172], в 1148 «въ то же лѣто бысть знамение въ солнци и на ту ночь бысть громъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи, 1846, с. 137], – живописует события летописец. Вовлеченные в борьбу за власть, разрушая нравственные основы бытия, на Руси одновременно действуют три митрополита, взаимно анафемизируя друг друга. Яркую картину последних дней рисовало весьма популярное в то время на Руси апокрифическое «Откровение», приписываемое Мефодию Патарскому: «беспрестани грому и молниям страшным сходити на землю и мнози гради тогда пожжени будут; и человецы в то время ото оужаения страшнаго грома того оужастию великою ослабѣют и оумерати начнут, мнози и от молния изгорати» [Истрин, 1897, с. 126]. Написанное в ожидании конца света в 1000 году царствия Христова, оно не утратило своего значения как богословское произведение и в это период. Именно это произведение, описывающее приход антихриста в мир, определило срок его царствия в нем как три с половиной года, которое завершалось вторым пришествием и Страшным судом [Истрин, 1897, с. 129–130]. Именно эта часть «Откровения», на наш взгляд, и формирует архитектурную концепцию строительных инициатив Андрея Боголюбского.

В 1155 году без разрешения отца князь Андрей покидает Южную Русь и возвращается на Суздальщину. Из Вышгорода он привозит с собой икону Божьей Матери, по преданию, написанную евангелистом Лукой. Эта икона и становится главным культовым символом, организовавшим иеротопию Нового Иерусалима [Солнцев, 2012, с. 275–281], грандиозного проекта, творимого Боголюбским в ожидании Страшного Суда. С 6666 (1158) года во Владимире начинается грандиозное строительство, на которое, можно сказать без преувеличения, были брошены все силы и резервы Северо-Восточной Руси. Возводится Успенский собор и Золотые ворота, в княжеской резиденции Боголюбово закладывается храм Рождества Богородицы. Тем самым формируется смысловое содержание будущего проекта, имеющего глубокий эсхатологический смысл, восходящего к «Откровению» Иоанна Богослова. Два храма, стоящие друг на против друга, – «Это суть две маслины и два светильника стоящие перед Богом земли» [Откр. 11:4]. Под их сенью формируется сакральное пространство убежища, противостоящее всему остальному миру, созданное для тех, кто будет спасен: «встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем; а внешний двор хра-

ма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам» [Откр. 11:1–2]. Логикой «Откровения» храмы и город будут разрушены, но верные будут спасены [Откр. 11:12].

Однако весь этот неизбежный пессимизм нес в себе и частицу надежды: «явилось на небе великое знамение – жена, облечённая в солнце» [Откр. 12:1–2]. Тем самым неизбежный конец оборачивался новым началом, и символикой этого начала становился образ Богородицы. Доминирующие на местности холмы Боголюбова и Владимира формируют сакральную прямую, символизирующую ее жизненный путь, от рождения на востоке (Боголюбово) до успения на западе (Владимир). Тем самым подчеркивалось место Богородицы в христианской доктрине как «врат восточных», принесших миру спасителя – Иисуса Христа, «ин же дверь восточную, ов же гору человеки несекому» [«Канон за преставляшагося» Глас 8. Песнь 7]. Богородица входила во Владимир через восточные Серебряные ворота, шла навстречу сыну к воротам Золотым, где в успении своем ждала его второго пришествия, уповая на спасение человечества. Символом этого ожидания становится Надвратная церковь Ризоположения Богородицы, устроенная на Золотых воротах и символизирующая смиренную надежду на избавление и заступничество. Тем самым создавалась полисемантическая образность Владимирского архитектурного проекта, богородичного Иерусалима, где архитектурные и скульптурные композиции создавали образ Ноева ковчега, дающего надежду на спасение тем, кто верит в бога.

Следует заметить, что владимирский архитектурный проект, начатый закладкой в апреле 1158 года Успенского собора [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи, 1846, с. 149], завершается его росписью 30 августа 1161 года [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи, 1846, с. 150], то есть к сроку, указанному в «Откровении» Иоанна Богослова: «они будут попираť святой град сорок два месяца» [Откр. 11:2] и в апокрифе Мефодия Патарского (три с половиной года царства антихриста). Характерно, что именно на 15 августа по юлианскому календарю приходится праздник Успения Богородицы, защитницы человечества. Таким образом, на сентябрь приходился пик ожиданий Страшного Суда. Поэтому можно предположить, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отмечаемый 1 октября, становится символом спасения, символом возвращения к жизни. Богородица очередной раз заступилась на человечество, избавила его от неминуемой катастрофы, укрыв его своим омофором. Высота и сила переживания этого события и определили семантику и облик храма Покрова на Нерли, ставшего памятником случившегося.

Описывая Покровскую церковь, Н.Н. Воронин в частности замечает: «новый образ Покрова на Нерли столь же лучезарен и светел, но в нем больше царственности и торжественности, говорящей не о скромной и благочестивой деве, но о «царице и владычице всех»; она – «честной венец царем правоверным...»; ее силой «даются победы и врази падают» [Воронин, 1961, с. 298]. Обращает на себя внимание и местоположение памятника. Следуя за Н.Н. Ворониным, хочется отметить, что положение храма над бурными водами весенних разливов производило на современников несомненное впечатление чуда [Воронин, 1961, с. 299]. Однако это чудо было на удивление созвучно и «Откровению» Иоанна Богослова: «И пустил змей из пасти своей вслед жены воду как реку ... Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и поглотила реку...» [Откр. 12:15–16]. Но не только это определило место строительства. Вырванная из контекста возведенного богородичного Иерусалима, расположенная в XII веке на противоположном берегу Клязьмы, церковь Покрова, с одной стороны, нарушала первоначальную архитектурную идею, но с другой – осеняла ее издали, актуализировала тему спасения, чем дополняла и завершала комплекс храмового зодчества эпохи Андрея Боголюбского.

Для того чтобы раскрыть этот образ, рассмотрим само сооружение и скульптурные элементы его декора. Три центральные закомары храма представляют нам скульптурное изображение царя Давида, справа и слева от которого расположены две птицы, одна из которых раскрыла крылья. Ниже птиц изображены два льва, изображенных в профиль, но с повернутыми к зрителю головами. Еще ниже львов представлены три женских лица, а

под ними – еще две фигуры, на этот раз лежащих львов с повернутыми анфас головами. Справа и слева от центральной композиции симметрично изображены два грифона, терзающие добычу.

Фигура царя Давида неслучайно является одним из главных атрибутов владимиро-боголюбовского богородичного храмового проекта. Согласно Новому Завету, Мария, как и ее муж Иосиф, принадлежала к колону Иудину и происходила из дома Давида. Правая рука Давида, поднятая в святительском перстосложении, символизирует Святую Троицу и две природы Иисуса Христа. Давид как псалмопевец поет славу богу, под которым подразумевается грядущий Спаситель, а славящему его уготована жизнь вечная. Таким образом, символика царя псалмопевца во владимирском зодчестве не может быть случайной, она символизирует то место, откуда к богу вместе с царем Давидом возносят молитвы верные.

Справа от Давида находится птица с расправленными крыльями. Как отмечает Б.А. Рыбаков, для XII века подобное изображение символизирует тревогу, несчастье или смерть [Рыбаков, 1949, с. 7–103]. Картину уравнивает птица слева со сложенными крыльями, находящаяся в покое. Подобное противопоставление может иметь массу значений: от семантики соприкосновения высших, небесных сил до символика спасения человечества [Быт. 8:12] или нисхождения Святого Духа [Мф. 3:16]. Однако в контексте образа Покровской церкви можно рассмотреть и другую семантику изображения. Г.К. Вагнер увидел в этом символику главной мысли Псалтыри – божественное покровительство человечеству «кров крылу» [Вагнер, 1969, с. 138]: «Сыны человеческие в тени крыл твоих покойны» [Пс. 35:8]. Таким образом, формируется образ укрытия, отраженный в одном из иконографических образов Богородицы: «Покрый насъ кровомъ крылу твоею», изображающая Святую Деву с раскинутыми руками и укрывающую своим омофором молящихся. Возможно, это и определило главную идею храма, символику божественного заступничества, подчеркнутого изображением львов у ног Давида, знака победы молодого пастуха над злом, нависшим над его паствой, и дополненного характерной для средневековой ментальности идеей воскрешения. Как лев оживляет рожденных львят своим дыханием, так Святой Дух наполняет человека и выводит его из ада [Белова, 2001, с. 160–161]. Кроме этого, изображение царя Давида и львов несут в себе и символику Нового Завета, выраженную апостолом Павлом, говорящем о ветхозаветных пророках, «которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов» [Евр. 11:33]. Тем самым в ветхозаветной символике открывается новозаветная тема победы добра над злом через веру [Рим. 12:12–21].

Сказанное позволяет говорить, что символика Покровской церкви выражает следующие идеи: ожидание второго пришествия Иисуса Христа и воскрешение верных для жизни вечной; спасение человечества через веру и заступничество за него Богородицы, которая, несмотря на всю его греховность, открывает над ним свой омофор; борьбу темных и светлых сил и победу добра над злом, благодарность спасенных своей божественной покровительнице.

Подобная символика плохо сочетается с традиционным мнением о закладке храма как символа удачного похода на болгар и безвременной кончины по его окончании сына Андрея Боголюбского Изяслава [Воронин, 1961, с. 262]. Вряд ли можно говорить, что волжские болгары представляли собой угрозу самому существованию Владимиро-Суздальской Руси. Со времен Юрия Долгорукова походы на болгар были ответом на грабежи русских купцов и бесчинства на приграничных территориях. Все эти экспедиции оканчивались удачно, поэтому чем-то выделить из них победный поход 1164 года не представляется возможным [Фахрутдинов, 1984, с. 87]. Русские традиционно одержали победу, однако при всей ее возможной значительности ставить ради нее памятник, посвященный спасенному человечеству, вряд ли было логично. Столь же нелогично было посвящать возведение Покровской Церкви памяти умершего Изяслава. При всей горечи утраты князя Андрея было бы весьма странно объявить небесным покровителем усопшего

Богородицу, связав с горестным событием весь комплекс богородичного культа, формирующийся в это время на Руси, со всем его архитектурным оформлением, начавшимся еще в 1158 году. Для того чтобы актуализировать праздник Покрова, сделать его общенациональным, необходимо было несравнимо более яркое и сильное потрясение, связанное с угрозой мирозданию, а не военный успех или личная утрата. Таким переживанием вполне могли стать эсхатологические ожидания в три с половиной года, вылившиеся в создание уникального архитектурного ансамбля Владимира на Клязьме.

Заключение

Таким образом, если принять во внимание изложенные выше аргументы, то вопрос о датировке строительства Покровской церкви на Нерли получает совершенное иное разрешение. Исходя из положения о том, что в массе своей каменное строительство начиналось на Руси в период с конца марта до середины июля [Раппопорт, 1994, с. 110], можно предположить, что закладка храма происходит весной или в начале лета 1162 года, то есть тогда, когда стало совершенно очевидно, что угроза Страшного Суда миновала. Отметим, что такая датировка сразу снимает вопрос, поставленный Д.Н. Бережковым, об артелях каменщиков, трудившихся на строительстве церкви. Если принять указанную дату, то это были те же бригады, что трудились при создании Успенской церкви во Владимире. Завершив работы в городе в 1160–1161 году, они в 1162 году приступили к строительству церкви Покрова Богородицы на Нерли.

Закладка храма, в свою очередь, поднимает вопрос о продолжительности самого строительства. Археологические раскопки, проведенные Н.Н. Ворониным, показали, что сооружение церкви в пойме реки потребовало от строителей весьма значительных подготовительных работ. В частности, храм был поставлен на рукотворный холм, возведенный на каменном основании, вследствие чего даже в результате больших разливов постройка возвышалась над водой [Воронин, 1961, с. 278–283]. Кроме этого, по подсчетам того же Н.Н. Воронина, только каменное строительство потребовало бы затратить 7 307 человеко-дней, из которых 3 428 ушло бы на обтесывание фасадного камня и изготовление рельефов [Воронин, 1961, с. 325]. Как показывает П.А. Раппопорт, бригаде каменщиков из 30 человек на это бы понадобилось не менее двух строительных сезонов [Раппопорт, 1994, с. 128]. Принимая во внимание неизбежность значительных подготовительных работ, срок постройки храма за одно лето, о чем говорит В.И. Доброхотов [Доброхотов, 1852, с. 171], можно считать еще одной ошибкой «Жития» Андрея Боголюбского. Скорее всего, строительство заняло несколько лет, поэтому 1165 год может вполне рассматриваться как дата его завершения, что согласуется с общепринятыми датировками завершения строительных инициатив Андрея Боголюбского.

Таким образом, в период между 1162 и 1165 годом владимирская архитектура обогатилась еще одной святыней, церковью Покрова на Нерли, символом заступничества Богородицы, укрывшей своим омофором Святую Русь от наступающих последних времен, символом, ознаменовавшим завершение самого сильного эсхатологического переживания XII века.

Список источников

- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., Типография Эдуарда Праца, 1846.
ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., Типография Эдуарда Праца, 1843.
ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под., ред. А.Н. Насонова. М.-Л., Издательство Академии наук, 1950.
ПСРЛ. Т. 9. Патриаршья или Никоновская летопись. СПб., Типография Эдуарда Праца, 1862.
ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 2-я Государственная типография, 1921
ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись. М., Наука, 1965.

Список литературы

- Алексеев А.И. 2006. Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX–XV вв. (Синхронно протекающие процессы или топологическое сходство). Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., Издательский дом «Парад», 574.
- Артлебен Н.А. 1871. К вопросу об архитектуре XII века в Суздальском княжестве. Труды Первого археологического съезда в Москве 1869. Под., ред., гр. А.С. Уварова. Т. I. М.: Синодальная типография, 318.
- Белова О.В. 2001. Славянский bestiary. Словарь названий и символики. М.: «Индрик», 320.
- Бережков Д.Н. 1903. О храмах Владимиро-Суздальского княжества (XII–XIII в.). Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга V. Владимир: Типо-Литография Губернского Правления, 489.
- Бондарь С.В. 1990. Философско-мировоззренческое содержание «Изборников» 1073 и 1076 годов. Киев: Наукова Думка, 152.
- Вагнер Г.К. 1969. Скульптура Древней Руси XII век. Владимир. Боголюбово. М., Искусство, 480.
- Воронин Н.Н. 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., Изд., АН СССР, 583.
- Георгиевский В. 1896. Гор. Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, Типо-Литография В.А. Паркова, 112.
- Георгиевский В. 1894. Святой и Благоверный Князь Андрей Боголюбский. Владимир, Типо-Литография В.А. Паркова, 105.
- Касаткин В.В. 1906. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Ч. I. Монастыри. Владимир, Типография Губернского Правления, 380.
- Горская Н., Шлионский Г. 1959. Владимир и его окрестности. Владимир, Владимирское книжное издательство, 167.
- Горский В. 1989. Образ истории в «Слове о Законе и Благодати». Альманах библиофила. Вып. 26. М., Книга, 256.
- Данилевский И.Н. 1995. Замысел и название Повести временных лет. Отечественная история. 5: 101–110.
- Доброхотов В. 1852. Древний Боголюбов и его окрестности. М., Университетская типография, 171.
- Заграевский С.В. 2008. К вопросу о реконструкции и датировке церкви Покрова на Нерли. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., АЛЕВ-В, 190.
- Мильков В.В. 1997. Канонический, апокрифический и традиционный подходы к осмыслению истории в Древней Руси. Древняя Русь. Пересечение традиций. М., Наука, 458.
- Истрин В.М. 1897. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическое видение Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. Тексты, (интерполированная редакция). М., Университетская типография, 210.
- Приселков М.Д. 1923. Борьба двух мировоззрений. Россия Запад. Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., Б. и. 234.
- Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб., Строй-издат. Петербургское отделение, 288.
- Раппопорт П.А. 1994. Строительное производство Древней Руси. СПб., «Наука», 158.
- Рыбаков Б.А. 1949. Древности Чернигова. Материалы и исследования археологии СССР. 11. Т. I. М., Изд-ва Акад. наук СССР: 7–103.
- Сидоров А.И. 2018. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII–X вв. СПб., Наука, 223.
- Солнцев Н.И. 2012. Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 4 (1): 275–281.
- Тимофеева Т.П. Новаковская-Бухман С.М. 2003. Церковь Покрова на Нерли. М., «Северный паломник», 79.
- Толстой И. Кондаков Н. 1899. Русские древности в памятниках искусства. Вып. VI. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., Типография А. Бенке, 196.
- Фахрутдинов Р.Г. 1984. Очерки по истории Волжской Болгарии. М., «Наука», 216.

References

- Alekseev A.I. 2006. Eschatologicheskie perezhivaniya v Zapadnoj Evrope i na Rusi v IX–XV vv. (Sinhronno protekayushchie processy ili topologicheskoe skhodstvo). Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova [Eschatological experiences in Western Europe and Rus' in the 9th – 15th centuries. (Synchronously flowing processes or topological similarity). Studies in Russian history and culture. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Igor Yakovlevich Froyanov]. M., Izdatel'skij dom «Parad», 574 (in Russian).
- Artleben N.A. 1871. K voprosu ob arhitekture XII veka v Suzdal'skom knyazhestve. Trudy Pervogo arheologicheskogo s"ezda v Moskve 1869 [On the question of the architecture of the XII century in the Suzdal principality. Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow, 1869]. Pod., red., gr. A.S. Uvarova. T. I. M., Sinodal'naya tipografiya, 318 (in Russian).
- Belova O.V. 2001. Slavyanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simvoliki [Slavic bestiary. Dictionary of names and symbols]. M., «Indrik», 320 (in Russian).
- Berezhkov D.N. 1903. O hramah Vladimiro-Suzdal'skogo knyazhestva (XII–XIII v.). Trudy Vladimirskoj uchenoj arhivnoj komissii [On the temples of the Vladimir-Suzdal principality (XII–XIII centuries). Proceedings of the Vladimir Scientific Archival Commission]. Kniga V. Vladimir, Tipolitorografiya Gubernskogo Praveleniya, 489 (in Russian).
- Bondar' S.V. 1990. Filosofsko-mirovozzrencheskoe sodержanie «Izbornikov» 1073 i 1076 godov [Philosophical and ideological content of the "Izborniki" of 1073 and 1076]. Kiev, Naukova Dumka, 152 (in Russian).
- Vagner G.K. 1969. Skul'ptura Drevnej Rusi XII vek. Vladimir. Bogolyubovo [Sculpture of Ancient Rus' XII century. Vladimir. Bogolyubovo]. M., Iskusstvo, 480 (in Russian).
- Voronin N.N. 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII–XV vekov [Architecture of North-Eastern Rus' XII–XV centuries]. T. I. M., Izd., AN SSSR, 583 (in Russian).
- Georgievskij V. 1896. Gor. Vladimir na Klyaz'me i ego dostoprimechatel'nosti [Vladimir on Klyazma and its sights]. Vladimir, Tipolitorografiya V.A. Parkova, 112 (in Russian).
- Georgievskij V. 1894. Svyatoj i Blagovernnyj Knyaz' Andrej Bogolyubskij [Holy and Blessed Prince Andrei Bogolyubsky]. Vladimir, Tipolitorografiya V.A. Parkova, 105 (in Russian).
- Kasatkin V.V. 1906. Monastyri, sobory i prihodskie cerkvi Vladimirskoj eparhii, postroennye do nachala XIX stoletiya [Monasteries, cathedrals and parish churches of the diocese of Vladimir built before the beginning of the 19th century]. Ch. I. Monastyri. Vladimir, Tipografiya Gubernskogo Praveleniya, 380 (in Russian).
- Gorskaya N. Shlionskij G. 1959. Vladimir i ego okrestnosti [Vladimir and its environs]. Vladimir, Vladimirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 167 (in Russian).
- Gorskij V. 1989. Obraz istorii v «Slove o Zakone i Blagodati» // Al'manah bibliofila. Vyp. 26 [The image of history in the "Word of Law and Grace". Bibliophile's Almanac. Issue. 26]. M., Kniga, 256 (in Russian).
- Danilevskij I.N. 1995. Zamysel i nazvanie Povesti vremennyh let. Otechestvennaia istoriia [The idea and title of the Tale of Bygone Years // Otechestvennaia istoriia]. 5: 101–110 (in Russian).
- Dobrohotov V. 1852. Drevnij Bogolyubov i ego okrestnosti [Ancient Bogolyubov and its environs]. M., Universitetskaya tipografiya, 171 (in Russian).
- Zagraevskij S.V. 2008. K voprosu o rekonstrukcii i datirovke cerkvi Pokrova na Nerli // Novye issledovaniya pamyatnikov arhitektury Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [On the issue of reconstruction and dating of the Church of the Intercession on the Nerl. New studies of architectural monuments of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. M., ALEV-V, 190 (in Russian).
- Mil'kov V.V. 1997. Kanonicheskij, apokrificheskij i tradicionnyj podhody k osmysleniyu istorii v Drevnej Rusi // Drevnyaya Rus'. Peresechenie tradicij [Canonical, Apocryphal and Traditional Approaches to Understanding History in Ancient Rus'. Ancient Rus'. Tradition Crossing]. M., Nauka, 458 (in Russian).
- Istrin V.M. 1897. Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i apokrificheskoe videnie Daniila v vizantijskoj i slavyano-russkoj literaturah. Issledovanie i teksty. Teksty (interpolirovannaya redakciya) [The Revelation of Methodius of Patara and the Apocryphal Vision of Daniel in Byzantine and Slavic-

- Russian Literature. Research and texts. Texts (interpolated edition)]. М., Universitetskaya tipografiya, 210 (in Russian).
- Priselkov M.D. 1923. Bor'ba dvuh mirovozzrenij. Rossiya Zapad. Sbornik statej, posvyashchennyh S.F. Platonovu [The struggle of two worldviews. Russia West. Collection of articles dedicated to S.F. Platonov]. Pg., B. i. 234 (in Russian).
- Rappoport P.A. 1993. Drevnerusskaya arhitektura [Old Russian architecture]. SPb., Stroj-izdat. Peterburgskoe otdelenie, 288 (in Russian).
- Rappoport P.A. 1994. Stroitel'noe proizvodstvo Drevnej Rusi [Construction production of Ancient Rus']. SPb., «Nauka», 158 (in Russian).
- Rybakov B.A. 1949. Drevnosti Chernigova. Materialy i issledovaniya arheologii SSSR [Antiquities of Chernihiv. Materials and researches of archeology of the USSR]. 11. Т. I. М., Izd-va Akad. nauk SSSR: 7–103 (in Russian).
- Sidorov A.I. 2018. V ozhidanii Apokalipsisa. Franskoe obshchestvo v epohu Karolingov, VIII–X vv. [Waiting for the Apocalypse. Frankish society in the era of the Carolingians, VIII–X centuries]. SPb., Nauka, 223 (in Russian).
- Solncev N.I. 2012. Koncept «Novogo Ierusalima» v stroitel'noj iniciative Andrey Bogolyubskogo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [The concept of "New Jerusalem" in the construction initiative of Andrey Bogolyubsky. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky]. 4 (1): 275–281 (in Russian).
- Timofeeva T.P. Novakovskaya-Buhman S.M. 2003. Cerkov' Pokrova na Nerli [Church of the Intercession on the Nerl]. М., «Severnij palomnik», 79 (in Russian).
- Tolstoj I. Kondakov N. 1899. Russkie drevnosti v pamyatnikah iskusstva. Vyp. VI. Pamyatniki Vladimira, Novgoroda i Pskova [Russian antiquities in monuments of art. Issue. VI. Monuments of Vladimir, Novgorod and Pskov]. SPb., Tipografiya A. Benke, 196 (in Russian).
- Fahrutdinov R.G. 1984. Oчерki po istorii Volzhskoj Bolgarii [Essays on the history of Volga Bulgaria]. М., «Nauka», 216 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.04.2023

Received 26.04.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Revised 15.05.2023

Принята к публикации 17.05.2023

Accepted 17.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Солнцев Николай Игоревич, доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
Старший научный сотрудник, научно-образовательный центр «Славяно-греколатинский кабинет», Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0001-1071](https://orcid.org/0000-0002-0001-1071)

Nikolai I. Solntsev, Doctor of History, Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Senior Researcher at the Scientific and Educational Center "Slavic-Greek-Latin Cabinet", Dobrolyubov Nizhny Novgorod Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 930+929.53

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-673-684

Оригинальное исследование

Канцелярские служители дворянской корпорации второй половины XIX – начала XX вв.

Баринава Е.П. ¹, Трубицын И.О. ²

¹ Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,

Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34;

² Тольяттинский государственный университет,

Россия, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

E-mail: rfnz25@yandex.ru; trubitszyn@yandex.ru

Аннотация. Традиционная для российского бюрократического аппарата система мировоззрения и ценностей была характерна для канцелярских служителей дворянской корпорации. На материалах региональных архивов авторами осуществлена социально-экономическая характеристика канцелярских служителей дворянских корпораций. Анализ формулярных списков о службе с помощью просопографического метода позволил выявить демографические характеристики, сословную принадлежность, уровень образования, материально-имущественное положение канцелярских служителей. Отмечается, что представители дворянства преобладали в канцеляриях органов сословного самоуправления, что было формой материальной поддержки и социального патроната корпорации по отношению к обедневшему дворянству. Указывается на то, что основной состав канцеляристов был представлен молодыми людьми, не имеющими за плечами значительного жизненного и служебного опыта. Доказано, что продвижение по социальной лестнице, стремление через усердие и трудолюбие построить служебную карьеру было обусловлено, прежде всего, финансовой незащищенностью канцелярских служителей.

Ключевые слова: чиновничество, бюрократия, канцелярские служители, дворянские корпорации, социально-экономический портрет

Для цитирования: Баринава Е.П., Трубицын И.О. 2023. Канцелярские служители дворянской корпорации второй половины XIX – начала XX вв. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 673–684. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-673-684

Clerical Servants of the Nobility Corporation of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries

Ekaterina P. Barinova¹ , Igor O. Trubitszyn²

¹ Samara National Research University,
34 Moscow Hw., Samara 443086, Russia;

² Togliatti State University,

14 Belorusskaya St., Tolyatti 445020, Russia

E-mail: rfnz25@yandex.ru; trubitszyn@yandex.ru

Abstract. The system of worldview and values traditional for the Russian bureaucratic apparatus was characteristic of the clerical servants of the noble corporations. On the materials of regional archives the authors carried out a socio-economic characterization of clerical servants of noble corporations. The analysis of form lists on service with the help of the prosopographical method allowed to reveal demographic characteristics, class affiliation, level of education, material and property status of clerical servants. It is noted that the representatives of the nobility prevailed in the chancelleries of estate self-government bodies, which

was a form of material support and social patronage of the corporation in relation to the impoverished nobility. It is pointed out that the main staff of clerks was represented by young people who had no significant life and service experience. It is proved that the advancement up the social ladder, the desire to build a career through diligence and hard work was due, first of all, to the financial insecurity of clerical servants.

Keywords: officialdom, bureaucracy, clerical servants, noble corporations, socio-economic portrait

For Citation: Barinova E.P., Trubitsyn I.O. 2023. Clerical Servants of the Nobility Corporation of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 673–684 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-673-684

Введение

Классическая для русской литературы XIX – начала XX вв. мифологема «маленький человек» обычно применяется к типу литературных героев, занимающих низкие ступени в социальной иерархии, прежде всего чиновников. Чаще всего «маленький человек» – это порожденный эпохой социально-психологический тип людей, доведенный как своей жизнью, так и внешними обстоятельствами до отчаяния. Бесправный, забитый, ничтожный, трепещущий перед «сильными мира», он мал не только потому, что занимает нижнюю ступеньку иерархической лестницы, но и с точки зрения узости мышления, личностной пассивности, бедности духовного мира. Безусловно, подобная репрезентация образа – идеализированная гипербола, однако она не теряет актуальности для исследователя любой эпохи, не только литературоведа, но и историка, так как отражает проблемы, стереотипы и нравы многоликой российской бюрократии.

В художественной литературе представлены яркие образы подобных чиновников. Так, например, канцелярский служащий Акакий Акакиевич Башмачкин из рассказа Н.В. Гоголя «Шинель» предстает перед читателем в образе невзрачного, глуповатого переписчика-холостяка, работа которого однообразна, а жалование крайне скудно. Но хотя история внешней жизни чиновника полна лишений, мечта о новой шинели наполняет его духовную жизнь новым смыслом [Гоголь, 2017, с. 218]. С другой стороны, французский путешественник А. де Кюстин, характеризуя русскую бюрократию, полагал, что «из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях» [Адольф де Кюстин, 1996, с. 215]. Такие «невзрачные» и «всесильные» чиновники служили не только в государственных учреждениях, но и в органах местного самоуправления и сословных учреждениях. «Благородное сословие», организованное в дворянские корпорации, также не могло обойтись без канцелярских служащих, которые трудились в канцеляриях предводителей, депутатских собраний, дворянских опеков.

В дореволюционный период изучение бюрократического аппарата осуществлялось в двух направлениях: изучение роли чиновничества в политических институтах империи [Градовский, 1908; Коркунов, 1909] и анализ его социальных функций с точки зрения генезиса социальных отношений [Ключевский, 1916]. В советской историографии 1920 – начала 1950-х гг. исследования бюрократического аппарата были крайне малочисленны, отличались тенденциозностью. Имперская бюрократия рассматривалась как «орудие привилегированного класса», подчеркивалась тесная связь её высших и средних слоев с дворянством и буржуазией. Во второй половине 1950 – начале 1990-х гг. в работах советских историков, посвященных общественно-политической жизни Российской империи, значительное место уделялось анализу структуры и деятельности государственного аппарата. Появились ставшие сегодня классическими работы С.М. Троицкого, Н.П. Ерошкина и др. [Троицкий, 1974; Ерошкин, 1981]. В монографии П.А. Зайончковского на основе анализа формулярных списков был структурирован социальный состав, образовательный и материальный уровень чиновничества в XIX веке [Зайончковский, 1978]. Было обращено внимание и на источниковедческие аспекты изучения проблемы [Румянцева, 1985].

В современной историографии изучение проблемы вышло на новый уровень, о чем свидетельствует выход фундаментальной работы Б.Н. Миронова и активизация изучения бюрократического аппарата на региональном уровне [Миронов, 2015; Ткаченко, 2023]. Чиновничество рассматривается как субъект государственного управления в контексте административной политики и управленческой организации Российской империи [Оспанова, 2016; Макей, 2023]. Предприняты попытки охарактеризовать быт, социальную психологию, особенности сознания российских чиновников [Морякова, 1993; Шепелев, 1999; Андриянова, 2018]. Не ослабевает внимание исследователей к изучению правовых основ гражданской службы в имперский период [Шатохин, Шатохина, 2023]. Отдельным направлением следует выделить работы историографического плана, в которых анализируется как отечественный, так и зарубежный (англоязычный) опыт изучения бюрократического аппарата Российской империи XIX века [Большакова, 2001; Курочкина, 2011]. Применение компаративного и лонгитюдного методов позволили исследователям не только охарактеризовать образ российского чиновника, но и сравнить модели его поведения и самоидентификации с французским чиновничеством, а также рассмотреть в широком хронологическом контексте принципы управления бюрократией [Борисенко, 2001; Борщевский, 2020].

В современной российской историографии, посвященной изучению институтов дворянских корпораций, преобладают исследования, характеризующие социально-экономический статус и общественно-политическую деятельность как отдельных представителей корпорации, так и региональных дворянских обществ. На региональном уровне осуществлен анализ социально-экономического статуса различных представителей дворянских корпораций, прежде всего депутатского корпуса и предводителей дворянства [Литвинова, 2005; Корчмина, 2010; Миронова, 2011; Цветков, 2013]. В работах В.С. Цветкова и И.О. Трубицына предпринята попытка реконструкции социально-экономического портрета представителей различных институтов дворянской корпорации второй половины XIX – начала XX века [Цветков, 2012; Трубицын, 2022].

Реконструкция социально-экономического облика канцелярских служащих дворянских корпораций на региональном уровне позволит выявить их роль в сословно-представительных органах дворянства, проследить особенности социальной мобильности.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является социально-экономический облик канцелярских служащих дворянских корпораций. Условно в их составе можно выделить канцелярских чиновников (лиц, имеющих чин) и канцелярских служащих. Объединение этих категорий в одну – «канцелярские служащие» – связано с отсутствием выявленных нами социально-экономических отличий между ними за исключением чина, а также тем, что канцелярские чиновники, как правило, до этого занимали должность канцелярского служащего в этих же канцеляриях.

Территориальные рамки исследования ограничены Московской, Санкт-Петербургской, Казанской и Самарской губерниями. Включение данных регионов в исследовательское поле позволяет выявить различия в социально-экономическом статусе канцелярских служащих столичных и провинциальных губерний и составить условный обобщающий портрет.

Источниковой базой исследования являются формулярные списки о службе канцелярских служащих. Формулярный список включал в себя основные моменты служебной карьеры, а также информацию личного характера. Нами было выявлено 160 формулярных списков канцелярских служащих Самарской губернии и 24 Санкт-Петербургской с 1851 по 1917 годы. Сведения по Московской и Казанской губерниям привлекались нами из исследовательских работ. Е.В. Миронова приводит сведения о 72 служащих Казанской губернии за 1861–1917 гг. [Миронова, 2011, с. 237–318]. Количество подвергнутых анализу формулярных списков по Московской губернии И.В. Цветковым не обозначается [Цветков, 2012]. Особенностью данных формулярных списков является их слабая информативность по сравнению с

формулярами предводителей или депутатов дворянства. Часть полей списков не заполнена, что может быть объяснено как отсутствием сведений, так и небрежностью делопроизводства, которая была вызвана текучкой канцелярских служащих. Так, формулярный список Егора Абрамова включает в себя только информацию о его сословной принадлежности – крестьянин, а также месте и характере службы – канцелярия дворянского депутатского собрания, вольнонаемный⁹². При этом не сообщался его возраст на момент вступления в канцелярию депутатского собрания, семейное положение и иная дополнительная информация.

Для систематизации и дальнейшей обработки полученных сведений авторами был использован просопографический метод. Созданная на его основе база данных аккумулирует сведения о семейном положении, образовании, карьере, возрасте, заработной плате и штрафах канцелярских служащих. В качестве программного обеспечения нами был использован свободный пакет офисных приложений Apache OpenOffice 4 Base.

Результаты и их обсуждение

Структура канцелярий дворянских корпораций имела схожие черты с любой иной канцелярией государственного учреждения второй половины XIX – начала XX вв. Во главе ее находился секретарь дворянства, далее следовала должность столоначальника, замыкали иерархию канцелярские служащие. Финансовые возможности, а также производственная необходимость дворянских обществ позволяли, особенно в дореформенный период, содержать при канцелярии архивариусов, бухгалтеров, журналистов. Однако начиная с 1870-х гг. намечается четкая тенденция к сокращению штата канцелярий, прежде всего за счет вышестоящих должностей. Сокращение затрат на содержание канцелярий являлось одним из механизмов снижения финансовой нагрузки на испытывающее экономические трудности дворянское сословие. Даже Московской дворянской корпорации пришлось сокращать штат канцелярии дворянского депутатского собрания примерно на 60 % [Цветков, 2012, с. 117]. Однако здесь следует сделать оговорку, отметив, что состав канцелярии Санкт-Петербургской дворянской корпорации подвергался кадровым изменениям в незначительной степени, а Самарская дворянская корпорация изначально не обладала значительным штатом канцеляристов.

Проблема «размывания» дворянства, характерная для рассматриваемого нами периода, поднималась неоднократно как современниками, так и исследователями. Корпорация пыталась помочь молодым дворянам, не сумевшим по разным причинам поступить на службу в более престижные учреждения, и в качестве возможной альтернативы определяла их в канцелярии дворянских органов сословного самоуправления. Дальнейшая же карьера молодого служащего зависела от его старательности, трудолюбия. Опираясь на эти качества, сын флагманского инженера-механика и чиновника Павел Александрович Кондратьев, поступивший на службу в канцелярию Санкт-Петербургского дворянства в 1899 г. в возрасте 23 лет, через два года уже исполнял должность секретаря дворянства⁹³. При этом в канцеляриях служили представители не только дворянского сословия, которые безусловно доминировали, но и обер-офицерские дети, дети крестьян и священнослужителей, почетных граждан, а также дети чиновников. Как отмечают исследователи, служба в канцеляриях к концу XIX – началу XX в. приобретала черты особой замкнутой социальной группы и становилась семейным ремеслом для определенного круга чиновников [Шепелев, 1999, с. 123]. Но в рамках дворянских корпораций такое явление прослеживалось крайне слабо. Нами выявлено только три случая, когда дети чиновников продолжили профессиональный путь своих родителей⁹⁴.

⁹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 17. Д. 77. 30 л.

⁹³ Там же. Д. 35. Л. 45.

⁹⁴ Самарские губернские ведомости. 1915. № 93. 5 декабря; Там же. 1915. № 51. 11 июля; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1–4.

Служба в канцеляриях дворянских корпораций, особенно в канцеляриях губернского или уездного предводителей, являлась прекрасным местом обучения навыкам делопроизводства, так как ни одно образовательное учреждение в это время еще не предоставляло такой возможности. Обширный круг вопросов, находящихся в ведении губернского или уездного предводителя, требовал от канцелярских служащих навыков работы с бумагами разного характера. А приобретенные компетенции наряду с опытом канцелярской службы позволяли служащим переходить в другие канцелярии и продвигаться по социальной лестнице. Так, протоколист Александр Тимофеев после службы в канцелярии Николаевско-Новоузенской дворянской опеки перешел в штат канцелярии Самарского гражданского губернатора, где и построил свою дальнейшую карьеру⁹⁵. При этом значительное большинство канцелярских служащих определялись на службу, уже имея за плечами образование и опыт службы в других учреждениях. Для этой категории служащих канцелярии дворянских корпораций становились местом менее суетным, чем большие канцелярии государственных учреждений.

С начала XX в. образование становится одним из основных критериев карьерного роста канцелярских служащих. Характер образовательного уровня служащих представлен нами в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Образование канцелярских служащих дворянских корпораций в 1850–1917 гг.
(сдан экзамен или окончено учебное заведение)
Education of clerical servants of noble corporations in 1850–1917
(passed an exam or graduated from an educational institution)

Окончено учебное заведение (характер учебн. заведения)	Самарская губерния абс., (%) 1851–1917 гг. ¹	Санкт- Петербургская губерния, абс., (%) 1850–1917 гг. ²	Казанская губерния, абс., (%) (1861–1917 гг.) ³
Среднее	24 (39,34)	4 (28,57)	3 (23,07)
Высшее	3 (4,92)	1 (7,14)	4 (30,77)
Военное	6 (9,84)	2 (14,29)	2 (15,38)
Духовное	2 (3,28)	0 (0)	1 (7,70)
Не окончено учебное заведение (характер учебн. заведения)			
Среднее	11 (18,03)	3 (21,43)	2 (15,38)
Высшее	5 (8,19)	1 (7,14)	0 (0)
Военное	3 (4,92)	0 (0)	0 (0)
Духовное	1 (1,64)	0 (0)	0 (0)
Образование получено дома	3 (4,92)	2 (14,28)	1 (7,70)
В учебных заведениях не обучался	3 (4,92)	1 (7,14)	0 (0)
<i>Итого:</i>	61 (100)	14 (100)	13 (100)

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 3. ДД. 129, 130, 274; Там же. Оп. 17. ДД. 1, 3, 8, 19, 33, 35, 46, 53, 60, 77, 89; ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36; Там же. Ф. 430. Оп. 1. ДД. 766, 2009, 2010, 2011, 2023, 2026, 2027, 2029, 2033, 2042, 2057, 2060, 2066, 2067, 2072, 2081, 2087, 2088, 2097, 2099, 2101, 2104, 2105, 2106, 2118, 2121, 2137, 2138, 2145, 2148, 2150; Миронова Е.В. 2011. Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, с. 237–318.

Примечания:

¹ Отсутствуют сведения по 99 из 160 служащим канцелярии.

² Отсутствуют сведения по 10 из 24 служащим канцелярии.

³ Отсутствуют сведения по 59 из 72 служащим канцелярии.

⁹⁵ Самарские губернские ведомости. 1858. № 40. 18 октября; Там же. 1861. № 4. 28 января.

Большинство канцеляристов анализируемых нами корпораций обладали элементарными навыками письма и чтения не только на русском, но и нередко на французском языках, в силу своей сословной принадлежности обучаясь этому с детства. Для детей дворян основным местом получения образования становились гимназии, а также Императорские университеты. Как мы видим из таблицы 1 (см. табл. 1), случаи, когда дворянам было не по силам по разным причинам получить высшее образование, были достаточно распространёнными. В этом случае они, как и Александр Иванович Оводов, который был отчислен с первого курса юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, поступали на службу канцеляристами в дворянские корпорации⁹⁶. Нами выявлено шесть таких случаев – пять в Самарской и один в Санкт-Петербургской губерниях. В Казанской и Московской губерниях таких случаев не выявлено. Для канцелярских служащих из дворянского сословия было характерным получение военного образования. Как правило, обучение детей мелкопоместного дворянства в юнкерских училищах, военных гимназиях или прогимназиях частично финансировалось дворянскими корпорациями из сословных капиталов либо было результатом государственной или частной благотворительности⁹⁷. Представители иных сословий, опираясь на финансовые возможности и семейные связи, в основном получали образование, характерное для их сословного положения. А этап до определения на службу был схож с жизненным путем сына священника Дмитрия Благодарова, который, окончив полный курс в Бугурусланском духовном училище Самарской губернии, был по жребию призван на военную службу, где сумел освоить профессию фельдшера и, сдав положительно экзамен, был отправлен в запас. В дальнейшем он был определен на службу в дворянское депутатское собрание канцелярским служащим⁹⁸. В Московской губернии большинство канцелярских чиновников получило образование в домашних условиях, а одна треть закончила средние учебные заведения [Цветков, 2012, с. 139–140, 143].

Отсутствие постоянства в кадровом составе нижних чинов канцелярий можно объяснить возрастом его служащих и их заработной платой. Средний возраст по Санкт-Петербургской и Самарской губерниям колебался в диапазоне от 24 до 27 лет, а общий возрастной интервал – от 16 до 52 лет [Трубицын, 2022, с. 161]. В канцеляриях Московского дворянства не выявлено служащих старше 29 лет [Цветков, 2012, с. 138]. Возрастные характеристики канцелярских служащих Казанского дворянства реконструировать не удалось. Зарботная плата канцелярского служащего крайне слабо отражена в формулярных списках. Только в формуляре служащего канцелярии Санкт-Петербургского губернского предводителя Павла Атвиновского мы можем увидеть конкретную сумму – 540 руб. в год⁹⁹. В формулярном списке его коллеги из дворянского депутатского собрания Павла Кондратьева заработная плата обозначена фразой – «по трудам и заслугам»¹⁰⁰. Анализ бухгалтерской документации дворянского собрания показывает нам, что средняя заработная плата канцелярских служащих Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX в. могла варьироваться от 230 руб. до 300 руб. в год¹⁰¹. Для сравнения оклад секретаря дворянства, как правило, был в 1,5–2 раза больше, а оклад сторожа был равен 80 или 100 рублям в год. Окончательный уход со службы в зрелом возрасте был связан, как правило, с ухудшением состояния здоровья, при котором дальнейшая служба оказывалась невозможной. Нами выявлен единственный такой случай, когда канцелярский служащий дворянского депутатского собрания Санкт-Петербургской губернии был освобожден от службы из-за расстройства ума¹⁰².

⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 3. Д. 274. Л. 117.

⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2060. Л. 6–9; Там же. Д. 2042. Л. 8–9.

⁹⁸ Там же. Д. 2009. Л. 33–34 об.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 17. Д. 3. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Д. 35. Л. 4.

¹⁰¹ Там же. Оп. 3. Д. 504. Л. 8.

¹⁰² Там же. Оп. 17. Д. 60. Л. 58.

Имущественная характеристика, приведенная нами в табл. 2, показывает, что среди канцелярских служащих Казанской и Самарской губерний был высок процент собственников, прежде всего дворян.

Таблица 2

Table 2

Имущественное положение канцелярских служащих дворянских корпораций в 1850–1917 гг.
(за основу взяты земельные владения)
Property status of clerical servants of noble corporations in 1850–1917
(based on land holdings)

Губерния	Дом, абс., (%)	1–1000 дес. земли абс., (%)	1001–5000 дес. земли абс., (%)	5001–10 000 дес. земли абс., (%)	Более 10 000 дес. земли абс., (%)	Нет имущества абс., (%)	Итого:
Казанская 1861–1917 гг. ¹	1 (8,33)	5 (41,67)	3 (25)	0 (0)	0 (0)	3 (25)	12 (100)
Самарская 1851–1917 гг. ²	5 (7,93)	17 (27,00)	16 (25,39)	3 (4,76)	1 (1,59)	21 (33,33)	63 (100)
Санкт- Петербургская 1850–1917 гг. ³	2 (11,11)	0 (0)	1 (5,56)	1 (5,56)	1 (5,56)	13 (72,22)	18 (100)

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 3. ДД. 129, 130, 274; Там же. Оп. 17. ДД. 1, 3, 8, 19, 33, 35, 46, 53, 60, 77, 89; ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36; Там же. Ф. 430. Оп. 1. ДД. 766, 2009, 2010, 2011, 2023, 2026, 2027, 2029, 2033, 2042, 2057, 2060, 2066, 2067, 2072, 2081, 2087, 2088, 2097, 2099, 2101, 2104, 2105, 2106, 2118, 2121, 2137, 2138, 2145, 2148, 2150; Миронова Е.В. 2011. Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, с. 237–318.

Примечания:

¹ Отсутствуют сведения по 60 из 72 служащих канцелярии.

² Отсутствуют сведения по 97 из 160 служащих канцелярии.

³ Отсутствуют сведения по 6 из 24 служащих канцелярии.

Канцелярские служащие-дворяне указывали как родовые поместья, так и благоприобретенное ими имущество в формулярных списках. В Московской губернии процент собственников-дворян до начала 1870-х гг. был также высок, однако сокращение штата канцелярий привело к исчезновению категории канцеляристов-собственников [Цветков, 2012, с. 144]. Представители иных сословий не владели собственным недвижимым имуществом и вынуждены были снимать жилье. Такое явление было особенно широко распространено в Санкт-Петербургской губернии.

Возраст и финансовое положение в значительной степени влияли на личную жизнь канцелярских служащих. Будучи молодыми людьми, не имеющими собственного угла, большинство из них не спешили создавать семьи. Только прослужив определенное время, чтобы накопить средства и получив первый чин, канцеляристы, как правило, женились. Среди анализируемых нами служащих Санкт-Петербургской и Самарской губерний подавляющее число вступило в брак единожды, что может объясняться их возрастом и ценностной системой. Для большинства семей было характерным отсутствие детей, а если они были, то в среднем их количество не превышало трех человек. Жены канцелярских служащих принадлежали к тому же сословию, что и их мужья.

Общий принцип делопроизводства в канцеляриях дворянских корпораций был единым. Функционал канцелярских служащих включал в себя переписывание различных документов, составление выписок, регистрацию документов и иные операции делопроизвод-

ственного характера. Только с начала XX века начинается отказ от перьев и постепенный переход на машинопись, что в разы облегчало работу канцеляристам, которые должны были дублировать один и тот же документ, например, формулярный список о службе, а уровень разборчивости почерка служащих был не всегда удовлетворительным. Ношение форменной одежды являлось обязательным для канцелярских служащих как имеющих, так и не имеющих чин. О соблюдении правил ее ношения не раз напоминалось канцелярским служащим на протяжении всего XIX века в циркулярных письмах министра внутренних дел, которые пересылались губернаторами в канцелярии дворянских корпораций¹⁰³.

Положение любого государственного служащего предоставляет ему возможность преступить закон ради личной выгоды. В рассматриваемых нами дворянских корпорациях такие случаи были крайне редки. Нами выявлен только один и связан он не с канцелярскими служащими, а с их руководителем – секретарем дворянства, который потерял вверенные ему документы, за что получил выговор с занесением в формулярный список¹⁰⁴.

Заключение

В основе социального облика канцелярских служащих дворянских корпораций второй половины XIX – начала XX веков находились традиционные для российской бюрократии мировоззренческие установки. Канцелярии дворянских корпораций становились местом службы не только представителей дворянского сословия, но и иных социальных категорий. Это позволяло соединить сословные интересы, заключающиеся в помощи, как правило, молодым нуждающимся дворянам с государственной службой, на которую могли определиться представители иных сословий. Усредненный портрет канцеляриста в независимости от наличия чина можно реконструировать следующим образом: молодой человек, обучавшийся и, в зависимости от своего старания, закончивший или нет среднее учебное заведение, определенный на службу в канцелярию дворянской корпорации. Получая невысокое жалование, он стремился с помощью трудолюбия и усердия выслужить чин и перейти на службу в иное государственное учреждение, хорошо зарекомендовав себя. Другим вариантом социальной мобильности было построение карьеры внутри канцелярии дворянской корпорации, где он стремился дослужиться до должностей столоначальника или секретаря дворянства. Последняя должность была доступна только представителям благородного сословия, т. к. являлась выборной. В силу немногочисленности прожитых лет, а также скудного финансового состояния не имеющих семьи или только вступивший в брак. Как правило, для молодых служащих жизненной целью являлось построение карьеры, которая приносила бы более высокий доход или была бы наиболее интересной, что нередко обуславливало смену места службы. Другая часть служащих, прошедшая уже этот путь поиска лучшего места службы и пришедшая на службу в канцелярии дворянских корпораций, имела семьи и стремилась к стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Региональные отличия служащих канцелярий являются незначительными и связаны, прежде всего, с изменявшимся имущественным положением канцеляристов из дворянского сословия в этих регионах. Являясь неотъемлемым элементом большой бюрократической машины, канцелярские служащие дворянских корпораций выполняли ежедневно большой объем монотонной и рутинной канцелярской работы по подготовке к дворянским собраниям, заседаниям дворянских депутатских собраний, а также сопряженной с текущей деятельностью предводителей. Качество этой работы зависело от многих факторов, в том числе от совершенствования делопроизводственного процесса.

¹⁰³ Там же. Оп. 3. Д. 66. Л. 2.

¹⁰⁴ ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2012. Л. 1–3.

Список источников

- Самарские губернские ведомости. 1858. № 40. 18 октября.
Самарские губернские ведомости. 1861. № 4. 28 января.
Самарские губернские ведомости. 1915. № 51. 11 июля.
Самарские губернские ведомости. 1915. № 93. 5 декабря.
Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.430 Самарское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. Д. 2009.
ЦГАСО. Ф. 430. Самарское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. Д. 2012.
ЦГАСО. Ф. 430. Самарское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. Д. 2042.
ЦГАСО. Ф. 430. Самарское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. Д. 2060.
ЦГАСО. Ф. 430. Самарское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. Д. 2118.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 3. Д. 66.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 3. Д. 274.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 3. Д. 504.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 17. Д. 3.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 17. Д. 35.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 17. Д. 60.
ЦГИА СПб. Ф. 536. Петроградское дворянское депутатское собрание. Оп. 17. Д. 77.

Список литературы

- Андриянова Д.В. 2018. Социокультурный облик канцелярских служащих губернских учреждений Западной Сибири в 1895–1917 годах. Научный диалог, 12: 271–287. doi: 10.24224/2227-1295-2018-12-271-287
- Большакова О.В. 2001. Бюрократия, реформы и контрреформы в России (1855–1894 гг.) в освещении англоязычной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 26.
- Борисенок Т.В. 2001. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века. Дис. ... канд. культуролог. наук. М., 228.
- Борщевский Г.А. 2020. Система управления бюрократией в дореволюционной, советской и современной России. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 1: 61–84. doi:/10.21638/11701/spbu02.2020.104
- Гоголь Н.В. 2017. Петербургские повести. М., Речь, 256 с.
- Градовский А.Д. 1908. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. СПб., Типогр. М.М. Стасюлевича, 599 с.
- Ерошкин Н.П. 1968. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 2-е. М., Высшая школа, 368 с.
- Зайончковский П.А. 1978. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., Мысль, 288 с.
- Ключевский В.О. 1916. Курс русской истории: в 3 т. Т. 3. 3-е изд. М., 480 с.
- Коркунов Н.М. 1909. Русское государственное право: в 2 т. Т. 1. 6-е изд. Под ред. и дополнениями М.Б. Горенберга. СПб., Типогр. М.М. Стасюлевича, 623 с.
- Корчмина Е.С. 2010. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в. (на материалах Рязанской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 275.
- Курочкина Е.Н. 2011. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов. Вестник Иркутского государственного технического университета. Гуманитарные науки, 2 (49): 276–280.
- Кюстин А. де. 1996. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. 2. Пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной и С. Зенкина. М., Изд-во им. Сабашниковых, 480 с.
- Литвинова Т.В. 2005. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 271.
- Макей А.Д. 2023. Эволюция гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII–XIX веках. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Гуманитарные и общественные науки, 1: 39–52. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4
- Миронов Б.Н. 2015. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., Дмитрий Буланин, 992 с.

- Миронова Е.В. 2011. Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 318.
- Морякова О.В. 1993. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы. Вестник Московского Университета. История, 6: 14–29.
- Оспанова А.А. 2016. Некоторые аспекты повседневности чиновников в Российской империи в начале XX века (по материалам «Вестника чиновника»). Самарский научный вестник, 3 (16): 11–22.
- Румянцева М.Ф. 1985. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений. России 1762–1802 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 237.
- Ткаченко В.Г. 2023. Профессиональный портрет канцелярских и архивных чиновников местных органов управления в XVIII–XIX вв. (на примере Чувашского края). В. кн.: Развитие современного образования в контексте педагогической компетентиологии. Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 27 февраля 2023 г.). Чебоксары: ИД «Среда»: 243–251. doi: 10.31483/r-105519
- Троицкий С.М. 1974. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., Наука, 394 с.
- Трубицын И.О. 2022. Институты корпоративной организации дворянства в России. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 277.
- Цветков В.С. 2012. Дворянское самоуправление России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Московского дворянского собрания). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 374.
- Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. 2023. Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века. Via in tempore. История. Политология, 50 (2): 442–452. doi: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452
- Шепелев Л.Е. 1999. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., Искусство-СПб, 477 с.

References

- Andrijanova D.V. 2018. Sociokul'turnyj oblik kanceljarskih sluzhitelej gubernskih uchrezhdenij Zapadnoj Sibiri v 1895–1917 godah [Sociocultural image of clerical clerks of provincial institutions of Western Siberia in 1895–1917 years]. Nauchnyj dialog, 12: 271–287. doi: 10.24224/2227-1295-2018-12-271-287 (in Russian)
- Bol'shakova, O.V. 2001. Bjurokratija, reformy i kontreformy v Rossii (1855–1894 gg.) v osveshhenii anglojazыchnoj istoriografii [Bureaucracy, reforms and counter-reforms in Russia (1855–1894) in the coverage of English-language historiography]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 26 (in Russian).
- Borisenok T.V. 2001. Obraz chinovnichestva v Rossii i vo Francii vo vtoroj polovine XIX veka [Image of officialdom in Russia and France in the second half of the XIX century]. Dis. ... kand. kul'turolog. nauk. M., 228 (in Russian).
- Borshhevskij G.A. 2020. Sistema upravlenija bjurokratij v dorevoljucionnoj, sovetskoj i sovremennoj Rossii [The system of bureaucracy management in pre-revolutionary, Soviet and modern Russia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija, 1: 61–84 (in Russian). doi:/10.21638/11701/spbu02.2020.104
- Cvetkov V.S. 2012. Dvorjanskoe samoupravlenie Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Moskovskogo dvorjanskogo sobranija) [Nobility self-government of Russia in the second half of XIX – early XX century (on the materials of the Moscow Noble Assembly)]. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2012. 374 (in Russian).
- Eroshkin N.P. 1968. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Izd. 2-e. M., Vysshaja shkola, 368 p. (in Russian).
- Gogol' N.V. 2017. Peterburgskie povesti [St. Petersburg novels]. M., Rech', 256 p. (in Russian).
- Gradovskij A.D. 1908. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 9 t. T. 9. SPb., Tipogr. M.M. Stasjulevicha, 599 p. (in Russian).
- Kjustin A de. 1996. Rossija v 1839 godu [Russia in 1839]. (Russian translation): v 2 t. T. 2. M., Izd-vo im. Sabashnikovyh, 480 p. (in Russian).
- Kljuhevskij V.O. 1916. Kurs ruskoj istorii [Course of Russian history]: v 3 t. T. 3. 3-e izd. M., 480 p. (in Russian).

- Korchmina E.S. 2010. Dvorjanskoe soslovnnoe samoupravlenie v pervoj polovine XIX v. (na materialah Rjazanskoj gubernii) [Noble class self-government in the first half of the XIX century (on the materials of Ryazan province)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Rjazan', 275 (in Russian).
- Korkunov N.M. 1909. Russkoe gosudarstvennoe parvo [Russian state law]: v 2 t. T. 1. 6-e izd. Pod red. i dopolnenijami M.B. Gorenberga. SPb., Tipogr. M.M. Stasjulevicha, 623 p. (in Russian).
- Kurochkina E.N. 2011. Rossijskoe chinovnichestvo XIX veka. Jevoljucija istoriograficheskikh podhodov [Russian officialdom of the XIX century. Evolution of historiographical approaches]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2 (49): 276–280 (in Russian).
- Litvinova T.V. 2005. Organizacija i dejatel'nost' dvorjanskih soslovnnyh uchrezhdenij Voronezhskoj gubernii poslednej chetverti XVIII – pervoj poloviny XIX vv. [Organization and activities of noble class institutions of Voronezh province of the last quarter of the XVIII – first half of the XIX centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 271 (in Russian).
- Makej A.D. 2023. Jevoljucija grazhdanskogo chinoproizvodstva v Rossijskoj imperii v XVIII–XIX vekah [Evolution of civilian ranks in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki, 1: 39–52. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4 (in Russian).
- Mironov B.N. 2015. Rossijskaja imperija: ot tradicii k modern [The Russian Empire: from tradition to modernity]: v 3 t. T. 3. Spb., Dmitrij Bulanin, 992 p. (in Russian).
- Mironova E.V. 2011. Organizacija i dejatel'nost' dvorjanskih uchrezhdenij Kazanskoj gubernii v 1861–1917 gg. [Organization and activities of noble institutions of Kazan province in 1861–1917]. Dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 318 (in Russian).
- Morjakova O.V. 1993. Provincial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroj chetverti XIX veka: social'nyj portret, byt i nrawy [Provincial officialdom in Russia in the second quarter of the XIX century: social portrait, life and manners]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Istorija, 6: 14–29 (in Russian).
- Ospanova A.A. 2016. Nekotorye aspekty povsednevnosti chinovnikov v Rossijskoj imperii v nachale XX veka (po materialam «Vestnika chinovnika») [Some aspects of everyday life of officials in the Russian Empire in the early XX century (based on the materials of the "Official's Herald")]. Samarskij nauchnyj vestnik, 3 (16): 11–22 (in Russian).
- Rumjanceva M.F. 1985. Massovyje istochniki po istorii chinovnichestva mestnyh gosudarstvennyh uchrezhdenij. Rossii 1762–1802 gg. [Mass sources on the history of officialdom of local state institutions. Russia 1762–1802]. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 237 (in Russian).
- Shatohin I.T., Shatohina S.B. 2023. Jevoljucija pravovoj reglamentacii opredelenija na grazhdanskuju gosudarstvennuju sluzhbu v Rossijskoj imperii v 30–90-e gody XIX veka [Evolution of legal regulation of the definition of civilian public service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX century]. Via in tempore. Istorija. Politologija, 50 (2): 442–452. doi: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452 (in Russian).
- Shepelev L.E. 1999. Chinovnyj mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [Bureaucratic world of Russia XVIII – early XX century] SPb., Iskusstvo-SPb, 477 p. (in Russian).
- Tkachenko V.G. 2023. Professional'nyj portret kanceljarskih i arhivnyh chinovnikov mestnyh organov upravlenija v XVIII–XIX vv. (na primere Chuvashskogo kraja) [Professional portrait of clerical and archival officials of local government in the XVIII–XIX centuries (on the example of the Chuvash region)]. V. kn.: Razvitie sovremennogo obrazovanija v kontekste pedagogičeskoj kompetencijologii. Materialy III Vserossijskoj. nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheboksary, 27 fevralja 2023 g.). Cheboksary: ID «Sreda»: 243–251. doi 10.31483/r-105519 (in Russian).
- Troickij S.M. 1974. Russkij absoljutzizm i dvorjanstvo v XVIII v. Formirovanie bjurokratii [Russian absolutism and the nobility in the 18th century Formation of the bureaucracy]. M., Nauka, 394 p. (in Russian).
- Trubicyn I.O. 2022. Instituty korporativnoj organizacii dvorjanstva v Rossii [Institutions of corporate organization of the nobility in Russia]. Dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 277 (in Russian).
- Zajonchkovskij P.A. 1978. Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The governmental apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M., Mysl', 288 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.08.2023
Поступила после рецензирования 30.08.2023
Принята к публикации 30.08.2023

Received 03.08.2023
Revised 30.08.2023
Accepted 30.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барина Екатерина Петровна, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2514-9421](https://orcid.org/0000-0002-2514-9421)

Трубицын Игорь Олегович, старший преподаватель кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0367-1876](https://orcid.org/0000-0002-0367-1876)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina P. Barinova, Professor, Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University, Samara, Russia

Igor O. Trubitszyn, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Togliatti State University, Togliatti, Russia

УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-685-694

Оригинальное исследование

Торговля продукцией животноводства в бизнес-стратегиях купчих Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века

Меньшикова Е.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: menshikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из форм предпринимательской активности купчих Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века – торговле продукцией животноводства. В основном усилия купчих были сосредоточены на мясной торговле (свининой, говядиной, телятиной, салом, курятиной), торговле мясной продукцией высокой степени переработки (колбасами), яичной и молочной торговле. С развитием в регионе железнодорожного сообщения (начиная с 1860-х гг.) и технологической базы для хранения для женщин-предпринимательниц из купеческого сословия стала возможной организация поставок скоропортящихся продуктов в столичные регионы и на экспорт. Торговля продукцией животноводства была важной составляющей в бизнес-стратегиях провинциальных купчих.

Ключевые слова: купчихи, Центральное Черноземье, конец XIX – начало XX века, торговля, продукция животноводства

Для цитирования: Меньшикова Е.Н. 2023. Торговля продукцией животноводства в бизнес-стратегиях купчих Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 685–694. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-685-694

Livestock Products Trade in the Business Strategies of Merchant Women of the Central Chernozem Region in the Late XIX – Early XX Century

Evgeniya N. Menshikova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: menshikova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of one of the spheres of women's history of the Central Chernozem region – the entrepreneurship of merchant women. In modern Russian science, the history of merchants is an actual and dynamically developing scientific direction. A major specialist in the field of women's entrepreneurship is G. Ulyanova. She explores the experience of women's entrepreneurship in the metropolitan region. At the end of the XIX – beginning of the XX century merchantwomen traded livestock products. Most often they traded meat products (pork, beef, veal, bacon, chicken, game), as well as sausages, pork. At the same time, there was a tradition in the region in which sausage production and subsequent sale of sausage products were concentrated mainly in the hands of local male merchants – Germans and Jews. Merchant women were also engaged in egg trade and dairy trade (milk, cottage cheese, sour cream). Merchant women sold their goods in rural areas, in county towns and provincial centers. Railway communication was developed in the region. And by the beginning of the XX century, warehouses and refrigerators were developing, where perishable goods could be stored. This allowed merchant women to supply food to the capital cities of St. Petersburg and Moscow with the help of intermediaries. And also to export food abroad.

Keywords: merchant women, Central Chernozem region, late XIX – early XX century, trade, livestock products

For citation: Menshikova E.N. 2023 Livestock Products Trade in the Business Strategies of Merchant Women of the Central Chernozem Region in the Late XIX – Early XX Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 685–694 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-685-694

Введение

В современной отечественной науке история русского купечества в целом и форм купеческого предпринимательства конкретно – актуальное и динамично развивающееся научное направление. Крупным специалистом в этой области на сегодняшний день является Г.Н. Ульянова, исследующая исторический опыт женского предпринимательства в столичном регионе [Ульянова, 2007, 2013, 2021]. В мировой исторической науке женское предпринимательство в прошлом также составляет предметное исследовательское поле историков [Kelly, 1996; Kamenskii, 2015; Mileo, 2022]. Опыт купеческого предпринимательства в регионах Российской Империи (в том числе и женский опыт) находится в фокусе исследовательского внимания многих историков [Юрина, 2002; Терещенко, 2007, 2009; Крупенков, 2011; Плаксин, 2011; Мельников, 2012; Краснощекова, 2015; Сахневич, 2016; Рогатко, 2021; Гусева, 2022]. Торговля продовольственными товарами также составляет важную часть истории предпринимательства в российской провинции [Плаксин, 2011; Ковалев, 2015; Пляшешник, Болтаевский, 2015; Рябикина, 2015; Сахневич, 2015; Рогатко, 2021; Самигулов, 2021; Петрунина, 2022].

Объекты и методы исследования

В качестве объекта настоящего исследования выступает женское предпринимательство как традиция российской социально-экономической жизни. Конкретным предметом для изучения послужило такое направление женского купеческого предпринимательства в поздний имперский период – конец XIX – начало XX столетия, как торговля продукцией животноводства.

Методологическая база исследования основывается на принципах историзма, предполагающих рассмотрение исторических явлений с позиций объективности, связи и преемственности процессов. Анализ проявления деловой активности купчих в торговле продукцией животноводства осуществлялся также с учетом распространившейся в современном гуманитарном знании теории «женского лидерства» [Коваленко, 2008; Богданова, 2017; Жилиякова, 2017; Петрушихина, 2021].

В ходе работы применялись следующие специальные методы исторического исследования. Историко-генетический метод позволил рассмотреть торговлю продовольствием, осуществляющуюся купчихами в конце XIX – начале XX века, как естественное продолжение женской предпринимательской истории предшествующего времени. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить многообразие форм торговли продукцией животноводства в губерниях Центрального Черноземья. Методы количественного анализа однородных количественных данных, сосредоточенных в созданной автором базе данных «Купчихи – предпринимательницы Центрального Черноземья конца XIX – начала XX века», позволили получить количественные характеристики экономического поведения купчих в сфере торговли продукцией животноводства. Указанная база данных включает в себя на сегодняшний день 2 341 персоналию – женщин купеческого сословия Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губернии, живших в регионе в 1890-е – 1910-е гг.

Результаты и их обсуждение

К концу XIX века численность купеческого сословия в России, как известно, претерпевала сокращение по сравнению с предшествующим (дореформенным) периодом ввиду проводившихся реформ: гильдейской 1863 года и реформы промыслового обложения 1898 года. Так, еще в 1861–1862 гг. в городах Воронежской губернии представителей купеческого сословия было зафиксировано 9 224 человека (5 003 мужчины, 4 221 женщина) [Экономическое

состояние городских поселений. Часть первая, 1863, с. 309–345], в городах Курской губернии – 12 817 (6 665 мужчин, 6 049 женщин) [Экономическое состояние городских поселений. Часть первая, 1863, с. 691–735], в городах Орловской губернии – 16 204 (8 758 мужчин, 7 446 женщин) [Экономическое состояние городских поселений. Часть вторая, 1863, с. 71–109], в городах Тамбовской губернии – 15 829 (8 348 – мужчин, 7 481 женщина) [Экономическое состояние городских поселений. Часть вторая, 1863, с. 551–593].

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года зафиксировала отрицательную динамику в купеческом сообществе. В Воронежской губернии в составе купеческого сословия значился 3 181 человек (1 495 мужчин, 1 686 женщин) [Первая всеобщая перепись населения. Воронежская губерния, 1904, с. 32]. Купечество Курской губернии в 1897 году было представлено 5 587 человеками (3 194 мужчины, 2 393 женщины) [Первая всеобщая перепись населения. Курская губерния, 1904, с. 60]. В Орловской губернии к 1897 году числилось 6 300 представителей купеческого сословия (3 059 мужчин, 3 241 женщина) [Первая всеобщая перепись населения. Орловская губерния, 1904, с. 48]. Купечество Тамбовской губернии в 1897 году было представлено так: всего 5 206 человек (2 525 мужчин, 2 681 женщина) [Первая всеобщая перепись населения. Тамбовская губерния, 1904, с. 54]. Настоящее исследование опирается на количественные данные, сгруппированные в указанной выше базе данных, то есть анализируется экономическая активность 2 341 купчихи.

Сельскохозяйственной облик губерний Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века обусловил широкое развитие торговли животноводческой продукцией. В этом сегменте продовольственного рынка местные купчихи также были представлены. В ходе исследования были выявлены 34 представительницы купеческого сословия, занимавшихся торговлей животноводческой продукцией в 1890-х – 1910-х гг. (из выявленных всего 2 341 персоналии купчих): 10 – в Воронежской губернии, 10 – в Курской губернии, 7 – в Орловской губернии, 7 – в Тамбовской губернии.

Предпринимательский статус представительниц купеческого сословия, занимавшихся торговлей животноводческой продукцией, характеризовался следующими показателями. Из 34 выявленных персоналий в этом сегменте бизнеса у 29, то есть у подавляющего большинства, он был обозначен как «купчиха» (что указывает на самостоятельный характер организации торговой деятельности, не зависимый от мужчины – мужа, брата или отца; в этом случае свидетельство, дававшее право на занятие торговлей, было получено женщиной на свое имя); 1 – вдова купца, 1 – купеческая сестра. При этом все выявленные женщины в Воронежской, Орловской, Тамбовской губерниях имели статус купчих, в Курской губернии – 8 купчих, 1 – купеческая вдова и 1 купеческая сестра. На основе анализа сведений из указанной базы данных, в исследуемых губерниях большинство купчих, занимавшихся торговлей продукцией животноводства, проживали в городах (совокупно в четырех губерниях – 27 купчих проживали и осуществляли свою экономическую деятельность в губернских и уездных городах, 7 – в слободах и на железнодорожных станциях).

Купчихи прежде всего занимались торговлей мясом (свиной, говяжьей, телятиной, салом, курятиной), а также молочной продукцией и яйцами.

Мясная торговля была весьма доходным направлением коммерции. Скажем, для Воронежской губернии в конце XIX столетия средний размер товарооборота торговых предприятий, специализировавшихся на реализации мяса и сала, составлял 32 тысячи рублей; молока, молочной продукции, яиц – 12 тысяч рублей [Вся Россия, 1899, стб. 1784]; для Курской губернии – 12 и 22 тысячи рублей соответственно [Вся Россия, 1899, стб. 1788]; для Орловской губернии – средний размер товарооборота в торговле молоком и молочными продуктами составлял 107 тысяч рублей [Вся Россия, 1899, стб. 1799].

Собственно торговлей мясом занимались 13 купчих из числа выявленных – торговавших в целом продукцией животноводства. Из них 5 владели двумя и более мясными лавками. Крупными предпринимателями в данном секторе торговли продовольственными товарами (оптовыми скупщицами скота и мяса в дворянских экономиях и у крестьян) были в Воронеж-

ской губернии купчиха В.Г. Маркова (торговое заведение базировалось в слободе Куликовка Богучарского уезда Воронежской губернии) [Вся Россия, 1899, стб. 1784], в Курской губернии – 2 гильдии купчиха В.И. Власова (в городе Суджа, на Сенной площади, в лавке Колесникова) [Список лиц, 1893, с. 8; Вся Россия, 1899, стб. 1788], в Тамбовской губернии – купчиха Е.И. Копейкина (в городе Моршанске, на Базарной площади) [Вся Россия, 1902, с. 1930], купчиха Д.С. Пичугина (занималась скупкой крупных партий свиней, в Усманском уезде – на станции Добринка ЮВЖД) [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 2430].

В городах исследуемых губерний – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – крупными (и оттого общеизвестными для местных жителей) центрами розничной торговли различными видами свежего мяса и субпродуктов были мясные лавки купчих: в Воронеже – Р.И. Тупиковой (два торговых заведения – одно в Мясном ряду, в собственном доме; другое – на Щепной площади, в так называемом балагане) [Торгово-промышленные заведения, 1899, с. 114]; В.И. Ковыряловой (два торговых заведения – одно на Щепной площади, в балагане; другое – на Хлебной площади) [Торгово-промышленные заведения, 1899, с. 114–115; Вся Россия, 1902, с. 247]; в Задонске – Е.И. Скобелкиной [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 641] и А.И. Соколовой Скобелкиной [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 641]; в Павловске – А.Г. Микулиной Скобелкиной [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 661]; в Курске – Е.А. Башкаревой (две мясные лавки)¹⁰⁵; в Судже – А.В. Воскобойниковой¹⁰⁶; в Щиграх – 2 гильдии купчихи Е.В. Есменской [Список избирателей, 1893, с. 6; Вся Россия, 1895, с. 556]; в Ельце – К.А. Радюновой (на Кладбищенской улице) [Русская книга промышленности, 1902, с. 1249]; в Трубчевске – А.М. Пряженцевой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 1829] и Е.Н. Сахаровой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 1829].

Для некоторых купчих торговля продукцией животноводства была продолжением организованного ими производственного цикла – купчихи содержали скотобойни, салотопенные заводы. Таким способом был организован, например, бизнес у 2 гильдии купчихи Р.И. Тупиковой в Воронеже: наряду с владением двумя мясными лавками, она управляла скотобойней и салотопенным заводом [Торгово-промышленные заведения по г. Воронежу с уездом, 1899, с. 114–115; Вся Россия, 102, с. 247].

Купчихи занимались и торговлей мясной продукцией, подвергшейся высокой степени обработки: содержали собственные колбасные. По сложившейся в исследуемом регионе торговой традиции колбасное производство и последующая продажа колбасных изделий были сосредоточены в основном в руках местных купцов-мужчин – немцев и евреев [Вся Россия, 1895, с. 197, 909, 920; Вся Россия, 1902, с. 246, 1233; Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 632, 1370, 1373–1374, 1376, 2390, 2396, 2405, 2411, 2417]. Но и в условиях жесткой торговой конкуренции в данной сфере местным купчихам удавалось выстраивать собственные стратегии развития бизнеса. Из 34 выявленных купчих, занимавшихся торговлей продукцией животноводства, 12 содержали колбасные лавки. Так, в Воронеже существовала колбасная купчихи В.И. Ковыряловой [Вся Россия, 1895, с. 197]; в Задонске – купчихи Ф.Д. Боевой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 638]; в Острогожске – купчихи О.В. Растороцкой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 653]; в Белгороде – купчихи Т.В. Дерлих [Крупенков, 2011, с. 117]; в Короче – купчихи Л.В. Млацинской [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 1379]; в Старом Осколе – купчихи А.Е. Доценко (на Курской улице) [Вся Россия, 1902, с. 709]; в Болхове – купчихи А.И. Андреевой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, с. 1799]; в Карачеве – купчихи Л.Н. Сельчуковой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, с. 1829]; в Усмани – купчихи Т.Н. Щавлевой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, с. 1829]; в Моршанске – купчихи Медведевой с сыновьями [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, с. 2419]; в Козлове – купчих И.Н. Бородиной и Е.Н. Мягковой [Вся торгово-

¹⁰⁵ Государственный архив Курской области. (далее ГАКО). Ф. 295. Оп. 1. Д. 15. Л. 223.

¹⁰⁶ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 307; Там же. Ф. 293. Оп. 1. Д. 153. Л. 13.

промышленная Россия, 1913, с. 2411]; в Кирсанове – купчихи Е.Н. Никифоровой [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, с. 2405]. Торговые заведения подобного рода действовали в регионе длительное время, в ряде случаев – в течение не одного десятилетия.

Отдельные купчихи в своих торговых лавках часто совмещали несколько предметов торговли, например, занимались одновременно мясом и рыбой либо же совмещали в одной торговой лавке торговлю продовольственными (мясо, рыба) и непродовольственными товарами. Так, курская купчиха Е.А. Башкарева комбинировала в своей деятельности рыбную и мясную торговлю (товар продавался в розницу и мелким оптом – бочонками): содержала две мясных лавки в Мясном ряду и две рыбных лавки в Рыбном ряду на Базарной площади; при этом в 1903–1904 гг. совмещая торговлю рыбой и мясом в одних и тех же торговых заведениях [Вся Россия, 1899, стб. 1817; Вся Россия, 1902, с. 686]¹⁰⁷. А суджанская купчиха Е.А. Несмачная одновременно с рыбой и морепродуктами торговала в принадлежащей ей лавке (в городе Судже, в собственном помещении в Торговом ряду) так называемыми железными товарами [Список торговых, промышленных и других заведений Курской губернии, 1892, с. 7; Список лиц, имеющих право участвовать в собрании, 1893, с. 7; Вся Россия, 1895, с. 551; Вся Россия, 1899, стб. 797, 1817].

Еще одним направлением мясной торговли, в котором, через комиссионеров, принимали участие купчихи (источники свидетельствуют, что большей частью – воронежские), была торговля дичью – вагонные поставки дичи и битой птицы в столицу, Санкт-Петербург (поставки данной продукции осуществлялись в течение зимнего периода, с ноября по март) [Бочагов, 1891, с. 99].

Местные купчихи охотно занимались торговлей молочными продуктами и яйцами (из 34 выявленных купчих, чей бизнес был связан с торговлей продукцией животноводства, 8 организовали оптовую торговлю молоком, молочными продуктами и яйцами). К началу XX века в регионе складывалась технологическая база для функционирования складов-холодильников [Орлов 1905; Денисов, 1908, 1910; Устав, 1911; Морозова, 1911; Николаев, 1912; Новинский, 1914], что существенным образом улучшало условия для занятия этим видом бизнеса.

В оптовой торговле молоком, молочными продуктами и яйцами особенно преуспели купчихи А.А. Самойленко (в слободе Алексеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии) [Вся Россия, 1899, стб. 1784], там же – Е.В. Чикалова [Вся Россия, 1899, стб. 1784], А.С. Горохова (в городе Белгороде, на Базарной площади, в доме Грунина) [Вся Россия, 1899, стб. 1788], П.А. Бородавкина (на хуторе Александровском Корочанского уезда Курской губернии) [Вся Россия, 1899, стб. 1788; Вся Россия, 1902, с. 252], О.А. Дубровина (в Орле, на Старо-Московской улице) [Вся торгово-промышленная Россия, 1913, стб. 661]; А.С. Горохова (в городе Ливны, на Никольской площади, в помещении Голополосова) [Вся Россия, 1899, стб. 1798], А.П. Морякина (в городе Карачеве, на Найденовской улице) [Вся Россия, 1899, стб. 1799].

В связи с крупной оптовой торговлей такого скоропортящегося продукта¹⁰⁸ как яйца следует отдельно упомянуть корочанскую купчиху В.Н. Архангельскую, содержавшую большую яичную торговлю на хуторе Александровском [Вся Россия, 1895, с. 541], и белгородскую купчиху О.И. Сигиду, которая владела оптовым складом куриных яиц в слободе Томаровка Белгородского уезда (один в Белгородском уезде)¹⁰⁹. Купчиха О.И. Сигида на базе своего склада занималась не только скупкой у крестьян окрестных селений куриных

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 15. Л. 223; Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 76. ЛЛ. 69, 71; Там же. Оп. 1. Д. 94. ЛЛ. 74, 75; Там же. Д. 119. Л. 6 об.

¹⁰⁸ В товароведческой классификации второй половины XIX века яйца как товар делился на несколько торговых сортов: «из-под курочки» – то есть товар самой безукоризненной свежести; «головка» – свежий и добротный товар; «ординарка» – хороший товар; «присушка» – следующий сорт за ординаркой; «пятненик» – с темноватыми пятнами при осмотре на свет; «тумак» – бракованный товар, то есть яйца с гнилым запахом (Бочагов, 1891, с. 131).

¹⁰⁹ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

яиц и последующей их перепродажей, но использовала склад как хранилище уже «закон-трактованных» (перекупленных у нее) партий товара другими оптовыми торговцами.

Вообще с интенсивным развитием железнодорожной сети в исследуемом регионе у купчих появились большие возможности с выгодой для себя устроить яичную торговлю – организовать прямые поставки свежих яиц в столицы, Санкт-Петербург и Москву (куда со второй половины мая купчихи из Козлова, Курска, Корочи поставляли свежие яйца) [Бочагов, 1891, с. 132].

Необходимо заметить, купчихи совмещали в своих бизнес-стратегиях не только торговлю продукцией животноводства и разным ассортиментом продовольственных товаров, но часто прибыли, получаемые от этого, инвестировали (переводили в так называемые «длинные деньги») в промышленное производство (например, купчиха А.П. Морякина в Орле и Карачеве наряду с торговлей продукцией животноводства владела одним прядильным в Орле и двумя пенько-трепальными заводами в Карачеве [Указатель фабрик, 1894, с. 104; Вся Россия, 1895, стб. 923; Вся Россия, 1899, стб. 1799; Вся Россия, 1902, стб. 1253]¹¹⁰) или направляли в другие сферы (зачастую в сферу частного кредитования – ростовщичество, как поступала, например, купеческая сестра Е.Ф. Воскобойникова, в Судже [Продажи, 1891, с. 15]).

Заключение

В конце XIX – начале XX века в губерниях Центрального Черноземья купчихи, занимавшиеся торговлей продукцией животноводства, были представлены в таких ее сегментах, как продажа мяса (свинина, говядина, курятина, сало), а также молока, молочной продукции и яиц. Предпринимательницы из купеческого сословия активно демонстрировали свою включенность в сетевые формы торговли: скупали у крестьян по селам продукцию животноводства и продавали ее в уездных и губернских городах, через посредников – в столичных. Массовый характер поставок продукции в столичные города приобрела яичная торговля: по железной дороге купчихи осуществляли прямые поставки свежих яиц в Санкт-Петербург и Москву. Еще одной особенностью этого бизнеса купчих была активная розничная торговля различными видами свежего мяса и субпродуктов, совмещенная с другим ассортиментом – продовольственным (рыбой) и непродовольственным (железные товары). Торговля мясной продукцией подвергшейся высокой степени обработки была представлена продажей колбас. Торговлю продукцией животноводства купчихи совмещали зачастую с управлением предприятиями пищевой, обрабатывающей и легкой промышленности, сферой частного кредитования. В целом можно говорить о том, что торговля продовольствием для провинциальных купчих была той сферой, где они были включены в общероссийский рынок, осуществляя прямые поставки в столицы, а также через посредников – за границу.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-01396 «Купчихи Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века: “стратегия выживания” и история профессионального успеха».

Список источников

- Бочагов А.Д. 1891. Наша торговля и промышленность в старину и ныне. Выпуск I. СПб., Типография «Петербургской газеты», 193.
- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. Том первый. СПб., Издание А.С. Суворина, 1899.

¹¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп 12. Д. 293. Л. 464.

- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. СПб., Издание А.С. Суворина, 1902.
- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. Том первый. СПб., Издание А.С. Суворина, 1895.
- Вся торгово-промышленная Россия. Киев, Книгоиздательство Т-ва Л.М. Фиш, 1913.
- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
- Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 307.
- ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 153. Л. 13.
- ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 15. Л. 223.
- Денисов В.И. 1908. Холодильные склады, вагоны-рефрижераторы и их роль в народном хозяйстве. СПб., тип. В. Киршбаума, 46.
- Денисов В.И. 1910. Холодильное дело и его государственное значение. СПб., тип. В.Ф. Киршбаума, 54.
- Морозова О.А. 1911. Положение яичной торговли в России. Харьков, Южно-рус. с.-х. газета, 32.
- Николаев И.В. 1912. О яичной торговле. Тамбов, тип. Губ. Земства, 35.
- Новинский М.Г. 1914. Об экспортной яичной торговле. Киев, тип. А.И. Гросман, 13.
- Орлов М.И. 1905. Яичная торговля в России. Варшава, типография Варшавского учебного округа, 308.
- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. IX. Воронежская губерния. Тетрадь II. СПб., Скоропечатня П.О. Яблонского, 1904.
- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XX. Курская губерния. СПб., Типография «Слово», 1904.
- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XXIX. Орловская губерния. СПб., Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904.
- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XLII. Тамбовская губерния. СПб., Типография «Слово», 1904.
- Продажи. № 11. 1891. Курские губернские ведомости. 65 (пятница, 23 августа). С. 15.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 12. Д. 293. Л. 464.
- Список избирателей для выбора гласных в Щигровскую городскую думу. Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 86 (вторник, 9 ноября).
- Список лиц, имеющих право участвовать в собрании для выбора гласных Суджанской городской думы. 1893. Курские губернские ведомости. Приложение. 70 (среда, 15 августа).
- Торгово-промышленные заведения по г. Воронежу с уездом. 1899. Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. Воронеж, Типо-литография Воронежского губернского правления. С. 114–115.
- Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., Типография В. Киршбаума, 1894.
- Устав Волчанского Общества для экспорта яиц и складов-холодильников. Рига, Типография В.Ф. Геккера, 1911.
- Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Часть первая. СПб., Типография К. Вульфа, 1863.
- Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Часть вторая. СПб., Типография К. Вульфа, 1863.

Список литературы

- Богданова А.Д. 2022. Женское лидерство: нематериальная категория в сфере предпринимательства. В кн.: VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина (Пермь, 5–7 октября 2022 г.). Сборник материалов. Том 1. Пермь, Изд-во Пермского института ФСИИ: 169–173.
- Гусева Т.М. 2022. Основные сферы деятельности купеческого сословия уездных городов (на примере г. Темникова). Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии, 2 (62): 60–68.
- Жилякова Е.В. 2017. Женское лидерство. Экономика и социум, 1–2 (32): 1628–1631.
- Ковалев Д.В. 2015. Развитие крестьянской молочной торговли в Ближнем Подмосковье в конце XIX–XX в. В кн.: Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник

- материалов Третьей международной научной конференции. Том II. Коломна, Изд-во МГОСГИ: 100–106.
- Коваленко С.В. 2008. Женское общественное лидерство и гендерные стереотипы (уроки 20–30-х гг. XX века). Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета, 3 (47): 89–97.
- Краснощечкова С.Д. 2015. Торговые ряды Орловского гостиного двора. В кн.: Актуальные проблемы современного регионоведения. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Курск, ООО «Инвестсфера»: 29–39.
- Крупенков А.Н. 2011. Пройдемся по старому Белгороду. Белгород, КОНСТАНТА, 652.
- Мельников М.В. 2012. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX вв. Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии, 3: 46–51.
- Петрунина И. 2022. Исторический опыт организации оптовой торговли мясной и другой сельскохозяйственной продукцией (Часть 1). Мясная индустрия, 1: 41–46.
- Петрушихина Е.Б. 2021. Исследование барьеров в женском лидерстве: тема «стеклянного обрыва». В кн.: Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Том 1. М., Изд-во ИЭА РАН: 112–116.
- Плаксин И.М. 2011. Аграрный рынок Курской губернии второй половины XIX века. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 3–2 (19): 132–137.
- Пляшешник П.И., Болтаевский А.А. 2015. История мясной отрасли Государства Российского. Мясная индустрия, 1: 50–52.
- Рогатко С.А. 2021. Торговля и переработка на мясном рынке Санкт-Петербурга во второй половине XIX–XX в. Современная научная мысль, 4: 32–39.
- Рогатко С.А. 2021. Ярмарочная и биржевая торговля продовольственными товарами в Центрально-европейской части России во второй половине XIX – нач. XX в. Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 7: 24–29.
- Рябикина Н.В. 2015. Участие иностранных торговых домов в организации холодильного дела в Тамбовской губернии в начале XX века. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 12 (152), том 20: 123–127.
- Самигулов Г.Х. 2021. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 10 (269): 55–58.
- Сахневич И.В. 2016. Стационарная торговая сеть в Курской губернии начала XX века. В кн.: События и люди в документах курских архивов. Выпуск XIV. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман»: 39–45.
- Сахневич И.В. 2015. Торговое посредничество в сфере скупки сельскохозяйственной продукции в Курской губернии в конце XIX – начале XX века. Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования, 5 (46): 99–101.
- Терещенко А.А. 2009. Купечество городов Центрального Черноземного региона во второй половине XIX в.: численность и специализация торговой деятельности. В кн.: Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй Международной научной конференции. Курск, Изд-во Курского государственного университета: 304–313.
- Терещенко А.А. 2007. Торговые связи городов Центрального Черноземья во второй половине XX века. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 1–2 (3–4): 131–138.
- Юрина Н.В. 2002. Женское купеческое предпринимательство в провинции Центральной России во второй половине XIX – начале XX в. В кн.: Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (Тамбов, май 2002 г.). Тамбов, Изд-во Тамбовского государственного университета: 338–343.
- Kamenskii A.B. 2015. Business Women in Eighteenth-Century Russian Provincial Towns. In: Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker. Boston, Academic Studies Press: 206–221.
- Kelly C. 1996. Teacups and coffins: the culture of Russian merchant women. In: Woman in Russia and Ukraine. Cambridge, University Press: 55–78.
- Mileo M.M. 2022. 'Sweet Femininities': Women and the Confectionery Trade in Eighteenth-Century Barcelona. Gender & History, Vol. 34., No. 3 October: 574–589.

References

- Bogdanova A.D. 2022. Zhenskoe liderstvo: nematerial'naja kategorija v sfere predprinimatel'stva [Women's leadership: an immaterial category in the field of entrepreneurship]. In: VIII Pedagogicheskie chtenija, posvjashhennye pamjati professora S.I. Zlobina (Perm, October 5–7, 2022). Materials of international scientific conference. Volume 1. Perm, Publishing House of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service: 169–173 (in Russian).
- Guseva T.M. 2022. Osnovnye sfery dejatel'nosti kupecheskogo soslovija uezdnyh gorodov (na primere g. Temnikova) [The main spheres of activity of the merchant class of county towns (on the example of G. Temnikov)]. Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2 (62): 60–68 (in Russian).
- Zhilyakova E.V. 2017. Zhenskoe liderstvo [Women's leadership]. Economics and Society, 1–2 (32): 1628–1631 (in Russian).
- Kovalev D.V. 2015. Razvitie krest'janskoj molochnoj trgovli v Blizhnem Podmoskov'e v konce XIX–XX v. [The development of peasant dairy trade in the Near Moscow region at the end of the XIX–XX century]. In: Razvitie krest'janskoj molochnoj trgovli v Blizhnem Podmoskov'e v konce XIX–XX v. Materials of international scientific conference. Volume II. Kolomna, MGOSGI Publishing House: 100–106 (in Russian).
- Kovalenko S.V. 2008. Zhenskoe obshhestvennoe liderstvo i gendernye stereotipy (uroki 20–30-h gg. XX veka) [Women's social leadership and gender stereotypes (lessons of the 20–30s of the XX century)]. Bulletin of the Pacific State University of Economics, 3 (47): 89–97 (in Russian).
- Krasnoshchekova S.D. 2015. Torgovyje rjady Orlovskogo gostinogo dvora [Shopping malls of the Oryol Gostiny Dvor]. In: Aktual'nye problemy sovremennogo regionovedenija. Materials of international scientific conference. Kursk, Investsphere: 29–39 (in Russian).
- Krupenkov A.N. 2011. Projdemlja po staromu Belgorodu [Let's walk through old Belgorod]. Belgorod, CONSTANT, 652 (in Russian).
- Melnikov M.V. 2012. Zhenskoe predprinimatel'stvo v period social'no-jekonomicheskikh transformacij: opyt vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Women's entrepreneurship in the period of socio-economic transformations: the experience of the second half of the XIX – early XX centuries]. Bulletin of the NSTU named after R.E. Alekseev. Series: Management in Social systems. Communication Technologies, 3: 46–51 (in Russian).
- Petrulina I. 2022. Istoricheskij opyt organizacii optovoj trgovli mjasnoj i drugoj sel'skohozjajstvennoj produkcii [Historical experience of organization of wholesale trade of meat and other agricultural products] (Part 1). Meat Industry, 1: 41–46 (in Russian).
- Petrushihina E.B. 2021. Issledovanie bar'erov v zhenskom liderstve: tema «stekljannogo obryva» [Exploring barriers in women's leadership: the "glass cliff" theme]. In: Zhenskaja istorija segodnja: istochnikovedenie, istoriografija, novye metodologicheskie podhody [Women's History today: source studies, historiography, new methodological approaches. Materials of international scientific conference of The Russian Association of Women's History Researchers and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences: 112–116 (in Russian).
- Plaksin I.M. 2011. Agrarnyj rynek Kurskoj gubernii vtoroj poloviny XIX veka [Agricultural market of Kursk province of the second half of the XIX century]. Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University, 3–2 (19): 132–137 (in Russian).
- Plyasheshnik P.I., Boltaevsky A.A. 2015. Istorija mjasnoj otrasli Gosudarstva Rossijskogo [The history of the meat industry of the Russian State]. Meat Industry, 1: 50–52 (in Russian).
- Rogatko S.A. 2021. Torgovlja i pererabotka na mjasnom rynke Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX–XX v. [Trade and processing in the meat market of St. Petersburg in the second half of the XIX–XX century]. Modern Scientific Thought, 4: 32–39 (in Russian).
- Rogatko S.A. 2021. Jarmarochnaja i birzhevaja trgovlja prodovol'stvennymi tovarami v Central'no-evropejskoj chasti Rossii vo vtoroj polovine XIX – nach. XX v. [Fair and exchange trade in food products in the Central European part of Russia in the second half of the XIX – beginning. XX century]. Modern science: Actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 7: 24–29 (in Russian).
- Ryabikina N.V. 2015. Uchastie inostrannyh torgovyh domov v organizacii holodil'nogo dela v Tambovskoj gubernii v nachale XX veka [Participation of foreign trading houses in the

- organization of refrigeration in the Tambov province at the beginning of the XX century]. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 12 (152), volume 20: 123–127 (in Russian).
- Samigulov G.H. 2021. *Nekotorye sanitarnye normy v provincial'nom gorode XVIII–XIX vv. (na primere Cheljabinska)* [Some sanitary standards in the provincial city of the XVIII–XIX centuries (on the example of Chelyabinsk)]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 10 (269): 55–58 (in Russian).
- Sakhnevich I.V. 2016. *Stacionarnaja trgovaja set' v Kurskoj gubernii nachala XX veka* [Stationary retail network in the Kursk province of the beginning of the XX century]. In: *Sobytiya i ljudi v dokumentah kurskih arhivov* [Events and people in the documents of the Kursk archives]. Issue XIV. Kursk: Advertising Center "Pilot": 39–45 (in Russian).
- Sakhnevich I.V. 2015. *Torgovoe posrednichestvo v sfere skupki sel'skohozjajstvennoj produkcii v Kurskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [Trade mediation in the field of buying agricultural products in the Kursk province in the late XIX – early XX century]. *Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies*, 5 (46): 99–101 (in Russian).
- Tereshchenko A.A. 2009. *Kupechestvo gorodov Central'nogo Chernozemnogo regiona vo vtoroj polovine XIX v.: chislennost' i specializacija torgovoj dejatel'nosti* [Merchants of the cities of the Central Chernozem region in the second half of the XIX century: the number and specialization of trade activities]. In: *Torgovlja, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.* [Trade, Merchants and Customs in Russia in the XVI–XIX centuries. Materials of international scientific conference]. Kursk, Publishing House of Kursk State University: 304–313 (in Russian).
- Tereshchenko A. A. 2007. *Torgovye svyazi gorodov Central'nogo Chernozem'ja vo vtoroj polovine XX veka* [Trade relations of the cities of the Central Chernozem region in the second half of the twentieth century]. *Scientific notes. Electronic scientific journal of the Kursk state University*, 1–2 (3–4): 131–138 (in Russian).
- Yurina N.V. 2002. *Zhenskoe kupecheskoe predprinimatel'stvo v provincii Central'noj Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Female merchant business in the provinces of Central Russia in the second half of XIX – early XX century]. In: *Social'naja istorija rossijskoj provincii v kontekste modernizacii agrarnogo obshhestva v XVIII–XX vv.* [A social history of the Russian regions in the context of the modernization of the agrarian society in the XVIII–XX centuries. Materials of international scientific conference. Tambov, may 2002]. Tambov, publishing house of Tambov state University: 338–343 (in Russian).
- Kamenskii A.B. 2015. *Business Women in Eighteenth-Century Russian Provincial Towns*. In: *Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker*. Boston, Academic Studies Press: 206–221.
- Kelly C. 1996. *Teacups and coffins: the culture of Russian merchant women*. In: *Woman in Russia and Ukraine*. Cambridge, University Press: 55–78.
- Mileo M.M. 2022. 'Sweet Femininities': Women and the Confectionery Trade in Eighteenth-Century Barcelona. *Gender & History*, Vol. 34., No. 3 October: 574–589.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.06.2023

Received 15.06.2023

Поступила после рецензирования 22.07.2023

Revised 22.07.2023

Принята к публикации 22.07.2023

Accepted 22.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Меньшикова Евгения Николаевна, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Evgenia N. Menshikova, Associate Professor, Department of Russian History and Records Science, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4879-5864](https://orcid.org/0000-0002-4879-5864)

УДК 94.100

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-695-703

Обзорная статья

Международная практика и особенности подготовки российских летчиков в конце XIX – начале XX веков

Ваулин В.И. ¹ , Сингеев С.А. ¹ , Сафронова Е.Н. ²

¹ Самарский государственный технический университет, филиал в г. Сызрани, Россия, 446000, г. Сызрань, ул. Советская, 45;

² Сызранский политехнический колледж,

Россия, 446010, г. Сызрань, ул. Гидротурбинная, д. 9

E-mail: yaul.vladimir2014@yandex.ru, singeev_sergej@mail.ru, safronova@spc063.ru

Аннотация. В статье проводится анализ использования зарубежного опыта в период зарождения подготовки летчиков в России. Показываются элементы интеграции России в международную аэронавтическую федерацию. Взаимодействие ученых, конструкторов, летчиков в развитии научных знаний и опыта воздухоплавания и полетов на аэростатах и аэропланах. Изучается опыт подготовки летных кадров, практическая подготовка российских летчиков за рубежом с участием их в боевых действиях. Показывается методика подготовки летчика за рубежом и развитие ее при подготовке летчиков в России. В частности, раскрывается новая система подготовки, основанная на новом «французском» методе обучения. Отмечается, что зарубежный опыт способствовал развитию организационной структуры и количественному составу авиационных отрядов в России. Накопление опыта летной работы аэроклубов способствовали совершенствованию форм и методов по подготовке летных кадров в России.

Ключевые слова: зарубежный опыт, интеграция, взаимодействие, подготовка летчиков за рубежом, методы летного обучения, совершенствование форм и методов подготовки летных кадров, взаимодействие по подготовке летных кадров

Для цитирования: Ваулин В.И., Сингеев С.А., Сафронова Е.Н. 2023. Международная практика и особенности подготовки российских летчиков в конце XIX – начале XX веков. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 695–703. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-695-703

International Practice and Features of the Training of Russian Pilots in the Late XIX – Early XX Centuries

Vladimir I. Vaulin ¹ , Sergey A. Singeev ¹ , Elena N. Safronova ²

¹ Branch of the Samara state technical University in Syzran (SpSamGTU),

45 Sovetskaya St., Syzran 446000, Russia;

² Syzran Polytechnic College,

9 Gidroturbinnaya St., Syzran 446010, Russia

E-mail: yaul.vladimir2014@yandex.ru, singeev_sergej@mail.ru, safronova@spc063.ru

Abstract. The article analyzes the use of foreign experience in the period of the origin of pilot training in Russia. The elements of Russia's integration into the International aeronautical Federation are shown. Interaction of scientists, designers, pilots in the development of scientific knowledge and experience of aeronautics and flights on balloons and airplanes. The experience of training flight personnel, practical training of Russian pilots abroad with their participation in combat operations is being studied. The method of pilot training abroad and its development in the training of pilots in Russia is shown. In particular, a new training system based on the new "French" method of teaching is revealed. It is noted that foreign experience contributed to the development of the organizational structure and the quantitative composition of aviation detachments in Russia. The accumulation of flying experience of flying clubs contributed to the improvement of forms and methods of flight training in Russia.

Ключевые слова: foreign experience, integration, interaction, training of pilots abroad, methods of flight training, improvement of forms and methods of training of flight personnel, interaction on training of flight personnel

For citation: Vaulin V.I., Singeev S.A., Safronova E.N. 2023. International Practice and Features of the Training of Russian Pilots in the Late XIX – Early XX Centuries. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 695–703 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-695-703

Введение

В современных условиях международных отношений наблюдаются существенные сложности решения международных проблем между странами Евросоюза и России. Анализ исторического опыта международного сотрудничества, в частности в деятельности авиации, подготовке авиационных кадров XIX–XX веков, позволяет показать пути разрешения противоречий и улучшения международных взаимоотношений в современных условиях.

Обучение летчиков и подготовка авиационных кадров начались в начале XX века сразу после первого успешного полета братьев Райт. Авиационное образование и подготовка летчиков были эволюцией хорошо зарекомендовавшего себя военного командования в России, Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве, Франции, Германии, Португалии и др. [Silva, Varata, Neves, 2016, с. 1]. Авиационная мысль, которая делала первые шаги в зависимости от традиций каждой конкретной страны, имела основы военно-морского флота. Многие научные знания, необходимые для навигации, были в то время адаптацией морских методов к авиации [РГА ВМФ. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 71. Л. 57].

Вопросы международного взаимодействия в подготовке авиационных кадров в ходе зарождения авиации и воздухоплавания рассматривалась рядом авторов.

Зарубежные авторы Силва А.Р.Р., Барата Ж.М.М., Невес Ф.М.С.П. изучили авиационное образование и обучение начала XX века после первых успешных полетов братьев Райт на самолетах с двигателем. В их работах рассматриваются виды авиационного образования, подготовки летных кадров в мире. Высказывается точка зрения, что оно было различным во многих странах, и в одних было обусловлено военными потребностями, а в других – самоотверженностью нескольких энтузиастов. Рассматривают опыт ряда передовых авиаторов и инженерных школ мира [Silva, Varata, Neves, 2016].

В монографии Дузя П.Д., которая широко рассматривает историю авиации с 1914 года, Первой мировой войны вплоть до 1918 года, автор раскрыл вопросы подготовки и обучения летчиков России за рубежом [Дузь, 1989].

Фирсов Р.А. раскрыл особенности подготовки русских летчиков в английской авиационной школе на аэродроме Кройдон в Лондоне. В ней летному делу обучались русские офицеры и солдаты. По его мнению, в России планировалось реализовать систему подготовки летных кадров по зарубежному образцу [Фирсов, 2013].

Зарецкий В.М. показал в работе успешное участие первых летчиков военных авиационных школ воздухоплавания и авиации в учениях и маневрах войск в 1911 году. Автор высказал точку зрения, что успешная учебная атака летчиков аэростатов Севастопольской авиационной школы позволила показать целесообразность применения авиации в ходе боевых действий и сформировать мнение о необходимости развития авиации. Император изменил мнение о значении авиации в военном деле, что стало движущей силой в развитии авиационного дела. В его работе также освещены особенности, проблемы подготовки авиационных кадров в период зарождения авиации [Зарецкий, 1996].

Карташов А.В. изучил влияние зарубежного опыта и сделал вывод, что зарубежный опыт стал основой организации учебного процесса обучения летчиков, который был импортирован в дореволюционную Россию [Карташов, 2009].

Елисеев С.П. высказал в своей статье точку зрения, что зарубежный опыт способствовал развитию организационной структуры и состава авиационных отрядов. На основе документального анализа о маневрах в сентябре 1911 года германских войск в Пруссии показал их роль в развитии авиации в России и формированию новых авиационных отрядов [Елисеев, 2006].

Объект и методы исследования

Объектом исследования явился анализ особенностей подготовки летчиков в период конца XIX – начала XX веков. Предметом исследования стали система подготовки, методы, виды подготовки летчиков из России.

Важными методами для исторического исследования авиационных кадров стали общенаучные методы: сравнительный, аналитический, логических выводов, классификации явлений и событий.

Применялись и специально-исторические методы исследования (периодизации, синхронности архивных и публицистических источников).

Историко-системный метод определил целостность общественно-исторического общества, взаимодействие опыта летного обучения, развитие и обмен методикой обучения авиационных кадров и формирования общего и единичного в системе подготовки летчиков для выполнения задач по предназначению.

Историко-типологический метод позволил выявить сущность явлений, исторических фактов, особенностей обучения летчиков, их подготовки к полету, в целом системы подготовки авиационных кадров, осуществить сравнительный анализ особенностей и свойств образовательной системы.

Результаты и обсуждение

Анализ архивных документов, исследований свидетельствует, что ученые, конструкторы, летчики, любители авиации и воздухоплавания широко взаимодействовали, обсуждая насущные проблемы развития авиации и воздухоплавания на съездах, конференциях, семинарах и т. д. Обмен научным, теоретическим и практическим опытом в значительной степени улучшал эффективность работы всех видов деятельности (учебной, научной, летной) воздухоплавателей. В данный период методами научного познания являлись изучение лучших руководств по воздухоплаванию, газетных и журнальных источников, обмен опытом в зарубежных поездках, самостоятельное проектирование и строительство летательных аппаратов, их испытание в экспериментальном полете [Ваулин, 2014, с. 276].

К концу XIX века значительно возрос мировой интерес к проблемам воздухоплавания, который определил создание 12 января 1866 г. императорского «Русского технического общества» [Авиация и воздухоплавание..., 1968], которое стало заниматься проблемами отечественного воздухоплавания. Его создание явилось организационной структурой зарождения гражданской авиации [Ваулин, 2014, с. 36].

В начале XX века Россия была интегрирована в мировое сообщество любителей воздухоплавания и авиации. В 1909 г. Всероссийский аэроклуб клуб стал членом аэронавтической Международной федерации, что дало ему право регистрировать мировые рекорды в воздухоплавании и авиации, установленные в России, выдавать дипломы пилотов, которые были действительными в странах мирового сообщества [Авиация и воздухоплавание..., 1968, с. 9].

В России проводился анализ развития иностранных систем военного образования офицеров (Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции и других) с составлением специальных отчетов [Самойлов, 2002]. Ученые изучали учебные издания (книги, пособия), используемые в обучении летному делу за границей и в России. Проводилась систематизация отечественных научных достижений, публикаций научных статей, книг, курсов лекций по авиационной тематике. Анализ литературных источников позволил определить, что в период зарождения авиации были изданы более 50 статей и книжных изданий [Ваулин, 2014, с. 143–147; 278; 280; 292].

Журналы «Воздухоплаватель», «Вестник воздухоплавания» и др. внесли значительный вклад в популярность зарождающегося воздухоплавания и авиации в России. В них первые авиаторы делились впечатлением от полетов, делились опытом обучения летать [Раевский, 1911, с. 28–32], печатались рекорды достижений и т. п., демонстрировались итоги работы авиационных школ.

Следует заметить, что в период зарождения подготовка летчиков велась в зарубежных авиационных школах. Уже в 1910 году шесть офицеров из России командировали во Францию в целях подготовки летчиков и мотористов.

Для того чтобы летать, необходимо было письменно подать прошение в комиссию авиации на имя председателя. Получив письменное разрешение, кандидат в летчики приступал к освоению курса летного обучения и подготовке к сдаче экзамена. Он включал выполнение трех полетов по кругу не менее километра без пассажира и посадки. Полеты должны были быть выполнены в течение месяца [Правила для получения..., 1909, 1]. После испытания летная комиссия принимала решение о возможности выдать кандидату в пилоты по диплом дирекцией французского аэроклуба. От пилота требовалось в ходе пилотирования не допускать аварий, сохраняя самолет в рабочем состоянии для выполнения дальнейших полетов.

Анализ жизни и деятельности первых летчиков в России свидетельствует, что их летное становление осуществлялось в аэроклубах за рубежом. Так, Михаил Никифорович Ефимов (1881–1919 гг.) летом 1909 г. освоил планер и осенью уехал во Францию обучаться полетам на аэроплане. В Мурмелоне он познакомился с Анри Фарманом, который стал его преподавателем и инструктором. 25 декабря 1909 года Ефимов М.Н. выполнил первый самостоятельный полет продолжительностью 45 мин. в аэроклубе Мурмелона. 21 января 1910 г. (15 февраля 1910 г.) в присутствии специальной комиссии национального аэроклуба Франции Ефимов сделал три полета по правилам ФАИ. Они были выполнены успешно, и авиатор стал первым представителем России, получившим диплом летчика, сдал пилотский экзамен, получил свидетельство пилота-авиатора № 31. Окончив авиационную школу Фармана, он стал инструктором в школе, которая готовила любителей и военных авиаторов. Анри Фарман считал М.Н. Ефимова самым лучшим учеником и пилотом. После получения пилотского диплома Ефимов установил мировой рекорд продолжительного полета с пассажиром. Фарман доверил ему обучение пилотажу летчиков Франции, а 5 февраля привлек его к проведению сдаточных испытаний самолетов, заказанных французским военным министерством. Ефимов М.Н. выполнял летные испытания аппаратов новых типов.

Ефимов М.Н. был приглашен французским аэроклубом в Ниццу для участия в международных соревнованиях, где, выступая на «Фармане», он завоевал первое место. На следующих соревнованиях в Вероне он занял второе место.

В Будапеште на авиационной неделе Ефимову М.Н. был вручен приз за планирование на самолете с высоты 1 000 м. В ходе соревнований в Руане им был завоеван приз за подъем на самолете «Фарман» наибольшего груза. В Реймсе на новом самолете «Соммер» он завоевал призы за продолжительность и скорость полета с пассажиром.

Ефимов М.Н. проводил показательные полеты, летные испытания, летал в качестве инструктора. Он стал одним из первых пилотов в мире, способных выполнять виражи и спирали, осуществлять планирование и пикирование на самолете с выключенным двигателем. Он первым выполнил демонстрацию этих элементов в России.

Также Ефимов М.Н. участвовал в боевых действиях, выполняя полеты на самолете «Ньюпор-XI» на Румынском фронте. В 1917 г. он назначен на Черноморский флот в гидроавиацию.

Попов Николай Евграфович (1878–1929 гг.). В 1909 году начал работать в организованной фирме «Ариэль» по продаже и эксплуатации самолетов «Братьев Райт», которые изготавливались во Франции. Летать на самолетах научился самостоятельно и прошел летную проверку 19 апреля 1910 года во Французском аэроклубе, где ему вручили второе после М.Н. Ефимова летное свидетельство русскому летчику, который освоил аэроплан во

Франции. Ему вручен диплом пилота-авиатора № 50. Уже весной 1910 года он выполнил полеты в Канне на авиационном празднике. Полеты выполнялись как над сушей, так и над морем. Он написал ряд практических работ, в которых показал роль авиации в войне. В книге «Война и лет воинов», изданной в Москве в 1912 году, он обосновал необходимость создания воздушного флота в России. С 1916 г. Н.Е. Попов до окончания войны служил на дирижаблях ВВС Франции рулевым.

Видным летчиком был поручик от артиллерии Сергей Алексеевич Ульянов (1871–1920 гг.). В 1895 году он окончил в Петербурге офицерский класс «Учебного воздушного парка», где освоил управление аэростатом и продолжил службу в Варшавском воздухоплавательном отделении. В 1905 году капитан Ульянов С.А. назначен начальником данного отделения. Отделом воздушного флота в конце марта 1910 г. был направлен в составе группы офицеров во Францию в целях освоения авиационного дела и обучения полетам на аэропланах. Там он успешно освоил летную подготовку в школе Фармана и начал летать на биплане. 9 августа 1910 г. выполнил зачетные полеты и получил диплом пилота-авиатора № 181 во Французском аэроклубе. Его подготовку к сдаче экзамена проводил М.Н. Ефимов.

Лев Макарович Мациевич (1877 (75)–1910 гг.), капитан корпуса корабельных инженеров, в 1910 году был направлен во Францию в целях изучения авиационного дела и приема заказанных ОВФ двигателей и аэропланов. Ему также поручили организовать обучение офицеров русской авиационной школы. Капитан Мациевич Л.М. закончил авиационную школу Фармана. 9 августа 1910 г. выполнил зачетный полет, получив диплом пилота-авиатора № 178 аэроклуба во Франции. Обучение и подготовку Мациевича Л.М. к экзамену и полету осуществил летчик Ефимов М.Н., который работал в школе Фармана. По возвращению в Россию Мациевич Л.М. продолжил работу по проектированию самолета и выполнял полеты. Осуществлял научные изыскания и разработал приспособление для безопасности летчика в случае вынужденной посадки на воду. Написал и издал книгу «Воздухоплавание в морской войне». В октябре 1910 года Мациевич Л.М. осуществил реорганизацию «Учебного воздухоплавательного парка» (УВП) в «Офицерскую воздухоплавательную школу» (ОВШ). В 1914 г. «авиационный отдел» ОВШ положил начало «Гатчинской военной авиационной школе», отделение которой было в Варшаве [Карташов, 2009].

Вступление в Международную федерацию позволило подготовить новые требования к получению дипломов пилота, и в 1910 году в России были утверждены новые правила. Гражданин любого государства старше 18 лет мог стать пилотом-авиатором.

Летный экзамен на получение диплома пилота включал выполнение двух полетов по кругу на дальность более 5 километров и высоте не менее 50 метров [Новые правила..., 1911]. В ходе выполнения посадки летчик должен был выключить мотор в воздухе в указанной им точке до соприкосновения аппарата с землей с погрешностью точки приземления не более 50 м. К исполнению новые правила должны были вступить со 2 (15) февраля 1911 года.

Введенный в 1911 г. «Международный воздушный кодекс» определил организацию и правила выполнения полетов [Ваулин, 2014, с. 227], это вносило особенности в ход летной подготовки пилотов. Например, в программу выпускного экзамена в Севастопольской авиационной школе ОВФ ввели оценку знаний по тактике и стратегии, появилось требование выполнять полет не менее 1 часа 15 минут на самолете «Блерио» с двигателем в 70 л. с., а на самолете «Фарман» с двигателем в 50 л. с. – до 2 часов при ветре до 7 м/с. Полет должен быть выполнен на высоте 600 метров на дальность около 100 верст. В ходе полета летчик производил разведку и решал тактические задачи [Вейгелин, 1912, с. 101].

Зарубежный опыт способствовал развитию организационной структуры и количественному составу авиационных отрядов. В ходе маневров германских войск в Пруссии в сентябре 1911 года принимали участие 26 самолетов и несколько «Цепелинов» [Уокер, 1914]. По итогам учений самолеты и дирижабли показали высокую эффективность в боевой обстановке, что позволило руководству России сделать выводы о целесообразности скорейшего развития авиации. Главное инженерное управление специальным докладом военному

министру 21 сентября 1911 г. предложило сформировать авиационные отряды при воздухоплавательных ротах в гг. Гродно, Киеве, Новогеоргиевске, Чите и при Сибирском воздухоплавательном батальоне в селе Спасском (ныне г. Спасск). Это предложение было утверждено. В течение 1911–1912 гг. намечалось создать 10 авиационных отрядов [Елисеев, 2006].

В ходе работы аэроклубов совершенствовались формы и методы подготовки летных кадров. Эффективными мерами были: сбор материалов изобретателей-аэронавтов; сбор средств; организация школ по подготовке пилотов-авиаторов с военным и гражданскими классами; проведение международных недель (с целью установления рекордов, показа фигурных полетов и т. п.); проведение Всероссийских воздухоплавательных съездов; издание журналов, справочников; практическая подготовка летных кадров; широкая пропаганда идей воздухоплавания на публичных лекциях, в докладах и рефератах; публичная демонстрация полетов моделей летательных машин, планеров, аэропланов и т. д.; командировки для обучения полетам за рубеж; изыскание средств на покупку собственного аппарата; содействие в мирное время отечественному воздухоплаванию, а во время войны содействие флоту и армии как цель деятельности аэроклубов [Ваулин, 2014, с. 110].

Использовались методы зарубежных школ подготовки летчиков. Французский метод летного обучения был утвержден Советом Севастопольской авиашколы в 1916 г. Технология подготовки летчика включала три ступени обучения: вывозку, тренировку, освоение боевого самолета.

Этап «вывозка» являлся первоначальным этапом обучения и считался наиболее важным, поэтому проводился опытным инструктором. На данном этапе обучающийся в полете находился за инструктором и наблюдал за действиями органами управления. После усвоения действий они менялись местами и полет выполнял курсант, инструктор мог только давать указания или советы по пилотированию. После приобретения будущим летчиком навыков полета на самолете инструктор принимал решение о допуске его к выполнению самостоятельных полетов, при этом на сиденье инструктора помещался груз.

Этап «тренировки» выполнялся с налетом 10 часов на самолете «Фарман» и на самолете «Моран» с налетом 12 часов. После этого полученные летные навыки подвергались проверке и получал диплом. Далее летное обучение проводилось на боевом самолете с налетом не менее 12 часов в ходе третьего этапа обучения [Ваулин, 2014, с. 293].

В ходе Первой мировой войны авиационные школы России не смогли покрыть потребности фронтов в лётном составе, поэтому высочайше разрешено командировать 30 офицеров и 200 солдат во Францию и Англию для обучения полётам [Зарецкий, 1988]. В 1916 году 58 русских летчиков прошли обучение во Франции в авиационных школах Казо и в Сен-Максене, а также в британской школе в Кройдоне.

Группы, направленные во Францию, занимались освоением высшего пилотажа и изучали моторное дело в летной школе Сан-Максен. В ходе летного обучения выполнялись полеты с инструктором и самостоятельно, на фотографирование и стрельбу по воздушным целям, высший пилотаж и бомбометание. По окончании программы был сдан экзамен и летчики получили звание шеф-пилота. Завершив обучение, летчики прошли стажировку в частях армии Франции в течение трех месяцев. Всего было подготовлено 250 пилотов, часть из которых воевала в рядах союзников [Зарецкий, 1996].

Созданный во Франции для Ближнего Востока экспедиционный корпус испытывал недостаток летчиков. Поэтому из русских летчиков в составе экспедиционного корпуса создали два авиаотряда. Отряды перебросили на греческий аэродром Салоникский. Русские летчики на самолетах «Вуазен» вели армейскую разведку, корректировку стрельбы артиллерии, бомбометание в Южной Сербии. В ходе разведки летчиками было обнаружена переброска войск противника в стык между болгарско-македонским и австрийским фронтами [Barata, Neves, 2017].

В авиационной школе на аэродроме Крондон обучались солдаты и офицеры на самолетах «В-2у» в течение 6–8 месяцев. Программа обучения включала изучение конструкции самолета, мотора, теории пилотирования, аэрофотосъемку, огневую подготовку,

использование связи, корректировку огня артиллерии и взаимодействия с войсками. Авиационную школу в Кройдоне окончили летчики Охромеев и Гвайта [Материалы к биографии военного лётчика И.И. Скасырского, 1995].

Зарубежный опыт организации и системы подготовки летчиков способствовал разработке проекта построения новой системы подготовки в России 1917 году, которая включала создание новых авиационных школ. Эти авиационные школы и учебные заведения разделялись по предназначению с литерами «А», «Б», «Д». В школе с литерой «А» должно проводиться первоначальное обучение. Школа с литерой «Б» проводила обучение летчиков по видам летательных аппаратов. Школа с литерой «Д» осуществляла освоение курса по высшему пилотажу, куда входило обучение воздушному бою, стрельбе и разведке. Модернизация системы обучения и подготовки летчиков и авиационных кадров требовала соответствующей подготовки лётчиков-инструкторов [Фирсов, 2013].

Заключение

В конце XIX века значительно возрос мировой интерес к проблемам воздухоплавания. Он определил создание 12 января 1866 г. императорского «Русского технического общества» [Авиация в России: Справочник, 1988, с. 340], которое стало заниматься проблемами отечественного воздухоплавания. Его создание явилось организационной структурой зарождения гражданской авиации [Ваулин, 2014, с. 36]. Осуществлялась интеграция любителей российского воздухоплавания в сообщество любителей полетов в мире. Подготовка летчиков и воздухоплателей сформировалась в конце XIX века на базе научных достижений отечественных ученых и зарубежного опыта; в ходе учебной и научной работы воздухоплателей и летчиков, которые обобщили опыт в лекциях, статьях и пособиях. В период зарождения подготовка летчиков велась в зарубежных авиационных школах.

В начале XX века Россия была интегрирована в мировое сообщество любителей воздухоплавания и авиации. В 1909 г. Всероссийский аэроклуб клуб стал членом аэронавтической Международной федерации, что дало ему право регистрировать мировые рекорды в воздухоплавании и авиации, установленные в России, выдавать дипломы пилотов, которые были действительными в странах мирового сообщества [Ваулин, 2014]. В начале XX века первые летчики стали основой становления подготовки летных кадров в России, развивая зарубежную методику летного обучения. Данный опыт был заложен в систему обучения и подготовки летчиков в советский период.

Список источников

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 71. Л. 57.

Список литературы

- Авиация в России: Справочник. 1988. Под ред. М.В. Келдыш, Г.П. Свищев, С.А. Христианович и др. М., Машиностроение: 340–365.
- Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг. 1968. Сборник документов и материалов. Под ред. В.А. Попова. М., Вып. 1 (1907–1909 гг.). 3: 9.
- Ваулин В.И. 2014. Историко-педагогический анализ становления подготовки летных кадров (конец XIX – начало XX века): монография. Самара, Самар. гос. тех. ун-т, 316 с.
- Вейгелин К.Е. 1912. Правила получения звания военного летчика. Воздушный справочник. СПб., Типография П.П. Сойкина: 101.
- Дузь П.Д. 1989. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917). М., Машиностроение, 1989. 336 с.
- Елисеев С.П. 2006. Создание организационной структуры авиационной службы Русской Армии. Военно-исторический журнал. М., МО РФ, 6: 16.
- Зарецкий В.М. 1988. Военная авиация в Первой мировой войне. Лекция. Монино, Военно-воздушная академия, 52 с.

- Зарецкий В.М. 1996. Воздушный флот России в Первой мировой войне, строительство и боевое применение: дис. ... д-ра ист. наук. Монино, 417 с.
- Карташов А.В. 2009. Начало подготовки авиационных кадров в России. Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов. Выпуск XVIII. Часть 2. Ставрополь: 50–53.
- Материалы к биографии военного лётчика И.И. Скасьевского. 1995. Публ., вступ. ст. и примеч. С.Г. Нелиповича. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, [Т.] VI: 509–517.
- Новые правила для получения пилотских дипломов. Вестник воздухоплавания. 1911. 18–19: 44–45.
- Самойлов В.Д. Отчет о постановке учебного дела в Высшей Военной школе в Париже профессора Николаевской академии Генерального штаба полковника Беляева (1908 г., 33 л.). Совершенствование системы высшего образования офицеров Вооруженных сил Российской Федерации: дисс. ... д-ра пед. наук. М.: ВУ, 2002.
- Правила для получения звания пилота во Франции. Библиотека воздухоплавания. 1909. 1. Типография «Самокатъ» В. О., 16 лин., д. 27. С. 89–90. Электронный архив ГПНТБ России Библиотека... <http://gpntb.dlibrary.org...nodes...vozduhoplvaniya-1-1909...> Главная Аэронавтика Вестник воздухоплавания Библиотека воздухоплавания №1, 1909 г. Работает на платформе ИнфоРост. version 7.4.2 revision 2023-04-04.
- Фирсов Р.А. 2013. Независимый исследователь (Лондон, Великобритания). Подготовка русских лётчиков в Англии (1917 г.). E-mail: admin@group9may.com. history.ric.mil.ru/Stati/item/118016/ – 2013, Военно-исторический журнал. 6: 55–60.
- Раевский А.Е. 1911. Мое обучение пилотажу на «Блерио» в По и Этампе. Вестник воздухоплавания. 17: 28–32.
- Уокер С. 1914. Завоевание воздуха. Пг.: 77–85.
- Barata J.M.M. and Neves F.M.S.P. (2017) The History of Aviation Education and Training. Open Journal of Applied Sciences, 7, 196–205. <https://doi.org/10.4236/ojapps.2017.74017> Received: March 10, 2017 Accepted: April 27, 2017 Published: April 30, 2017 Copyright © 2017 by authors and Scientific Research Publishing Inc. This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0). URL: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>
- Silva A.R.R., Barata J.M.M. and Neves F.M.S.P. (2016) Gago Coutinho and the Scientific Navigation. Open Journal of Applied Sciences, 6, 751–769. URL: <https://doi.org/10.4236/ojapps.2016.610067>

References

- Aviatsiya v Rossii: Spravochnik [Aviation in Russia: Handbook]. 1988. Pod red. M.V. Keldysh, G.P. Svishchev, S.A. Khristianovich i dr. M., Mashinostroenie: 340–365 (in Russian).
- Aviatsiya i vozdukhoplavanie v Rossii v 1907–1914 gg. 1968. Sbornik dokumentov i materialov [Aviation and Aeronautics in Russia in 1907–1914. Collection of documents and materials]. Pod red. V.A. Popova. M., Vyp. 1. (1907–1909 gg.). 3: 9 (in Russian).
- Vaulin V.I. 2014. Istoriko-pedagogicheskiy analiz stanovleniya podgotovki letnykh kadrov (konets XIX – nachalo XX veka): monografiya [Historical and pedagogical analysis of formation training flight personnel (the end of XIX – beginning of XX century)]. Samara, Samar. gos. tekhn. un-t, 316 s. (in Russian).
- Veygelin K.E. 1912. Pravila polucheniya zvaniya voennogo letchika. Vozdushnyy spravochnik [Rules for obtaining the rank of military pilot. Air directory]. SPb., Tipografiya P.P. Soykina: 101 (in Russian).
- Duz' P.D. 1989. Istoriya vozdukhoplavaniya i aviatsii v Rossii (iyul' 1914 g. – oktyabr' 1917) [History of Aeronautics and aviation in Russia (July 1914 – October 1917)]. M., Mashinostroenie, 336 s. (in Russian).
- Eliseev S.P. 2006. Sozдание organizatsionnoy struktury aviatsionnoy sluzhby Russkoy Armii [Creation of the organizational structure of the aviation service of the Russian Army]. Voенно-istoricheskiy zhurnal. M., MO RF, 6: 16 (in Russian).
- Zaretskiy V.M. 1988. Voennaya aviatsiya v Pervoy mirovoy voyne. Lektsiya [Military aviation in the First World War. Lecture]. Monino, Voенно-vozdushnaya akademiya, 52 s. (in Russian).
- Zaretskiy V.M. 1996. Vozdushnyy flot Rossii v Pervoy mirovoy voyne, stroitel'stvo i boevoe primeneniye [Russian Air fleet in the First world war, construction and combat use]: dis. ... d-ра ист. наук. Monino, 417 s. (in Russian).
- Kartashov A.V. 2009. Nachalo podgotovki aviatsionnykh kadrov v Rossii. Aktual'nye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya: Sbornik nauchnykh trudov [The beginning of training of aviation

- personnel in Russia. Actual problems of social Sciences and Humanities: Collection of scientific works]. – Vypusk XVIII. Chast' 2. Stavropol': 50–53 (in Russian).
- Materialy k biografii voennogo letchika I.I. Skasyrskogo [Materials for the biography of military pilot I.I. Skasyrsky]. 1995. Publ., vstup. st. i primech. S.G. Nelipovicha. Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh [Russian Archive. The History of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–XX centuries.: Almanac]. M., Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, [T.] VI: 509–517 (in Russian).
- Novye pravila dlya polucheniya pilotskikh diplomov [The new rules for getting a pilot diploma journal of Aeronautics]. Vestnik vozdukhoplavaniya. 1911. 18–19: 44–45 (in Russian).
- Samoilov V.D. Report on the organization of educational affairs at the Higher Military School in Paris, Professor of the Nikolaev Academy of the General Staff, Colonel Belyaev (1908, 33 years old). Improvement of the system of higher education for officers of the Armed Forces of the Russian Federation: diss. ... d-ra ped. nauk. M.: VU, 2002 (in Russian).
- Rules for obtaining the rank of pilot in France. Aeronautics Library. 1909. 1. Printing house «Samokat» V. O., 16 lin., 27. pp. 89–90. Electronic Archive of the State Security Committee of Russia. Library... <http://gpntb.dlibrary.org> "...nodes...vozduhoplavaniya-1-1909... Main Aeronautics of aeronautics Aeronautics Library No. 1, 1909 It works on the InfoRost platform. version 7.4.2 revision 2023-04-04.
- Firsov R.A., 2013. Nezavisimyy issledovatel' (London, Velikobritaniya). Podgotovka russkikh letchikov v Anglii (1917 g.) [Training of Russian pilots in England (1917)]. [Roman A. Firsov, independent researcher (London, UK)]. E-mail: admin@group9may.com. history.ric.mil.ru/Stati/item/118016/. 2013, Military Historical Journal. 6: 55–60 (in Russian).
- Raevskiy A.E. 1911. Moe obuchenie pilotazhu na «Blerio» v Po i Etampe [My pilot training on the «Bleriot» and Etampes journal of Aeronautics]. Vestnik vozdukhoplavaniya. 17: 28–32 (in Russian).
- Uoker S. 1914. Zavoevanie vozdukha [The conquest of the air]. Pg.: 77–85 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.04.2023

Received 18.04.2023

Поступила после рецензирования 08.06.2023

Revised 08.06.2023

Принята к публикации 08.06.2023

Accepted 08.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ваулин Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Общетеоретические дисциплины», Самарский государственный технический университет, филиал в г. Сызрани, г. Сызрань, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1491-7760](https://orcid.org/0000-0003-1491-7760)

Vladimir I. Vaulin, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Theoretical Disciplines, Samara State Technical University, branch in Syzran, Syzran, Russia

Сингеев Сергей Александрович, кандидат технических наук, доцент кафедры «Общетеоретические дисциплины», Самарский государственный технический университет, филиал в г. Сызрани, г. Сызрань, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6485-3470](https://orcid.org/0000-0002-6485-3470)

Sergey A. Singeev, candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of General Theoretical Disciplines, Samara State Technical University, branch in Syzran, Syzran, Russia

Сафронова Елена Николаевна, преподаватель, Сызранский политехнический колледж, г. Сызрань, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6665-4830](https://orcid.org/0000-0001-6665-4830)

Elena N. Safronova, lecturer at the Syzran Polytechnic College, Syzran, Russia

УДК 331.45

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-704-712

Оригинальное исследование

Фабричная инспекция как орган государственного надзора за исполнением рабочего законодательства (1882–1905 гг.)

Смоленская О.А.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 360000, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

E-mail: oas23@mail.ru

Аннотация. Рост рабочего класса, усложнение социальных отношений в обществе, рост дифференциации социальных групп, все это способствовало обострению отношений между наемными работниками и фабрикантами. В связи с этим фактом общественное внимание все больше привлекают взаимоотношения наемных работников и фабрикантов, так как нарастающая противоречивость в обществе наиболее четкие формы приобрела в столкновении интересов рабочих и фабрикантов. Рост численности конфликтов в этой сфере привел к необходимости создания органа для регулирования отношений рабочих и предпринимателей, устранения и решений причин конфликтов. Таким новым органом государственного надзора стала фабричная инспекция, которая стала основным механизмом внедрения рабочего законодательства в жизнь фабрик и заводов, контролирующим органом за его соблюдением и органом, регулирующим конфликты между рабочими и предпринимателями. Актуальность исследования определяется тем, что анализ формирования и функционирования института фабричной инспекции в области регулирования трудовых отношений между наемными работниками и фабрикантами позволит переосмыслить историю развития фабричного законодательства в Российской империи и проанализировать возможности и недостатки государственного регулирования отношений рабочих и предпринимателей.

Ключевые слова: фабричная инспекция, фабрично-заводская промышленность, рабочее законодательство, законодательное регулирование труда, рабочие

Для цитирования: Смоленская О.А. 2023. Фабричная инспекция как орган государственного надзора за исполнением рабочего законодательства (1882–1905 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 704–712. DOI:10.52575/2687-0967-2023-50-3-704-712

Factory Inspectorate as a Body of State Supervision after the Implementation of Labor Legislation (1882–1905 гг.)

Oksana A. Smolenskaya

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46 Kostyukova St., Belgorod 360000, Russia

E-mail: oas23@mail.ru

Abstract. The growth of the working class, the complication of social relations in society, the growth of differentiation of social groups, all this contributed to the aggravation of relations between employees and manufacturers. Due to this fact, the relationship between employees and manufacturers is increasingly attracting public attention. Since the growing inconsistency in society has acquired the clearest forms in the clash of interests of workers and manufacturers. The growing number of conflicts in this area has led to the need to create a body to regulate relations between workers and entrepreneurs, eliminate and resolve the causes of conflicts. Such new body of state supervision was the factory inspectorate, which became the main mechanism for the introduction of labor legislation into the life of factories and plants, the controlling body for its compliance and the body regulating conflicts between workers and entrepreneurs. The relevance of

the research is determined by the fact that the analysis of the formation and functioning of the institute of factory inspection in the field of regulation of labor relations between employees and manufacturers will allow rethinking the history of the development of factory legislation in the Russian Empire and analyze the possibilities and disadvantages of state regulation of relations between workers and entrepreneurs.

Keywords: factory inspectorate, factory industry, labor legislation, legislative regulation of labor, workers

For citations: Smolenskaya O.A. 2023. Factory Inspectorate as a Body of State Supervision after the Implementation of Labor Legislation (1882–1905 гг.). Via in tempore. History. Political science. 50 (3): 704–712. DOI:10.52575/2687-0967-2023-50-3-704-712

Введение

Такие процессы, как бурный рост промышленности, индустриализация страны и развитие капиталистических отношений в России во второй половине XIX в., оказали значительное общественное влияние на государственную политику в рамках правового регулирования отношений предпринимателей и рабочих. Индустриализация страны привела к значительному росту численности рабочего класса, усилению социальной дифференциации в обществе, что потребовало значительного внимания со стороны государства к одному из важнейших субъектов промышленного развития страны – рабочему классу. Отмена крепостного права значительно ускорила эти процессы, что привело к росту социальной дифференциации и усложнению социальных отношений в обществе. Так как одним из явлений новых процессов в стране стало обострение социальных отношений, общественное внимание все больше привлекают взаимоотношения наемных работников и фабрикантов. Так как нарастающая противоречивость в обществе наиболее четкие формы приобрела в столкновении интересов рабочих и фабрикантов, которая со временем стала приобретать все большую остроту и масштабность, это потребовало необходимости со стороны государства создать механизм для регулирования отношений и устранения конфликтов между предпринимателями и рабочими.

Таким образом, сложившаяся ситуация поставила перед обществом и правительством задачи разработки фабричного законодательства для законодательного урегулирования взаимоотношений рабочих и фабрикантов.

Правовое регулирование происходящих процессов зачастую запаздывало или осознанно тормозились такие изменения в связи с противоречием интересов или идеологическим неприятием в верхах власти. Но реалии жизни ставили новые вопросы перед государством, конфликты все чаще вспыхивали на фабриках и заводах страны, требовали со временем не репрессий, а принятия стратегических решений в рамках государственной политики регулирования отношений новых социальных групп, предпринимателей и рабочих.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является процесс становления института фабричной инспекции как органа государственного надзора за исполнением рабочего законодательства в период с 1882 по 1905 гг. Методологической базой исследования является изучение исторических событий и процессов в соответствии с их хронологией и взаимосвязью, комплексный и системный подход рассмотрения изучаемых процессов, объективность анализа, синтеза, обобщения исторических фактов, явлений и изучаемых исторических процессов.

Результаты и их обсуждение

В России разработка законодательства, регулирующего отношения между рабочими и предпринимателями, начинается с 1880-х гг., и для реализации на практике принятых пра-

новых норм и урегулирования неизбежных противоречий между предпринимателями и рабочими создается орган государственного надзора за исполнением рабочего законодательства – фабричная инспекция [Volodin, 2008].

Опыт создания фабричной инспекции как органа надзора за применением норм законодательства, регулирующего отношения рабочих и фабрикантов, к середине XIX в. имели уже многие европейские страны [Степанов, 1998]. В 1830-е гг. впервые институт фабричной инспекции был введен в Англии. В России рост численности рабочего класса и стабильный подъем рабочего движения ускорил работу правительства, направленную на регулирование отношений фабрикантов и рабочих. Особенно активизировалась работа в этом направлении, когда во главе Министерства финансов стал Н.Х. Бунге, которое с этого времени взяло инициативу в свои руки по разработке законов, регулирующих отношения фабрикантов и рабочих, и создания фабричной инспекции. Н.Х. Бунге был убежден в необходимости создания правительственного органа для решения вопроса противоречий между рабочими и фабрикантами.

Становление законодательства в области регулирования труда и взаимоотношений рабочих и предпринимателей, таких как законы «О малолетних работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» (1.06.1882 г.) [ПСЗРИ. III. Т. II. № 931], «О школьном обучении малолетних рабочих, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, и о фабричной инспекции» (12.06.1884 г.) [ПСЗРИ. III. Т. IV. № 2316] и «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих (03.06.1886 г.) [ПСЗРИ. III. Т. V. № 3769] заложили основы становления и реформирования надзорного органа за соблюдением законодательства, фабричной инспекции.

Таким образом, первые законы, направленные на регулирование взаимоотношений предпринимателей и рабочих, ограничивали возраст малолетних рабочих, допускаемых на работу на фабриках и заводах, 12-летним возрастом, устанавливали продолжительность рабочего дня несовершеннолетних работников, регламентирование использования их труда в ночное время суток, выходные и праздничные дни и необходимость содействия обучению несовершеннолетних работников фабрик и заводов. В рамках первых законов, регулирующих рабочий вопрос, формируется и создается институт фабричной инспекции как орган государственного надзора за исполнением рабочего законодательства, которая находилась в структуре Министерства финансов, непосредственно в департаменте торговли и мануфактур [Володин, 2009].

При создании института фабричной инспекции как надзорного органа предусматривались следующие основные цели ее деятельности: во-первых, обеспечить соблюдение выполнения фабричного законодательства на фабриках и заводах, необходимость фиксирования нарушений фабричного законодательства и составление протоколов; во-вторых, обеспечить внедрение рабочего законодательства в жизнь фабрик и заводов, наблюдать за практикой применения рабочего законодательства; в-третьих, изучать вопросы отношений между наемными работниками и предпринимателями, которые необходимо регулировать правовыми нормами [Гессен, 1927].

На первом этапе надзор фабричной инспекции охватил только предприятия Московской и Владимирской губернии, так как институт фабричной инспекции состоял из главного инспектора и четырех окружных. По мере развития фабричного законодательства менялась структура и численность фабричной инспекции, расширялись ее полномочия и территории, которые охватывала деятельность фабричных инспекторов. В 1884 г. было создано девять фабричных округов, центрами которых стали Санкт-Петербург, Москва, Владимир, Казань, Воронеж, Харьков, Киев, Вильно, Варшава. И только с 1885 г. деятельность фабричной инспекции расширилась и охватила большую часть губерний России, надзор не распространился на территорию Кавказа и Сибири. Был изменен и штат фабричной инспекции, в каждом округе находился инспектор и помощник, а также осталась должность главного фабричного инспектора [Смоленская, 2008].

Для выполнения своих должностных обязанностей фабричный инспектор должен был посещать и осматривать вверенные ему фабричные предприятия, фабриканты, в свою очередь, должны были в любое время суток предоставить инспекторам доступ на фабрики и заводы для контроля возраста несовершеннолетних работников, численности малолетних на предприятиях, продолжительности их работы, а также вида производимых работ, в которых были задействованы малолетние. Фабричные инспекторы также обязаны были контролировать организацию производства, в том числе и в санитарном отношении, с целью обеспечения и охраны здоровья и жизни несовершеннолетних работников.

В результате новой структуры фабричной инспекции ее деятельность приобрела более систематизированный характер, а расширение личного состава позволило охватить территорию, подлежащую надзору, и распределить работу между инспектором и его помощником. Так, окружной инспектор находился в городе, возглавлявшем округ, а помощник располагался в другой части округа, например, инспектор находился в г. Воронеж, а помощник – в г. Орле, и губернии округа были разделены между инспектором и помощником.

Работа фабричной инспекции осложнялась тем, что вверенные им округа имели достаточно значительный размер. Так, например, Петербургский округ составлял 1 137 763 кв. версты, а Московский – 227 297 кв. верст, на территории которых находилось значительное количество промышленных заведений, подлежащих надзору, таким образом, фактически фабричным инспекторам справиться с возложенными на них обязательствами было достаточно сложно, а зачастую и просто невозможно. Фактически с 1885 г. надзору инспекции, численность которой составляла 20 человек, было представлено 25 913 фабрично-заводских предприятий, на которых работало 869 828 рабочих. Таким образом, средняя численность на каждого инспектора предприятий составила 295 и соответственно 43 491 рабочий [Шельмагин, 1947]. Рассчитанные данные свидетельствуют о том, что инспекторы реально не могли посетить все промышленные заведения, подлежащие надзору.

Отчеты о деятельности фабричной инспекции за 1885 г. зафиксировали всего 23 протокола, составленные инспекторами по всем вверенным округам. Но эти данные не отражали реальную картину, с которой сталкивались инспекторы на промышленных предприятиях, так как по данным, отраженным в отчетах, закон о малолетних рабочих на большинстве фабрик практически не применялся и фабричным инспекторам приходилось объяснять суть закона фабрикантам, и только в крайних случаях или повторных нарушениях составлялись протоколы [Михайловский, 1886].

Полученные факты свидетельствуют о том, что условия работы фабричных инспекторов на начальном этапе работы были непростыми, но им удалось провести безусловно важную работу и собрать сведения и статистические данные, отражающие реальные условия труда рабочих на фабриках и заводах того периода. Фабричные инспекторы вели прием в канцелярии в установленное время, подписывая и утверждая необходимые фабричные документы, принимали жалобы и просьбы рабочих. Основное время фабричные инспекторы проводили в разъездах, посещая вверенные им промышленные предприятия, разбирая споры и взаимные недовольства рабочих и предпринимателей, и собирали сведения местной фабрично-заводской статистики [Володин, 2009]. Каждый инспектор подготовил подробный отчет о работе, проделанной им и его помощником за год, в промышленных заведениях, находившихся в их компетенции. По всем девяти фабричным округам были подготовлены отчеты о деятельности каждого инспектора за 1885 г. В отчетах содержалось много интересных данных об использовании и условиях труда детей, несовершеннолетних и женщин на промышленных предприятиях. Но публикация таких данных реального положения рабочих на промышленных предприятиях шла в разрез с интересами фабрикантов и правительства, и публикация отчетов инспекторов с 1886 г. прекратилась.

Дальнейший этап разработки фабричных законов был инициирован ростом рабочего стачечного движения и крупными стачками рабочих на Московских мануфактурах. Активная роль в разработке новых фабричных законов в этот раз принадлежала Министер-

ству внутренних дел. Граф Д.А. Толстой в письме от 4 февраля 1885 г. сообщал Н.Х. Бунге, что причинами стачек рабочих, которые могли приобрести еще более грандиозные масштабы из-за отсутствия в законодательстве правил, определяющих взаимоотношения между фабрикантами и рабочими, что приводит к произволу со стороны фабрикантов и ущемлению интересов рабочих [Туган-Барановский, 1997]. 14 февраля 1885 г. начала свою работу особая межведомственная комиссия под председательством министра внутренних дел В.К. Плеве, деятельность которой была направлена на разработку дальнейших правовых норм, регулирующих отношения между рабочими и предпринимателями, так как фабрики и заводы, по свидетельству отчетов министерства внутренних дел, все чаще становятся центрами «общественного беспокойства» [РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1802. Л. 3–4]. Результатом деятельности комиссии стало издание закона 3 июня 1886 г., который должен был вступить в действие с 1 октября 1886 г. «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» [ПСЗРИ. III. Т. IV. № 3767]. Этим законом регулировался порядок найма и увольнения фабрично-заводских рабочих, порядок оплаты и установления наказаний и штрафов, утверждения правил внутреннего распорядка, ведения трудовых книжек, а также определялась регламентация и организация надзора за выполнением установленных правил.

С введением в действие закона 3 июня 1886 г. функции института фабричной инспекции значительно расширились: кроме контроля за работой несовершеннолетних и их обучением, работой женщин на промышленных предприятиях, на них был возложен ряд дополнительных функций, предусматривающих контроль за исполнением правил, установленных новым законом, таких как рассмотрение и утверждение правил трудового распорядка, табелей, такс, принятие мер к предупреждению недоразумений и споров между рабочими и фабрикантами, возбуждение дел и обвинение в суде виновных в нарушении действующего рабочего законодательства, находящегося в ведении фабричной инспекции.

Введение данного закона значительно расширило функции фабричной инспекции, в то время как штат был увеличен всего на 10 человек. Данный закон стал основой регулирования отношений между работниками и фабрикантами, задачи фабричной инспекции с введением этого закона существенно изменились. Главной задачей фабричных инспекторов стали следующие обязанности: содействовать и принимать меры по предупреждению конфликтов и споров между рабочими и предпринимателями, рассматривать жалобы рабочих, посредническая деятельность во время забастовок, а также всячески способствовать сохранению порядка и спокойствия на промышленных предприятиях. Подтверждением этого вывода можно указать мнение главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского, который указывал, что с 1886 г. главным делом института фабричных инспекторов стало «принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем расследования на месте возникающих неудовольствий и миролюбивое соглашение сторон» [Михайловский, 1886].

В связи с этим 1887 г. министерство внутренних дел попыталось предпринять попытку передачи инспекции в структуру департамента полиции, указывая на ее двойственное положение. Но министр финансов И.А. Вышнеградский, ссылаясь на жалобы фабрикантов, которые опасались, что в этом случае инспекция станет для них более опасным институтом, заявил о несвоевременности передачи фабричной инспекции и оставил ее в своем ведении. Так закончилась попытка МВД превратить фабричную инспекцию в полицейский орган.

В связи с быстрым ростом численности рабочего класса в стране идет и рост стачек и забастовок, которые охватывали все больше промышленных предприятий на территории страны. В связи с этим происходит новый этап реформирования института фабричной инспекции. С дальнейшим развитием фабричного законодательства расширились задачи и функции института фабричной инспекции.

С 1894 г. на фабричных инспекторов были возложены функции технического надзора, что было связано с ликвидацией должностей губернских механиков. Изменились требования к должности фабричного инспектора, теперь на должность могли быть назначены только закончившие высшие учебные заведения и преимущественно технические. Изменилась и организационная структура фабричной инспекции, упразднили окружное, ликвидировав фабричные округа, и заменили деление на губернское, вследствие чего ввели должности 125 фабричных инспекторов. Таким образом, в каждой губернии с наличием более или менее развитой промышленности была введена должность фабричного инспектора, а в 18 губерниях, которые были более развиты в промышленном отношении, были еще в дополнение введены должности старших фабричных инспекторов [Смоленская, 2014]. Должность главного фабричного инспектора также ликвидировали, и институт фабричных инспекторов находился в ведении и непосредственно подчинялся департаменту торговли и мануфактур.

В связи с тем, что функции фабричной инспекции с развитием фабричного законодательства и реформированием института фабричной инспекции значительно изменились, 11 июля 1894 г. был разработан документ «Наказ чинам фабричной инспекции», который детально регламентировал права и обязанности фабричных инспекторов. Силы фабричной инспекции существенно отвлекала необходимость осуществлять технический надзор за паровыми котлами и примирительная и посредническая функции между рабочими и фабрикантами. Таким образом, времени заниматься вопросами для решения которых она была создана, оставалось все меньше. Сложным оставался вопрос привлечения к ответственности фабрикантов, нарушавших законодательство, что и без того снижало эффективность деятельности инспекции.

К 1897 г. надзор института фабричной инспекции включал в себя 26 губерний, в основном в европейской части России. Численность фабричной инспекции в данный период насчитывала 26 старших и 125 фабричных инспекторов [Отчет Государственного Совета, 1897].

В связи с принятием нового закона в 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» была разработана инструкция для фабричной инспекции по применению принятого закона, и фабричная инспекция получила дополнительные обязанности и функции контроля за применением нового законодательного акта. В связи с необходимостью охвата большего числа промышленных предприятий для контроля применения новых правил продолжительности и распределения рабочего времени надзор фабричной инспекции был расширен и охватил 34 губернии европейской России и Царства Польского [ПСЗРИ. III. Т. XVII. № 14231]. В связи с расширением территории подведомственной фабричной инспекции соответственно был увеличен и штат до 171 человека. Таким образом, результатом проведенных преобразований реформирования института фабричной инспекции, роста задач, на нее возложенных, уменьшилось количество фабричных предприятий, в среднем приходящихся на одного инспектора, до 120 заведений, подлежащих надзору. В целом в масштабах страны надзору фабричной инспекции было подчинено 20 174 промышленных предприятия, на которых работал 1 386 691 фабричный рабочий [Вовчик, 1964].

В результате несоответствия функций фабричной инспекции и ее численности произошел очередной этап реформирования института фабричной инспекции. В 1899 г. произошла очередная реорганизация фабричной инспекции и увеличение ее штата до 251 человека. Территория России, на которую распространялся фабричный надзор, разделили на 6 округов, в этот раз губернии Кавказа также не были включены в сферу деятельности фабричной инспекции, за исключением Бакинской. Результатом нового этапа реформирования института фабричной инспекции в 1899 г. на одного фабричного инспектора в среднем приходилось около 80 предприятий средней численностью около 5 520 рабочих [Озеров, 1906]. Также были реформированы высшие органы, которым была подведомственна фабричная инспекция, при министерстве финансов было создано Главное по фабричным и

горнозаводским делам присутствие. Была разработана новая инструкция, изданная Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием 11.02.1900 г., регламентирующая полномочия и задачи фабричных инспекторов [Сборник узаконений правил..., 1902]. Формально фабричная инспекция должна была наблюдать за исполнением предпринимателями рабочего законодательства, а фактически фабричным инспекторам предписывалось направлять все усилия на предупреждение споров и недоразумений между рабочими и предпринимателями, расследование споров и миролюбивое соглашение сторон. Также в обязанности фабричных инспекторов входило незамедлительное информирование местной губернской власти обо всех случаях беспорядков и забастовок на предприятиях.

С 1903 г. происходят изменения положения фабричных инспекторов в связи с тем, что в обязанности фабричных инспекторов включается необходимость подчинения губернаторам на местах, которые могли требовать предоставления регулярных отчетов о положении дел на предприятиях и имели право отменять распоряжения фабричных инспекторов. Таким образом, постепенно основными задачами института фабричной инспекции становится не улучшение обстановки на фабриках и заводах и положения рабочих, а принятие мер к сохранению внешнего порядка.

В 1905 г. осуществляется очередное реформирование института фабричной инспекции, что было связано с созданием нового Министерства торговли промышленности, одной из задач которого было развитие рабочего законодательства и обеспечение социального спокойствия в этой сфере. Результатом этого этапа реформирования стала передача института фабричной инспекции из министерства финансов в новое ведомство. С развитием промышленности в стране фабричному надзору подчиняются все больше губерний. Так, к 1905 г. фабричный надзор охватил фабрично-заводские предприятия 59 губерний европейской части России и 4 губерний Кавказа (Бакинскую, Тифлисскую, Кутаисскую, Черноморскую). Штат фабричных инспекторов насчитывал 6 окружных инспекторов, 64 старших инспектора и 193 участковых [Микулин, 1906].

Таким образом, несмотря на существующие сложности деятельности фабричной инспекции, уже в первые годы своей деятельности институт фабричной инспекции имел немаловажное значение в деле реализации рабочего законодательства на промышленных предприятиях. Рабочие получили от государства посредника для урегулирования споров с фабрикантами и реализации правовых норм рабочего законодательства в фабричной жизни. Деятельность фабричных инспекторов первого призыва помогла получить реальную картину жизни и проблем фабричных рабочих, и фабриканты были вынуждены считаться с новым государственным органом – фабричной инспекцией.

С развитием рабочего законодательства реформировался и трансформировался и институт фабричной инспекции, расширялась сфера деятельности инспекции и круг вопросов, находившихся под ее надзором. Несмотря на кажущуюся второстепенность фабричной инспекции в системе органов государственной власти, их роль в решении рабочего вопроса становилась все более значительной.

Заключение

Таким образом, несмотря на существующие сложности деятельности фабричной инспекции, уже в первые годы своей деятельности институт фабричной инспекции имел немаловажное значение в деле реализации рабочего законодательства на промышленных предприятиях. Рабочие получили от государства посредника для урегулирования споров с фабрикантами и реализации правовых норм рабочего законодательства в фабричной жизни. Деятельность фабричных инспекторов первого призыва помогла получить реальную картину жизни и проблем фабричных рабочих, и фабриканты были вынуждены считаться с новым государственным органом – фабричной инспекцией.

С развитием рабочего законодательства реформировался и трансформировался и институт фабричной инспекции, расширялась сфера деятельности инспекции и круг вопросов, находившихся под ее надзором. Несмотря на кажущуюся второстепенность фабричной инспекции в системе органов государственной власти, их роль в решении рабочего вопроса становилась все более значительной.

Институт фабричной инспекции был создан как контролирующий орган применения фабричных законов на практике, что было, бесспорно, прогрессивным фактом регламентирования отношений фабрикантов и рабочих, который мог бы мирным способом урегулировать возникающие конфликты и предупредить забастовки. Развитие фабричного законодательства в России и создание фабричной инспекции как органа государственного надзора за исполнением принятых норм рабочего законодательства стало взаимосвязанными процессами второй половины XIX в.

Список источников

- Наказ чинам фабричной инспекции 11 февраля 1900 г. 1902. Сборник узаконений правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. СПб., 33.
- Отчет Государственного Совета за 1896–1897. 1897. СПб., Гос. тип., 759.
- Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции». ПСЗРИ III. СПб., 1888. № 3769.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). III. Т. II. № 931.
- ПСЗРИ. III. Т. IV. № 2316.
- ПСЗРИ. III. Т. V. № 376.
- ПСЗРИ. III. Т. XVII. № 14231.
- РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1802. Л. 3–4.

Список литературы

- Вовчик А.Ф. 1964. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов. Изд-во Львовского ун-та, 323.
- Володин А.Ю. 2009. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., РОССПЭН, 2009. 207.
- Гессен В.Ю. 1927. Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России. М., Госиздат. 267.
- Микулин А.А. 1906. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, С.В. Кульженко, 225.
- Михайловский Я.Т. 1886. О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского. СПб., [Б.и.], 217.
- Озеров И.Х. 1906. Политика по рабочему вопросу. М., Изд-во И.Д. Сытина. 324.
- Смоленская О.А. 2008. Деятельность фабричной инспекции по охране труда детей и женщин в 1882–1905 гг. Белгород, Изд-во БГТУ, 175.
- Смоленская О.А. 2014. История становления фабричной инспекции в Российской империи во второй половине XIX века. Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. 4: 242–246.
- Степанов В.Л. 1998. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., РОССПЭН, 398.
- Туган-Барановский М.И. 1997. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., Наука, 735.
- Шелымагин И.И. 1947. Фабричное законодательство в России (второй половины XIX в.). М., Госюриздат, 188.
- Volodin A. 2008. Russian Fakfory Inspektion (1882–1918): Cui Bono? Paris School of Economics. Workingpaper # 2008–60. Paris, 2008.

References

- Vovchik A.F. 1964. Politika czarizma po rabochemu voprosu v predrevolyucionny`j period (1895–1904) [Tsarism's policy on the labor issue in the pre-revolutionary period (1895–1904)]. L`vov. Izd-vo L`vovskogo un-ta, 323.

- Volodin A.Yu. 2009. Istoriya fabrichnoj inspekcii v Rossii 1882–1914 gg. [History of factory inspection in Russia 1882–1914]. M., ROSSPE'N, 2009. 207.
- Gessen V.Yu. 1927. Trud detej i podrostkov v fabrichno-zavodskoj promy`shlennosti Rossii [The work of children and adolescents in the factory industry of Russia]. M., Gosizdat. 267.
- Mikulin A.A. 1906. Fabrichnaya inspekciya v Rossii. 1882–1906 [Factory inspection in Russia. 1882–1906]. Kiev, S.V. Kul`zhenko, 225.
- Mixajlovskij Ya.T. 1886. O deyatel`nosti fabrichnoj inspekcii. Otchet za 1885 god glavnogo fabrichnogo inspektora Ya.T. Mixajlovskogo [On the activities of the factory inspection. Report for 1885 by the chief factory inspector Ya.T. Mikhailovsky]. SPb., [B.i.], 217.
- Ozerov I.X. 1906. Politika po rabochemu voprosu [Labor Policy]. M., Izd-vo I.D. Sy`tina, 324.
- Smolenskaya O.A. 2008. Deyatel`nost` fabrichnoj inspekcii po ohrane truda detej i zhenshin v 1882–1905 gg. [Activities of the factory inspection for labor protection of children and women in 1882–1905]. Belgorod, Izd-vo BGTU, 175.
- Smolenskaya O.A. 2014. Istoriya stanovleniya fabrichnoj inspekcii v rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The history of the formation of factory inspection in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo texnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuxova. 2014. 4: 242–246.
- Stepanov V.L. 1998. N.X. Bunge: sud`ba reformatora [N.H. Bunge: the fate of a reformer]. M., ROSSPE'N, 398.
- Tugan-Baranovskij M.I. 1997. Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashhem. Istoricheskoe razvitiye russkoj fabрики v XIX veke [Favorites. Russian factory in the past and present. Historical development of the Russian factory in the 19th century]. M., Nauka, 735.
- Shely`magin I.I. 1947. Fabrichnoe zakonodatel`stvo v Rossii (vtoroy poloviny` XIXv.) [Factory legislation in Russia (second half of the 19th century)]. M., Gosyurizdat, 188.
- Volodin A. 2008. Russian Factory Inspection (1882–1918): Cui Bono? Paris School of Economics. Workingpaper # 2008–60. Paris, 2008.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.08.2023

Received 30.08.2023

Поступила после рецензирования 10.09.2023

Revised 10.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted 10.09.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Смоленская Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук, кафедра социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Oksana A. Smolenskaya, Candidate of Historical Sciences, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8704-2067](https://orcid.org/0000-0001-8704-2067)

УДК 93/94:[32.019.51]

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-713-723

Оригинальное исследование

Монументальная пропаганда как форма идеологического воздействия. Начало реализации в первой половине XX века

Шмаков А.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

E-mail: Shmakov@vuc.unn.ru

Аннотация. Неотъемлемой частью любого общественного строя в различные периоды развития является монументальное искусство. Оно символизирует и напоминает о прошлом, рассказывает о настоящем, предлагает заглянуть в будущее. Памятники и монументы как символы событий сопровождают нас повсюду, мы смотрим на них с малых лет и до поздней старости, невольно возвращаясь в мыслях к тем людям или событиям, чьи образы были увековечены. В данной статье рассматривается начальный этап советского монументального искусства, получившего название «Ленинский план монументальной пропаганды», с точки зрения элемента идеологической пропаганды Советской власти. Раскрывается история возникновения идеи монументальной пропаганды и начало ее реализации, обращается внимание на использование данной формы пропаганды в контексте формирования общественного мнения с целью укрепления позиций большевиков, а также подчеркивается важное значение монументальной пропаганды в процессе формирования нового государства.

Ключевые слова: пропаганда, символы революции, монументальная пропаганда, идеология, памятники, монументы

Для цитирования: Шмаков А.А. 2023. Монументальная пропаганда как форма идеологического воздействия. Начало реализации в первой половине XX века. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 713–723. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-713-723

Monumental Propaganda as a Form of Ideological Influence. The Beginning of Implementation in the First Half of the 20th Century

Alexey A. Shmakov

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: Shmakov@vuc.unn.ru

Abstract. The Lenin Plan of Monumental Propaganda served as a starting point in the development of monumental art in our country. The plan aimed to demolish monuments of the tsarist period and to erect sculptures depicting famous people from the perspective of the Bolsheviks. Monumental propaganda was intended to participate in the formation of a new society, endowed with feelings of patriotism and pride, personal responsibility and determination, faith in the authorities and a bright future for the country. As part of the plan's implementation in the early years of Soviet power, dozens of monuments and memorial plaques were installed, reflecting the ideological direction of state building. The monumental compositions of that time, in part, became symbols of the era, expressing the ideals of socialism and shaping public opinion. The article examines the initial period of the implementation of monumental propaganda, the interaction of government bodies and officials, emerging problems and the decisions made in connection with the promotion of the plan. It emphasizes Lenin's personal participation in the

initial stage of implementation and his interest, which allows us to conclude about the importance of monumental propaganda in the process of building a new state.

Keywords: propaganda, symbols of the revolution, monumental propaganda, ideology, monuments, monuments

For citation: Shmakov A.A. 2023. Monumental Propaganda as a Form of Ideological Influence. The Beginning of Implementation in the First Half of the 20th Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 713–723 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-713-723

Введение

Возведение памятников и монументов в честь личностей или событий, оказавших влияние на историческое развитие регионов, а в большинстве своем и государств в целом, является не только важнейшей формой сохранения культурной памяти и наследия народа, но и одновременно несет в себе важнейшую идеологическую составляющую, направленную на формирование мировоззрения индивида и общества, укрепление патриотизма и национальной идентичности. Монументальной пропаганде как инструменту идеологического воздействия в процессе формирования коммунистической идеологии в постреволюционный период отводилась отдельная роль в общем массиве пропаганды. Суть данной формы пропаганды, началом реализации которой является Декрет «О памятниках Республики», заключалась в использовании монументальных сооружений, памятников и других крупных объектов для выражения идеологических, политических и культурных целей и формирования массового сознания. За достаточно короткий срок в стране были возведены десятки памятников и монументов, текстов и барельефов, отражающих идеи строительства социалистического общества. В данной работе на основании исторических документов и воспоминаний современников исследован начальный период реализации монументальной пропаганды – от принятых законодательных актов и качества их исполнения до возведения первых монументальных сооружений.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в данной работе выступает непосредственно монументальная пропаганда как форма идеологического воздействия на население страны.

Одной из основных целей исследования выступает анализ первоначальных шагов в построении монументальной пропаганды, определение ее функций и роли в политическом и социальном развитии советского общества. Уделено внимание определению взаимосвязи монументальной пропаганды с социально-экономической и политической ситуацией в стране, а также ее влиянию на формирование национальной идентичности и патриотических чувств в обществе. Все вышеуказанные моменты рассматриваются в историческом контексте, что позволяет лучше понять причины возникновения и развитие монументальной пропаганды в первые годы строительства нового общественного строя. Полученные результаты и выводы могут быть полезны и актуальны в настоящий период для возможного формирования концепции монументального искусства в контексте происходящих в стране и мире событий.

В процессе исследования были изучены и использовались труды В.И. Ленина, законодательные акты того времени, воспоминания современников, научные статьи по теме. Данная работа построена на принципе историзма с применением историко-системного и хронологического методов исторического исследования.

Результаты и их обсуждение

Время революционных потрясений, включая революционные события 1917 года в России, всегда сопровождается поиском способов взаимодействия государства и населения.

В такие периоды роль агитации и пропаганды значительно усиливается, а символы, связанные с происходящими переменами, приобретают особую важность. Почему так происходит? Потому что турбулентные изменения в революционные периоды вызывают потребность в активной пропаганде и агитации со стороны политических сил. Политическое руководство взаимодействует с народными массами, используя различные методы воздействия, такие как печатные материалы, публичные выступления, визуальные символы и др.

Символы играют важную роль в мобилизации и единении народа вокруг революционных идей и целей. Символ по Д.Н. Ушакову – это «... предмет или действие, служащее условным знаком чего-нибудь, выражающее, означающее какое-нибудь понятие, идею...» [Ушаков, 2014, с. 622], они действуют как мощные знаки и помогают создать ощущение единства и принадлежности к революционной движущей силе. Символ в тезаурусе В.Н. Савченко и В.П. Смагина – это «... убеждение, взгляды, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое ... образование, которому придается особый смысл...» [Савченко, Смагин, 2006, с. 130]. В революционных событиях 1917 года в России такими символами были красные флаги, красные банты, лозунги, песни и т. д., они играли важную роль в мобилизации широких масс, мотивировали народ и объединяли его в целях достижения идей революции. Наряду с прочими символами революционных событий становились и памятники – как зеркало, отражавшие революционные настроения людей. В Февральскую революцию 1917 года проявилось истинное отношение народа к памятникам царской эпохи – памятник царю в Петрограде «воспринимался как священное пространство врага, завоеванное теперь народом», а в других городах «монументы украшали красными флагами и использовали как трибуны» [Колоницкий, 2012, с. 19–20]. Памятники массово уничтожались, символизируя победу над монархией. Эта участь коснулась памятников Александру I, Александру II, Екатерине II, Николаю I [Колоницкий, 2012, с. 134–136].

Уничтожая памятники и тем самым отвергая прошлое, народ, опьяненный идеями революции, своими действиями стремился к новому порядку и образу жизни, основанному на равноправии и справедливости.

После революции в октябре 1917 года страна начинает свой нелегкий путь к созданию мощнейшего государства, идеологической основой которого являлись равноправие и социальная справедливость. И здесь памятники становятся уже символами не только победы в революции и счастливого будущего, но и явным источником массовой пропаганды политического и государственного строя. Создание и повсеместная установка памятников и барельефов выдающимся личностям и героям революции, мемориалов, посвященных знаменательным событиям, в период после революции и в советскую эпоху, способствует развитию монументального искусства в стране и, что важно, выступает уже в качестве мощного инструмента политической пропаганды, а сама программа получает название монументальной пропаганды.

В РСФСР идея монументальной пропаганды принадлежит В.И. Ленину. В своих воспоминаниях А.В. Луначарский очень подробно описал свой разговор с В.И. Лениным в марте-апреле 1918 года, в котором Владимир Ильич упоминал Т. Кампанеллу и его утопию «Город солнца», где «... на стенах ... фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений» [Луначарский, 1968, с. 198]. Далее в разговоре В.И. Ленин обратил внимание на то, что если внести соответствующие изменения, то такая идея вполне может быть осуществима: «... – Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой...» [Луначарский, 1968, с. 198]. С целью реализации своей идеи В.И. Ленин предложил создавать и устанавливать памятники выдающимся людям и организовать размещение революционных текстов, лозунгов и «... сколоченных формул, дающих оценку тому или другому великому историческому событию» [Луначарский, 1968, с. 198].

Началом реализации «Ленинского плана монументальной пропаганды» послужил Декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках Республики», принятый 12 апреля 1918 года по предложению А.В. Луначарского [Декреты советской власти, Т. 2, 1959, с. 95]. В этом Декрете отражался весь замысел В. И. Ленина:

– памятники, возведенные в честь царей, по мнению специально создаваемой комиссии, не имели никакого исторического значения, подлежали сносу, а вместо них на конкурсной основе должны быть представлены новые проекты;

– этой же комиссии следовало заменить эмблемы, надписи, названия улиц на другие, соответствующие революционным настроениям.

Для реализации плана приглашались скульпторы из Москвы и Петербурга. Уже в начале мая начинается ревизия памятников и создание монументов – символов новой эпохи. Начинаясь период трансформации монументального искусства. Монументы должны были нести в себе символы социалистической идеологии, способствовать знакомству с историческими событиями и быть опорой для подрастающих поколений, вдохновляя на подвиги и достижения. Монументы были призваны вызывать чувство уважения к людям, борющимся за справедливость и свободу [Бабикина, 2022, с. 166]. Художники должны были отражать в своих работах партийную идеологию и интересы государства, становясь своего рода связующим звеном между государством и народом и выполняя важную роль просветительской функции нового правительства в народных массах. Через свое искусство художник продвигал ценности и идеологию новой культуры, делая ее понятной и доступной для каждого человека. В таком контексте формировалась новая функция художественной культуры – приобщение народных масс к политическим процессам через пропаганду и агитационную программу [Александрова, 2022, с. 116]. Здесь необходимо сделать оговорку: многочисленные скульпторы и художники, выполняя работы по реализации плана, понимали, что результаты работы во многом будут оцениваться не как монументальное произведение, но как произведение, соответствующее настоящему моменту, отражающие реальность революционной страны [Некрасов, 2022а, с. 89].

Первыми действиями по выполнению Декрета в преддверии празднования 1 Мая стали демонтаж символов старой эпохи и установка новых, а также размещение текстов революционного содержания. В качестве примера можно привести здание Государственной Думы, на котором вместо царского герба был установлен барельеф рабочего и крестьянина с надписью: «Революция – вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся», и на том же здании – «Религия – опиум для народа» [Кулемзин, 2008, с. 4]. Ключевыми решениями периода монументальной пропаганды в Москве стали снос памятников генералу М.Д. Скобелеву, Александру II и Александру III, замена гравировки на обелиске у Кремлевской стены, установка монументов К. Маркса и Ф. Энгельса, А.Н. Радищева, М. Робеспьера, Г. Гейне, Ф.М. Достоевского и др. [Слепухин, 2017, с. 830]. Стоит заметить, что исполнение пунктов по реализации монументальной пропаганды со стороны комиссии не было воспринято как «немедленное», поэтому наблюдалось некое отсутствие динамики в выполнении плана. Медленное продвижение по реализации плана и неисполнительность должностных лиц никак не соответствовали замыслам руководства страны. В.И. Ленин, серьезно относившийся к реализации своей идеи и по возможности контролирующей процесс, был «удивлен и возмущен бездеятельностью» А.В. Луначарского в вопросах подготовки текстов на зданиях, о чем указал в своей телеграмме Народному комиссару просвещения 13 мая 1918 года [Ленинский сборник, XXI, с. 205]. Более того, в июне 1918 года Совнаркомом было поручено проработать вопросы снятия «памятников монархической России» и постановления временных выдающимся революционерам, на которые выделялись денежные средства этим же поручением, а также украшения Московских улиц высказываниями выдающихся личностей с последующим докладом Совету Народных Комиссаров. Однако доклада со стороны А. В. Луначарского не последовало. Не было и объяснений со стороны должностного лица такого уровня [Некрасов, 2022б, с. 89].

В.И. Ленин направил письмо в Комиссариаты народного Просвещения и Имуществ Республики, где с видимым по стилю написания раздражением требовал отчета о проведенных мероприятиях и отмечал, что «... Двухмесячная проволочка в исполнении декрета – ... важного с точки зрения пропаганды ... – непростительна» [Ленинский сборник, XXI, с. 208]. Все это привело к тому, что 8 июля 1918 года СНК принимает постановление о бездеятельности Комиссариатов по реализации законодательного акта и предписывает избрать должностное лицо для осуществления контроля и еженедельного доклада о ходе исполнения Декрета [Ленинский сборник, XXI, с. 209]. В августе 1918 года Ленин лично поручил руководство реализацией Декрета Н.Д. Виноградову, помощнику П.П. Малиновского, возглавлявшего в тот период Моссовет. Но и здесь прошло не все гладко. Дело в том, что между А.В. Луначарским и П.П. Малиновским чувствовалась личная неприязнь в отношениях, что уже затягивало исполнение Декрета, а отчеты Н.Д. Виноградова о работе изобразительного отдела по памятникам, которые он представлял лично В.И. Ленину, только усугубляли личное неприятие и, как следствие, межведомственное взаимодействие по исполнению плана [Шалаева, 2014, с. 31]. Мешала своевременному исполнению плана и финансовая сторона проекта. Снос старых памятников, разработка и установка новых, изготовление барельефов – все это требовало значительного финансирования со стороны государства, чьи возможности в этом плане были, мягко говоря, сильно ограничены.

Отсутствие адекватного сотрудничества между уполномоченными ведомствами, натянутые взаимоотношения отдельных руководителей, финансовые ограничения – все это не могло не отражаться на сроках реализации плана и качестве выполняемых работ. В.И. Ленину приходилось лично контролировать практически все этапы выполнения плана монументальной пропаганды, что способствовало активизации в вопросах реализации пунктов Декрета. По итогам заслушивания доклада Народного комиссариата просвещения о возведении в Москве 50 памятников великим людям, 17 июля 1918 года было принято постановление СНК «О постановке в Москве памятников великим людям» [Декреты советской власти, Т. 3, 1964, с. 47], согласно которому должен быть подготовлен список достойных деятелей революции и искусства, в честь которых могут быть установлены памятники, проведены мероприятия по размещению на улицах и зданиях текстов революционного содержания, сооружения памятников и барельефов героям, захороненным у Кремлевской стены.

Практически сразу после принятого постановления, 20 июля 1918 года «Известия ВЦИК» опубликовали условия конкурса на лучшие тексты. Фразы предлагалось присылать короткими, с глубоким смыслом, способными оказывать влияние на мысли людей. В Ленинском архиве нашли 28 текстов, одобренных А.В. Луначарским для пропаганды, среди которых были изречения К. Маркса, Ж. Дантона, Н.Г. Чернышевского, Ф. Лассаля, Цицерона, Г. Гейне, Т. Мора, Ф. Шиллера и других великих личностей [Некрасов, 2022в, с. 140].

Постановлением СНК от 30 июля 1918 года был утвержден список людей, кому предлагается возвести памятники в городах РСФСР [Декреты советской власти, Т. 3, 1964, с. 118]. В список вошли революционеры, писатели, ученые, художники, артисты и др. Первоначально список состоял из 67 человек, постановлением в него были дополнительно внесены Н.Э. Бауман, А.А. Ухтомский, Г. Гейне. Подписанный В.И. Лениным, список был опубликован в газете «Известия» от 2 августа 1918 года [Декреты советской власти, Т. 3, 1964, с. 118].

Почему же В.И. Ленин так ревностно относился к исполнению положений Декрета, ведь монументальная пропаганда была не единственной формой идеологического воздействия на население страны? Не только ведь потому, что это была его идея и он, как заботливый отец, следил за развитием своего детища, хотя такие внутренние ощущения, несомненно, присутствовали в размышлениях вождя революции. В.И. Ленин однозначно понимал, что успех пропаганды в формировании новой идеологии зависит не от периодических и точечных мероприятий этого рода деятельности, а от комплексного применения всех форм и методов пропагандистского воздействия, с задействованием максимально

возможного количества сил и средств и направленного на все сферы жизнедеятельности общества. Монументальная пропаганда была частью, одним из множества «винтиков» механизма воздействия на массы и, являясь мощным инструментом манипуляции ими, была направлена на воспитание в народе чувства гордости за страну, патриотизма и личной ответственности и формировала определенные стереотипы и установки у народных масс. Видится, что личный контроль В.И. Ленина по исполнению Декрета был связан именно с пониманием необходимости максимальной реализации этой формы пропаганды для ее синхронного воздействия на людей в совокупности с другими формами.

Личный контроль и максимально возможная степень участия со стороны Председателя Совнаркома «оживили» деятельность уполномоченных ведомств и должностных лиц в деле исполнения плана. С июля 1918 года финансирование улучшается, к выполнению плана привлекаются художники и скульпторы, которым по возможности предоставляются оптимальные условия для работы.

Следуя плану, скульпторы активно работали над созданием памятников, бюстов и мемориальных досок. В условиях разрухи, голода и интервенции за короткий промежуток времени (с 1918 по 1921 годы) было установлено около 40 памятников и бюстов «лучшим умам человечества» и более 50 мемориальных досок с изречениями, отражающими новую идеологию пролетариата [Толстой, 1961, с. 9]. Для работы над монументами привлекались мастера с самыми разными видениями, методами и подходами, уровнем профессионализма. Наиболее запоминающимися и революционными можно считать монументальные произведения В.А. Синайского, которые своей динамичностью и образностью поражали зрителей, а в работах Л.В. Шервуда особое внимание уделялось пластичности образов [Семенов, Сперанская, 2018, с. 40]. Скульпторами создавались монументы революционерам, ученым, деятелям культуры и образования. Конечно, не все из них поддерживали стремление к коммунистическим идеалам, но их влияние и творчество были признаны советской властью важными для формирования нового социального порядка. В достаточно короткие сроки с момента принятия декрета были созданы и установлены памятники А.Н. Радищеву, К. Марксу и Ф. Энгельсу, Ф.М. Достоевскому, А.И. Герцену, Н.П. Огареву и другим. За четыре года с момента начала монументальной пропаганды было создано сто восемьдесят три памятника, однако из-за использования недолговечных материалов многие из них были утрачены (памятник К. Марксу, установленный перед Смольным (скульптор А. Матвеев), памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу (скульптор С. Мезенцев)). Некоторые памятники были переведены в гранит и бронзу, часть памятников сохранилась до наших дней – такие, как памятник А.Н. Радищеву скульптора Л. Шервуда, а также памятники А.И. Герцену и Н.П. Огареву, К.А. Тимирязеву, Г.В. Плеханову и другие [Лекус, 2021, с. 72–73].

В связи с ограниченными финансовыми возможностями молодого государства, В.И. Ленин предложил создавать памятники из недорогих материалов, понимая, что главное в памятниках – это символизм, пропаганда и доступность: «открытие таких памятников придает революционному истекшему году особый колорит...». Как отмечал председатель Московского союза скульпторов С.Т. Коненков, именно в революционные годы «резец скульптора стал оружием в борьбе за советскую власть» [Шалаева, 2014, с. 34].

Открытие памятников, барельефов, памятных досок всегда происходило торжественно, сопровождалось выступлениями известных революционеров, руководителей местных партийных организаций, писателей и т. д. Митинги, организованные по торжественному случаю открытия, были наполнены патриотическими выступлениями, призывами к единению народа против буржуазии и капитализма, исключительной роли коммунистической партии и т. д. К примеру, на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу 7 ноября 1918 года лично присутствовали В.И. Ленин и Я.М. Свердлов, а также представители иностранных делегаций. В своей речи В.И. Ленин говорил о великих заслугах К. Маркса и Ф. Энгельса, заключавшихся в доказанности научным путем «краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации че-

ловека человеком» и в том, что они «указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание» [Ленин, 1969, с. 169]. Говоря об открытии данного памятника, нельзя не остановиться более подробно, собственно, на самом памятнике. Памятник был изготовлен с применением самых дешевых материалов – в основе были гипс и дерево, именно поэтому он просуществовал короткий период. Идея, заложенная в композицию монумента скульптором С.А. Мезенцевым, должна была показать людям К. Маркса и Ф. Энгельса выступающими на трибуне, доносящими до народа свои мысли о безупречности коммунистического строя. Однако получилось с точностью до наоборот – сжатые сроки подготовки монумента, экономия средств вызывали недовольство среди горожан недостаточным портретным сходством, несоблюдением пропорций и непродуманной композицией (у людей складывалось ощущение, что эти великие люди находятся не на трибуне, а «высываются из большой ванны») [Ленинский план монументальной пропаганды в Москве].

Если говорить в общем о порядке и принципах изготовления и установки памятников и монументов, то такие регламенты отсутствовали, и многие из них были установлены стихийно и без привязки к окружающей среде, да и главным критерием для выбора героев монументов стала новая коммунистическая идеология. Отсутствие достаточного финансирования, ограниченные сроки исполнения заказов явились причиной использования при изготовлении дешевых материалов – гипса, дерева, бетона, что приводило к их постепенному разрушению или полной потере. Историческая достоверность и портретное сходство на монументах не всегда соблюдались, т. к. скульпторы стремились воспроизвести только наиболее узнаваемые черты. Характерными, отличительными особенностями монументальных сооружений того времени были масштабность, массовость и рациональность. Они воплотились в таких знаковых архитектурных объектах, как «Памятник жертвам революции» на Марсовом поле в Петрограде и мавзолее В.И. Ленина в Москве. Памятники становились коммунистическими символами и преимущественно устанавливались в центральных районах городов, часто прямо на площадях, создавая при этом визуальную легитимность правящей партии [Огорельцев, Махмутова, 2022, с. 278].

Вполне понятно, что работа над таким проектом, как монументальная пропаганда, была сопряжена с трудностями и в моментах практической реализации замыслов скульпторов и художников. Но и справедливо так же и утверждение, что задачи плана решались, несмотря на возникающие проблемы. Работа над памятниками сближала художников, направляла их на идеи реализма и народности, способствуя возрождению монументального искусства на новой идейной основе, по сути, с самого начала. После революции традиции классического искусства были отставлены в сторону, а практика скульптуры до-революционного времени кардинально отличалась от задач монументального искусства. Монументальная пропаганда в ее сути стала двигателем для создания новых художественных форм, а также для разработки уникальной концепции формирования народной памяти на улицах и площадях городов страны, успешно подчеркивая роль культуры и искусства в общественной жизни в период революции и постреволюционный период.

Переход государства к социалистическому строительству требовал не только максимального напряжения всех слоев населения, но и стал движущим фактором в творчестве трудящихся и проявлении талантов организатора, ответственного отношения к труду и социалистической дисциплины. Искусство стало неотъемлемой частью этого процесса, важным аспектом в передаче памяти новым поколениям. В.И. Ленин видел естественную потребность общественного строя в увековечивании памяти великих деятелей прошлого, чтобы напомнить народу о борьбе за светлое будущее. Монументальная пропаганда стала своеобразным инструментом в передаче исторической и культурной наследственности: «...Пусть они напоминают пролетариату и всем трудящимся России, что их исторический долг состоит в том, чтобы воплотить в жизнь мечты лучших умов человечества, построить социалистическое общество, создать безграничный простор для гармонического развития личности свободного советского человека и роста социалистической культуры...» [Некрасов, 2022г, с. 97].

План монументальной пропаганды реализовывался только в городах, про сельскую местность обсуждений не было, что подтверждается практически полным отсутствием информации в прессе. В газетах того периода заметок о монументальных сооружениях в деревне практически не было. В газете «Беднота» за 1918–1919 годы, которая занималась освещением событий в деревне, упоминается только одна статья об открытии памятников К. Марксу, а также упоминается о других местах, где планировалось их установка [Шалаева, 2015, с. 175]. Агитация и пропаганда со стороны большевиков по возведению монументов в деревне не производила впечатления на крестьян. Только в 1924 году, после кончины В.И. Ленина, его бюсты и памятники стали появляться в деревнях.

В качестве вывода можно отметить, что план монументальной пропаганды, предназначенный для формирования культурно-идеологического пространства, был первым шагом к определению основных требований Советского государства к творчеству художников и определил будущие тенденции советского городского ландшафта, тем самым сформировал образ Советской власти через монументальные символы. Идеология и потребности масс стали основой для создания произведений искусства, которые были бы доступны всем слоям населения. Реализация этого плана потребовала не только новых методов художественного творчества, что приводило к спорам и противоречиям в среде творческой интеллигенции, но и исключительного взаимодействия должностных лиц и организаций, отсутствие которого было причиной срывов и застоя в выполнении задач. Работа в трудных бытовых условиях, недостаток материалов, творческие разногласия с одной стороны, слабое финансирование, отсутствие планов по сносу старых памятников, установке памятных досок с другой стороны замедляли процесс выполнения плана. Тем не менее, реализуя план монументальной пропаганды, за период 1918–1921 гг. в Москве и Петрограде возведено 25 и 18 памятников соответственно [Семенцов, Сперанская, 2018, с. 39], а всего за период 1918–1922 г. было создано 183 памятника и десятки памятных досок [Гапеева, Кузнецова, 1964, с. 14].

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сказать, что на фоне всех недостатков, споров и противоречий, возникающих при реализации Плана, деятельность руководства и личный контроль со стороны В.И. Ленина смогли мобилизовать творческую интеллигенцию на поиск новых стилей и решений, которые должны были отражать дух советской эпохи. Именно творческим поиском можно назвать начало реализации Ленинского плана, когда работа отличалась не столько конкретными успехами, сколько энергичностью и концентрацией усилий интеллигенции на решение сложных задач искусства в новой эпохе. План монументальной пропаганды способствовал формированию принципов этого искусства, содействовал созданию образа Советской власти, а в совокупности с проводимыми мероприятиями, такими как агитация, массовые праздники, кинематограф и др., монументальная пропаганда обеспечивала легитимность, способствовала решению пропагандистских и воспитательных задач и создавала положительный образ Советской власти, принимаемый и поддерживаемый народом. Известный советский скульптор и непосредственный участник реализации плана С.Т. Коненков, общаясь с молодыми художниками, говорил: «Вы призваны в прекрасных изваяниях отобразить орлиное племя лучших советских людей. Вам продолжать начертанную Лениным «монументальную пропаганду». Много, много поколений художников будет осуществлять эту величественную, гениальную программу. Никогда не забывайте о том, что у истоков социалистической скульптуры – Ильич» [Цит. по: Котломанов, 2021, с. 65].

Можно с уверенностью говорить о том, что Ленинский план монументальной пропаганды оказался важным этапом в развитии культуры и искусства Советского государства и был не просто государственным заданием, определяющим основные требования к твор-

честву художников и скульпторов, но и более глубоким шагом в развитии социалистической эстетики и конкретизацией лозунга «Искусство для партии» в советских условиях. Важным аспектом его реализации являлась мобилизация художественной интеллигенции на службу в интересах партии и народа, использование искусства для социалистического просвещения. Этот план имел огромное значение для истории Советского государства и культуры. В то время когда страна еще только отходила от разрухи и гражданской войны, ленинская идея монументальной пропаганды стала одним из первых шагов нового, советского общества на пути к выработке методов социалистического строительства через монументальное воплощение идей социализма.

Список источников

- Декреты советской власти: в 18 т. Т. 2: 17 марта 1917 – 10 июля 1918. 1959. М.: Политиздат.
Декреты советской власти: в 18 т. Т. 3: 11 июля 1917 – 9 ноября 1918. 1964. М.: Политиздат.
Адоратский В.В., Молотов В.М., Савельев М.А. и Сорин В.Г. 1933. Ленинский сборник XXI. М.: Паргиздат.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., Т. 37. 1969. М.: Политиздат.
Ленинский план монументальной пропаганды в Москве: история в деталях [электронный ресурс]. URL: <http://vovse-ne.ru/VN2/?p=314&page=3> (дата обращения: 4.04.2023).
Луначарский А.В. 1968. Ленин и искусство. Воспоминания. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия.
Толстой В.П. 1961. Ленинский план монументальной пропаганды в действии. М.: Изд-во академии художеств СССР.

Список литературы

- Александрова А.Д. 2022. Символика новой власти в монументальной пропаганде после 1917 года. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1 (41): 112–125.
Бабикова Т.В. 2022. Героическая романтика монумента. Памятник революции в Омске. Горизонты образования: материалы III Международной научно-практической конференции, 166–168.
Гапеева В.И., Кузнецова Э.В. 1964. Беседы о советских художниках. М. Л.: Изд-во Просвещение. 198 с.
Колоницкий Б.И. 2012. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России. 320 с.
Котломанов А.О. 2021. Ленинский план монументальной пропаганды – феномен государственного публич-арта. Terra Artis. Искусство и дизайн, 4: 62–76.
Кулемзин А.М. 2008. К толерантности без монументальной пропаганды. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 5: 4–9.
Лекус Е.Ю. 2021. Монументальная пропаганда как выражение социокультурных противоречий советской системы 1920-х гг. Вестник культуры и искусств, 4 (68): 70–79.
Некрасов С.Н. 2022а. План привлечения художественной интеллигенции на службу народу и художественная политика старого социализма: проблема государственного заказа. Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, 88–93.
Некрасов С.Н. 2022б. Снос и возведение памятников: задачи старого и нового социализма. Современные технологии: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, 88–92.
Некрасов С.Н. 2022в. Реализация ленинского плана монументальной пропаганды и современные дискуссии. Актуальные научные исследования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, 2 (1): 138–142.
Некрасов С.Н. 2022г. Охрана культуры народов и ленинский план Советской монументальной пропаганды. Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, 94–98.
Огорельцев П.А., Махмутова К.З. 2022. Опыт использования монументальной пропаганды в СССР в 1918–1925 и 1945–1960 гг.: сходства и различия. Документ в современном обществе: на

- пути к междисциплинарному изучению. Материалы XV Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 277–280.
- Савченко В.Н., Смагин В.П. 2006. Начала современного естествознания: тезаурус. Ростов н/Д.: Феникс. 336 с.
- Семенцов С.В., Сперанская В.С. 2018. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры. Вестник гражданских инженеров, 2 (67): 37–47.
- Слепухин В.В. 2017. Концепция нового советского искусства в программных документах и выступлениях: 1918–1930-е гг. Культура и цивилизация, 7 (4А): 828–835.
- Ушаков Д.Н. 2014. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант». 800 с.
- Шалаева Н.В. 2014. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 годы. Вестник Челябинского государственного университета, 8 (337): 30–35.
- Шалаева Н.В. 2015. Формирование культурного пространства в первые годы Советской власти. Кубанские исторические чтения. Материалы VI Международной научно-практической конференции, 168–177.

References

- Aleksandrova A.D. 2022. Simvolika novoy vlasti v monumental'noy propagande posle 1917 goda [The symbolism of the new government in monumental propaganda after 1917]. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo, 1 (41): 112–125 (in Russian).
- Babikova T.V. 2022. Geroicheskaya romantika monumenta. Pamyatnik revolyutsii v Omske [The heroic romance of the monument. Monument to the Revolution in Omsk]. Gorizonty obrazovaniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 166–168 (in Russian).
- Gapeeva V.I., Kuznetsova E.V. 1964. Besedy o sovetskikh khudozhnikakh [Conversations about Soviet artists]. M. L.: Izd-vo Prosveshchenie. 198 s. (in Russian).
- Kolonitskiy B.I. 2012. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Symbols of Power and the Struggle for Power: to Study the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. SPb.: Liki Rossii. 320 s. (in Russian).
- Kotlomanov A.O. 2021. Leninskiy plan monumental'noy propagandy – fenomen gosudarstvennogo publik-arta [Lenin's plan of monumental propaganda is a phenomenon of state public art]. Terra Artis. Iskusstvo i dizayn, 4: 62–76.
- Kulemzin A.M. 2008. K tolerantnosti bez monumental'noy propagandy [Towards tolerance without monumental propaganda]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 5: 4–9 (in Russian).
- Lekus E.Yu. 2021. Monumental'naya propaganda kak vyrazhenie sotsiokul'turnykh protivorechiy sovetskoy sistemy 1920-kh gg. [Monumental Propaganda as an Expression of the Socio-Cultural Contradictions of the Soviet System of the 1920s]. Vestnik kul'tury i iskusstv, 4 (68): 70–79 (in Russian).
- Nekrasov S.N. 2022a. Plan privlecheniya khudozhestvennoy intelligentsii na sluzhbu narodu i khudozhestvennaya politika starogo sotsializma: problema gosudarstvennogo zakaza [The plan to attract the artistic intelligentsia to the service of the people and the artistic policy of old Socialism: the problem of state order]. Nauka i prosveshchenie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 88–93 (in Russian).
- Nekrasov S.N. 2022b. Snos i vozvedenie pamyatnikov: zadachi starogo i novogo sotsializma [Demolition and erection of monuments: tasks of old and new Socialism]. Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 88–92 (in Russian).
- Nekrasov S.N. 2022v. Realizatsiya leninskogo plana monumental'noy propagandy i sovremennye diskussii [Implementation of Lenin's plan of monumental propaganda and contemporary discussions]. Aktual'nye nauchnye issledovaniya: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2 (1): 138–142 (in Russian).
- Nekrasov S.N. 2022g. Okhrana kul'tury narodov i leninskiy plan Sovetskoy monumental'noy propagandy [Protection of peoples' Culture and Lenin's Plan of Soviet Monumental Propaganda]. Nauka i prosveshchenie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 94–98 (in Russian).

- Ogorel'tsev P.A., Makhmutova K.Z. 2022. Opyt ispol'zovaniya monumental'noy propagandy v SSSR v 1918–1925 i 1945–1960 gg.: skhodstva i razlichiya [The experience of using monumental propaganda in the USSR in 1918–1925 and 1945–1960: similarities and differences]. Dokument v sovremennom obshchestve: na puti k mezhdistsiplinarnomu izucheniyu. Materialy XV Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 277–280 (in Russian).
- Savchenko V.N., Smagin V.P. 2006. Nachala sovremennogo estestvoznaniya: tezaurus [The Beginnings of Modern Natural science: thesaurus]. Rostov n/D.: Feniks. 336 s. (in Russian).
- Sementsov S.V., Speranskaya V.S. 2018. Leninskiy plan monumental'noy propagandy i traditsii imperatorskoy stolichnoy kul'tury [Lenin's Plan of Monumental Propaganda and traditions of the Imperial Capital Culture]. Vestnik grazhdanskikh inzhenerov, 2 (67): 37–47 (in Russian).
- Slepukhin V.V. 2017. Kontseptsiya novogo sovetskogo iskusstva v programmnykh dokumentakh i vystupleniyakh: 1918–1930-e gg. [The concept of new Soviet art in program documents and speeches: 1918–1930s]. Kul'tura i tsivilizatsiya, 7 (4A): 828–835 (in Russian).
- Ushakov D.N. 2014. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. M.: «Adelant». 800 s. (in Russian).
- Shalaeva N.V. 2014. Plan sovetskoy monumental'noy propagandy: problemy realizatsii. 1918–1921 gody [The plan of the Soviet monumental propaganda: problems of implementation. 1918–1921]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 8 (337): 30–35 (in Russian).
- Shalaeva N.V. 2015. Formirovanie kul'turnogo prostranstva v pervye gody Sovetskoy vlasti [Formation of cultural space in the early years of Soviet power]. Kubanskie istoricheskie chteniya. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 168–177 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.05.2023

Received 12.05.2023

Поступила после рецензирования 28.07.2023

Revised 28.07.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Accepted 28.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шмаков Алексей Анатольевич, доцент кафедры военного учебного центра, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Alexey A. Shmakov, associate professor of the department of the military training center, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-3795-496X](https://orcid.org/0009-0002-3795-496X)

УДК 94(47).084.2.

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733

Оригинальное исследование

Солдаты в общественно-политической жизни Воронежа весной и летом 1917 г.

Назаренко Е.Ю.

Воронежский областной краеведческий музей,
Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Плехановская, 29
E-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе проводится анализ социальной и политической активности солдат Воронежского гарнизона весной и летом 1917 года. Одним из устойчивых трендов, проявившихся на всем протяжении означенного периода, был неостановимый рост антивоенных настроений в среде солдат, постоянно находившихся под угрозой перемещения из тыловых частей на фронты Первой мировой войны. Этот фактор оказывал решающее влияние на их политическую активность. В целом можно констатировать, что начиная с рубежа мая и июня в солдатской массе росли симпатии к большевикам. Этот процесс был прерван городскими властями в июле 1917 г., когда значительная часть солдат-большевиков была отправлена в зону боевых действий. Однако ситуация изменилась в августе, когда в Воронеже оказались переброшенные из Сибири солдаты-пулеметчики, которые в массе своей симпатизировали большевистским идеям. Другим важным фактором общественной жизни Воронежа было антисоциальное поведение значительных групп солдат, нередко проявлявшееся в преступной деятельности. Эта проблема была предметом безуспешных забот гражданских и военных руководителей города.

Ключевые слова: революция, солдаты, Воронежский гарнизон, Первая мировая война, дезертиры, большевизм

Для цитирования: Назаренко Е.Ю. 2023. Солдаты в общественно-политической жизни Воронежа весной и летом 1917 г. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 724–733. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733.

Soldiers in the Social and Political Life of Voronezh in the Spring and Summer of 1917

Yevgenii Yu. Nazarenko

Voronezh Regional museum of Local Lore,
29 Plekhanovskaya St., Voronezh 394036, Russia
E-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

Abstract. This paper analyzes the social and political activity of the Voronezh garrison soldiers in the spring and summer of 1917. One of the steady trends that emerged throughout the period was the unstoppable growth of anti-war sentiments among soldiers, who were constantly under threat of being moved from the rear to the fronts of World War I. This factor had a decisive influence on their political activity. In general, it can be stated that, starting from the turn of May and June, sympathy for the Bolsheviks was growing among the soldier masses. This process was interrupted by the city authorities in July 1917, when a significant number of Bolshevik soldiers were sent to the war zone. However, the situation changed in August, when machine-gun soldiers who had been transferred from Siberia and were massively sympathetic to Bolshevik ideas found themselves in Voronezh. Another important factor in the social life of Voronezh was the anti-social behavior of significant groups of soldiers, often manifested in criminal activity. This problem was the subject of unsuccessful concerns of the city's civilian and military leaders.

Keywords: revolution, soldiers, Voronezh garrison, World War I, deserters, Bolshevism

For citation: Nazarenko Ye.Yu. 2023. Soldiers in the Social and Political Life of Voronezh in the Spring and Summer of 1917. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 724–733 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-724-733

Введение

На протяжении 1917 г. солдаты играли важную роль в ходе политического процесса в России. Такому ходу дел способствовала многочисленность этой социальной группы. Солдат, призванных под ружье во время массовых мобилизаций 1914–1916 гг., отправляли не только на фронты Первой Мировой войны, но и в тыловые части. В результате к началу 1917 г. в Центральной России, по подсчетам историка Л.С. Протасова, было около 1,5 млн военнослужащих [Протасов, 1978, с. 16].

Ход революции 1917 г. не в последнюю очередь зависел от особенностей массовой психологии солдат. Существует представление о том, что, поскольку основная часть бойцов русской армии происходила из крестьян, им была свойственна характерная для русского земледельческого сословия патерналистская этика. На наш взгляд, эту позицию следует принять с существенными оговорками. Во-первых, крестьяне среди солдат гарнизонов Центральной России не составляли подавляющего большинства: по подсчетам Л.С. Протасова, из служивших в пехоте к земледельческому сословию было приписано 54,23 %, из кавалеристов – 56,16 % и из артиллеристов – 53,12 % [Протасов, 1978, с. 22].

Во-вторых, говорить о социальных этических нормах в их чистом виде имеет смысл лишь в тех случаях, когда сохраняются традиционные социальные структуры. Массовая армия и институт тотальных мобилизаций формировали новый тип общественных связей, в которые было вовлечено несколько миллионов человек. Благодаря этим обстоятельствам значительные массы людей пережили процесс падения прежних авторитетов, который начался еще до революции и ускорился после свержения в России монархии. В настоящей работе мы намерены сконцентрироваться на рассмотрении вопросов, связанных с социальным поведением солдат и их участием в общественно-политической жизни в Воронеже весной и летом 1917 г.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является социальная активность солдат Воронежского гарнизона с марта по август 1917 г. В основу исследования положены историко-социологический, социально-психологический, микроисторический методы. Историко-социологический метод связан с анализом настроений и действий особой социальной группы, коей являлись солдаты российской армии. Социально-психологический метод проявился в анализе особенностей коллективной психологии, свойственной солдатам и проявлявшейся в их деятельности. Наконец, микроисторический подход связан с тем, что исследование ограничено весьма узкими географическими рамками – территорией города Воронежа и его ближайших окрестностей.

Результаты и их обсуждение

Накануне революции в 123-тысячном городе было от 10 до 30 тысяч военнослужащих [Протасов, 1978, с. 21]. Бойцы расквартированных в Воронеже 58 и 59 пехотных полков в феврале 1917 г. в своей массе перешли на сторону восставших. Когда успех Петроградского восстания еще не казался predetermined, в Воронеже был создан отряд во главе с поручиком Морозовым для подавления революционных выступлений, однако вошедшие в него солдаты отказались подчиняться командованию и облачились в красные банты в знак солидарности с революцией [Воронежский телеграф..., № 54]. Во многом благодаря этому смена власти в Воронеже в начале марта 1917 г. свершилась мирно.

После победы революции у солдат Воронежского гарнизона возобладало лояльное отношение к новым властям города в лице Исполнительного комитета общественного спокойствия (ИКОС). Воронежские руководители, в свою очередь, небезосновательно считали солдат одной из опор своей легитимности, что проявилось в проводимых в городе символических акциях. 5 марта представители ИКОС и местного самоуправления провели возле стен Митрофанова монастыря торжественную церемонию приветствия местных воинских частей [Воронежский телеграф..., № 52]. 15 марта в Воронеже, как и в других российских городах, был устроен «великий праздник ... русской революции», завершившийся торжественными похоронами ее жертв. Солдаты Воронежского гарнизона промаршировали через всю Большую Дворянскую улицу к кадетскому плацу, неся перед собой знамена, на одном из которых был начертан лозунг «Свобода, работа и победа» [Воронежский телеграф..., № 60].

Воронежские власти рассчитывали на помощь солдат в борьбе с преступностью, что было обусловлено вакуумом силовых структур, образовавшимся после разгона полиции и жандармского управления. В марте 1917 г. некоторые армейские части были направлены на подмогу милиции, наряду с добровольцами неся караульную службу в городе [Заяц, 2017, с. 184]. В одной из заметок газеты «Воронежский телеграф» такие солдаты назывались «солдатами-милиционерами» [Воронежский телеграф..., № 71].

Вместе с тем уже в марте 1917 г. в деятельности солдат проявилась склонность к бытовому насилию. Прибывшие в Воронеж 7 000 новобранцев громили вагоны поездов и самовольно отлучались в свои дома. В ответ на эти действия начальник воронежского гарнизона полковник В.Д. Языков издал приказ, предписывавший «из казарм в город этих новобранцев не увольнять, покуда они не освоят основ дисциплины», а «всех шатающихся по городу возвращать по месту их расквартирования» [Воронежский телеграф..., № 63]. О проблемах солдат с дисциплиной свидетельствует листовка исполкома Воронежского Совета от 6 марта 1917 г., в которой содержались призывы к «товарищам солдатам» «сохранять полное спокойствие, порядок и дисциплину» [Листовка Исполнительного Комитета..., Д. 3208-1].

К апрелю 1917 г. дисциплина окончательно разладилась в 58 и 59 пехотных полках. Согласно бюллетеням ИКОС, жизнь этих полков сопровождали «беспорядки, пьянство, буйства и ранения» [Сводный бюллетень № 43..., Д. 3204-45]. После предпринятой солдатами 20 апреля попытки разоружения конной милиции было решено отказаться от их услуг в деле охраны общественного порядка [Сводный бюллетень № 40..., Д. 3204-41].

Весной 1917 г. проявились связи солдат с криминальным миром. Об участниках грабежей и разбойных нападений, одетых в солдатскую форму, неоднократно сообщалось в воронежской прессе [Воронежский телеграф..., № 93]. Согласно воспоминаниям И.М. Жмыхова, криминальными связями особенно отличались солдаты Дисциплинарного батальона, которых мемуарист характеризовал как «бунташный анархический элемент» [Воспоминания И.М. Жмыхова..., Д. 607. Л. 7]. Этот батальон был сформирован из дезертиров и уголовников и дислоцировался в слободе Придача.

Весной 1917 г. среди солдат стали проявляться и оппозиционные настроения. Особенно острым для них был вопрос продолжения войны. В мае антивоенные настроения усилились, о чем свидетельствует рост числа дезертирств: в Воронеже даже создавались специальные команды для поимки бежавших со службы солдат на станциях Юго-Восточной железной дороги [Воронежский телеграф..., № 101]. Антимилитаристские настроения проявлялись и на митингах. Большевик И.А. Чуев вспоминал, как в мае 1917 г. на воронежской улице «с одного ярого оборонца, весьма прилично одетого господина, сняли его штатское пальто и под общие одобрительные возгласы накинули ему на плечи солдатскую шинель: хочешь воевать – на тебе шинель и иди на фронт!» [Чуев, 1957, с. 17].

Антивоенные настроения среди солдат способствовали росту популярности большевиков в этой среде. Поначалу симпатиями бойцов почти безраздельно владели эсеры, а в воронежском гарнизоне даже не было социал-демократической ячейки [Протасов, 1978, с. 55]. Однако перспективы продолжения военных действий заставляли их все более внима-

тельно прислушиваться к спикерам РСДРП(б). Эти тенденции усилились после того, как в Воронеже побывал кронштадтский матрос-большевик Есин. Он выступил на двух воронежских митингах, прошедших 25 и 28 мая (7 и 10 июня по н. ст.) 1917 г. [Лавыгин, 1928, с. 49–50]. Матрос-кронштадтец призывал к немедленному прекращению военных действий и к борьбе за передачу всей полноты власти Советам [Октябрьская революция..., б. г., с. 55].

Семена, посеянные выступлениями Есина, взорвались уже в июне. 7 июня 1917 г. на станции Воронеж-II состоялись проводы маршевых рот на фронт, во время которых выступал молодой большевик А.Ю. Кольнер, призвавший к скорейшему прекращению войны. Затем помощник начальника станции Гоголевский обратился к солдатам (по версии Кольнера, в резкой форме прервав его выступление [Воронежский телеграф..., № 123]) и произнес «противоположную речь», в которой доказывал необходимость продолжения боевых действий. Своими высказываниями Гоголевский разъярил бойцов – они напали на него и избили. С многочисленными травмами помощник начальника станции был увезен в больницу [Воронежский телеграф..., № 120].

Как утверждал мемуарист Н.Н. Рабичев, после инцидента на станции Воронеж-II руководство Воронежского гарнизона запретило большевистскую агитацию в казармах, что является свидетельством их возросшей силы [Рабичев, 1934, с. 20]. Однако было бы преувеличением утверждать, что большевики прочно овладели симпатиями солдат. Н.Н. Рабичев писал об одном из заседаний исполкома воронежского Совета, которое состоялось в июне 1917 г. Выступавший на нем поручик Минин клеймил большевиков, утверждая, что они «провокаторы, шпионы, на немецкие деньги срывают наступление 18 июня» и пр. Затем слово взяли большевики Врачев, Люблин и Комиссаров, которые переломили ситуацию: теперь «те самые солдаты, которые 10 минут назад готовы были на нас кинуться с кулаками, после нашего выступления были очень не прочь обратить свои кулаки против поручика Минина, против кадетов, а заодно и против меньшевиков» [Рабичев, 1934, с. 31]. Этот случай свидетельствует не столько о популярности большевиков, сколько о переменчивости настроений солдатской массы.

Солдаты, как и прежде, являлись угрозой общественному порядку из-за своего недисциплинированного поведения. Сообщения об их деяниях в июне 1917 г. продолжали печататься в газетах, из которых можно было узнать о грабежах, осуществленных солдатом М. Белогуровым по кличке Огурец [Воронежский телеграф..., № 139]; о солдате Шалаеве, укравшем у своего сослуживца кошелек [Воронежский телеграф..., № 143]; и пр. Впрочем, не менее опасным для общественного порядка было спорадически проявлявшееся у обитателей казарм желание вершить правосудие, пренебрегая законными процедурами. Так, в середине июня 1917 г. они хотели устроить самосуд над пойманным ими вором, в связи с чем пытались вырвать его из рук милиционеров. Последним «с большим трудом удалось уговорить солдат отказаться от кровавой расправы...» [Воронежский телеграф..., № 126].

Эта тенденция усилилась в июле, приведя воронежское общество к полноценному политическому кризису. Согласно приведенным В.Э. Моциэнком сведениям, в июле резко выросло число дезертирств. Всего за месяц из рядов 8-й пехотной запасной дивизии (куда входили полки Воронежского гарнизона) дезертировало 748 солдат, что значительно превышало более ранние показатели [Моциэнк, 2010, с. 42]. Неслучайно, что именно в июле 1917 г. военная секция Совета начала уговаривать солдат (без особого, впрочем, успеха) служить «честно, аккуратно и без промедлений» [Лавыгин, 1928, с. 60–61].

В сложившихся условиях некоторые солдаты стремились оказывать непосредственное влияние на работу органов власти. Об этом свидетельствует постановление Воронежского Совета от 3 июля 1917 г., в котором констатировалось, что «в последнее время среди товарищей солдат возникают массовые волнения». Советские лидеры сетовали, что «товарищи солдаты ... устраивают групповые митинги возле дома Народных Организаций, заходят в помещение толпами и тем совершенно мешают плодотворной работе Совета и военной секции». Руководителей Совета беспокоило и то, что «собирающаяся толпа

позволяет себе угрожающие выкрики и производит насилия и избиения неугодных ей лиц» [Листовка Исполнительного Комитета..., Д. 3208-1]. В связи с этим они пытались уговорить солдат делать обращения в Совет не напрямую, а через полковые и командные комитеты. Этот эпизод показывает, что никаких способов воздействия на солдатскую массу, кроме увещаний, у исполкома воронежского Совета не было.

Несмотря на некоторый рост популярности большевиков в гарнизоне, солдаты, как и прежде, в большей степени симпатизировали эсерам. По некоторым сведениям, влияние большевиков на воронежских солдат даже снизилось после Петроградского восстания 3–5 июля 1917 г. и последовавшей затем в прессе кампании по дискредитации РСДРП(б) [Воронежский телеграф..., № 145]. В связи с этим исследователь Л.С. Протасов считал, что рост числа дезертирств нельзя связывать с большевистским влиянием [Протасов, 1978, с. 81].

Вероятно, политических сил, успешно использовавших в июле 1917 г. всплеск социального недовольства солдат, не было вовсе: можно говорить о падении в Воронежском гарнизоне влияния всех политических сил. О справедливости такого предположения свидетельствуют результаты прошедших в начале июля выборов военной секции Воронежского Совета. Эсеры, рассчитывавшие на большинство, получили всего около трети мест. На этих же выборах большевики, как утверждалось в заметке «Воронежского телеграфа», потерпели «безусловный крах». Большинство избранных делегатов были беспартийными [Воронежский телеграф..., № 147].

Таким образом, солдатская масса в целом оказалась вне контроля и официальных органов власти, и руководителей гарнизона, и политических партий. Состояние аномии способствовало росту преступности. Июльские полосы «Воронежского телеграфа» пестрели сообщениями о деяниях дезертиров, наводивших страх на мирных обывателей. О состоянии общественного мнения красноречиво свидетельствуют ходившие по городу слухи, согласно которым дезертиры готовы объединиться со сбежавшими из тюрем уголовниками для разгрома воронежского Совета [Воронежский телеграф..., № 145].

В преступной деятельности были замечены солдаты, не только самовольно покинувшие службу, но и продолжавшие находиться в частях Воронежского гарнизона. В первой половине июля своими деяниями прославился солдат по фамилии Контрим, рецидивист с дореволюционным стажем. 4 июля между ним и его старым знакомым, бывшим полицейским Сысоевым (продолжавшим службу в сысской милиции) произошел конфликт. В тот же день Контрим пришел во главе толпы солдат к зданию сысской милиции, настоятельно требуя арестовать Сысоева. Задержав вместо него помощника начальника сысской милиции Рынкевича, солдаты отправили своего узника сначала в Дом народных организаций, а затем в тюрьму [Воронежский телеграф..., № 144]. Милиция ничего не смогла противопоставить вооруженной толпе.

Контрим со своими подельниками промышляли грабежами, в связи с чем вступили в конфликт с воронежской боевой рабочей дружиной – пролетарским отрядом, занятым охраной общественного порядка в городе. 9 июля между членами «банды Контрима» и дружинниками в Городском саду произошла перестрелка, в ходе которой был убит начальник дружины С.И. Сазонов и ранены три бойца этого подразделения. Злоумышленникам удалось скрыться, и лишь 14 июля Контрим был задержан в результате облавы [Заяц, 2017, с. 201].

Многочисленные инциденты, связанные с солдатами, способствовали решительным действиям со стороны военных и гражданских властей Воронежа. Было проведено разделение солдат на две категории – благонадежных и неблагонадежных, первых предполагалось использовать как опору властей в гарнизоне, вторых – по возможности изолировать. Из числа первых руководители гарнизона вскоре создали специальную команду пулеметчиков «для предотвращения попыток к контрреволюционным беспорядкам» [Воронежский телеграф..., № 149].

В то же время на состоявшемся 5 июля 1917 г. объединенном заседании исполнительного комитета Совета с представителями полковых комитетов было решено «выделить из рот

и команд преступный элемент», а кроме того, «бывших полицейских» и «отправить их на фронт с первыми отправляющимися ротами и командами» [Выписка из протокола..., Д. 3208-21.]. Согласно хронике Б.М. Лавыгина, 28 (15) июля 1917 г. 58 пехотный полк был в полном составе отправлен в зону активных боевых действий. Часть солдат 59 полка также отправилась на фронт, а из оставшихся в Воронеже бойцов вскоре была создана новая структура – 5 пулеметный полк. Известно, что воевать отправилась основная часть воронежских большевиков-солдат, а также дезертиры 58 полка, задержанные в начале июля в городе [Воронежский телеграф..., № 145]. По подсчетам Л.Г. Протасова, за июль 1917 г. Воронеж потерял свыше 15 тысяч солдат – больше, чем любой другой гарнизон Центральной России [Протасов, 1978, с. 106], из них – более двухсот большевиков [Протасов, 1978, с. 114]. Обратим внимание на то, сколь незначительным было число членов РСДРП(б) среди всех обитателей казарм, отправленных на фронт. Очевидно, это связано с тем, что членов большевистской партии в Воронежском гарнизоне было совсем немного.

В связи с этим следует поставить под сомнение расхожий тезис советской историографии, согласно которому основной причиной обострения солдатского вопроса в Воронеже в июле 1917 г. было влияние большевиков. Нужно отвергнуть и идею о том, что решение перебросить на фронт значительную часть солдат было принято воронежскими военными и гражданскими властями скоропалительно, под влиянием революционной динамики. В действительности переброска 58 полка ближе к зоне боевых действий планировалась заранее и должна была пройти 10 июля, однако впоследствии перенесена на пять дней [Воронежский телеграф..., № 148]. Процесс же превращения 59 полка в пулеметный был длительным, а случившееся в середине июля переименование закрепило уже давно проявляющуюся тенденцию [Воронежский телеграф..., № 150].

В июле 1917 г. городские власти предприняли серьезные меры для поимки дезертиров. Руководитель Воронежского гарнизона полковник В.М. Языков был наделен чрезвычайными полномочиями [Заяц, 2017, с. 202]. Единственной политической силой, выступившей против принятия этих мер, были большевики. «Воронежский телеграф» сообщал, что солдат-большевик Грачев (очевидно, это ошибка автора заметки, и речь шла об И.А. Врачеве) произнес речь, «в которой протестовал против всяких агрессивных действий в отношении к дезертирам, покинувшим фронт и бесчинствующим в тылу и даже призывал устроить им чуть ли не торжественную встречу» [Воронежский телеграф..., № 153]. Однако протесты большевиков не возымели действия.

Полковник Языков принялся энергично наводить порядок. 15 июля 1917 г. от 59 пехотного полка на станцию Бахмач Полтавской губернии была направлена пулеметная команда для заслона дезертирам, едущим с фронта. На следующий день особые полковые команды произвели ночную облаву на дезертиров в общественных местах Воронежа [Воронежский телеграф..., № 153]. Подобные акции проводились и впоследствии [Воронежский телеграф..., № 162].

Для наведения порядка в Воронежском гарнизоне полковник В.М. Языков считал необходимым оградить солдат от социалистической пропаганды. Поэтому, по некоторым сведениям, он запретил в казармах хождение на только большевистских [Воронежский телеграф..., № 153], но даже и эсеровских газет.

Предпринятые военными властями Воронежа крутые меры помогли на некоторое время стабилизировать обстановку. В то же время руководители гарнизона не смогли решить коренных вопросов, беспокоивших солдат. Как и прежде, обитатели казарм не хотели идти на фронт. Об этом свидетельствует инцидент, произошедший в конце июля в 61 госпитале, расквартированном в Воронеже, где солдат Косинин, признанный годным к отправке в зону боевых действий, подговорил своих товарищей (около 70 человек) к избиванию старшего врача Холодковского [Воронежский телеграф..., № 164].

Как и ранее, перед воронежскими властями остро стояла проблема недисциплинированного поведения солдат. Любопытным является воззвание, которое солдатский комитет

караульно-рабочей команды направил другим солдатам 5 пулеметного полка 27 июля 1917 г. Авторы воззвания утверждали, что атмосфера в гарнизоне оказалась отравлена «ложными представлениями о гражданских свободах». По их словам, солдаты в массе своей оказались не в состоянии отличить гражданские свободы от «свободы разнузданности». Отмечалось «непристойное поведение некоторых солдат при отлучках в город, самый внешний вид отлучающихся, их небрежный костюм и произвольные уклонения от установленной нормы» [Воронежский телеграф..., № 160]. Об остроте этого вопроса свидетельствует и распоряжение командования гарнизона, появившиеся в начале августа, согласно которому солдаты, отлучаясь в город, должны иметь «приличный вид» и вести себя «достойно звания свободных граждан» [Воронежский телеграф..., № 169].

На рубеже июля и августа 1917 г. оставалась актуальной проблема криминала в солдатской среде. Известно, что солдаты Воронежского гарнизона занимались перепродажей казенного имущества и предметов обмундирования, в связи с чем воронежскими властями периодически проводились облавы [Воронежский телеграф..., № 175]. Кроме того, есть сведения, что после закрытия на Воронежском ипподроме официального тотализатора солдаты принимали участие в работе появившейся тогда подпольной «тотошки» [Воронежский телеграф..., № 172].

Несмотря на все предпринятые меры, нерешенной оставалась и проблема дезертиров. Как и прежде, они промышляли грабежами и разбоем: например, в начале августа 1917 г. группировка под руководством дезертира Клестова ограбила крестьянина Перцова, приехавшего в Воронеж для участия во II губернском крестьянском съезде [Воронежский телеграф..., № 169].

Меры, предпринятые военными властями с целью оградить солдат от большевистской пропаганды, поначалу оказались эффективными. Влияние большевиков резко снизилось. И.Ф. Бакулин, солдат-большевик, прибывший в Воронеж в конце июля, застал в гарнизоне «далеко не радостное» для своей партии положение – «среди пяти-шести тысяч солдат большевиков насчитывалось всего несколько человек», в то время как ему «рассказывали, что еще недавно большевиков было много, но их отправили на фронт». В полковом комитете, по словам Бакулина, почти безраздельно господствовали «эсеры или их приспешники» [Воспоминания И.Ф. Бакулина..., Д. 605. Л. 4]. Об этом свидетельствуют и данные, приведенные исследователем Е.А. Зверковым, согласно которым на заседании секции, прошедшем 26 июля, присутствовало 5 большевиков и 14 эсеров; а 2 августа – всего 1 большевик и 10 эсеров [Зверков, 2018, с. 151].

Солдатские бунты, происходившие в Воронеже на рубеже июля и августа 1917 г., очевидно, никак не были связаны с деятельностью РСДРП(б). Известно, что волнения произошли 3 августа 1917 г. в 682 ополченской дружине. Они были вызваны отказом руководителей гарнизона отпустить солдат в их родные села на молотьбу. Описывая этот инцидент, газета «Воронежский телеграф» утверждала, что беспорядки были спровоцированы некой «темной агитацией», не конкретизируя, от какой политической силы она исходила [Воронежский телеграф..., № 168].

Политическая ситуация в гарнизоне резко переменялась после 11 августа 1917 г. [Путь жизни..., № 5]. Причиной этого было прибытие в Воронеж 8 маршевых рот из Сибири, пополнивших ряды 5-го пулеметного полка. Согласно сведениям из монографии И.Г. Воронкова, тогда в город приехало около 2 тысяч человек [Воронков, 1952, с. 94]. Появление этих людей способствовало значительному усилению позиций большевиков.

Информация, изложенная в воспоминаниях и в хронике революционных событий Лавыгина, подтверждается и данными газеты «Воронежский телеграф». Анонимный автор заметки был вынужден констатировать, что в Воронежском гарнизоне с середины августа «под влиянием опытных большевистских ораторов замечается большой сдвиг в сторону большевизма» [Воронежский телеграф..., № 183].

Прибывшие солдаты сразу включились в общественно-политическую жизнь города. Уже их первое появление на улицах города произвело яркое впечатление на единомышленников. Н.Н. Рабичев вспоминал: «Как-то, в начале августа, идя по улице, мы с тов. Люблиным увидели большую колонну солдат, шедшую с вокзала в казармы. По-видимому, это было только что прибывшее пополнение. Солдаты пели революционные песни. Впереди колонны несли огромный плакат с надписью: «Мир хижинам, война дворянам!» [Рабичев, 1957, с. 34].

В середине августа 1917 г. солдаты Воронежского гарнизона начали активно себя проявлять в работе солдатской секции Совета. Они посещали устроенные секцией лекции, посвященные текущей политической повестке, и проявляли отчетливые антибуржуазные настроения. Так, один из наиболее популярных вопросов, адресованных лекторам, был связан с тем, почему Временное правительство не проводит для капиталистов обязательных отчислений в казну от их капиталов [Воронежский телеграф..., № 176].

22 августа при большом скоплении людей (3 000 человек [Лавыгин, 1928, с. 94]) в слободе Чижовке, где дислоцировался 5-й пулеметный полк, состоялся первый митинг с участием новоприбывших солдат. Н.Н. Рабичев вспоминал о том, что он продолжался около шести часов, несмотря на проливной дождь, и прошел триумфально для большевиков: левому эсеру Е.Ф. Муравьеву пулеметчики даже не дали слова – у них «не было ни малейшего желания делиться успехом этого митинга с левыми эсерами» [Рабичев, 1934, с. 41].

Ситуация, как свидетельствуют данные воспоминаний, повторялась и на последующих митингах в казармах полка. Несомненно, основной причиной популярности большевиков в этой среде была их антивоенная позиция, о чем писал бывший солдат 5 пулеметного В.Н. Зорин: «На митингах выступали ораторы от нескольких партий, и некоторые выступали за продолжение войны до победы над Германией. Таких ораторов выгоняли с трибуны ..., а как выступит наш пулеметчик, скажет, что войну надо кончать, разъезжаться по домам и добивать буржуев, отбирать земли от помещиков, от фабрикантов заводы, и все кричали правильно» [Воспоминания В.Н. Зорина..., Д. 81. Л. 1]. Зорину вторил и другой мемуарист, С.Н. Ступников, утверждавший, что с августа 1917 г. «полк почти весь, за исключением офицеров и незначительной группы эсеров и меньшевиков, был большевистским» [Воспоминания С.Н. Ступникова..., Д. 764. Л. 1].

Заключение

Солдаты Воронежского гарнизона ярко проявляли себя весной и летом 1917 г. Их социальное поведение на протяжении всего этого времени было взрывоопасным. Политические настроения солдатской массы серьезно менялись. Поначалу солдаты были лояльны Временному правительству, однако уже с апреля в их среде все более популярными становились антивоенные настроения. Особенно это проявилось в июне 1917 г. в преддверии большого наступления российской армии. Изменения политических настроений солдат способствовали росту влияния большевистской партии. Несмотря на то, что влияние РСДРП(б) в первой половине лета 1917 г. далеко еще не было преобладающим, руководители Воронежского гарнизона восприняли большевистскую пропаганду как серьезную угрозу и запретили распространение в войсках газет и листовок, издаваемых большевиками, а затем отправили на фронт наиболее активных смутьянов. Это позволило на некоторое время снизить популярность радикальных идей. Однако продолжалось это недолго – в августе 1917 г., после прибытия в Воронеж маршевых рот из Сибири, солдаты в своей массе склонились на сторону большевизма. Это в значительной степени предопределило дальнейший успех РСДРП(б). Переход власти к альянсу большевиков и левых эсеров, случившийся в Воронеже 30 октября (12 ноября) 1917 г., был в основном совершен руками солдат.

Список источников

- Воронежский телеграф. 1917. 7 марта. № 52.
Воронежский телеграф. 1917. 9 марта. № 54.
Воронежский телеграф. 1917. 16 марта. № 60.
Воронежский телеграф. 1917. 20 марта. № 63.
Воронежский телеграф. 1917. 2 апреля. № 71.
Воронежский телеграф. 1917. 2 мая. № 93.
Воронежский телеграф. 1917. 6 мая. № 97.
Воронежский телеграф. 1917. 12 мая. № 101.
Воронежский телеграф. 1917. 8 июня. № 120.
Воронежский телеграф. 1917. 11 июня. № 123.
Воронежский телеграф. 1917. 15 июня. № 126.
Воронежский телеграф. 1917. 6 июля. № 143.
Воронежский телеграф. 1917. 7 июля. № 144.
Воронежский телеграф. 1917. 8 июля. № 145.
Воронежский телеграф. 1917. 11 июля. № 147.
Воронежский телеграф. 1917. 12 июля. № 148.
Воронежский телеграф. 1917. 13 июля. № 149.
Воронежский телеграф. 1917. 14 июля. № 150.
Воронежский телеграф. 1917. 18 июля. № 153.
Воронежский телеграф. 1917. 27 июля. № 160.
Воронежский телеграф. 1917. 29 июля. № 162.
Воронежский телеграф. 1917. 1 августа. № 164.
Воронежский телеграф. 1917. 5 августа. № 168.
Воронежский телеграф. 1917. 6 августа. № 169.
Воронежский телеграф. 1917. 11 августа. № 172.
Воронежский телеграф. 1917. 14 августа. № 175.
Воронежский телеграф. 1917. 17 августа. № 176.
Воронежский телеграф. 1917. 25 августа. № 183.
Воспоминания Ивана Михайловича Жмыхова. Архив ВОКМ. Д. 607.
Воспоминания Ивана Федоровича Бакулина. Архив ВОКМ. Д. 605.
Воспоминания Василия Николаевича Зорина. Архив ВОКМ. Д. 81.
Воспоминания Степана Николаевича Ступникова. Архив ВОКМ. Д. 764.
Выписка из протокола объединенного заседания исполкомов городского Совета и начальствующих лиц с представителями полковых комитетов от 5 июля 1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-21.
Листовка Исполнительного Комитета Воронежского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. 6 марта 1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-1.
Постановление Воронежского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3208-23.
Путь жизни. 1917. 15 сентября. № 5.
Сводный бюллетень № 40 Исполнительного Комитета Общественного спокойствия в городе Воронеже. 19–21.04.1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3204-41.
Сводный бюллетень № 43 Исполнительного Комитета Общественного спокойствия в городе Воронеже. 03.05-06.05.1917 г. Коллекция Воронежского областного краеведческого музея. Д. 3204-45.

Список литературы

- Воронков И.Г. 1952. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, Воронеж. обл. книгоизд-во, 196.
Лавыгин Б.М. 1928. 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж [Истпартотд. Воронежск. губкома ВКП(б)], 178.
Заяц Н.А. 2017. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 404.

- Зверков Е.А. 2018. Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 году. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 294.
- Моциэнк В.Э. 2010. Революционные события в Воронеже (октябрь-декабрь 1917 г.). Берегиня. 777. Сова. 5 (7): 40–49.
- Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Под. общ. редакцией И.П. Тарадина. Воронеж, Ворон. Коммуна, б. г. 95.
- Протасов Л.Г. 1978. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 191.
- Рабичев Н.Н. 1934. Октябрьские дни в Воронеже. Воронеж, Коммуна, 76.
- Рабичев Н.Н. 1957. Октябрьские дни в Воронеже. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах. Под. ред. И.Г. Воронкова и Т.М. Севастьяновой. Воронеж, Кн. изд-во: 31–44.

References

- Voronkov I.G. 1952. Voronezhskije bol'sheviki v bor'be za pobedu Oktyabr'skoj sotsialisticheskoy revoljutsii [Voronezh Bolsheviks in the struggle for the victory of the October Socialist Revolution]. Voronezh, Voronezh. obl. knigoizd-vo, 196.
- Lavygin B.M. 1928. 1917-j god v Voronezhskoj gubernii (Khronika) [1917 in Voronezh Province (Chronicle)]. Voronezh [Istpartotd. Voronezhsk. gubkoma VKP(b)], 178.
- Zayats N.A. 2017. Krizis gosudarstvennogo upravlenija i organizatsija novykh vlastnykh struktur Voronezhskoj gubernii v 1914–1918 gg. [Crisis of state administration and organization of new power structures in Voronezh Province in 1914–1918]. Dissertation of the Candidate of History. Voronezh, 404.
- Zverkov E.A. 2017. Obshchestvennoje dvizhenije v Voronezhskoj gubernii v 1917 godu [Social movement in Voronezh Province in 1917]. Dissertation of the Candidate of History. Voronezh, 294.
- Motsienok V.E. 2010. Revoljutsionnyje sobytija v Voronezhe (oktuabr'-dekabr' 1917 g.) [Revolutionary events in Voronezh (October-December 1917)]. Bereginya. 777. Sova. 5 (7): 40–49.
- Oktyabr'skaya revoljutsija i grazhdanskaja vojna v Voronezhskoj gubernii [The October Revolution and the Civil War in Voronezh Province]. Edited by I.P. Taradin. Voronezh, no year. Voron. Kommuna, 95.
- Protasov L.G. 1978. Soldaty garnizonov Tsentral'noj Rossii v bor'be za vlast' Sovetov [Soldiers of Central Russia's Garrisons in the Struggle for Soviet Power]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 191.
- Rabichev N.N. 1934. Oktyabr'skije dni v Voronezhe [October Days in Voronezh]. Voronezh, Kommuna, 76.
- Rabichev N.N. 1957. Oktyabr'skije dni v Voronezhe // Za vlast' Sovietov. Sbornik vospominanij uchastnikov revoljutsionnykh sobytij v Voronezhskoj gubernii v 1917–1918 godakh [October Days in Voronezh. For the power of the Soviets. Collection of memoirs of participants of revolutionary events in Voronezh Province in 1917–1918]. Edited by I.G. Voronkov and T.M. Sevastianova. Voronezh, Kn. izd-vo: 31–44.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.05.2023

Received 30.05.2023

Поступила после рецензирования 22.08.2023

Revised 22.08.2023

Принята к публикации 22.08.2023

Accepted 22.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Назаренко Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Воронежский областной краеведческий музей, г. Воронеж, Россия

Yevgenii Yu. Nazarenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Voronezh Regional Museum of Local Lore, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0009-0002-3994-3412](https://orcid.org/0009-0002-3994-3412)

УДК 94(47).084.5/6
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745
Оригинальное исследование

Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета)

Абдулина Б.М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: abdulina97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена персональным коммеморациям в Ленинградском университете в конце 1920-х – 1930-е гг. Целью исследования является выявление их роли в советизации высшей школы. Для решения поставленной проблемы нами была разработана классификация персональных коммемораций, в основе которой лежит биографический принцип. Анализ материалов, посвященных именованным и профессиональным коммеморациям, а также практикам мемориализации смерти показал, что они отвечали запросам государства. В них содержится декларация поддержки науки, транслируется социально одобряемый образ представителей разных социальных групп, они являются частью культурных и идеологических кампаний советской власти. В рассматриваемый период происходит формирование коммеморативных сценариев, связанных с коммунистами и комсомольцами. В то же время наукоцентризм большевиков способствовал сохранению дореволюционных форм репрезентации коммемораций в советском университете, что наиболее ярко видно на примере чествований и увековечения памяти профессоров.

Ключевые слова: Ленинградский государственный университет, историческая память коммеморации, юбилеи, высшая школа, мемориальные практики, периодическая печать

Для цитирования: Абдулина Б.М. 2023. Персональные коммеморации советской высшей школы 1920–1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 734–745. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745

Personal Commemorations of Soviet Higher Education in the 1920–1930s Based on Leningrad State University Periodics' Materials

Bella M. Abdulina

Saint-Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Line, Saint-Petersburg 199034, Russia
E-mail: abdulina97@mail.ru

Abstract. The article deals with the personal commemorations at Leningrad University in the late 1920s and in the 1930s. The purpose of the research is to define the role of the commemorations in the sovietization of higher education. Therefore, periodicals affiliated with the university were taken as the sources. To address the problem, we developed the classification of personal commemorations based on the biographical principle. The analysis of the birthday and professional commemorations, but also memorialization practices of death revealed that they responded to the demands of the Soviet State. They declare support of science, broadcast socially approved images of different groups' members, and they are parts of Soviet cultural and ideological campaigns. During the period under review, the commemorative scenarios related to communist and Komsomol members are taking shape. At the same

time, the Bolsheviks' science-centrism contributed to the preservation of pre-revolutionary commemorations forms at Soviet universities, as most clearly seen in celebrations in honor of the professors and their commemorations.

Keywords: Leningrad State University, historical memory, commemorations, jubilees, higher education, memorial practices, periodicals

For citation: Abdulina B.M. 2023. Personal Commemorations of Soviet Higher Education in the 1920–1930s Based on Leningrad State University Periodics' Materials. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 734–745 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-734-745

Введение

Академические коммеморации – важное исследовательское поле современной отечественной историографии памяти [Богомазова, 2015, с. 121–122] и *university studies*. Можно указать на ряд исследовательских проектов, в которых рассматривались отношения высшей школы и власти, механизмы формирования корпоративных практик – процессов, определявших специфику университетских коммемораций¹¹¹. Большинство исследователей основное внимание уделяют изучению институциональных коммемораций в высшей школе [Ростовцев, 2021; *University Jubilees*, 2015]. Обращение к изучению персональных коммеморативных практик позволяет выявить степень влияния на университетский мир государственной политики памяти. Они являются важным элементом приобщения к корпоративному прошлому и частью обучения профессии [Савельева, 2011, с. 63]. Историография в определенной степени зависит от мемориальных практик, посвящённых выдающимся ученым [Мохначева, 2009, с. 26]. Цель статьи состоит в том, чтобы определить значение персональных коммемораций в качестве инструмента утверждения советской идеологии в высшей школе.

Объекты и методы исследования

Настоящее исследование опирается на методологию и терминологию быстроразвивающегося как за рубежом [Васильев, 2012; Зубанова и др., 2021], так и в России направления *memory studies* [Ростовцев, Сосницкий, 2014]. На сегодняшний день имеются теоретические работы, посвящённые академической мемориальной культуре Российской империи [Савельева, 2011; Сидорякина, 2011, Еремеева, 2012] и Советского Союза [Ильин, 2020]. В ряде исследований рассматриваются случаи реализации коммеморативных практик научного сообщества [Еремеева, 2014; Долгова, 2019; Ломоносова и др., 2019], также в фокусе современной российской историографии находятся академические некрологи [Сидорякина, 2011]. Таким образом, персональные коммеморации высшей школы изучаются изолированно от контекста общегосударственной мемориальной политики. Авторская классификация данных практик, представленная в настоящей статье, является инструментом, позволяющим охарактеризовать их многообразие. В качестве источниковой базы были выбраны публикации о них в газете «Ленинградский университет» (в 1927–1931 гг. – «Студенческая правда») за 1927–1939 гг., для описания ряда сюжетов мы обращались к статьям из журналов «Вулкан», «Красный студент» и материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Результаты и их обсуждение

Архетип героя являлся одним из ключевых для эпохи социализма. Острая потребность в героях вынуждала советских идеологов прибегать к различным техникам, среди которых

¹¹¹ «Университет как корпорация: эволюция институциональных характеристик в XIX–XXI вв.», 2011 г.; «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» 2012–2014 гг.; «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. – начало XX в.)». 2018–2020 гг.

фальсификации, манипуляции историческими фактами, забвение индивидуальных черт, позволявшим встроить персону в образцовую парадигму [Гюнтер, 2000, с. 744–745]. По нашему мнению, персональные коммеморации являлись одним из инструментов мифотворчества советской эпохи.

Именинные коммеморации

В контексте нашего исследования под именинными понимаются коммеморации, ассоциированные с днем рождения персоналии. На страницах университетской газеты сохранились заметки, посвященные деятелям коммунистического движения, партийным руководителям, профессорам и служащим Ленинградского университета (далее – ЛГУ). Поздравительные тексты для представителей каждой из этих групп имели свои особенности.

После окончания Гражданской войны советское правительство продолжило идеологическую работу с населением страны. Издание студенческой прессы являлось важным элементом политико-просветительской работы, задачей которой было сформировать у студенчества «цельное представление по важнейшим вопросам научной и общественной мысли, выработать единство точки зрения и достичь внутренней спайки» [Вулкан, 1922, № 1, с. 36–37]. В публикациях о немецких коммунистах подчеркивается благородство их характера. В статье к 120-летию К. Маркса герой воплощает образ идеального революционера и борца, при этом основное внимание автора уделено роли его учения в советской и мировой истории [Ленинградский университет, 1938, № 20, с. 2]. Другим примером является заметка к 50-летию Э. Тельмана. В ней делаются акценты на поддержке ее героя пролетариями, его личной скромности [Ленинградский университет, 1936, № 12, с. 4]. Имеется серия статей, посвященных полувекowym юбилеям видных большевиков. С усилением культа личности И.В. Сталина формат таких публикаций изменился. В начале 1930-х гг. они носили формальный характер. Поздравление включало фотографию юбиляра и приветствие. Позже добавился текст поздравительного адреса. По случаю юбилея учреждения могли быть наименованы в честь выдающихся коммунистов. К 50-летию А.С. Бубнова его имя было присвоено ЛГУ. В статье приводится его биография, отражающая участие в революционном движении и достижения в должности наркома просвещения [Ленинградский университет, 1933, № 31, с. 1]. В противоположность этому, когда отмечалось 50-летие Г.К. Орджоникидзе, рубрика об этом, помимо приветственного адреса, включала «Песню о Серго», о вкладе ее героя вместе с И.В. Сталиным в установление советской власти на Кавказе [Ленинградский университет, 1936, № 28, с. 1].

В конце 1920-х гг. творческие объединения оказались под контролем политической цензуры. В качестве фундамента для новой социалистической литературы рассматривались произведения русской классики [Симмонс, 2008, с. 156], что определило интерес к ее исследователям. В 1938 г. в ЛГУ было отмечено 100-летие филолога А.Н. Веселовского. В честь юбилея в печати вышли очерки о его научной деятельности, прошли торжественные вечера, мемориальные выставки и научные семинары ¹¹².

С литературой революционного и раннего советского периода неразрывно связано имя М. Горького. И.В. Сталин рекомендовал идеологам объявить его «основоположником социалистического реализма» [Спиридонова, 2018, с. 227]. Судьба писателя как исторической личности точно отражена в статье к его 60-летию, где он назван «полудобровольным, любимым и почетным “пленником” идеологии борющегося пролетариата» [Студенческая правда, 1928, № 9, с. 3]. Утверждение идеологемы о «пролетарской литературе» находит отражение в статье к 70-летию А.С. Серафимовича. Она включает биографическую справку, отражающую сведения о социальном происхождении героя, образовании, его революционной работе и ссылке, характеристику литературного творчества. Писатель был студентом физико-

¹¹² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Л. 9.

математического факультета Санкт-Петербургского университета [Ленинградский университет, 1933, № 13, с. 4], поэтому в советское время факультету было присвоено его имя.

Именинные коммеморации выдающихся мыслителей прошлого позволяли продемонстрировать преемственность между их взглядами и большевизмом. К 300-летию со дня рождения Б. Спинозы вышла статья, где он назван одним из «предшественников революционной теории». Этот текст является примером конструирования образа врага в годы сталинского террора: «...в условиях обострения классово-борьбы <...> мы считаем себя не только в праве, но обязанными отметить юбилей Спинозы, рассматривая его проведение как одно из звеньев борьбы с классовым врагом на идеологическом фронте» [Ленинградский университет, 1932, № 13, с. 2]. Именинные коммеморации могли быть использованы для демонстрации отношения к ученым до революции. В статье к 225-летию М.В. Ломоносова, автор описывает вечер памяти ученого при царизме: «В юбилейном сборнике <...> трогательно перепечатано торжественное обеденное меню, составленное, безусловно, с гораздо большей любовью и знанием дела, чем программа всех прочих “торжеств”» [Ленинградский университет, 1936, № 31, с. 2].

Благодаря именинным коммеморациям актуализировались места памяти, связанные с учеными. В 1934 г. отмечалось 100-летие Д.И. Менделеева, что привлекло внимание к состоянию мемориального музея в Главном здании университета, который пострадал от наводнения 1924 г. В год юбилея была открыта мемориальная доска и поставлена задача «создать учреждение мирового значения – музей химической мысли» [Ленинградский университет. 1934. № 13, с. 2]. Именинные коммеморации профессоров использовались для декларации союза государства и ученых. Успехи советской власти в организации науки подчеркиваются в статье к 75-летию климатолога А.А. Каминского; по утверждению ее автора, 2/3 всех трудов профессора были написаны после Октябрьской революции [Ленинградский университет. 1938. № 39, с. 4]. О.Д. Хвольсон, отметивший в декабре 1932 г. 80-летний юбилей, опубликовал в газете «Известия» статью, в которой перечислил достижения в отечественной физике за 15-летний период советской власти, подчеркнув значение Первой пятилетки [Известия, 1933, № 3, с. 3, продублирована в Ленинградский университет, 1933, № 18, с. 3]. К знаменательной дате были переизданы его труды, учреждены стипендии, а большой физической аудитории Научно-исследовательского физического института (НИФИ) было присвоено его имя. Статьи-поздравления подготавливались коллегами или учениками юбиляров, а адреса – комсомольцами и членами парткомов. Особое внимание в них уделялось педагогической работе и участию ученых в реформировании образования. Именинные коммеморации в ЛГУ отражали официальную позицию государства о приоритете развития науки и культуры.

Мемориализация смерти в пространстве университета

Мемориальные мероприятия, ассоциированные со смертью персоналий, были важной частью коммеморативной культуры советского университета. В качестве источников были выбраны некрологи и статьи, приуроченные к годовщинам со дня смерти на страницах университетской газеты.

Университетские коммеморации, содержанием которых являлось прощание с лидерами ВКП(б) в предвоенные годы, несомненно, были вписаны в общегосударственный контекст. Еще до революции в России сформировалась традиция политической агитации через похоронные ритуалы, которая сохранилась после прихода большевиков к власти [Соколова, 2022, с. 99]. Мемориальные мероприятия, посвященные смерти В.И. Ленина, послужили образцом для практик поминовения героев первых пятилеток С.М. Кирова и В.В. Куйбышева [Мальшева, 2016, с. 30]. Смерть главы государства в правительственном сообщении от ЦК РКП(б) было предложено переживать как «тяжелый удар», который «сплотит наши ряды еще сильнее», поскольку «партия пойдет вперед железным шагом,

потому что она – ленинская партия <...> испытана и закалена в боях, потому что у нее в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин» [Красный студент, 1924, № 2, с. 1]. Годовщины смерти В.И. Ленина регулярно отмечались. В газетных статьях фиксировались успехи советской власти, перемены, произошедшие в ЛГУ и образовании за годы без вождя, актуализировались его публицистические работы, печатались воспоминания и стихи о нем, давались клятвы. Данные тексты использовались для политической агитации. После завершения внутривнутрипартийной борьбы, в 1930-е гг. они демонстрируют преемственность между ленинским и сталинским курсами, конструируют образ врага. Ярким примером являются тексты об открытии в Москве музея В.И. Ленина в 1937 г. [Ленинградский университет, 1937, № 6, с. 1, № 8, с. 2]

Знаковым политическим событием явились похороны С.М. Кирова. Впоследствии годовщины со дня его убийства стали регулярной коммеморацией. На страницах газет было опубликовано правительственное сообщение, в котором в его смерти был обвинен «злодей-убийца, подосланный классовыми врагами» [Ленинградский университет, 1934, № 40, с. 1]. В ЛГУ прошел митинг «тесного единения крупнейших ученых Союза с нашей партией» [Ленинградский университет, 1934, № 40, с. 3]. Представители университета – дирекция, партком и виднейшие ученые – приняли участие в прощании с С.М. Кировым во Дворце Урицкого (совр. – Таврический Дворец), а редактор газеты «Ленинградский университет» С. Утченко был избран в состав городской делегации на похороны. Студенты выразили «величайшее горе», потребовали наказать виновных и призвали сплотиться вокруг И.В. Сталина [Ленинградский университет, 1934, № 41, с. 1]. В дальнейшем мемориальный нарратив, посвященный С.М. Кирову, включал биографические материалы, воспоминания и стихи о нем, информацию о наименованиях в его честь и статьи об открытии мемориального музея.

Место и значение науки в жизни социалистического государства – важная тема, нашедшая отражение в мемориальных статьях. В текстах, вышедших к Ленинским дням, акцентировалось внимание на взглядах лидера большевиков на организацию образования и роль ученых при коммунистическом строе. В качестве примера можно привести очерк, в котором приводится цитата из трудов В.И. Ленина, а затем она иллюстрируется фактами из реальной жизни [Ленинградский университет, 1933, № 18, с. 1]. Другие лидеры большевиков тоже покровительствовали становлению советской науки. В некрологе о В.В. Куйбышеве он назван «пламенным борцом» за «развитие социалистической науки, ее плановость, за ее величайший расцвет» [Ленинградский университет, 1935, № 5, с. 2]. Другим примером является то, что С.М. Киров назван куратором лаборатории профессора С.В. Лебедева, где разрабатывались вопросы, связанные с организацией производства синтетического каучука [Ленинградский университет, 1938, № 40, с. 4].

ЛГУ принимал активное участие в культурных кампаниях сталинской эпохи. Одна из них была посвящена «дружбе народов», ее задачей было воспеть культурные традиции народов СССР [Платт, 2017, с. 93]. В ходе нее в университете прошли коммеморации, посвященные грузинскому поэту Ш. Руставели¹¹³, на филологическом факультете была устроена выставка к 750-летию поэмы «Витязь в тигровой шкуре» [Ленинградский университет, 1938, № 10, с. 4]. Другим трендом этого времени является реабилитация русской национальной культуры. Одной из задач Второй пятилетки являлось приобщение к ней широких народных масс, поскольку она понималась в качестве одной из идейных основ молодой советской республики [Платт, 2017, с. 321]. В этом контексте знаковым событием является Пушкинский юбилей, отмечавшийся в 1937 г. Празднование Пушкинских дней в университете – еще дореволюционная традиция. В советское время в память о поэте устраивались литературно-музыкальные вечера, культпоходы в театры, экскурсии, выставки, торжественные заседания и даже маскарады [Ленинградский университет, 1936, № 33, с. 4]. Отношение к

¹¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Л. 1; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369 Л. 3.

подобным мероприятиям могло быть формальным, например, организация праздника геологами-третьекурсниками была раскритикована [Там же]. В данном контексте необходимо упомянуть, что в университете прошли мероприятия, посвященные В.Г. Белинскому (1923), М.В. Ломоносову (1936), Н.А. Некрасову, Н.Н. Миклухо-Маклаю (1938).

Содержание некрологов и статей к годовщинам смерти отражает часть церемониала, в соответствии с которым в стенах университета переживалась утрата, а также во многом совпадает с юбилейным нарративом. В мемориальных текстах, посвященных выдающимся деятелям, звучит идея бессмертия их начинаний. В качестве примеров можно привести заглавие некролога Н.А. Островского «Он будет жить для нас всегда» [Ленинградский университет, 1936, № 35, с. 2] или процитировать один из текстов памяти В.П. Чкалова: «Безмерна наша скорбь, но велика гордость, что наша страна способна дать миру не одного, а бесчисленную рать чкаловских богатырей» [Ленинградский университет, 1938, № 43, с. 1]. Исследовательница советской похоронной культуры А.Д. Соколова связывает данный факт с атеистическими взглядами коммунистов: вместо христианской идеи вечной жизни они предложили идею строительства мира «светлого будущего», во имя которой приносятся многочисленные жертвы. Таким образом, материалистические похороны становятся витальным актом, предворяющим мир будущего [Соколова, 2022, с. 101].

В прощании с универсантами в дореволюционную эпоху принимали участие члены корпорации вуза, в советское время эта традиция сохранялась. После смерти О.Д. Хвольсона в актовом зале была устроена гражданская панихида, после которой он был похоронен на Смоленском кладбище [Ленинградский университет, 1934, № 21, с. 1]. Переживание горя объединяло коллег и семью покойного. Профессору С.М. Курбатову на страницах газеты выразили соболезнования в связи со смертью дочери [Ленинградский университет, 1933, № 20, с. 4]. Сын профессора К.М. Дерюгина поблагодарил редакцию газеты за почтение памяти умершего отца [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 4]. Похороны К.М. Дерюгина прошли за государственный счет, также университет выступил с ходатайством об установке памятника на его могиле¹¹⁴ и назначении пенсии для вдовы¹¹⁵. В университетской печати размещались тексты, в которых подводились итоги деятельности ученого. Идею продолжения дела покойного отражают заголовки некрологов А.А. Каминского: «Отец метеорологической семьи СССР», «Никогда не изгладится из аналов ЛГУ память об А.А. Каминском», «Памятник ученому – работа учеников» [Ленинградский университет, 1936, № 34, с. 2]. Также в них могли быть отсылки к участию покойного в революционном движении.

Некрологи, посвященные студентам, отражают не только идеологически ангажированный образ комсомольцев, но и реалии эпохи 1930-х гг. В стихотворении в память о студентках-парашютистках Л. Берлин и Т. Ивановой их жизнь представлена как борьба за установление социалистического строя, которая все еще продолжается («...неся с высоты Советов власть <...> Тем, кто пал, боевая слава, Тем, кто жив, боевые дни») [Ленинградский университет, 1936, № 11, с. 1]. В некрологах рассказывается о жизни студентов до поступления в университет и их деятельности во время обучения. Например, Б. Тюрин был участником группы альпинистов ЛГУ [Ленинградский университет, 1936, № 5, с. 4], а А. Канышев принял участие в экскурсии в Крым [Студенческая правда, 1927, № 1, с. 4].

Тексты, посвященные именованным коммеморациям и практикам мемориализации смерти, имеют общие черты. Данные нарративы были идеологически ангажированы и могли быть частью государственной исторической или национальной политики. После отказа от православия в университетской среде сохранилась традиция гражданских панихид. Естественной реакцией на переживание горя утраты являлось объединение и продолжение дела умершего.

¹¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 505. Л. 89–89 об.

¹¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 19. Л. 114.

Профессиональные коммеморации

Важную роль в культурном пространстве советского университета играли профессиональные коммеморации, посвященные общественной, научно-преподавательской или творческой деятельности. По формам репрезентации они близки к именованным коммеморативным практикам и способам мемориализации смерти, однако в социалистическом государстве они имели особую смысловую нагрузку.

В Петроградском-Ленинградском университете отмечались юбилеи писательской работы М. Горького. В 1922 г. литературный кружок Рабфака Петроградского университета провел литературный вечер в честь 30-летия его литературной деятельности [Вулкан, 1922, № 2, с. 9–12]. Через десятилетие университетская газета опубликовала приветственный адрес от научных работников и студентов, а также посвятила творческому юбилею писателя передовую статью [Ленинградский университет, 1932, № 1–2, с. 1]. В очерке, подготовленном сотрудниками университетской библиотеки, особое внимание уделено ленинским оценкам его творчества. Авторам статьи ценен взгляд М. Горького на человека, поскольку он «всегда зовет вперед, вдохновляя к неустанной борьбе за нового человека – строителя бесклассового общества» [Там же]. Его человеколюбие, неравнодушие и бескорыстие иллюстрируются статьей «Воспоминания о М. Горьком», вышедшей в следующих номерах [Ленинградский университет. 1932. № 3, с. 4, № 4, с. 4].

На рассматриваемый период пришлись системные изменения в научном сообществе. Наука становится социальным институтом, в результате государственной политики 1920–1930-х гг. научные работники юридически стали привилегированной профессиональной группой. Мощный социальный запрос на популяризацию науки привел к тому, что персона ученого стала публичной, а результаты его трудов должны были быть представлены в форме, доступной широким слоям населения [Долгова, 2020, с. 363–364, 367]. В результате действия этих тенденций представители академического мира стали героями кинематографа. Профессор-лидер научной школы – один из популярных образов ученого в советской культуре этого времени. В качестве примера можно привести профессора Полежаева из фильма «Депутат Балтики» («Ленфильм», 1936 г., режиссеры А.Г. Зархи, И.Е. Хейфец), прообразом которого является К.А. Тимирязев [Долгова, 2020, с. 316–318]. У корреспондента газеты вызывает возмущение, что, несмотря на популярность этой ленты, интерес к трудам реального ученого остался невысоким [Ленинградский университет, 1937, № 18, с. 2].

Нарратив о профессиональном юбилее ученого включал ряд тем, которые по возможности старались осветить. Прежде всего, это вехи его научной биографии и значение исследований. В этом разделе могло быть указано количество публикаций, названия лучших работ, отмечаться то, что результаты его исследований признаются за пределами СССР и имеют практическое применение. Во-вторых, описание преподавательской манеры профессора: способность объяснить сложный материал, наличие учеников, продолжающих исследования руководителя, внимание к их жизни и обстоятельствам. В качестве примера можно привести случай, упомянутый в статье к 55-летию научно-преподавательской деятельности А.Е. Фаворского. У его аспирантки заболел супруг, профессор, узнав об этом, на следующий день принес «реактив», который велел дать выпить больному [Ленинградский университет, 1939, № 2, с. 4]. В-третьих, общественная деятельность или участие в революционном движении. Данная тема раскрывается перечислением участия героя в комиссиях и органах советской власти. В случае если в биографии профессора были эпизоды, которые можно трактовать как сочувствие революции, о них упоминалось в юбилейных статьях. В статье к 45-летию научной работы М.Э. Янишевского рассказывается, что он потерял место на кафедре палеонтологии Томского технологического института, поскольку предложил на заседании Ученого Совета почтить молчанием память жертв Кровавого воскресенья [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 3]. По возможности в статьях приводилась «революционная» биография

профессора. Яркой иллюстрацией является очерк о гистологе А.В. Немилове, 35-летие научно-педагогической деятельности которого отмечалось в 1936 г. В юности будущий ученый занимался перевозкой запрещенной литературы и писал публицистические заметки, обличавшие царский режим, «глубоко и страстно ненавидел старый строй». После Октябрьской революции поддержал советскую реформу высшей школы, а став проректором по учебной части, «превратил ее [должность] в боевой пост, откуда <...> продолжал вести борьбу против старого университета» [Ленинградский университет, 1936, № 29, с. 2].

Профессиональные коммеморации, посвященные профессорам, могли быть средством привлечения внимания к тем или иным аспектам академической жизни. Так, в начале заметки, в которой универсанты призывают улучшить положение дел на кафедре геохимии, не имеющей собственного кабинета, авторы цитируют слова академика, выдающегося геолога Ф.Ю. Левинсона-Лессинга, сказанные на заседании, приуроченном к 50-летию его научной деятельности, о важности этой дисциплины [Ленинградский университет, 1935, № 11, с. 4].

Накануне принятия Конституции 1936 г., провозгласившей, что власть в СССР принадлежит «трудящимся города и деревни» [Конституция], на страницах университетской газеты появляется ряд заметок, посвященных профессиональным юбилеям служащих ЛГУ. Понятие юбилея в данном случае трактовалось достаточно широко. В качестве примера можно привести заметки о 28-летию работы в качестве секретаря студенческого отдела М.М. Ивановой или о 30-летию водительского стажа шофера ЛГУ К.И. Сильмановича [Ленинградский университет, 1936, № 12, с. 4, № 27, с. 2]. В поздравительных статьях рассказывается о добросовестном отношении к труду их героев, выражаются благодарности и пожелания. Авторами таких очерков зачастую являются представители коллектива, в котором работает юбиляр, они могут ходатайствовать о присвоении ему почетного звания, выплате премии. Так же как и в случае с профессорами, если это возможно, внимание может быть уделено участию служащего в революционном движении и Гражданской войне. В качестве примера можно привести рассказ водителя К.И. Сильмановича в автобиографической заметке о службе во время боев с армией Н.Н. Юденича: «работали, не зная усталости: днем едешь на легковой, а к вечеру пересаживаешься на грузовик и до утра развозишь продовольствие по базам. Ночи были тревожные» [Ленинградский университет, 1936, № 27, с. 2]. Более скромное участие в установлении советской власти принял типографский наборщик И.С. Гурвич, участвовавший в печати прокламаций. Случай с его профессиональным юбилеем интересен также тем, что праздник совпал с «днем большевистской печати» и 25-летием газеты «Правда». Вероятно, поэтому событию посвящена целая газетная колонка [Ленинградский университет, 1937, № 17, с. 2]. В 1937–1939 гг. заметки о профессиональных коммеморациях служащих ЛГУ появлялись реже, чем в 1936 г., и были значительно меньше по объему. Так, в честь 40-летия работы на Географическом факультете служащего Ф.П. Прокофьева в газете была опубликована только его фотография с подписью [Ленинградский университет, 1939, № 3, с. 1].

В советском университете профессиональные коммеморации являлись поводом отдать дань уважения выдающимся общественным деятелям и универсантам. Несомненно, выбор героев находился под идеологическим диктатом, который усиливался на протяжении 1930-х гг. Рассказ об успехах в научной и педагогической деятельности являлся необходимым элементом поздравительной статьи. На ранних этапах становления сталинизма сведения об участии в революционной или общественной деятельности могли опускаться, затем тексты становятся более объемными как за счет этого раздела, так и воспоминаний студентов.

Заключение

Предложенная нами модель персональных коммемораций в ЛГУ в конце 1920-х – 1930-е гг. основывается на биографическом принципе. Именинные коммеморации отражают этапы жизненного пути и впоследствии становятся основой для практик мемориали-

зации, воспроизводящихся после смерти персоналии, профессиональные – вехи ее общественной, трудовой или творческой деятельности. Потребность в «новом человеке» эпохи социализма приводила к тому, что тексты, написанные в связи с коммеморативными практиками, имели общие черты. Они отвечали идеологическим запросам советского государства конца 1920–1930-х гг. К ним относятся конструирование социально одобряемого образа представителей разных профессиональных групп, декларация поддержки науки и ученых, создание образа врага и культа личности советских вождей, культурная кампания по пропаганде «дружбы народов» и реабилитации русской культуры, подготовка к принятию Конституции 1936 г. В рассматриваемый период оформлялся сценарий коммеморативных практик, посвященных коммунистам, формы репрезентации коммемораций, связанных с другими социальными группами, оставались традиционными. Однако их содержание было подчинено задачам новой власти. Наукоцентризм большевиков способствовал сохранению дореволюционных традиций в стенах университета. Это прослеживается в сохранении этапов поминального цикла профессоров, предполагающих публикацию некрологов, участие универсантов в гражданской панихиде, отмечание годовщин смерти, организацию мемориальных выставок, а также в праздновании юбилеев научно-преподавательской деятельности, в государственной поддержке, оказываемой выдающимся ученым вне зависимости от их политических взглядов.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 23-28-01433 «Юбилейные коммеморации Санкт-Петербургского университета».

Список источников

- Вулкан. 1922. 1, 2.
Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Электронный ресурс. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm> (дата обращения: 05 марта 2023).
Красный студент. 1924. 2.
Студенческая правда (с 1931 г. – Ленинградский университет). 1927. 1, 1928. 9, 1932. 1–2, 13, 1933. 13, 18, 20, 31, 1934. 21, 40, 41, 1935. 5, 11, 1936. 5, 8, 11, 12, 27, 28, 29, 33, 35, 1937. 8, 17, 18, 1938. 10, 20, 40, 43, 1939. 2, 3.
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 369. Переписка с Наркомпросом РСФСР в связи с юбилеями и торжествами (поздравления, приветствия).
ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Д. 505. Переписка со Всесоюзным комитетом по делам Высшей школы СНК СССР и Наркомпросом РСФСР по научной и учебной работе).
ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 19. Приветствия и подразделения юбиляров и заслуженных деятелей науки и искусства. Материалы по проведению революционных праздников. Часть I.

Список литературы

- Богомазова О.В. 2015. Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений. Вестник Челябинского государственного университета. История, 65 (16): 120–126.
Васильев А.Г. 2012. Memory Studies: Единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти). Новое литературное обозрение, 5 (117): 461–480.
Гюнтер Х. 2000. Архетипы советской культуры. В кн.: Соцреалистический канон. Ред. Х. Гюнтер, Е.А. Добренко. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект»: 743–784.
Долгова Е.А. 2019. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает?»: пять памятных дат жизни Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. В кн. Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет: 143–148. doi: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/24
Долгова Е.А. 2020. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., РГГУ, 471 с.

- Еремеева С.А. 2012. «Бремя памяти»: некролог как академическая практика. Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение, 11 (91): 20–28.
- Еремеева С.А. 2014. В.И. Вернадский и практика поминовения в научном сообществе. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета, 9: 335–362.
- Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. 2021. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала “Memory studies”. Социологические исследования. 2: 140–145. doi: 10.31857/S013216250010091-3
- Ильин А.А. 2020. Прошлое, настоящее и будущее советского вуза: юбилейные истории высших учебных заведений 1930–1980-х годов. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 25 (2): 93–102. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.2.7
- Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И. 2019. Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях. Наследие, 1: 146–163. doi: 10.31119/hrtg.2019.2.11
- Малышева С.Ю. 2016. Красный танатос: некротрансформизм советской культуры. Археология русской смерти, 2: 22–47.
- Мохначева М.П. 2009. Источники по истории становления и развития историографии в МГИИ – ИАИ РГГУ. Статья первая. Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований, 4 (9): 23–47.
- Платт Дж.Б. 2017. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. Пер. с англ. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 351 с. (Platt J.B. 2016. Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard. University of Pittsburgh Press, 365 p.)
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. 2014. Направления исследований исторической памяти в России. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2: 106–126.
- Ростовцев Е.А. 2021. Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939). Вече: ежегодник русской философии и культуры: 174–189.
- Савельева И.М. 2011. «Уроки истории» ученой корпорации. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета. 7: 63–80.
- Сидорякина Т.А. 2011. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. В кн.: Мир историка: историографический сборник. Ред. В.П. Корзун. Омск, Издательство Омского государственного университета, 7: 95–109.
- Симмонс Э.Дж. 2008. Политический контроль и советская литература. Пер. с англ. Политическая лингвистика, 1 (24): 156–163 (Simmons E.J. 1953. Introduction: Soviet Literature and Controls. In Book: Through the Glass of Soviet Literature. Views of Russian Society. Ed. By E.J. Simmons. N.Y., Columbia University Press: 3–26).
- Соколова А.Д. 2022. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., Новое литературное обозрение, 453 с.
- Спиридонова Л.А. 2018. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма. Studia Litterarum, 3 (1): 212–233. doi: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-212-233

References

- Bogomazova O.V. 2015. Problemnoe pole istoriografii i “istorija pamjati”: kratkij obzor sovremennyh issledovatel'skih napravlenij [Problem Field of Historiography and “History of Memory”: A Brief Overview of Modern Research Directions]. Bulletin of Chelyabinsk State University. History, 65 (16): 120–126 (in Russian).
- Vasil'ev A.G. 2012. Memory Studies: Edinstvo paradigmny – mnogoobrazie ob'ektov (obzor anglojazychnyh knig po istorii pamjati) [Memory studies: the Unity of Paradigms – the Diversity of Projects]. Novoe literaturnoe obozrenie, 5 (117): 461–480 (in Russian).

- Gunter H. 2000. Arhetipy sovetskoj kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In: Socrealisticheskij kanon [Socialist Realist Canon]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt: 743–784 (in Russian).
- Dolgova E.A. 2019. “Vos'midesjatiletnih jubileev ne byvaet?": pjat' pamjatnyh dat zhizni N.I. Kareeva, 1917–1931 gg. [“Don't an 80th Anniversaries Happen?": 5 Memorable Dates from N. Kareev's Life]. In: Tvorcheskaja laboratorija istorika: gorizonty vozmoznogo (k 90-letiju so dnja rozhdenija B.G. Mogil'nickogo) [Creative Laboratory of Historian (to the 90th Anniversary of B. Mogilnitsky)]. Tomsk, Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet: 143–148 (in Russian).
- Dolgova E.A. 2020. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. [The Birth of Soviet Science in the 1920–1930s]. Moscow, RGGU, 471 p. (in Russian).
- Eremeeva S.A. 2012. «Bremja pamjati»: nekrolog kak akademicheskaja praktika [The Burden of Memory: Obituary as an Academic Practice]. RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies, 11 (91): 20–28 (in Russian).
- Eremeeva S.A. 2014. V.I. Vernadskij i praktika pominovenija v nauchnom soobshhestve [V.I. Vernadsky and Practice of Commemoration in the Scientific Society]. In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (9): 335–362 (in Russian).
- Zubanova L.B., Zyhovskaya N.L., Shub M.L. 2021. Aktual'nye trendy pamjati: problemnoe pole zhurnala “Memory studies” [Actual Trends of Memory: the Problem Field of “Memory Studies”]. Sociologicheskie issledovanija. 2: 140–145 (in Russian).
- Ilin A.A. 2020. Proshloe, nastoyashchee i budushchee sovetskogo vuza: Yubileynye istorii vysshikh uchebnykh zavedenij 1930–1980-kh godov [Past, Present and Future of the Soviet University: Jubilee Histories of Higher Education Institutions in the 1930s – 1980s.]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25 (2): 93–102 (in Russian).
- Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageyeva A.I. 2019. Pohorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v perio dicheskoj pečati kak istochnik informacii v istoriko-sociologicheskix issledovaniyah [The funeral of M. Kovalevsky. Obituaries and reports of his deaths in the periodical press as a source of information in historical and sociological research]. Heritage, 1: 146–163 (in Russian).
- Malysheva S.J. 2016. Krasnyj tanatos: nekrosimvolizm sovetskoj kul'tury [Red Thanatos: the symbolism of the death in Soviet culture]. The Archeology of Russian Death. 2: 22–47 (in Russian).
- Mokhnacheva M.P. 2009. Istochniki po istorii stanovlenija i razvitija istoriografii v MGI AI – IAI RGGU. Stat'ja pervaja [Sources on History of Becoming and Development of a Historiography in MSIHA – IHA RSUH. The First Part]. RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences: Historiography, Source Studies, Methods of a Historical Research, 4 (9): 23–47 (in Russian).
- Platt J.B. 2017. Zdravstvuj, Pushkin!: stalinskaja kul'turnaja politika i russkij nacional'nyj pojet [Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard]. Translation from English. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 365 p. (in Russian).
- Rostovtsev E.A., Sosnytskiy D.A. Napravlenija issledovanij istoricheskoi pamjati v Rossii [Main Areas of Russian Memorial Researches]. Vestniks of Saint Petersburg University. Istorija. 2: 106–126 (in Russian).
- Rostovtsev E.A. 2021. Sankt-Peterburgskij universitet v sovetskoj istoriografii i kommemorativnyh praktikah (1919–1939) [St. Petersburg University in Soviet Historiography and Commemorative Practices (1919–1939)]. Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture: 174–189 (in Russian).
- Rudjak B.M. Sud'ba fotoportreta [The Fate of Photographic Portrait]. Around the World, 5: 4–5 (in Russian).
- Saveleva I.M. 2011. “Uroki istorii” uchenoj korporacii [“Lessons of History” scientific corporation]. In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (7): 63–80 (in Russian).
- Sidoryakina T.A. 2011. Zhizn' posle smerti: memorial'nye praktiki v povsednevnoj zhizni nauchnogo soobshhestva istorikov pervoj tretej XX v. [Life After Death: memorial Practices in the Daily Life of the Academic Community of Historians of the First Third of the XX Century] In: Mir istorika: istoriograficheskij sbornik [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Edited by V.P. Korzun. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, (7): 95–109 (in Russian).

- Simmons E.J. 2008. Politicheskij kontrol' i sovetskaja literatura [Political Controls and Soviet Literature]. Translation from English. *Political Linguistics*, 1 (24): 156–163 (in Russian).
- Sokolova A.D. 2022. Novomu cheloveku – novaja smert'? Pohoronnaja kul'tura rannego SSSR [Is a new person a new death? The funeral culture of the early USSR]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 453 p. (in Russian).
- Spiridonova L.A. 2018. Tvorchestvo Gor'kogo i vzniknovenie socialisticheskogo realizma [Gorky's Work and the Rise of Socialist Realism]. *Studia Litterarum*, 3 (1): 212–233 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Received 31.03.2023

Поступила после рецензирования 22.05.2023

Revised 22.05.2023

Принята к публикации 22.05.2023

Accepted 22.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулина Бэлла Марсельевна, аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX в., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Bella M. Abdulina, postgraduate of the Department of History of Russia from Ancient Times to the XX Century, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4062-9052](https://orcid.org/0000-0002-4062-9052)

УДК 303.446.4 (93)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757
Оригинальное исследование

«Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг.

Апанасенок А.В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена особенностям социального состава православно-ориентированных граждан в СССР послевоенного периода. Показано, что советский идеологический дискурс генерировал «закономерный» социальный портрет типичного верующего, наделяя его такими характеристиками, как пожилой возраст, дефицит образования, низкая степень вовлеченности в советские культурные и производственные практики. В то же время автор демонстрирует, что реальное положение вещей далеко не полностью соответствовало идеологическим установкам. Большую или меньшую степень приобщенности к православию демонстрировали представители всех основных категорий советского общества. При этом интерес к традиционной конфессиональной культуре со стороны интеллигенции усилился к концу советской эпохи.

Ключевые слова: история СССР, конфессиональная культура, православные верующие, статистика, социология религии

Для цитирования: Апанасенок А.В. 2023. «Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757

«Pensioners, Housewives and Other Citizens»: to the Question of the Orthodox Believers' Social Composition in the USSR of the 1940–1970s

Aleksandr V. Apanasenok

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the peculiarities of the social composition of Orthodox-oriented citizens in the USSR in the post-war period. It is shown that this problem was not only scientific or practical, but also ideological in the 1940–1970s. From the Marxist-Leninist point of view, the circle of social groups to which Orthodox citizens belonged should have been constantly narrowing. As a consequence, the Soviet ideological discourse generated a "natural" social portrait of a typical believer, endowing him with such characteristics as old age, lack of education, low degree of involvement in Soviet cultural and industrial practices. At the same time the author demonstrates that the real state of things did not fully correspond to ideological attitudes. Representatives of all the main Soviet society categories demonstrated a greater or lesser degree of communion with Orthodoxy. At the same time, interest in traditional confessional culture on the part of the intelligentsia intensified towards the end of the Soviet era.

Keywords: history of the USSR, confessional culture, Orthodox believers, statistics, sociology of religion

For citation: Apanasenok A.V. 2023. «Pensioners, Housewives and Other Citizens»: to the Question of the Orthodox Believers' Social Composition in the USSR of the 1940–1970s. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 746–757 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757

Введение

Советский Союз был атеистически ориентированным государством. На протяжении почти всего своего существования советская власть боролась с религией, усматривая в ней чуждую форму мировоззрения. Однако победа над религиозным сознанием оказалась далеко не таким простым делом, как это казалось воинствующим безбожникам 1920-х гг., поэтому после первых «штурмов» традиционной конфессиональной культуры, пришедшихся на довоенный период, ведомое КПСС государство перешло к ее долговременной «осаде». При этом индикатором успеха этой осады выступало отсутствие религиозных «предрассудков» у граждан, чье личностное становление произошло уже при советском строе.

«Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят ... свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь», – писал В.И. Ленин [Ленин, 1968, с. 142]. Эта цитата, часто воспроизводившаяся в СССР, показывает, почему для руководства страны был принципиально важен вопрос о социальном составе верующих. Наличие/отсутствие среди активных советских граждан людей, готовых потреблять «духовную сивуху», было симптомом успеха/неуспеха советского проекта как такового. В соответствии с канонами диалектического материализма, религия появилась как форма общественного сознания в силу несовершенства общественных отношений и массового невежества. Формирование справедливого социального строя (каковым считался социалистический) и распространение научного взгляда на мир (который должно было обеспечить советское образование) были призваны освободить граждан от потребности в «духовном забытии» и низвести религию в разряд отмирающих явлений. «Религия в советском обществе не имеет социальной базы, так как у нас ликвидированы классовый гнет, эксплуатация человека человеком, нищета и безработица ... Религия в нашей стране существует как пережиток прошлого», – можно было прочесть в типичной научно-популярной брошюре послевоенного времени [Худяков, 1951, с. 21].

Кто все-таки мог быть носителем «пережитков»? Разумеется, прежде всего, люди, сформировавшиеся при старом дореволюционном порядке, а также те, кто находился в арьергарде строительства нового мира в силу социального положения или недостатка образованности. Иными словами, пенсионеры, домохозяйки, не сумевшие получить приемлемого образования жители «сельской глубинки». Именно на них как основную социальную опору церкви указывали советские авторы, отмечая при этом ничтожное количество молодых и образованных верующих [Худяков, 1951; Тепляков, 1967; Сухов, 1973; Кобецкий, 1978]. Уже в середине 1960-х гг., по утверждению известного социолога М. Теплякова, религиозные люди среди студентов составляли только 1,7 %, а среди работников умственного труда – 0,7 % [Тепляков, 1967, с. 132]. По утверждению А. Стоун, хрущевская антирелигиозная кампания затевалась не столько как борьба с религией, сколько как борьба с «отсталостью» [Stown, 2008, p. 297].

Однако в последние годы существования СССР ситуация серьезно изменилась. В марте 1988 г. председатель Совета по делам религий (СДР) при Совете министров СССР К.М. Харчев заявил, что в стране до 70 % населения составляют люди, готовые признать себя верующими. При этом в православных храмах, говорил он, можно увидеть множество молодых людей [Религия и перестройка, 1988]. Что означало утверждение Харчева? Полную недостоверность предыдущих выкладок советских социологов, фундаментальные изменения в сфере общественного сознания в Советском Союзе или просто желание председателя СДР сделать отвечающее духу перестройки заявление? Ответ на этот вопрос ва-

жен для историка: требуя основательного анализа степени вовлеченности представителей разных социальных слоев СССР послевоенной эпохи в религиозные практики, он будет способствовать проникновению в глубины культурной истории страны новейшего времени. В данной статье автор стремится приблизиться к такому ответу, опираясь на данные по отечественному православному сообществу. Цель работы – рассмотреть особенности социального состава православно-ориентированных граждан СССР в 1940–1970-е гг., сравнив опубликованные выводы отечественных обществоведов и результаты наблюдений современников.

Объект и методы исследования

При подготовке статьи в сфере внимания автора оказалась часть советского общества, сохранявшая связи с традиционной православной культурой и проявлявшая их в тех или иных конфессиональных практиках. Объектом исследования при этом выступила совокупность материалов 1940–1970-х гг., отразивших сведения о социальной принадлежности православно-ориентированных граждан СССР. Это, во-первых, публикации отечественных социологов, начиная с хрущевского периода периодически оценивавших приверженность граждан к религии. Во-вторых, это документы Совета по делам Русской православной церкви (создан в 1943 г.) и пришедшего ему на смену Совета по делам религий (создан в 1965 г.) при Совете Министров СССР. Представители этих структур на местах осуществляли наблюдения за церковной жизнью, в том числе обращали внимание на половозрастной и профессиональный состав посетителей церковных служб и участников православных обрядов.

Обращение автора к нескольким послевоенным десятилетиям обусловлено его стремлением рассмотреть проблему социального состава православных граждан на фоне относительно длинного хронологического промежутка, отмеченного определенной эволюцией массовой психологии и культуры советского социума. Работа преимущественно имеет характер историко-социологического исследования, поэтому при ее подготовке активно использовался историко-статистический метод, в данном случае связанный со сбором количественных данных о представителях разных социальных категорий, приобщенных к православной культуре в рассматриваемый период. Изучая статистику, автор обращался к данным по традиционному «православным» республикам: России, Украине, Белоруссии (в случае с Россией в фокус внимания попали опять же исторически православные регионы). Также по мере необходимости использовались сравнительно-исторический и историко-генетический методы, а также метод исторической индукции.

Результаты и их обсуждение

Приступая к обзору данных о социальном составе православного сообщества в послевоенном СССР, прежде всего охарактеризуем картину, которую советские авторы стремились сформировать в массовом сознании. Как известно, в годы Великой Отечественной войны страна пережила религиозный ренессанс, поэтому называть какие-либо цифры, свидетельствующие об отказе подавляющего большинства граждан от религии вообще и православия в частности, отечественные обществоведы сороковых-пятидесятых годов не могли. Характерным приемом в таких условиях стало общее указание на приверженность к религиозным «пережиткам» наиболее отсталых слоев советского общества [см., напр.: Богданов, 1951; Худяков, 1951; Щуцкий, 1956]. Этот подход остался на вооружении и у более поздних авторов, в отличие от своих предшественников опиравшихся на социологические выкладки. В предназначенных для публикации работах неизменно указывалось на мизерную долю представителей «передовых» общественных категорий среди конфессионально ориентированных людей. Например, руководитель проведенных в середине 1960-х гг. (то есть после хрущевской антирелигиозной кампании, призванной

сильно уменьшить уровень религиозности в обществе) исследований М.К. Тепляков, показывая «победу атеизма» среди молодых людей, считал необходимым продемонстрировать зависимость успеха атеистической работы не только от возраста, но и от рода занятий молодежи. По его данным, среди молодых колхозников верующих оказалось 14,6 %, среди неквалифицированных рабочих – 13,4 %, военнослужащих первого года службы – 10,2 %, работников технического труда – 3,1 %, студентов – 1,7 %, работников умственного труда – 0,7 % [Тепляков, 1967, с. 132].

В 1978 г. известный социолог В.Д. Кобецкий констатировал относительно высокий уровень религиозности у жителей сельскохозяйственных регионов Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики (позже других присоединившихся к СССР, а потому по естественным причинам «отстающих» в социалистическом развитии). Уровень религиозности населения в промышленных центрах и их окрестностях, напротив, оценивался им как низкий: например, в Ленинградской области к убежденным верующим исследователем относилось 3–5 % занятых в производственной сфере граждан и около 10 % незанятых (пенсионеров, инвалидов, домохозяек). Этот же исследователь утверждал, что процент верующих выше «среди женщин, малограмотных и среди людей, которые не работают или работают эпизодически» [Кобецкий, 1978, с. 24–26].

Таким образом, советский дискурс генерировал «закономерный» социальный образ верующего в СССР, наделяя его такими характеристиками, как пожилой возраст, дефицит образования, низкая степень вовлеченности в советские культурные и производственные практики. Наличие в стране ограниченного количества конфессионально ориентированных людей такого типа не было проблемой для господствующей идеологии. Проблемой могла оказаться только приобщенность к религиозной культуре граждан, воспитанных в советское время и представлявших «передовые» социальные слои – советскую интеллигенцию и советских служащих, квалифицированных рабочих, учащихся.

Интересно отметить, что зарубежные исследователи, наблюдая за жизнью православных сообществ СССР извне, в вопросах оценки их социального состава до некоторой степени сходились со своими идейными оппонентами. Отрицая решительное падение религиозности и указывая на то, что православный мир представлен десятками миллионов человек, они признавали преобладание среди воцерковленных людей малоквалифицированных граждан, представлявших наименее привилегированные социально-профессиональные категории. «В плане социальном, – писал в 1957 г. постоянный автор православного эмигрантского издания Н. Струве, – церковный народ, несомненно, состоит из бедных слоев населения» [Струве, 1957, с. 25]. Однако причины такого положения вещей представлялись им иными. Если в рамках советского дискурса религиозность рассматривалась как следствие недостаточного приобщения к образованию и «чистой» советской культуре, то западные исследователи настаивали на необходимости поменять причину и следствие. Низкий образовательный уровень большинства верующих и их невысокий социальный статус предлагалось видеть в том, что советская власть закрывала для религиозных людей социальные лифты. «Все известно, что в Советской России, – писал тот же Н. Струве в 1957 г., – хорошее положение связано неизменно с политической благонадежностью. Привилегированный класс состоит из членов коммунистической партии или споспешников» [Струве, 1957, с. 25–26]. Религиозность крестьян он объяснял, например, не только их консерватизмом, но и той «безысходностью», в которую погружены жители колхозов. Примерно на тех же позициях позже стоял и известный американский советолог У. Флетчер: он связывал невысокий социальный статус среднестатистического верующего с дискриминацией, которую фактически осуществляла по отношению к нему советская власть [Флетчер, 1997, с. 29]. Впрочем, свои утверждения автор, известный критическим отношением к советскому строю, не подкрепил достаточным количеством фактов.

Фактами, несомненно, лучше владели специализированные структуры, созданные для контроля над религиозной жизнью в СССР. В 1943 г. был создан Совет по делам Рус-

ской православной церкви (СДРПЦ) при Совете министров, функции которого включали в себя мониторинг религиозной ситуации в стране и ее отдельных регионах. Собирать точные данные о социальном составе прихожан РПЦ и «сочувствующих» в обязанность уполномоченным СДРПЦ не вменялось, однако представители Совета в общих чертах писали о том, кто посещал богослужения. Из их донесений 1944–1946 гг. (когда в стране имел место сильный религиозный подъем) следовало, что ни о какой ограниченности социального состава православно-ориентированных граждан речи не шло. Так, в докладах и письмах СДРПЦ правительству и ЦК ВКП(б), обобщающих наблюдения 1944–1945 гг.¹¹⁶, а также в подборке информационных отчетов за 1945–1946 гг.¹¹⁷ в качестве участников церковных обрядов и служб кроме крестьян, домохозяек и пенсионеров постоянно упоминаются рабочие городских предприятий, студенты, курсанты, военнослужащие, педагоги, представители местных администраций. Как впоследствии (в 1951 г.) писал уполномоченный Совета по Курской области, «в этот период обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения»¹¹⁸. Соответственно, трудно было удивляться тому, что среди посетителей церквей было «много интеллигенции, служащих, молодежи, а среди них много мужчин»¹¹⁹.

Последние военные и первые послевоенные годы, как известно, ознаменовались массовой подачей верующими заявлений об открытии православных приходов. В случае удовлетворения соответствующего обращения учредители религиозного общества на некоторое время попадали в поле зрения СДРПЦ, который фиксировал их социальные характеристики. В информационном отчете 1946 г. в качестве характерных приводятся сведения об учредителях приходов Брестской области Белоруссии (к моменту составления документа здесь было зарегистрировано 133 прихода). Они представлены в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Социальный состав учредителей православных приходов в Брестской области в 1945–1946 гг.¹²⁰
 The social composition of the founders of Orthodox parishes in the Brest region in 1945–1946

	Пол		Социальное положение				Возраст				
	муж.	жен.	рабочих	служащих	крестьян	прочих	до 20	20–30	30–40	40–50	бол. 50
Кол-во	2 364	2 745	37	43	491	120	42	406	716	1 113	2 743
Доля в %	46 %	54 %	0,7 %	0,8 %	96 %	2,5 %	3 %	8 %	14 %	22 %	53 %

Из представленных в таблице данных видно, что учредителями православных обществ в Западной Белоруссии в подавляющем большинстве случаев выступали крестьяне (что закономерно, учитывая сельскохозяйственный характер региона), при этом среди них было несколько больше женщин, чем мужчин. С точки зрения возраста явно преобладали представители старшего поколения: люди старше 40 лет вместе давали 75 % всего церковного актива.

Можно ли считать вышеприведенные данные репрезентативными для оценки половозрастного состава православного сообщества СССР в целом? Доминирование женщин как среди учредителей приходов, так и среди верующих вообще выглядит более чем логичным, учитывая явное численное доминирование женской доли населения над мужской в послевоенные годы. Что касается преобладания пожилых людей, то оно представляется естественным именно в случае с регистрацией приходов: трепетное отношение к вопросам правильной организации церковной жизни всегда было характерно именно для представителей старших поколений. В число рядовых прихожан могли входить люди разных возрастов, однако «светил-

¹¹⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 29, 30.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.

¹¹⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027. Оп. 2, Д. 8. Л. 62.

¹¹⁹ Там же. Л. 64.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 17.

ся» в первую очередь возрастной актив. Соответствующая статистика давала советским функционерам возможность утверждать, что религия становится делом «стариков».

На рубеже 40–50-х годов (во время «закручивания гаек» на идеологическом фронте) уполномоченные СДРПЦ стали обращать внимание на изменение пропорции мужчин и женщин, регулярно посещавших церкви: мужчин стало еще меньше. Видимо, это было связано с их большей вовлеченностью в советские социально-культурные и профессиональные практики. Например, курский уполномоченный СДРПЦ, ссылаясь на разговоры с духовенством, в 1951 г. отмечал, что постоянными посетителями церковных служб являются «почти исключительно женщины»¹²¹. Впрочем, это утверждение касалось рядовых богослужений. В праздничные дни в церквях присутствовали представители обоих полов, разных возрастов и разных общественных слоев. Вот, например, характеристика социального состава посетителей пасхального богослужения 1955 г. в храмах Курска: «В соборе ... на лестницах и в проходах по обоим этажам не менее 1 500 человек, среди которых значительное число сельского населения: женщин и мужчин с детьми и подростками. Как всегда, здесь среди молящихся много интеллигентных людей. Во всех церквях, кроме двух кладбищенских, заметно увеличилось число мужчин разных возрастов, в том числе и молодых, которых было примерно 20–25 % от общего числа молящихся. В Введенской, Троицкой, Николаевской, Михайловской, Успенской церквях и в соборе было много молодежи и детей. Так, в Успенской церкви из общего числа 1 500 человек я насчитал только в зимней церкви более 200 человек подростков»¹²².

В приведенном фрагменте справки уполномоченного СДРПЦ обращает на себя внимание констатация присутствия на службах большого количества молодежи, а также фраза «как всегда ... много интеллигентных людей». Такого рода факты были вызовом господствующим идеологическим постулатам, но, видимо, редкостью не были. Вот, например, характеристика участников традиционного крестного хода в том же 1955 г. в окрестностях того же Курска: «За три часа прошло более 15 тысяч человек. Это почти исключительно одни женщины, причем более одной трети молодые. Много интеллигентных, хорошо одетых женщин. Много подростков и детей, идущих с родными, а также и самостоятельно. В течение двух часов я насчитал среди проходящих паломников более 1 000 человек детей и подростков, примерно от 17 лет и моложе, главным образом девушек. Встречались и группы их по 10–12 человек вместе»¹²³.

Наличие погруженных в православную культуру представителей тех категорий, которые должны были, согласно идеологическим постулатам, отойти от религии, фиксировалось в разных регионах. Например, в числе двухсот граждан, подавших в 1960 г. заявления на обучение в пяти православных семинариях Советского Союза, было 93 рабочих, 17 учащихся светских образовательных учреждений, 10 служащих. Наиболее религиозная категория советских граждан – крестьянство – оказалась в данном случае представлена только 12 колхозниками¹²⁴. В церковных хорах в Москве в том же году кроме 150 пенсионеров (т. е. тех, кому участвовать в богослужениях считалось простительным) было выявлено более 50 действующих артистов, а также около 80 сотрудников научно-исследовательских институтов и учебных заведений¹²⁵.

Более обстоятельно к вопросам изучения социального состава верующих советские инстанции начали подходить в 1960-е гг. – период формирования концептуальных основ «научного атеизма» [Смолкин, 2021, с. 304–306]. Инициированные в регионах исследования давали разные с точки зрения количественных показателей сведения, однако неиз-

¹²¹ ГАКО. Ф. 5027. Оп. 2. Д. 8. Л. 62.

¹²² ГАКО. Ф. 5027. Оп. 2. Д. 26. Л. 52.

¹²³ Там же. Л. 55.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 3.

¹²⁵ Там же.

менно указывавшие на более высокую религиозность сельских жителей. Так, исследование, организованное в 1965 г. в Калужской области, зафиксировало наличие 23,9 % верующих и колеблющихся среди не городского населения и 11,5 % – среди жителей областного центра [Лебедев, 1967, с. 41]. Аналогичный проект в Пензенской области привел к выводу, что уровень православной религиозности в селе превышает аналогичный показатель в городе почти в три раза (30,8 % и 12 % соответственно) [Курочкин, 1970, с. 77].

В 1966–1967 гг. воронежское отделение Института научного атеизма (ИНА) провело масштабное исследование религиозности городского и сельского населения в своем регионе (в опросах приняло участие 37,5 тыс. граждан), в том числе была поставлена задача получить более конкретное, чем раньше, представление о социальном составе религиозных (фактически – православных, учитывая конфессиональную специфику региона) людей. Исследователи получили картину более широкого распространения конфессиональной культуры, чем было принято считать, однако сформированные по итогам работы данные хорошо вписывались в идеологически выдержанную концепцию религии как явления, характерного для пожилых и малоквалифицированных людей. В частности, было установлено, что верующими себя считают 21 % рабочих и 31 % колхозников. Процент выявленных верующих среди служащих, работников сфер образования и культуры, а также иных, менее крупных слоев общества в отразившем результаты проекта документе Совета по делам религий (СДР) не указан, но, вероятно, был ниже. При этом среди высококвалифицированных рабочих верующих оказалось всего 2,5 %, а среди неквалифицированных – 40 %. Квалифицированные сельские кадры в лице механизаторов имели в своих рядах, согласно полученным сведениям, 6 % православных верующих, в лице животноводов – 11,5 %. Другие категории крестьянства оказались гораздо более религиозны. Среди пенсионеров Воронежа и Воронежской области верующими себя признали 53 %, среди домохозяек – 54 %, среди иждивенцев с физическими недостатками – 71 %. Обратили внимание исследователи и на гендерное распределение: по их сведениям, среди всех опрошенных мужчин верующими оказались 12 %, среди женщин – 34,5 %¹²⁶.

Пожилые и нетрудоустроенные люди (как правило, женщины-домохозяйки), конечно, составляли весьма значительную часть активных прихожан. Однако об абсолютном доминировании среди православно-ориентированных людей речь по-прежнему не шла: в шестидесятые годы даже в структуре приходских «двадцаток» они не всегда преобладали. В 1967 г. сотрудники СДР собрали сведения о социальном составе «двадцаток» в некоторых областях РСФСР, на Украине и в Белоруссии, для обозначения совокупности приходского актива использовал фразу «пенсионеры, домохозяйки и другие граждане». Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Социальный состав членов церковных «двадцаток» в некоторых областях и республиках СССР в 1967 г.¹²⁷

Social composition of members of the church "twenties" in some regions and republics of the USSR in 1967

Территория	Общ. кол-во членов «двадцаток»	Кол-во рабочих, колхозников, служащих	Кол-во пенсионеров	Кол-во домохозяйек
Брянская область	973	317	462	194
Воронежская область	1 168	310	606	241
Костромская область	1 303	332	818	153
Украина	89 522	49 095	23 171	17 765
Белоруссия	8 101	4 465	1 869	781

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 24.

¹²⁷ Таблица составлена по данным Совета по делам религий. См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 84.

Как видно из таблицы, в УССР, где находилось большинство православных приходов СССР, «двадцатки» более чем наполовину (54,3 %) состояли из трудоустроенных людей – рабочих, колхозников, служащих. Пенсионеры составляли в указанных органах примерно четверть членов (25,9 %), домохозяйки – 19,8 %. В БССР эти доли составляли соответственно 23 % и 9 %, тогда как задействованные на производстве и в других отраслях социалистической экономики более двух третей – 68 %. С другой стороны, в российских регионах (по крайней мере, тех, которые в данном случае попали в поле зрения СДР) совокупная доля пенсионеров и неработающих граждан в структуре церковного актива в шестидесятые годы была выше, чем доля трудящихся. Впрочем, эти данные нельзя трактовать как свидетельство малочисленности среди православно-ориентированных граждан представителей среднего поколения и молодежи, скорее они говорят о более жестком социальном контроле над ними в РСФСР по сравнению с западными частями страны.

Высокий уровень приобщенности (хотя бы поверхностной) к православию представителей разных возрастных и профессиональных групп показывали локальные обследования, проводившиеся методом сплошного опроса. Характерным примером тут может послужить исследовательское начинание курского райкома КПСС, реализованное в Ново-Поселеновском сельсовете Курской области. Здесь в 1971 г. были опрошены 7 тыс. человек, представлявших колхозное крестьянство, государственных служащих и рабочих. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3
Table 3

Уровень приобщенности представителей разных социальных групп к православной культуре по результатам опросов в Курском районе 1971 г.¹²⁸

The level of representatives of different social groups involvement in Orthodox culture according to the results of surveys in the Kursk region in 1971

Особенность	Колхозники, %	Рабочие, %	Служащие, %
Верят в Бога	67,5	36,6	33,3
Не верят в Бога	17,5	53,4	66,7
Колеблются	15	10	–
Крестят детей	95	96,6	83,3
Отмечают православные праздники	90	90	83,3
Посещают церковь	55	16	–
Молятся	60	23,3	16,6
Имеют дома иконы	72,5	46,6	66,6

Отраженные здесь данные расходятся с той картиной, которую рисовали публиковавшиеся в советских изданиях социологические очерки: приверженность к традиционным православным практикам проявило явное большинство трудоспособного населения, при этом стремление крестить детей и отмечать православные праздники оказалось характерно для подавляющего большинства вне зависимости от социально-профессиональной принадлежности. В то же время результаты исследования 1971 г. продемонстрировали большую набожность крестьянства. Впрочем, это не означало, что тон среди верующих в позднесоветский период продолжали задавать сельские жители. Как справедливо замечает Д.В. Пospelовский, быстрый рост городского населения СССР в 60–80-е годы и миграция воцерковленного населения в город создали предпосылки для религиозного возрождения последнего [Пospelовский, 1995, с. 342].

Говоря о социальном составе православно-ориентированных граждан СССР в позднесоветский период и одновременно возрастающей роли города в сохранении православ-

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638. Л. 147.

ных традиций, необходимо отметить рост количества сопричастных к конфессиональной культуре представителей интеллигенции, особенно молодой. Масштабное повышение интереса к православию со стороны работников образования, представителей творческих профессий, инженеров и ученых трудно подтвердить статистически (в доперестроечный период они нечасто оказывались регулярными посетителями церковных служб из-за очевидных нежелательных последствий), однако имеется масса свидетельств, что оно действительно имело место.

В 1971 г. немецкая газета «Байерский курьер» («Bayern-Kurier») опубликовала объемную статью «Молчаливая церковь Советского Союза», в которой доказывалось, что позиции РПЦ в СССР укрепляются за счет постепенного перехода на православные позиции интеллектуальных элит (симптоматичность публикации подтверждалась тем, что она подробно разбирается на страницах информационного отчета СДР за 1971 г.). Этот переход связывался с неудовлетворенностью образованных людей примитивной материалистической картиной мира, которая навязывалась властями. «Даже в прогрессивных кругах ученых Советского Союза отмечается тенденция найти нематериальную, духовную концепцию Вселенной. ... Среди таких лиц можно найти известных физиков, математиков, астрономов»¹²⁹. Автор статьи указывал на парадоксальность ситуации, констатируя, что все это происходит в атеистически ориентированном государстве в то время, когда на Западе религиозные убеждения населения все больше ослабевают. Аналогичную статью тогда же опубликовал французский журнал «Виват университет» («Vivat Université») ¹³⁰.

Конечно, утверждения европейских авторов начала семидесятых годов сами по себе не достаточны для серьезных выводов, однако имеются и другие свидетельства того, что они пытались доказать. Например, в том же 1971 г. известный советский религиовед П.К. Курочкин осторожно указал на небольшое, но постоянно увеличивающееся количество молодых интеллигентов, которые присоединяются к Церкви и даже становятся священниками [Курочкин, 1971, с. 108–111].

Доказательствами интереса молодой советской интеллигенции к православию являются случаи «подпольной» организации религиозно-философских семинаров в Москве и Ленинграде [Поспеловский, 1995, с. 358–359], резкое увеличение количества прихожан с высшим образованием, поступление таковых в семинарии. В приходе знаменитого настоятеля Дмитрия Дудко с 1961 по 1974 г. количество обращений граждан в веру в зрелом возрасте выросло с 10 до 400 в год, при этом неопиты представляли в основном образованные слои общества: к началу 70-х среди них стали преобладать люди с высшим образованием. К концу того же десятилетия три четверти учащихся Ленинградской семинарии были либо взрослыми новообращенными, либо вернувшимися к вере людьми, имевшими за плечами опыт обучения в светских учреждениях высшего образования [Шкаровский, 2010, с. 373–374]. Свидетельством факта распространения православного мировоззрения в среде интеллигенции являются также статьи в центральной прессе, обличавшие «антисоветскую» моду [Свобода религии и клеветники, 1977; Хованский, 1977, с. 245]. Наконец, тяга интеллигенции к конфессиональной культуре проявилась в характере советской литературы позднесоветского периода (многие представители которой в 1970-е гг. стали обвиняться Советом по делам религий в «идеализации православия») ¹³¹, а также соответствующем читательском интересе [подробнее см.: Юрчак, 2021; Апанасенок, Пудякова, 2022].

Заключение

Особенности социального состава верующих в СССР (и в том числе пути его формирования) на протяжении послевоенных десятилетий оказывались не только научной или

¹²⁹ Цит. по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 44.

¹³⁰ Там же. Л. 120.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 120.

практической, но и идеологической проблемой. Подобно тому как численность верующих в соответствии с постулатами марксизма-ленинизма должна была неуклонно сокращаться, в теории должен был сужаться и их социальный состав. Наличие среди конфессионально ориентированных граждан пенсионеров, а также людей, не стремящихся активно приобщаться к советским образовательным и культурным практикам, в принципе соответствовало господствовавшему в стране идейному дискурсу; иные факты ставили этот дискурс под сомнение. Принадлежность верующих к тем или иным социальным слоям оказывалась благодатной темой для умозрительных рассуждений как сторонников, так и противников советской системы, обычно представлявших реальность схематически. Картина социальной принадлежности православно-ориентированных граждан, формировавшаяся в ходе конкретных наблюдений/исследований на местах, выглядела куда более сложной.

Популярное в советский период представление о том, что приверженность религиозной (и в том числе православной) культуре – преимущественно удел пенсионеров и домохозяек, может быть признано относительно верным лишь если иметь в виду церковный актив, то есть людей, регулярно посещавших службы, входивших в «двадцатки» и т. п. Если говорить о менее системной приобщенности к православию, то ее на протяжении 1940–1970-х гг. в той или иной степени демонстрировали представители практически всех слоев советского общества. При этом интерес к традиционной конфессиональной культуре со стороны интеллигенции, неоднократно фиксировавшийся уполномоченными СДРПЦ в послевоенное десятилетие, отнюдь не сошел на нет, а, напротив, усилился к концу советской эпохи.

Список источников

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027 – Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Список литературы

- Апанасенок А.В., Пудякова И.С. 2022. «Любовь моя – разрушенная церковь ...»: роль художественной литературы в сохранении конфессиональных представлений гражданами СССР в позднесоветский период. *Провинциальные научные записки*. 2 (16): 5–12.
Богданов Б.А. 1951. О преодолении религиозных предрассудков в сознании людей: Материал к лекции. М.: Знание. 26 с.
Кобецкий В.Д. 1978. Социологическое изучение религии и атеизма. Л., Изд-во ЛГУ. 118 с.
Курочкин П.К. 1970. К обществу, свободному от религии. Процесс секуляризации в условиях социалистического общества. М., Мысль. 278 с.
Курочкин П.К. 1971. Эволюция современного русского православия. М., Мысль. 270 с.
Лебедев А.А. 1967. Конкретные исследования в атеистической работе. М., Политиздат, 70 с.
Ленин В.И. 1968. Полное собрание сочинений. М., Гос. изд-во полит. литературы. Т. 12.
Поспеловский Д.В. 1995. Русская Православная церковь в XX веке. М., Республика. 511 с.
Смолкин В. 2021. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М., Новое литературное обозрение. 552 с.
Сухов А.Д. 1973. Религия как общественный феномен. М., Мысль. 144 с.
Струве Н. 1957. Религиозная жизнь в Советской России. *Вестник русского студенческого христианского движения*. Париж-Нью-Йорк. 47: 22–27.
Тепляков М.К., 1967. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области). *Вопросы научного атеизма*. Вып. 4. М., Мысль: 130–156.
Флетчер У. 1987. Советские верующие. *Социологические исследования*. 7: 28–35.
Хованский Н. 1977. Письмо Н. Чаковскому. *Вестник русского студенческого христианского движения*. 122: 245–247.

- Худяков С.Н. 1951. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев. 32 с.
Шкарковский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече. 478 с.
Щуцкий С.Р. 1956. Происхождение и сущность христианских праздников. Минск, Знание. 29 с.
Юрчак А. 2021. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 6-е изд. М., Новое литературное обозрение. 661 с.
Stone A. 2008. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

References

- Apanasenok A.V., Pudyakova I.S. 2022. «Lyubov' moya – razrushennaya cerkov' ...»: rol' hudozhestvennoj literatury v sohranении konfessional'nyh predstavlenij grazhdanami SSSR v pozdnesovetskij period ["My love is a ruined church...": the role of artistic literature in the preservation of confessional ideas by citizens of the USSR in the late Soviet period]. *Provincial'nye nauchnye zapiski*. 2(16): 5–12 (in Russian).
- Bogdanov B.A. 1951. O preodolenii religioznych predrassudkov v soznanii lyudej: Material k lekcii [On overcoming religious prejudices in people's minds: Material for the lecture]. Moscow: Znanie. 26 p. (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1978. Sociologicheskoe izuchenie religii i ateizma [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad: Izd-vo LGU. 118 p. (in Russian).
- Kurochkin P.K. 1970. K obshchestvu, svobodnomu ot religii. Process sekulyarizacii v usloviyah socialisticheskogo obshchestva [To a society free of religion. The process of secularization in a socialist society]. Moscow: Mysl'. 278 p. (in Russian).
- Kurochkin P.K. 1971. Evolyuciya sovremennogo russkogo pravoslaviya [Evolution of Modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Mysl'. 270 p. (in Russian).
- Lebedev A.A. 1967. Konkretnye issledovaniya v ateisticheskoy rabote [Specific studies in atheistic work]. Moscow: Politizdat, 70 p. (in Russian).
- Lenin V.I. 1968. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury. T. 12 (in Russian).
- Pospelovskij D.V. 1995. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika. 511 p. (in Russian).
- Smolkin V. (2021). A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 552 pp. (Rus. Ed.).
- Struve N. 1957. Religioznaya zhizn' v Sovetskoj Rossii [Religious life in Soviet Russia]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya, Paris – New-York*, 7: 22–28 (in Russian).
- Suhov A.D. 1973. Religiya kak obshchestvennyj fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow: Mysl'. 144 p. (in Russian).
- Teplyakov M.K. 1967. Pobeda ateizma v razlichnyh social'nyh sloyah sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnykh issledovanij v Voronezhskoj oblasti) [The victory of atheism in various social strata of Soviet society (based on the materials of specific studies in the Voronezh region)] // *Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 4*. Moscow: Mysl': 130–156 (in Russian).
- Fletcher U. 1987. Sovetskie veruyushchie [Soviet believers]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 7: 28–35 (in Russian).
- Hovanskij N. 1977. Pis'mo N. Chakovskomu [Letter to N. Chakovsky]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya, Paris*, 122: 245–247 (in Russian).
- Hudyakov S.N. 1951. O preodolenii religioznych predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev. 32 p. (in Russian).
- Shkarovskij M.V. 2010. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche. 478 p. (in Russian).
- Shchuckij S.R. 1956. Proiskhozhdenie i sushchnost' hristianskih prazdnikov [The origin and essence of Christian holidays]. Minsk: Znanie. 29 p. (in Russian).
- Yurchak A. 2021. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. 6-е изд. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 661 pp. (in Russian).
- Stone A. 2008. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.03.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 17.05.2023

Received 26.03.2023

Revised 15.05.2023

Accepted 17.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0003-4650-3730](https://orcid.org/0000-0003-4650-3730)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК 94 (470)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-758-769
Оригинальное исследование

Региональная политика России первой половины 1990-х гг. в оценках С.М. Шахрая и Партии российского единства и согласия

Тумаков Д.В. ¹, Кищенко М.С. ², Михайлов С.А. ³

¹⁾ Ярославский государственный медицинский университет,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5;

²⁾ Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1;

³⁾ Ярославский государственный аграрный университет,
Россия, 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 58

E-mail: denistumakov@yandex.ru, mkishhenkov@yandex.ru, s.mihaylov@yarcx.ru

Аннотация. Межнациональные отношения и связанные с ними национальная и региональная политика всегда были актуальными для нашего государства. В первой половине 1990-х гг., в период обострения национальных отношений и поиска новых форм федеративного устройства и региональной политики, означенные проблемы оказались предметом повышенного внимания власти и общества. В связи с этим интересным представляется изучение того, какие варианты решения имевшихся межнациональных и региональных проблем предлагали Партия российского единства и согласия и ее лидер С.М. Шахрай. В данной статье рассматриваются программные положения данной партии в национальном вопросе и попытки их реализации в тот период, когда у партии была собственная фракция в парламенте, а ее лидер занимал руководящие посты в правительстве и считался одним из наиболее перспективных политиков России. Авторами сделан вывод о неудаче большинства начинаний партии и ее руководства как в силу внутренних конфликтов, так и по причине неудачи С.М. Шахрая при урегулировании чеченского кризиса.

Ключевые слова: постсоветский период, правительство, межнациональные отношения, осетино-ингушский конфликт, политические партии, чеченский кризис

Для цитирования: Тумаков Д.В., Кищенко М.С., Михайлов С.А. 2023. Региональная политика России первой половины 1990-х гг. в оценках С.М. Шахрая и Партии российского единства и согласия. Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 758–769. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-758-769

Regional Policy of Russia in the First Half of the 1990s in the Assessments of S.M. Shakhrai and the Party of Russian Unity and Accord

Denis V. Tumakov ¹, Mikhail S. Kishhenkov ², Sergey A. Mikhaylov ³

¹⁾ Yaroslavl State medical University,

5 Revolutsionnaya St., Yaroslavl 150000, Russia;

²⁾ Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
108/1 Respublikanskaya St., Yaroslavl 150000, Russia;

³⁾ Yaroslavl State Agrarian University,

58 Tutaevskoye highway, Yaroslavl 150042, Russia

E-mail: denistumakov@yandex.ru, mkishhenkov@yandex.ru, s.mihaylov@yarcx.ru

Abstract. Interethnic relations and related national and regional policies have always been relevant for our state. During the period of aggravation of national relations and the search for new forms of federal structure and regional policy in the first half of the 1990s, these problems were the subject of increased attention of the authorities and society. In this regard, it seems interesting to study what solutions to the existing

interethnic and regional problems were proposed by both the Party of the Russian Unity and Accord and its leader S.M. Shakhrai. This article examines the program provisions of this party in the national question and attempts to implement them at a time when the party had its own faction in parliament, and its leader held senior positions in the government and was considered one of the most promising politicians in Russia. The authors conclude that the majority of the party and its leadership failed, both because of internal conflicts and because of the failure of S.M. Shakhrai to resolve the Chechen crisis.

Keywords: post-Soviet period, government, interethnic relations, Ossetian-Ingush conflict, political parties, Chechen crisis

For citation: Tumakov D.V., Kishhenkov M.S., Mikhaylov S.A. 2023. Regional Policy of Russia in the First Half of the 1990s in the Assessments of S.M. Shakhrai and the Party of Russian Unity and Accord. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 758–769 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-758-769

Введение

В первой половине 1990-х гг. Россия переживала острый социально-экономический и политический кризис. Одним из серьезных направлений внутренней политики государства стало урегулирование имевшихся межнациональных конфликтов (осетино-ингушское вооружённое противостояние 1992 года) и выстраивание новых отношений с регионами, в первую очередь с национальными образованиями (Чечня, Татарстан, Башкортостан и др.). Данный процесс проходил достаточно сложно и не всегда успешно для федерального Центра. Необходимо было найти баланс между стремлением национальных и региональных элит к максимальной самостоятельности, порой вплоть до выхода из состава страны, и необходимостью сохранить её территориальную целостность и контроль федерального правительства над регионами.

В данном контексте представляется актуальным изучение роли Партии российского единства и согласия (ПРЕС) – одной из заметных политических партий того периода. Она интересна тем, что среди её лидеров и основателей был С.М. Шахрай, не просто занимавший ряд важнейших постов в правительстве в 1991–1996 гг., но и отвечавший за национальную политику и взаимоотношения Центра с регионами. Партия позиционировала себя как движение, стремившееся отражать интересы региональных элит и национальных меньшинств. При этом ПРЕС выбрала в качестве идеологии консерватизм и центризм, выступала за безусловное сохранение территориального единства Российской Федерации, активную внешнюю политику, в какой-то мере использовала идеи евразийства [Дайнего, Гарбузова, 1993, 19 октября].

Ранее данная партия сравнительно редко становилась объектом научного изучения: можно выделить работы Ю.А. Веденева [Веденев, 1997] и М. Макфола [Макфол, 1994], изданные ещё в 1990-е гг., где ПРЕС упоминается среди других участников политического процесса, при этом с диаметрально противоположных позиций. Из относительно недавних исследований назовём статью Ю.А. Шакирова [Шакиров, 2013], изучавшего ПРЕС как вторую партию власти. Столь же кратко партия сама упоминалась в работах зарубежных учёных, не уделявших ей пристального внимания, в отличие от личности её основателя С.М. Шахрая [Тризмэн, 2012; Колтон, 2013]. К сожалению, в центральных и региональных архивах России документация ПРЕС не сохранилась, потому основной источниковой базой для нас служат материалы центральных и местных СМИ и опубликованные документы, а также воспоминания современников.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стала деятельность ПРЕС и её руководства в контексте формирования новых федеративных отношений в России 1990-х гг. и решения возникших после распада СССР межэтнических конфликтов, поиска новой модели взаимоотношений между Центром и регионами. В необходимых случаях авторы обращаются к истории данной партии в целом. Работа с источниками велась на основе традиционных принципов –

системности, объективности и историзма, авторы стремились рассмотреть изучаемую проблему как комплексное явление. В частности, авторы использовали институциональный метод, позволивший рассмотреть деятельность ПРЕС как одного из политических институтов, пытавшихся оказывать активное влияние на проводимую государством политику.

Результаты и их обсуждение

Создание ПРЕС официально произошло в июне 1993 года по инициативе занимавшего тогда пост заместителя председателя правительства С.М. Шахрая. Юрист по образованию, он, несмотря на молодость, был уже опытным и вполне состоявшимся политиком. К моменту создания ПРЕС Шахрай имел репутацию одного из ведущих идеологов суверенитета России, выступал советником президента Б.Н. Ельцина при подписании Беловежских соглашений 1991 года, а спустя год представлял правительство в Конституционном суде во время пресловутого суда над КПСС [Тризмэн, 2012, с. 162; Колтон, 2013, с. 255, 257, 314]. О степени его влияния и авторитета свидетельствует тот факт, что в начале 1990-х гг. Ельцин рассматривал его кандидатуру на пост председателя Верховного Совета России [Колтон, 2013, с. 341]. В роли одного из реформаторов-любимцев президента Шахрай выступал и в дальнейшем [Колтон, 2013, с. 422].

Главной задачей новой партии предполагалось создание «социально ориентированной экономики, федерализма, местного самоуправления». Её лидер считал автономии и федерализм «новыми формами управления государством» и «способом проведения децентрализации цивилизованным путем» [Гарбузова, 1993, 28 июля]. Его позиция оставалась неизменной и позднее. Спустя примерно год Шахрай вновь писал, что «преобразование России в федеративное государство – это единственная возможность сохранения её территориальной целостности» и демократии в стране, а в многонациональности и многообразии её регионов кроются «потенциальное могущество, потенциальное превосходство над многими другими государствами» [Шахрай, 1994, 12 мая]. Таким образом, одной из главных задач ПРЕС изначально было отстаивание интересов регионов и региональных элит, расширение их прав и возможностей. Центральная печать связывала это обстоятельство с ролью вице-преьера в выработке согласованных с регионами положений новой Конституции РФ, затрагивавших их права. Речь шла о положении, согласно которому республики в составе России получали суверенитет, а остальные субъекты становились государственно-территориальными образованиями [Старк, 1993, 18 июня].

Деятельность партии активизировалась после трагических событий в Москве 3–4 октября 1993 года и назначения выборов в двухпалатное Федеральное Собрание на 12 декабря того же года. Изначально основной партией власти был избирательный блок «Выбор России» во главе с 1-м заместителем председателя правительства Е.Т. Гайдаром. Но С.М. Шахраю и его команде не удалось договориться о включении нужных кандидатов в избирательный список данного блока, потому ими было принято решение идти на выборы самостоятельно. В середине октября 1993 года состоялся учредительный съезд партии в Великом Новгороде. Была принята программа и выдвинут список кандидатов на выборах в Государственную Думу. Основным автором партийной программы был другой вице-премьер А.Н. Шохин. Как отмечает современный исследователь Ю.А. Шакиров, наибольшее внимание политик уделил вопросам равномерного развития регионов с целью предотвращения возможного сепаратизма [Шакиров, 2013, с. 236].

Одним из выходов руководство партии видело включение представителей элиты национальных регионов в список партии на выборах. В частности, в партийный список вошли министр юстиции, черкес по национальности, Ю.Х. Калмыков, председатель правления союза писателей Татарстана Р.С. Мухамедиев, заместитель главы правительства Бурятии А.С. Семенов, композитор, лакец по национальности, М.М. Кажлаев. В Совет Федерации баллотировался и был избран аварец Р.Г. Абдулатипов, представитель Дагестана. Региональную часть разбили на мелкие группы, всего 76 групп, практически соответствующие

региональному делению страны. Это позволило максимально включить в партийный список представителей регионов, в том числе и национальных. Эту особенность партии отмечали и журналисты: «посильную помощь ПРЕС обещали оказать такие объединения, как ассоциация «Сибирское соглашение» и Дальневосточная межрегиональная ассоциация, представители которых вошли в список кандидатов» [Янаев, 1993, 6 ноября].

По своим экономическим взглядам партия находилась между «Яблоком» и «Выбором России», склоняясь к продолжению рыночных реформ, но в то же время критикуя отдельные мероприятия центральной власти. В частности, один из лидеров, А.Н. Шохин, критиковал в интервью политику приватизации в России и выступал за её корректировку с целью преодоления экономической дезинтеграции и за построение экономики на принципах федерализма, но не предложил конкретных шагов для снижения риска экономического сепаратизма [Партии, 1993, 27 октября]. О том, что ПРЕС и в дальнейшем воспринималась политическими конкурентами как реформистская партия, косвенно свидетельствуют слова лидера движения «Яблоко» Г.А. Явлинского, утверждавшего в преддверии думской кампании 1995 года, что на новых парламентских выборах его программу поддержат избиратели «разных партий демократического спектра, ... ПРЕС, например» [Бычкова, 1995, 17–24 сентября].

В ходе думской избирательной кампании 1993 года ПРЕС фактически выглядела второй партией власти вслед за «Выбором России». Среди её руководства было два вице-премьера и четыре министра федерального правительства. Её лидеры в своих выступлениях говорили о поддержке президента Б.Н. Ельцина, курса на экономические реформы, критикуя лишь отдельные предложения в программе блока Е.Т. Гайдара [Партии, 1993, 27 октября]. Финансовую поддержку избирательной кампании ПРЕС оказали АО «Газпром» и банк «Империал», в негласной симпатии к партии подозревались также премьер-министр В.С. Черномырдин и его первый заместитель О.Н. Сосковец [Трауб, Бацанова, 1994, с. 66]. В силу этого общественное восприятие ПРЕС как проправительственной партии было заметно и в регионах.

Так, на улицах Костромы были расклеены листовки, призывавшие бойкотировать голосование 12 декабря под лозунгами «Это не наши выборы», «Активно бойкотируй выборы», «Не ходите на незаконные выборы». В качестве цели выборов определялись «изменение общественно-политического строя, уничтожение советской власти, узаконение диктаторского режима, разделение России на отдельные, воюющие между собой регионы и оккупация страны Америкой, бесконтрольная продажа земли, жилья, заводов, фабрик». Авторы листовок обещали тому, кто согласится участвовать в выборах, стать «фактически соучастником преступного режима Ельцина» и его «презренных лакеев-прихлебателей Собчака, Шахрая, Фёдорова и прочих иуд». Подписаны эти листовки были от имени «Патриотов России» и «Трудовой России»¹³². Таким образом, С.М. Шахрай в сознании радикальных политических оппонентов действующей власти являлся не независимым политиком, а важной частью правящей команды.

Тем не менее ПРЕС и её лидеры смогли заручиться поддержкой определенной части населения России. Можно обратиться к данным социологических опросов, в том числе региональных. Так, 11–17 октября 1993 года информационно-аналитическое управление администрации Ярославской области провело открытый социологический опрос населения области по вопросам выборов. Одним из вопросов был о том, кто из политиков вызывает наибольшую симпатию. С.М. Шахрай занял шестое место, получив 3,4 % голосов [Перед выбором, 1993, 16 ноября]. В местной прессе встречались следующие характеристики его как политика. «Нам нравятся люди спокойные, серьезные, хватит, наверное, России крикунов, говорунов, политиканов, которые в конце концов так запутываются, что сами себя за хвост ловить начинают», поясняла свою позицию одна из жительниц Ярославля, собиравшаяся голосовать за ПРЕС [Кого выберем, 1993, 27 ноября].

Предложения кандидатов от ПРЕС в целом мало отличались от предложений других партий и носили явные признаки политического популизма. Так, С.А. Мошков, кандидат от ПРЕС в Ярославской области, кроме проблем предпринимательства сосредоточил свое вни-

¹³² ГАНИКО. Ф. Р-3701. Оп. 1. Д. 34. Л. 2, 3.

мание на проблемах Рыбинска – второго по величине города в регионе, отдавая предпочтение обещаниям ускорить строительство объектов социальной сферы¹³³. Несмотря на явное внимание именно к местным проблемам, стать депутатом Госдумы Мошков так и не смог.

В итоге на выборах в Государственную Думу РФ 12 декабря 1993 года общефедеральный список ПРЕС получил 6,73 % голосов избирателей. Наибольшей поддержкой партия пользовалась в национальных регионах России, где преобладало сельское население. Ее максимальный показатель был отмечен в Туве – 48,4 %, в Кабардино-Балкарии – 31,5 %, в Республике Алтай – 26,55 % голосов [Шакиров, 2013, с. 237]. Также ещё в 18 национальных регионах ПРЕС получила больший процент голосов, чем в среднем по стране. Таким образом, партия С.М. Шахрая в целом смогла добиться симпатии населения и национальных элит. Как писал вскоре после завершения избирательной кампании 1993 года известный советский правозащитник-диссидент и журналист К.А. Любарский, ПРЕС преодолела порог в 5 % в основном за счёт национальных регионов страны [Любарский, 1994, с. 8–9].

Программу партии, ход избирательной кампании и её влияние на избирателей отечественные и зарубежные наблюдатели тех лет оценивали крайне противоречиво. Так, российский исследователь Ю.А. Веденеев в своей работе скептически отмечал, что некоторые из партий создавались чуть ли не впопыхах именно под предвыборную кампанию. Политические цели таких партий были часто лишь едва намечены, зыбки, неопределенны и туманны, что, в свою очередь, сыграло роль при голосовании избирателей в различных регионах страны. ПРЕС он относил именно к ним [Веденеев, 1997, с. 33–38]. Красноярский учёный, специалист по математической обработке результатов выборов В.Г. Суховольский, проанализировав факторы поддержки всех партий во всех регионах России, сделал вывод об отсутствии таких у ПРЕС. В связи с этим он считал партию С.М. Шахрая фиктивной политической силой¹³⁴. Напротив, американский политолог М. Макфол позитивно оценивал ПРЕС, считая данную партию, наряду с «Выбором России» и движением «Яблоко», свидетельством движения России к демократии и многопартийной системе [Макфол, 1994, с. 124–138].

В Государственной Думе ПРЕС изначально получила 22 мандата: 18 депутатов, избранных по партийным спискам, и 4, избранных в одномандатных округах. При этом из 4 депутатов, избранных в округах, в состав фракции вошло 3, но еще 9 депутатов, независимых и избранных при поддержке других политических объединений, затем вошли во фракцию ПРЕС, и её максимальная численность составила 30 депутатов. Фракция получила должности председателей трёх комитетов: по делам СНГ и связям с соотечественниками, по делам Федерации и региональной политике, а также по вопросам местного самоуправления [Федеральное собрание, с. 217]. Отметим, что это именно те комитеты, деятельность которых и должна была соответствовать программным установкам партии и, казалось, давала реальные рычаги для ее реализации. В первой половине 1990-х гг. ПРЕС считалась единственным верным сторонником исполнительной власти в нижней палате парламента. Члены партии входили в правительство России, а её лидер С.М. Шахрай даже надеялся на создание по итогам новых выборов большой центристской коалиции из 100–130 депутатов [Трауб, Бацанова, 1994, с. 66]. Через движение «Предприниматели за новую Россию» партия была связана с деловыми кругами страны. Перечисленные факторы позволяли обозревателям издания «Деловые люди» весной 1994 года предположить, что её лидер «ещё долгие годы будет оставаться в качестве самостоятельной и сильной фигуры на политическом Олимпе России» [Трауб, Бацанова, 1994, с. 66].

В ходе двух лет работы в Госдуме фракция ПРЕС пыталась отстаивать умеренно-консервативную программу, периодически поднимала вопрос о защите прав регионов и национальных меньшинств, переносе федеральных органов власти в регионы, вела речь о децентрализации власти. В программе партии были разделы, посвященные федерализму, национальной политике, государственной региональной политике [Программа Партии..., 2002]. Так, в ней предлагалось, что особое внимание нужно уделить защите коренных народов Севера,

¹³³ ЦДНИ ЯО. Ф. Р-3701. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

¹³⁴ Там же.

Сибири и Дальнего Востока, защищать права каждого народа, включая русский, и сохранять союз всех народов, проживавших в России. Правда, конкретных шагов для реализации этого предложено не было [Программа Партии..., 2002, с. 365–366]. В конце 1994 года был принят манифест партии, где утверждалось, что только федерализм и отказ от желания все централизовать может сохранить единое государство [Шахрай, Никонов, 1994, 1 декабря]. В интервью тех лет Шахрай подчёркивал собственное провинциальное происхождение и призывал к существенному обновлению «колоды московских политиков» [Трауб, Бацанова, 1994, с. 66].

Поскольку лидер ПРЕС занимал в правительстве также должность министра по делам национальностей и региональной политики, тема взаимоотношений государства с регионами и в дальнейшем получала освещение в его публикациях в прессе. Например, в 1994 году в статье в «Независимой газете» – одном из наиболее авторитетных и влиятельных столичных масс-медиа постсоветской эпохи – С.М. Шахрай коснулся основных проблем региональной политики. По его мнению, право собственности на природные ресурсы должно было принадлежать региональным властям, а доходы от их разработки – пропорционально распределяться между местными властями и предприятиями. Для помощи депрессивным и неразвитым регионам страны федеральный Центр должен был создать фонд субвенций, также к его компетенции относилось установление пределов и возможностей вмешательства региональных властей в правовое регулирование повседневной жизни граждан. Касался Шахрай и налоговой политики: в федеральный бюджет должен был идти налог на доходы граждан и корпораций, налог с оборота – в бюджеты регионов РФ, а бюджеты более низкого уровня должны были пополняться за счёт налога на недвижимость и землю [Шахрай, 1994, 12 мая]. Успешное решение указанных проблем, писал министр, поможет реализовать необходимую общегосударственную идею – идею Российского Возрождения, под которой он понимал возрождение государства и экономики, национальных традиций и чувства гордости за страну [Шахрай, 1994, 12 мая]. Таким образом, руководство партии по-прежнему делало ставку на привлечение симпатий регионов, пыталось представить свое видение федеративных отношений. Однако добиться в дальнейшем каких-либо серьезных успехов на этом поле партии не удалось.

На фоне сравнительно редких упоминаний о ПРЕС в российской центральной печати её лидер С.М. Шахрай в первой половине 1990-х гг. оставался одним из наиболее противоречивых и в то же время востребованных в масс-медиа политиков. Обозреватели независимого издания «Деловые люди» весной 1994 года предполагали, что он «ещё долгие годы будет оставаться в качестве самостоятельной и сильной фигуры на политическом Олимпе России» [Трауб, Бацанова, 1994, с. 66]. О Шахрае они писали как о «несомненном фаворите на предстоящих президентских выборах», считали незаменимым для действующей власти человеком, который сочетал «лоск вестернизированного реформатора с чертами восточного харизматического лидера» и даже называли «терским казаком в двенадцатом колене, внешне напоминающим Иосифа Сталина в молодости» [Трауб, Бацанова, 1994, с. 64].

Последнее сравнение не было случайностью. В правительстве Е.Т. Гайдара Шахрай одновременно симпатизировал либеральным экономистам, но не был сторонником самого и. о. премьер-министра, при этом являлся убеждённым сторонником политического курса президента Б.Н. Ельцина и разрабатывал идеологию сильной президентской власти в России («последовательный авторитарист») [Трауб, Бацанова, 1994, с. 65–66]. Наряду с этим СМИ предполагали, что именно молодой вице-премьер был одним из авторов идеи парламентской амнистии для лидеров августовского путча 1991 года и октябрьских событий 1993 года в Москве, так как стремился занять особое место во взаимоотношениях главы государства с премьер-министром и председателями обеих палат Федерального Собрания РФ [Дубнов, 1994, с. 9]. С.М. Шахрай не скрывал собственных политических амбиций. В 1993–1994 гг. он считал, что в скором будущем лицо российской политики будут определять партии социал-демократов, либералов и консерваторов. Но первая из них отсутствовала, вторая потерпела неудачу на думских выборах 1993 года, поэтому себя он видел в роли лидера «общефедеральной, консервативной партии, опирающейся на традиционные ценности». Именно политик такого ти-

па, по его мнению, мог бы стать реальной альтернативой радикалам типа А.В. Руцкого или В.В. Жириновского на президентских выборах 1996 года [Дубнов, 1994, с. 9].

В одном из выступлений вице-премьер утверждал, что его цель – «оставить потомкам единое, цельное российское государство» [Трауб, Бацанова, 1994, с. 64]. Между тем в 1990-е гг. Россия столкнулась с перманентным кризисом на Северном Кавказе. Осенью 1992 года разгорелся кровавый осетино-ингушский конфликт из-за давнего спора двух народов за обладание Пригородным районом [Тумаков, 2022, с. 439–484]. С.М. Шахрай, курировавший национальную политику в российском правительстве, сыграл важную роль в локализации данного конфликта. В конце 1992 года он был назначен главой Временной администрации на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики, получив очень значительную власть. Как позднее вспоминал генерал армии А.С. Куликов, «одного вице-премьерского слова было достаточно, чтобы поднять на ноги любого государственного чиновника» [Куликов, 2002, с. 140–141]. Сам же Шахрай писал, что получил от президента Б.Н. Ельцина «особые полномочия, которых ни до, ни после на этом посту ни у кого не было», так как главе Временной администрации на месте подчинялись все силовые структуры на месте [Шахрай, 2021, с. 212]. В зоне осетино-ингушского конфликта Шахрай проявил решительность: по его распоряжению федеральные силы провели ряд тщательно продуманных операций по изъятию оружия и боеприпасов у населения, при этом не потеряв ни одного человека [Куликов, 2002, с. 140–141]. Благодаря этому острота конфликта существенно снизилась. Позднее на пресс-конференции в Москве сам вице-премьер назвал в качестве своей заслуги укрепление воинской дисциплины и рост согласованности действий разных силовых ведомств в «горячей точке» [Струговец, 1992, 25 декабря].

Деятельность министра в зоне чрезвычайного положения в Пригородном районе Северной Осетии заслужила в целом высокую оценку современников. Генерал А.С. Куликов позднее охарактеризовал С.М. Шахрая как умного, надёжного, порядочного и высокообразованного человека, обладающего немалыми аналитическими способностями. К его достоинствам военачальник также отнёс умение подбирать неординарных и компетентных людей в команду и доверие к подчинённым [Куликов, 2002, с. 142]. Президент Северной Осетии А.С. Дзасохов в мемуарах утверждал, что, несмотря на прежние политические разногласия, активно и полезно сотрудничал с Шахраем во время тяжёлых испытаний на Северном Кавказе в 1990-е гг. [Дзасохов, 2019, с. 282] Примечательно, что и представители ингушской стороны оценивали действия министра скорее положительно. Так, Герой Советского Союза Р.С. Аушев считал, что Шахрай при ведении переговоров не давал пустых обещаний и в целом вёл себя более дипломатично, чем многие его коллеги, старался выдерживать нейтралитет между сторонами конфликта [Глебов, 1993, 21 февраля].

В самом начале 1993 года в печати появились аналогичные утверждения о деятельности главы Временной администрации в зоне чрезвычайного положения на Северном Кавказе. Вывод СМИ был однозначен: С.М. Шахрай может считаться единственным представителем российской политической элиты, имеющим положительный опыт работы в «горячей точке». Данный опыт, утверждала корреспондент «Московских новостей», может быть использован для предотвращения потенциально возможных новых межэтнических конфликтов в стране [Бычкова, 1993, 10 января]. Этот прогноз оправдался уже в следующем году, когда федеральный Центр начал активно противостоять попыткам лидера чеченских сепаратистов Д.М. Дудаева выйти из состава страны. Летом 1994 года вице-премьер С.М. Шахрай в статье для популярного еженедельника «Аргументы и факты» писал о криминальном характере экономики непризнанной дудаевской Чечни и одновременно утверждал о её кризисе, на преодоление которого потребовалось бы от 5 до 20 лет. Так, по его данным, ежемесячная зарплата рабочих в республике не превышала 80 тысяч рублей [Шахрай, 1994, с. 5].

Осенью того же года вице-премьер федерального правительства вновь обозначил себя в качестве непримиримого оппонента сепаратистского режима генерала Д.М. Дудаева в Грозном. В большой публикации для «Независимой газеты» С.М. Шахрай фактически представил официальный взгляд на историю, современное развитие и дальнейшие перспективы взаимо-

отношений Центра и Чечни [Шахрай, 1994, 27 сентября]. Он признавал, что в прошлом и Российская империя, и Советский Союз испытывали многочисленные трудности при попытках покорить чеченцев силой, и называл судьбу данного северокавказского этноса «трагической». Вице-премьер считал половинчатыми и многие решения властей в годы хрущёвской Оттепели, так как они стали причиной волнений в Чечено-Ингушетии в 1991 году.

Коснувшись непростой истории взаимоотношений Центра и Чечни, С.М. Шахрай посвятил статью перспективам преодоления нового кризиса в регионе. Он полагал, что последствием острой конфронтации союзных и российских властей стало поражение чеченского народа, так как в республике создана криминальная «свободная экономическая зона». Лидеров сепаратистов он также считал криминальными элементами, превратившими республику в приют для преступников из всего бывшего СССР («бандиты не имеют национальности»), а также в маршрут для контрабанды оружия, наркотиков и валюты через Чечню в Россию. Итогами правления мятежного генерала Д.М. Дудаева российский вице-премьер полагал тяжёлый экономический кризис в республике и её фактическую изоляцию от остальной России. В последующем, в период первой чеченской кампании 1994–1996 гг., федеральные власти аналогично характеризовали дудаевский период истории Чечни.

В отличие от некоторых других столичных политиков-демократов тех лет, С.М. Шахрай категорически отказывался обсуждать вопрос даже о потенциальном признании Москвой чеченской независимости, считая подобную постановку вопроса вредной утопией. По его мнению, мятежная дудаевская Чечня стала рассадником нестабильности на Северном Кавказе, в частности способствовала эскалации в зоне осетино-ингушского конфликта. Более того, высокопоставленный чиновник ясно давал понять читателям и подписчикам «Независимой газеты», что Центр более не намерен мириться с подобным положением вещей и уже принял неотложные меры по пресечению деятельности криминального анклава на Северном Кавказе. К ним он отнёс воздушную и сухопутную блокаду дудаевской Чечни, начало строительства железной дороги в обход республики и борьбу спецслужб с чеченской мафией [Шахрай, 1994, 27 сентября]. В конечном итоге, подчёркивал вице-премьер, Центр сможет мирно урегулировать конфликт с одной из республик, так как до этого препятствием для решения чеченской проблемы были исключительно противоречия внутри российской власти [Шахрай, 1994, 27 сентября]. Отметим, что конкретных примеров автор статьи не приводил.

С.М. Шахрай признавал, что чеченский кризис 1990-х гг. – это не только «внутреннее дело России», но и «продукт нашего внутреннего развития», а потому сформулировал шесть основных принципов стратегии его урегулирования. Прежде всего, он недвусмысленно давал понять, что считает мятежную республику субъектом РФ, поэтому на её территории должны быть созданы условия для проведения свободных демократических выборов и подготовки договора о разграничении полномочий и предметов ведения между местными властями и Центром. Однако, утверждал вице-премьер, в данный момент вести диалог в Грозном не с кем. Во-вторых, Шахрай признавал невозможность военного решения чеченской проблемы, но одновременно не исключал, что для защиты местного населения, борьбы с терроризмом и организованной преступностью Россия может использовать силы МВД. В-третьих, лидер ПРЕС однозначно считал, что «в Чечне сейчас нет легитимной власти», поэтому любая встреча президента России Б.Н. Ельцина с лидером непризнанной Ичкерии Д.М. Дудаевым стала бы «днём национального позора» для страны. В силу этого федеральные власти были свободны в выборе партнёров по урегулированию политической ситуации в республике. В-четвёртых, Шахрай считал идеальным вариантом приход к власти в Грозном некоего правительства национального спасения, которое сможет официально урегулировать взаимоотношения с Центром. Отметим, что в данном вопросе он стремился сохранить некоторую объективность и не считал законными ни формирования Д.М. Дудаева, ни отряды чеченской оппозиции, выделяя в чуть лучшую сторону лишь группы У.Д. Автурханова и Б.С. Гантамирова. Пятым и шестым пунктами урегулирования кризиса в Чечне вице-премьер С.М. Шахрай полагал диалог с умеренными представителями чеченской диаспоры и мусульман России соответственно с целью мирного решения

проблемы [Шахрай, 1994, 27 сентября]. В качестве вывода к статье чиновник утверждал, что правительство РФ не станет безучастно смотреть на любые беспорядки или массовое кровопролитие в Чечне, а будет «действовать жёстко, адекватно сложившейся ситуации, но в полном соответствии с законами России» [Шахрай, 1994, 27 сентября].

В отличие от «Выбора России» [Тумаков, 2021, с. 111–117], ПРЕС поддержала начало силовой операции по восстановлению конституционной законности в Чечне, известной как первая чеченская война 1994–1996 гг. Спустя месяц после ввода в республику федеральных сил С.М. Шахрай представил законопроект «О мерах по политическому урегулированию кризиса в Чеченской Республике». Основные его положения (поиск, разоружение или задержание боевиков, изъятие оружия у населения Чечни, прекращение деятельности властных структур сепаратистского режима, вывод из республики избыточного армейского контингента при сохранении частей постоянной дислокации, а также дополнительные социальные гарантии и компенсации для военных, служивших в Чечне) в целом совпадали с правительственной программой действий на Северном Кавказе и были поддержаны главой государства на встрече с думской фракцией ПРЕС 16 января 1995 года [Платоненко]. Одновременно, учитывая большие потери федеральных сил в людях и технике при «новогоднем штурме» Грозного, вице-премьер констатировал неудачу военной операции в Чечне, заявил об отсутствии у России боеспособной армии и призвал к началу «реальных реформ» в данной сфере [Шахрай, 1995, 10 января].

Несмотря на политическую активность её лидера, фракцию ПРЕС раздирали противоречия и амбиции ее руководителей. В итоге к концу 1995 года её думская фракция сократилась до 12 депутатов [Федеральное собрание, 1996, с. 219]. Из-за разногласий с С.М. Шахраем ее покинули такие видные политики, как А.Н. Шохин, К.Ф. Затулин, С.Б. Станкевич, Ю.Х. Калмыков, В.А. Никонов. В частности, К.Ф. Затулина обвиняли в «имперских амбициях» и отходе от идеологии партии [Федеральное собрание, 1996, с. 218]. Другие же были не согласны с позицией С.М. Шахрая по чеченскому вопросу. Таким образом, из перспективной партии ПРЕС превратилась в аутсайдера, потерявшего доверие политических элит и населения. Переговоры об объединении с движениями «Преображение России» и «Стабильная Россия» оказались неудачны, потому сам Шахрай в преддверии новой избирательной кампании оценивал шансы партии на попадание в Госдуму лишь как 50 на 50 [Красников, 1995, 24 сентября – 1 октября]. Тем не менее в 1995 году ПРЕС приняла решение идти на выборы в парламент независимо от правительственного блока «Наш дом – Россия». Вице-премьер попытался дистанцироваться от «партии власти». В частности, на II съезде ПРЕС он призвал президента отправить в отставку правительство В.С. Черномырдина, провести референдум о частной собственности на землю, существенно ограничить эфирное время иностранных телепередач, а также обещал аннулировать в новой Думе итоги выборов по партийным спискам [Красников, 1995, 24 сентября – 1 октября]. Избирательная кампания ПРЕС прошла крайне неудачно: партия набрала всего лишь 0,36 % [Партия российского единства и согласия]. Но даже в такой ситуации наилучший результат ею был достигнут в национальных образованиях, в частности Якутии, Дагестане и Республике Алтай. Фиаско на выборах в Государственную Думу РФ и уход из правительства С.М. Шахрая привели к фактическому прекращению существования ПРЕС и концу его собственной политической карьеры.

Заключение

На наш взгляд, важную роль в провале первой в постсоветской истории партии, выражавшей интересы российских регионов, сыграл как раз региональный фактор. Даже в период относительно удачных для ПРЕС думских выборов 1993 года отделения партии существовали лишь в половине российских регионов, поэтому ей приходилось опираться либо на разрушенную структуру Советов, либо на помощь местной исполнительной власти. В последнем случае это означало жёсткую конфронтацию с блоком «Выбор России» Е.Т. Гайдара – главной пропрезидентской силой той избирательной кампании. Добавим к

этому, что в партии состояло малое количество известных региональных политических лидеров. К тому же местные элиты могли лоббировать собственные интересы в Москве и без парламентского посредничества ПРЭС.

Перемены в региональной политике Центра также сыграли важнейшую роль в изменении положения партии. Отметим, что политические амбиции самого С.М. Шахрая заметно укрепились после его успешных действий в зоне осетино-ингушского конфликта, но спустя два года жёсткая, особенно на фоне прочих реформаторских сил страны, позиция ПРЭС по острому и актуальному чеченскому вопросу оказалась непопулярной в российском обществе. По данным опроса фонда «Общественное мнение», в 1994 году 66 % респондентов осудили ввод федеральных сил в Чечню, поддержку данной операции высказали лишь 20 % [Досье, 1994, с. 2]. Небольшая полицейская акция на Северном Кавказе, которую изначально поддерживал С.М. Шахрай, быстро переросла в полномасштабные боевые действия с применением тяжёлых вооружений. Поэтому спустя год, в преддверии новых парламентских выборов, негативное отношение к чеченской кампании выразили 74 % опрошенных, одобрение – лишь 10 % [Комсомольская правда, 1995, 10 декабря].

Подводя итог, отметим, что создание ПРЭС было первой попыткой в новейшей истории страны создать консервативную и центристскую партию, выражающую интересы как правительства, так и региональных элит. Партийное руководство во главе с С.М. Шахраем явно сделало ставку на региональные группировки элиты и стремилось представить свою версию отечественного консерватизма, основанного на принципах федеративности при сохранении территориальной целостности Российской Федерации. Максимального влияния партия достигла в 1993–1994 гг., когда С.М. Шахрай воспринимался как перспективный политик, способный решать стоявшие перед ним задачи, а партия прошла в парламент и получила собственную фракцию. Однако ставка политика на силовое решение чеченской проблемы оказалась неудачной, что не замедлило сказаться на рейтинге как самого вице-премьера, так и его партии. 1995 год стал временем угасания ПРЭС, внутренних расколов, потери доверия избирателей, и ее провальный результат на выборах в этих условиях был закономерен. Таким образом, в изменившейся политической ситуации ПРЭС уже не могла рассчитывать на доверие электората и сошла с политической сцены, а сам С.М. Шахрай покинул правительство и перестал восприниматься СМИ и обществом как сильный политик.

Список источников

- Бычкова О. Сергей Шахрай: «...С нами лучше договориться, чем воевать...». Московские новости. 1993. 10 января.
- Бычкова О. «Наши приоритеты – собственность и наследство». Московские новости. 1995. 17–24 сентября.
- Гарбузова О. Новая партия будет опираться на региональную элиту. Коммерсант. 1993. 28 июля.
- Глебова Е. Руслан Аушев, кандидат на пост президента республики Ингушетия: «... Если стану президентом, эти шутки с отставкой надо будет прекращать...». Московские новости. 1993. 21 февраля.
- Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. Р-3701. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Костромском избирательном округе № 44/95 Костромской области. Оп. 1. Д. 34.
- Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-3703. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Кировском избирательном округе № 76/189 и Рыбинском избирательном округе № 190 Ярославской области. Оп. 1. Д. 4.
- Дайнего Е., Гарбузова О. Кабинет раскололся на две партии. Коммерсант. 1993. 19 октября.
- Дзасохов А.С. 2019. Как много событий вмещает жизнь. М., Центрполиграф, 463 с.
- Досье. Огонёк. 1994. 50–51: 2.
- Дубнов В. Кто сыграет «партию Шахрая»? В поисках своей политической игры Сергей Шахрай всё активнее идёт на обострение и всё сильнее рискует. Новое время. 1994. 10: 8–9.
- Кого выберем. Северный край. 1993. 27 ноября.
- Красников Е. Карьера Сергея Шахрая. Московские новости. 1995. 24 сентября – 1 октября.

- Куликов А.С. 2002. Тяжёлые звёзды. М., Война и мир букс, 568 с.
Любарский К. Фальсификация. Новое время. 1994. 7: 4–11.
Партии перед выборами (интервью Шохина). Коммерсант. 1993. 27 октября.
Перед выбором. Золотое кольцо. 1993. 16 ноября.
Программа Партии российского единства и согласия. Материалы I съезда Партии российского единства и согласия. 26–27 февраля 1994 г. 2002. Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., РОССПЭН, 494 с.
Сергей Шахрай: Локализовать роль военных. Российские вести. 1995. 10 января.
Социологический опрос. Комсомольская правда. 1995. 10 декабря.
Старк Н. Сергей Шахрай формирует партию регионов. Коммерсант. 1993. 18 июня.
Струговец В. Сергей Шахрай: Всю ответственность за политические решения в районе чрезвычайного положения беру на себя. Красная звезда. 1992. 25 декабря.
Трауб Д., Бацанова Г. Политик без окраски. Деловые люди. 1994. 46: 64–66.
Шахрай С. О концепции государственной региональной политики. В её основе должна лежать идеология не реставрации, а возрождения России. Независимая газета. 1994. 12 мая.
Шахрай С. Судьба чеченского народа волей Аллаха и истории связана с русским народом, с Россией. Независимая газета. 1994. 27 сентября.
Шахрай С. Что там, в Чечне? Аргументы и факты. 1994. 28: 2.
Шахрай С., Никонов В. Российский консерватизм. Российские вести. 1994. 1 декабря.
Шахрай С.М. 2021. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., Синдбад, 428 с.
Янаев Е. Демократы подготовились гораздо лучше соперников. Коммерсант-Власть. 1993. 6 ноября.

Список литературы

- Веденеев Ю.А. 1997. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан. Государство и право. 2: 33–38.
Колтон Т. 2013. Ельцин. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 752 с.
Макфол М. 1994. Осмысление парламентских выборов 1993 года в России. Полис. 5–6: 124–138.
Партия российского единства и согласия (ПРЕС). URL: <http://www.panorama.ru/partie/book6413.shtml#I2> (дата обращения: 01.04.2023).
Платоненко В. Демократические партии и организации в январе 1995 года. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1050414836/Demokrats0195.htm> (дата обращения: 01.04.2023).
Тризмэн Д. 2012. История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. М., Эксмо, 416 с.
Тумаков Д.В. 2021. Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в оценках партии «Демократический выбор России». Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 4: 111–117.
Тумаков Д.В. 2022. Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати. Historia provinciae – Журнал региональной истории. 2, 6: 439–484.
Федеральное собрание первого созыва. Совет Федерации. Государственная Дума 1993–1995. М., Панорама, 1996.
Шакиров Ю.А. 2013. ПРЕС как «Вторая нога» «Партии власти» в 1993–1995 гг. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 4: 233–243.

References

- Vedeneev J.A. 1997. Politicheskaia demokratija i electoralno-pravovaja kultura grazhdan [Political Democracy and Electoral and Legal Culture of Citizens] Gosudarstvo i pravo, 2: 33–38 (in Russian).
Colton T. 2013. Yeltsin [Yeltsin: a life]. Moscow, Colibri, Azbuka-Atticus, 752 (in Russian).
McFaul M. 1994. Osmyslenije parlamentskih vyborov 1993 goda v Rossii [Understanding the Parliamentary Elections of 1993 in Russia]. Polis. 5–6: 124–138 (in Russian).
Partija rossijskogo edinstva i soglasija (PRES). Available at: <http://www.panorama.ru/partie/book6413.shtml#I2> (accessed 1 April 2023) (in Russian).
Platonenko V. Demokraticheskiye partii i organizatsii v janvare 1995 goda. Available at: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1050414836/Demokrats0195.htm> (accessed 1 April 2023) (in Russian).
Treisman D. 2012. Istorija Rossii. Ot Gorbachova do Putina i Medvedeva [The Return: Russia's journey from Gorbachev to Medvedev]. Moscow, Eksmo, 416 (in Russian).

- Tumakov D.V. 2021. Nachalo pervoj chechenskoj vojny 1994–1996 gg. v ocenkah partii «Demokraticeskij vybor Rossii» [The beginning of the First Chechen war 1994–1996 in the assessment of the party «Democratic choice of Russia»]. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 4: 111–117 (in Russian).
- Tumakov D.V. 2022. Osetino-ingushsky voruzhennyj konflikt 1992 goda v osveshchenii rossijskoj centralnoj pečati [The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press]. Historia provinciae – Journal regionalnoj istorii. 2, 6: 439–484 (in Russian).
- Federalnoje sobranije pervogo sozyva. Sovet Federacii. Gosudarstvennaya Duma 1993–1995 [Federal Assembly of the first convocation. Federation Council. State Duma 1993–1995]. Moscow, Panorama, 1996 (in Russian).
- Shakirov J.A. 2013. PRES kak «Vtoraya noga» «Partii vlasti» v 1993–1995 gg. [PRES as "In the second leg" of the "Article of Power" in 1993–1995]. Izvestia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 4: 233–243 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.04.2023

Received 05.04.2023

Поступила после рецензирования 28.07.2023

Revised 28.07.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Accepted 28.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тумаков Денис Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8569-7246](https://orcid.org/0000-0001-8569-7246)

Denis V. Tumakov, PhD in History, associate professor of the Department of History and Philosophy landscape, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia

Кищенко Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5466-3913](https://orcid.org/0000-0002-5466-3913)

Mikhail S. Kishhenkov, PhD in History, associate professor of the Department of Political Science and Sociology, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Михайлов Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Ярославский государственный аграрный университет, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7754-6509](https://orcid.org/0000-0002-7754-6509)

Sergey A. Mikhaylov, PhD in History, senior lecturer of Humanities Department, Yaroslavl State Agrarian University, Yaroslavl, Russia

УДК 902-904 (470.324)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-770-778
Оригинальное исследование

М.И. Карагодин – учитель, краевед, археолог

Бессуднов А.Н. ¹, Захарова Е.Ю. ², Городцова Ю.Н. ²

¹) Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42;

²) Воронежский государственный университет, Россия, 394008, г. Воронеж, Университетская пл., 1

E-mail: bessudnov_an@mail.ru, ez@hist.vsu.ru, yuliya.gorodtsova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности преподавателя педагогического училища в г. Валуйки (Белгородская область) – Михаила Ивановича Карагодина (1926–2010). Показано, что ведущим направлением в ней являлось исследование, сохранение и популяризация памятников археологии Поосколья. Основное внимание уделено работе М.И. Карагодина с молодежью в рамках созданного им студенческого историко-краеведческого кружка «Красная гвоздика», ставшего в 1960–1980 гг. ядром археологического краеведения в Валуйках. На основе анализа публикаций М.И. Карагодина аргументируется вывод о его существенном вкладе в изучение археологического наследия региона. Охарактеризована археологическая коллекция М.И. Карагодина, в настоящее время принятая на хранение в фонды Природного архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (Воронежская область).

Ключевые слова: М.И. Карагодин, Валуйское педагогическое училище, археологические исследования, краеведение, Поосколье

Для цитирования: Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю., Городцова Ю.Н. 2023. М.И. Карагодин – учитель, краевед, археолог. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 770–778. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-770-778

M.I. Karagodin – a Teacher, a Local Historian, an Archaeologist

Alexander N. Bessudnov ¹, Elena Y. Zakharova ², Yulia N. Gorodtsova ²

¹) Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russia;

²) Voronezh State University, 1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394008, Russia

E-mail: bessudnov_an@mail.ru, ez@hist.vsu.ru, yuliya.gorodtsova@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of Mikhail Ivanovich Karagodin (1926–2010), a teacher of history and social disciplines at the Valuysky Pedagogical College, in the research, preservation and popularization of archaeological monuments of the region. It is shown that the core of archaeological local history in Valuyki in 1960–1980 was the student local history section "Red Carnation", created by M.I. Karagodin. Under the guidance of their mentor, young researchers wrote essays, made scientific reports, and most importantly contributed to the preservation of crumbling archaeological monuments during hikes. The conclusion about his significant contribution to the study of the archaeological heritage of the region is argued. The archaeological collection of M.I. Karagodin, currently accepted for storage in the Natural, Architectural and Archaeological Museum-Reserve "Divnogorie" (Voronezh region). It includes unique artifacts from the territory of Belgorod region from the Paleolithic era to the Late Middle Ages.

Keywords: M.I. Karagodin, Valuisk Pedagogical College, archaeological research, local history, Poskolye

For citation: Bessudnov A.N., Zakharova E.Y., Gorodtsova Y.N. 2023. M.I. Karagodin – a Teacher, a Local Historian, an Archaeologist. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 770–778 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-770-778

«Твой учитель – это не тот, кто тебя учит, а тот, у кого учишься ты».
Ричард Бах, американский писатель

Введение

Указом Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Радуют в этой связи всё более часто звучащие призывы о необходимости внимательного изучения советского педагогического опыта, учета его в современной образовательной практике и особенно при подготовке учителей. В те времена в становлении каждого человека как личности, как будущего специалиста важнейшую роль играли учителя. Их педагогический опыт, научное наследие необходимо изучать и использовать. Настоящих мастеров своего дела было достаточно много, в данной публикации речь пойдет об одном из них.

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования является деятельность преподавателя педагогического училища в г. Валуйки (Белгородская область) Михаила Ивановича Карагодина в области археологического краеведения. Методология основывается на принципах системности, историзма и объективности с использованием таких общенаучных методов, как систематизация, обобщение, сравнительный анализ источников.

Результаты и их обсуждение

М.И. Карагодин родился 23 ноября 1926 г. в с. Большие Липяги Валуйского уезда Воронежской губернии. В 1940 г. в связи с переводом отца он оказался во Владивостоке, откуда в 1943 г., будучи учеником 10 класса, был призван на фронт. Пройдя обучение в снайперской школе, участвовал в войне с Японией и военных действиях в Корее. В сентябре 1950 г. демобилизовался в звании старшего сержанта, окончил школу, а в 1957 г. – философский факультет МГУ им М.В. Ломоносова.

В 1958 г. М.И. Карагодин вернулся на родную Белгородчину и приступил к работе в Валуйском районном отделении «Общества по распространению политических и научных знаний» (напомним, что с 1963 г. оно стало именоваться Всесоюзным обществом «Знание»). С начала 1960-х гг. и вплоть до выхода на пенсию в 1998 г. Михаил Иванович работал преподавателем истории и общественных дисциплин Валуйского педагогического училища.

В личном архиве А.Н. Бессуднова, ученика М.И. Карагодина, сохранились его письма, в одном из которых очень наглядно отражена повседневность учителя, всей душой болеющего за свое дело, всего себя отдающего любимой профессии.

«06.04.1980.

...Опять давненько не писал. И важного как будто ничего не сделал, но занят постоянно так, что и погулять по воздуху не выберешь время. Такова наша учительская доля. Кроме уроков, всегда находится еще столько же хлопот. То топор откуда-то притащат, то подшивку газет – всё надо переработать. Только перефотографировал 3 новых топора и три горшка. Вчера перед завучами средних спец[иальных] уч[ебных] заведений выступал о значении краевед[ческой] работы. Один конкурс творч[еских] работ по истории прошел – к 110-летию Ленина, теперь – к 35-летию Победы надо готовить еще кого-то. За тот нам Белгород дал 3-е место. Подборку материалов в «Звезде» только сдали и т. д.

В январе был в Москве, выступил на заседании славяно-русского сектора в ИА АН СССР – о следах металлургии.

Да, еще забыл – маленькая заметочка о нашей работе была в «Правде» за 23 марта... Еще есть работа. Загоровский¹³⁵ предлагает дать статью в сборник, кот[орый] он готовит, о топонимике нашего края...».

В данной статье раскрывается лишь одна из составляющих многогранной деятельности Михаила Ивановича – исследования в области археологического краеведения.

В педагогическом училище М.И. Карагодин практически сразу же создал кружок «Красная гвоздика», в котором не только студенты, но и ученики валуйских школ на протяжении нескольких десятилетий успешно занимались краеведческими исследованиями по различным направлениям. Важно, что посещавшие заседания кружка школьники впоследствии, как правило, поступали в педучилище [Зеленский, 1979].

Члены «Красной гвоздики» стремились соответствовать высокому уровню требований своего наставника как в теоретической, так и практической подготовке. Не только руководитель, но и сами «следопыты тайн» (так назвал своих кружковцев Михаил Иванович) заметно добавляли работы межбиблиотечным абонентам, выписывая специальную литературу из библиотек Москвы, Киева, Харькова, Белгорода. Проявляя интерес к различным периодам истории края, юные исследователи писали глубоко проработанные рефераты, делали научные доклады не только на заседаниях кружка, но и на конференциях различного уровня.

Одним из основных направлений деятельности кружка было археологическое. Полевым работам на археологическом объекте обычно предшествовали теоретические занятия, для которых использовалась собранная в кабинете истории библиотека [Карагодин, 1974б]. При этом акцент делался в первую очередь на овладении методикой сбора артефактов. Затем кружковцы отправлялись в однодневный поход по обследованию, как правило, уже известных археологических памятников. Например, в 1978 г. был собран подъемный материал (кремнёвый инвентарь (ножи, скребки), лепная керамика) в районе с. Кочкино на памятнике, известном с 1905 г. благодаря разведкам Н.Е. Макаренко. Благодаря сотрудничеству с исследователями из Харьковского университета находки были атрибутированы и отнесены к рубежу эпох камня и бронзы [Филатов, 1978]. Практически каждый год организовывалось 12–15 таких походов.

Выезды проводились весной и осенью, когда поверхность земли была свободна от растительности и хорошо просматривалась. Зимой собранная коллекция обрабатывалась: очищалась от грязи, промывалась, при необходимости склеивалась. У каждого из ребят при этом была своя специализация: одни осуществляли типологию находок, другие их реставрировали и консервировали, третьи – фотографировали и рисовали [Бессуднов, 1977а]. Отчёты о результатах поисков направлялись в Институт археологии АН СССР. Информация о выявленных или полученных от местных жителей находках публиковалась как в районных, так и областных средствах массовой информации. Согласно недавно проведенным подсчетам, только в области археологии М.И. Карагодиным было опубликовано более 40 статей и заметок в прессе [Сарапулкина, Святой, 2019].

Так, в 1973 г. выходит публикация М.И. Карагодина «Мамонты в долине Оскола» в газете «Звезда», посвященная находке вблизи с. Углово скопления костей этого ископаемого животного. Предполагая, вероятно, по аналогии с костёнковскими памятниками, что в данном случае речь может идти о существовании в этом месте жилища эпохи палеолита, Михаил Иванович указывает читателям на законодательно существующий «запрет производить самовольные раскопки» и на «необходимость сообщать о находках в педучилище или районное отделение общества охраны памятников» [Карагодин, 1973]. Уже в следующем (1974) году из его статьи «Земля умеет рассказывать» читатели той же газеты узнали о том, что случайно подобранные на берегу р. Валуга в г. Валуйки кремнёвые нуклеус и скребок стали поводом для организации в указанное место похода кружковцев [Карагодин, 1974а]. А еще спустя полгода на

¹³⁵ Речь идет о докторе исторических наук, профессоре, заведующем кафедрой истории СССР досоветского периода Воронежского государственного университета Владимире Павловиче Загоровском (1925–1994).

этом же месте Гриша Кобзарев – студент педучилища – нашел частично сохранившийся горшок эпохи бронзы [Карагодин, 1975в]. И вновь неутомимый Михаил Иванович обращается к местным жителям с призывом не оставаться равнодушными, «поддержать дальнейшие поиски древнего поселения». Публикации случайных находок на валуйской земле с завидной регулярностью выходили и в последующие десятилетия: о конской упряжи салтово-маяцкой культуры [Карагодин, 1986а]; о разрушенном погребении салтово-маяцкой культуры [Карагодин, 1987]; о находке железного наконечника стрелы у с. Агошевка [Карагодин, 1996]; о находке наконечников копий у с. Конопляновка [Карагодин, 1997] и др. Характерной особенностью всех такого рода публикаций М.И. Карагодина является характеристика находки в контексте того времени, когда она была изготовлена и использовалась, благодаря чему вещь снова ожила, а давно минувшие времена становились ближе и понятнее.

Учителю вторили и воспитанники. В 1977 г. увидела свет первая публикация А. Бессуднова, в то время активного кружковца, в которой, обращаясь к землякам, он призвал «сообщать о найденных древних предметах в районное отделение общества охраны памятников истории и культуры или в педагогическое училище»; благодарил тех валуйчан, которые, передав находки, «помогли прочитать страницы история края» [Бессуднов, 1977б]. Подобный призыв звучал и в уже упомянутой статье Д. Филатова, также студента педучилища [Филатов, 1978].

Благодаря энтузиазму М.И. Карагодина в археологическое краеведение были вовлечены учителя школ и сельские администрации Валуйского района. Об их заинтересованности в сохранении древнейшего прошлого своей малой родины свидетельствует тот факт, что в статье Михаил Иванович с благодарностью перечисляет директоров и учителей истории школ района, и список этот весьма пространный [Карагодин, 1975а]. Так, учителем истории Тимоновской школы В.Я. Папановым, учениками Селивановской школы и др. были переданы в педучилище каменные сверлёные боевые топоры, найденные в окрестностях родных сёл [Карагодин, 1975а].

Аналогичная работа продолжалась и в последующее десятилетие. Один из примеров приводится в заметке 1988 г., посвященной обследованию места находки древнего сосуда – карьера за пос. Дружба: первыми были школьники во главе с учителем истории Н.Н. Теслевой, потом кружковцы педучилища [Карагодин, 1988].

Знаковой можно считать публикацию 1974 г. М. Карагодина совместно со вторым секретарем горкома КПСС С. Часовским под названием «Государственная охрана памятников археологии» [Часовской, Карагодин, 1974]. Сам факт ее появления свидетельствует о вовлечении и властных структур в дело сохранения археологического наследия. Эмоциональный назидательный стиль изложения материала о разрушении памятников старины, по мнению соавторов, должен был способствовать изменению отношения населения к древнейшему прошлому своей малой родины.

Организационно деятельность по сохранению археологических памятников замыкалась на районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Согласно опубликованным сведениям, «в 1974 г. его членами были 10 тысяч валуйчан; только в 1973 г. активисты прочитали 710 лекций, докладов и бесед по истории революционного прошлого страны, о подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны, о военачальниках-белгородцах, а также об археологическом прошлом региона» [Конференция, 1974].

И в этом движении Валуйское педагогическое училище играло ведущую роль. «Все его преподаватели и учащиеся были членами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В 1977 г. в этой организации состояли 812 человек, а основным ядром являлся историко-краеведческий кружок «Красная гвоздика» под руководством М.И. Карагодина» [Рожков, 1997]. Краеведы педучилища в целях сохранения археологических объектов «взяли на учёт более 30 памятников Валуйского района – селищ, городищ, курганов» [Карагодин, 1974б].

«По инициативе Михаила Ивановича было принято решение исполкома Валуйского районного Совета депутатов трудящихся от 11 июля 1977 года № 211 «О взятии на учёт и под охрану государства памятников археологии на территории района». В указанный документ внесено 37 памятников. Но, к сожалению, по непонятным причинам эта информация не была учтена при подготовке аналогичных постановлений регионального уровня, и в результате большинство объектов археологического наследия из этого списка только сейчас постепенно проходят процедуру включения в перечень выявленных и в единый государственный реестр объектов культурного наследия» [Сарапулкина, Святой, 2019].

В те же десятилетия (1970–1980-е гг.) объектом пристального внимания со стороны кружковцев педучилища являлся карьер у с. Лавы, поскольку он захватывал и площадь древнего поселения. М.И. Карагодин прекрасно понимал, что «у кружковцев задача устанавить нарушителей, а контроль за соблюдением законодательства – это функция прокуратуры» [Карагодин, 1986а].

Широкую известность в научных кругах благодаря публикациям М.И. Карагодина получили и проведенные им с кружковцами в 1972 г. спасательные раскопки уникального погребального комплекса эпохи бронзы в с. Шелаево. При заборе в карьере глины экскаваторщик обнаружил древние захоронения. К приезду М.И. Карагодина восточная сторона кургана уже была разрушена, предметы разошлись по рукам сельчан, на месте остались лишь небольшие фрагменты истлевших костей с ярко-зелеными отпечатками окиси бронзы на них. Обследовав курган, «студенты выявили погребальную камеру, в которой на подстилке находились останки захороненного в скорченном положении на боку человека, посыпанного охрой. При погребенном был комплект инструментов мастера-оружейника бронзового века» [Карагодин, 1972]. После опубликования этого комплекса в ведущем отечественном издании «Советская археология» [Карагодин, 1977], он вошел во многие фундаментальные работы по данной проблематике [Карагодин, 2001а].

Иногда, к сожалению, работа ограничивалась лишь фиксацией единичных предметов из разрушенных археологических объектов. Например, при строительстве колодца в г. Валуйки был найден глиняный сосуд с клеймом и кости человека, о чем и сообщили Михаилу Ивановичу, а он, в свою очередь, читателям газеты «Звезда» [Карагодин, 1987].

Высокий уровень археологического краеведения в Валуйском районе определялся еще и тем обстоятельством, что Михаил Иванович сумел организовать сотрудничество, консультации на постоянной основе с учеными из академической среды, центральных музеев страны, профессиональными вузовскими археологами из соседних областей. В его архиве сохранились письма, открытки, фотографии, подтверждающие многолетние научные связи с П.Д. Либеровым, О.Н. Мельниковой, С.А. Плетнёвой, А.И. Пузиковой, И.П. Русановой (Институт археологии АН СССР); Т.Б. Поповой и Н.В. Трубниковой (ГИМ); Б.А. Шрамко и Ю.В. Буйновым (Харьковский госуниверситет); А.Д. Пряхиным (Воронежский госуниверситет), А.Т. Синюком (Воронежский госпединститут).

В 1970-е гг. М.И. Карагодин посещал вместе с кружковцами места работ академических экспедиций. К примеру, в Волоконовском районе «члены археологического кружка не только осмотрели древние катакомбы, познакомившись с их устройством и сопровождающим погребения инвентарём, но и прослушали лекцию об аланах ведущего специалиста в области изучения салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнёвой» [Карагодин, 2006, с. 10]. По информации Г.Е. Афанасьева, во время обследования бассейна р. Оскол Михаил Иванович поделился с ним сведениями, касающимися находок салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1987, с. 179]. Консультативную помощь оказал М.И. Карагодин и экспедиции белгородских археологов А.Г. Дьяченко и Е.Н. Петренко, проводивших в конце 1980-х годов обследование археологических памятников в Валуйском районе, а затем и раскопки крупного курганного могильника бронзового века в пойме реки Уразовой у села Герасимовка. Через газетные публикации Михаил Иванович стремился привлечь внимание к археологическим работам в крае как краеведов [Карагодин, 2000в], так и профессионалов [Карагодин, 2000а, 2001б].

На страницах газет нашли отражение и концептуальные построения М.И. Карагодина в области археологии. Обзор археологических памятников Валуйского района, история их изучения, перспективы сохранения составили содержание публикации «Археология Среднего Поосколья» [Карагодин, 1975б]. В 1979 г. археологическая периодизация была проиллюстрирована местными материалами в серии заметок [Карагодин, 1979а, 1979б]. Ему принадлежат главы учебного пособия «Белгородский край в истории СССР» [1970]. В 1980–1990-е гг. выходят его обобщающие статьи по археологии с подзаголовком «В помощь учителю»; в 2002, 2004 гг. в «Нашей газете» (раздел «Летопись Белогорья») – обширные публикации по археологии эпохи камня и славянской проблематике [Карагодин, 2002, 2004]. Его материалы нередко служили важным подспорьем при подготовке научных публикаций, учебных пособий [Шатохин, 2000; 2001; 2002].

В настоящее время в фондах музея-заповедника «Дивногорье» хранится часть многочисленной коллекции Михаила Ивановича Карагодина [ВМЗ Д 203/1-22; ВМЗ Д 260/1-108; ВМЗ Д 245/1-140], которая была передана его сыном Максимом Михайловичем и внуком Дмитрием Максимовичем Карагодиными при непосредственной помощи ученика Михаила Ивановича А.Н. Бессуднова. Истории ее создания посвящен выставочный проект, подготовленный Ю.Н. Городцовой, отдельные предметы неоднократно экспонировались. Наиболее древние находки из коллекции относятся к различным периодам каменного века: верхнему палеолиту, мезолиту и неолиту. Они представлены нуклеусами, пластинами, скребками, резцами, наконечниками дротиков, стрел и другими находками, обнаруженными на территории Белгородской области преимущественно в пределах Валуйского, Красногвардейского и прилегающих к ним районов – у сёл Лавы, Колосково, Агошевка, Углово, Хохлово, Принцевка, Солоти, Старая и Новая Симоновки, Яблонево, Самарино. Доля керамического материала в археологической коллекции самая весомая. Он представлен фрагментами сосудов от эпохи неолита до XVIII века. Особенно многочисленны керамические находки с памятников Бахар, Завалуй, Колосково 2, Новая Симоновка 1 и 2, Самарино, Загорка 6, Борисовка, Старокожево, Хохлово.

Самые яркие находки эпохи бронзы были выявлены в 1972 г. на восточной окраине с. Шелаево Валуйского района Белгородской области в ходе охранных раскопок кургана «Кубаева могила», о чем мы уже писали выше. Речь идет о комплекте инструментов мастера-оружейника среднего бронзового века (катакомбной культуры). Основная часть этого инвентаря сохраняется в фондах музея-заповедника. Впечатляет также относящаяся к катакомбной и к другим культурам эпохи бронзы (древнеямная, абашевская, срубная, бондарихинская) представительная серия изготовленных из мягких пород камня шлифованных, нередко при этом и сверлёных топоров, пестов, молотов, тёрочников, точильных камней. Как целые, так и фрагментированные орудия этой категории продолжают хранить секреты давних времён.

В коллекции раннего железного века кроме фрагментов керамики (в том числе обломки античных сосудов) имеются предметы вооружения, конского снаряжения, украшений племен скифского и сарматского круга древностей. Период средневековья в коллекции представлен не только фрагментами, но и целыми сосудами, а также элементами конской упряжи, вооружением. Белгородская земля и поныне хранит следы этой культуры в виде крепостей, поселений и могильников, расположенных по берегам Северного Донца, Оскола, Валуга, Тихой Сосны и других рек.

В 1998 г. М.И. Карагодин вышел на заслуженный отдых, но не оставил главного дела своей жизни. В 1999 г. на конференцию «Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий», проходившую в Липецке, им был представлен глубоко проработанный доклад «Иранизмы в белгородской топонимике» [Карагодин, 1999]. Из-под его пера вышло несколько десятков статей, очерков и исследовательских работ по археологии и истории Центрального Черноземья, Белгородчины как в местной прессе, так и в научных журналах. Он – автор книги «Быть краеведом мне повелел сам Бог» [Карагодин,

2006]. Итогом его исследовательской деятельности стал двухтомный труд «Среднее Поосколье. Исторический перекресток» [Карагодин, Савина, 2008].

Заключение

Заслуги М.И. Карагодина отмечены дипломом и знаком Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, знаком Всесоюзного общества «Знание», наградами руководства Валуйского района и Белгородской области. Михаила Ивановича Карагодина не стало 7 октября 2010 г. Постановлением администрации г. Валуйки от 19 мая 2014 г. № 87 одной из новых улиц города, расположенной неподалеку от места, где он жил, присвоено его имя.

Список литературы

- Афанасьев Г.Е. 1987. Археологические открытия на новостройках. М., Наука: 198.
- Белгородский край в истории СССР. Учеб. пособие по краеведению для учащихся VII–X кл. Белгород, [б. и.], 1970.
- Бессуднов А. 1977а. «Красная гвоздика». Звезда. № 33. 26 февраля.
- Бессуднов А. 1977б. Прочитать страницы истории. Звезда. № 92. 4 июня.
- Карагодин М.И. 1977. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол). Советская археология. № 2: 229–231.
- Зеленский В. 1979. Неутомимый краевед. Звезда. № 119. 27 июля.
- Карагодин М. 1972. Находка в кургане. Звезда. № 141. 2 сентября.
- Карагодин М. 1973. Мамонты в долине Оскола. Звезда. № 109. 7 июля.
- Карагодин М. 1974а. Земля умеет рассказывать. Звезда. № 3. 5 января.
- Карагодин М. 1974б. В поиск, молодые археологи! Звезда. № 50. 27 марта.
- Карагодин М. 1975а. Боевые топоры. Звезда. № 113. 15 июля.
- Карагодин М. 1975б. Археология Среднего Поосколья. Звезда. № 129. 30 июля.
- Карагодин М. 1975в. Гриша Кобзарев раскрывает тайны. Звезда. № 134. 12 августа.
- Карагодин М. 1979а. Оскол в каменном веке. Звезда. № 106. 3 июля.
- Карагодин М. 1979б. Тайны наших курганов. Звезда. № 107. 6 июля.
- Карагодин М. 1986а. «Визитная карточка» из прошлого. Звезда. № 3. 4 января.
- Карагодин М. 1986б. Странный экспонат. Звезда. № 20. 4 февраля.
- Карагодин М. 1987. Останки из десятого века. Звезда. № 3. 6 января.
- Карагодин М. 1988. Что нашли братья Егоровы. Звезда. № 171. 16 ноября.
- Карагодин М. 1996. Находка Васи Никонова. Звезда. № 55. 9 июля.
- Карагодин М. 1997. Копья Дениса Ковалева. Звезда. № 46. 10 июня.
- Карагодин М.И. 1999. Иранизмы в белгородской топонимике. В кн.: Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, Липецкий государственный педагогический институт: 116–121.
- Карагодин М. 2000а. Археологи приехали. Звезда. № 108. 21 сентября.
- Карагодин М. 2000б. Находке – 37 веков. Звезда. № 121. 21 октября.
- Карагодин М. 2000в. Из коллекции Денисенко. Звезда. № 122. 24 октября.
- Карагодин М. 2001а. Кубаев курган. Звезда. № 1. 4 января.
- Карагодин М. 2001б. Археологические новости года. Звезда. № 117. 26 сентября.
- Карагодин М. 2002. Славяне на пути от Одера к Осколу. Наша газета. № 22. 27 ноября.
- Карагодин М. 2004. Конец каменного века: мезолит и неолит. Наша газета. № 71. 7 апреля.
- Карагодин М.И. 2006. Быть краеведом мне повелел сам Бог...: краеведческие очерки. Белгород, БелГУ, 244.
- Карагодин М.И., Савина Н.В. 2008. Среднее Поосколье. Исторический перекресток. Белгород, БелГУ, 304.
- Конференция общества охраны памятников. Звезда. № 55. 5 апреля, 1974.
- Рожков И. 1997. Неутомимый краевед. Красный октябрь. № 168. 2 октября.
- Сарапулкина Т.В., Святой Я.С. 2019. Вклад валуйских краеведов в изучение и сохранение памятников археологии Поосколья. В кн.: Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского: 468–486.
- Филатов Д. 1978. Четыре тысячелетия назад. Звезда. № 181. 26 декабря.

- Часовской С., Карагодин М. 1974. Государственная охрана памятников археологии. Звезда. № 200. 17 декабря.
- Шатохин И.Т. 2000. Древнейшее прошлое края. Очерки краеведения Белгородчины. Учебное пособие. Белгород, БелГУ: 10–24.
- Шатохин И.Т. 2001. Введение в археологию Белгородского края. Белгород, БелГУ, 64.
- Шатохин И.Т. 2002. Глава 3. Древнейшее прошлое Белгородского края. Белгородоведение: Учебник для общеобразовательных учреждений. Белгород, Изд-во БелГУ: 44–61.

References

- Afanas'ev G.E. 1987. Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh [Archaeological discoveries on new buildings]. М., Nauka: 198.
- Belgorodskiy kray v istorii SSSR. Ucheb. posobie po kraevedeniyu dlya uchashchikhsya VII–X kl. [Belgorod Region in the history of the USSR. Textbook on local history for students of VII–X cl.] Belgorod, [b. i.], 1970.
- Bessudnov A. 1977a. «Krasnaya gvozdika» [«Red Carnation»]. Zvezda. № 33. 26 fevralya.
- Bessudnov A. 1977b. Prochitat' stranitsy istorii [Read the pages of history]. Zvezda. № 92. 4 iyunya.
- Karagodin M.I. 1977. Novye nakhodki bronzovogo veka v Shelaevo (r. Oskol) [New finds of the Bronze Age in Shelaevo (p. Oskol)]. Soviet archaeology. № 2: 229–231 (in Russian).
- Zelenskiy V. 1979. Neutomimyy kraeved [Indefatigable local historian]. Zvezda. № 119. 27 iyulya.
- Karagodin M. 1972. Nakhodka v kurgane [Finding in the mound]. Zvezda. № 141. 2 sentyabrya.
- Karagodin M. 1973. Mamonty v doline Oskola [Mammoths in the Oskol Valley]. Zvezda. № 109. 7 iyulya.
- Karagodin M. 1974a. Zemlya umeet rasskazyvat' [The earth knows how to tell]. Zvezda. № 3. 5 yanvarya.
- Karagodin M. 1974b. V poisk, molodye arkheologi! [In search, young archaeologists!] Zvezda. № 50. 27 marta.
- Karagodin M. 1975a. Boevye topory [Battle axes]. Zvezda. № 113. 15 iyulya.
- Karagodin M. 1975b. Arkheologiya Srednego Pooskol'ya [Archaeology of the Middle Pooskolya]. Zvezda. № 129. 30 iyulya.
- Karagodin M. 1975v. Grisha Kobzarev raskryvaet tayny [Grisha Kobzarev reveals secrets]. Zvezda. № 134. 12 avgusta.
- Karagodin M. 1979a. Oskol v kamennom veke [Oskol in the Stone Age]. Zvezda. № 106. 3 iyulya.
- Karagodin M. 1979b. Tayny nashikh kurganov [Secrets of our mounds]. Zvezda. № 107. 6 iyulya.
- Karagodin M. 1986a. «Vizitnaya kartochka» iz proshlogo [A "business card" from the past]. Zvezda. № 3. 4 yanvarya.
- Karagodin M. 1986b. Stranny eksponat [A strange exhibit]. Zvezda. № 20. 4 fevralya.
- Karagodin M. 1987. Ostaniki iz desyatogo veka [Remains from the tenth century]. Zvezda. № 3. 6 yanvarya.
- Karagodin M. 1988. Chto nashli brat'ya Egorovy [What did the Egorov brothers find]. Zvezda. № 171. 16 noyabrya.
- Karagodin M. 1996. Nakhodka Vasi Nikonova [Vasya Nikonov's find]. Zvezda. № 55. 9 iyulya.
- Karagodin M. 1997. Kop'ya Denisa Kovaleva [Spears of Denis Kovalev]. Zvezda. № 46. 10 iyunya.
- Karagodin M.I. 1999. Iranizmy v belgorodskoy toponimike [Iranisms in Belgorod toponymy]. V kn.: Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopedel'nykh territoriy. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii [In: Archaeology of the Central Chernozem region and Adjacent Territories. Abstracts of scientific conference reports]. Lipetsk, Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut: 116–121.
- Karagodin M. 2000a. Arkheologi priekhali [The archaeologists have arrived]. Zvezda. № 108. 21 sentyabrya.
- Karagodin M. 2000b. Nakhodka – 37 vekov [Find of 37 centuries]. Zvezda. № 121. 21 oktyabrya.
- Karagodin M. 2000v. Iz kolleksii Denisenko [From the Denisenko collection]. Zvezda. № 122. 24 oktyabrya.
- Karagodin M. 2001a. Kubaev kurgan [Kubaev Kurgan]. Zvezda. № 1. 4 yanvarya.
- Karagodin M. 2001b. Arkheologicheskie novosti goda [Archaeological News of the Year]. Zvezda. № 117. 26 sentyabrya.
- Karagodin M. 2002. Slavyane na puti ot Odera k Oskolu [Slavs on the way from the Oder to Oskol]. Nasha gazeta. № 22. 27 noyabrya.
- Karagodin M. 2004. Konets kamennogo veka: mezolit i neolit [The End of the Stone Age: Mesolithic and Neolithic]. Nasha gazeta. № 71. 7 aprelya.
- Karagodin M.I. 2006. Byt' kraevedom mne povelel sam Bog...: kraevedcheskie ocherki [God himself commanded me to be a local historian...: local history essays]. Belgorod, BelGU, 244.

- Karagodin M.I., Savina N.V. 2008. Srednee Pooskol'e. Istoricheskiy perekrestok [The Middle Oskol. Historical crossroads]. Belgorod, BelGU, 304.
- Konferentsiya obshchestva okhrany pamyatnikov [Conference of the Society for the Protection of Monuments]. Zvezda. № 55. 5 aprelya, 1974.
- Rozhkov I. 1997. Neutomimyy kraeved [Indefatigable local historian]. Krasnyy oktyabr'. № 168. 2 oktyabrya.
- Sarapulkina T.V., Svyatoy Ya.S. 2019. Vklad valuyskikh kraevedov v izuchenie i sokhranenie pamyatnikov arkheologii Pooskol'ya [Contribution of Valuisk local historians to the study and preservation of archaeological monuments of the region]. V kn.: Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [Verkhnedonsky archaeological collection]. V. 11. Lipetsk, LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo: 468–486.
- Filatov D. 1978. Chetyre tysyacheletiya nazad [Four millennia ago]. Zvezda. № 181. 26 dekabrya.
- Chasovskoy S., Karagodin M. 1974. Gosudarstvennaya okhrana pamyatnikov arkheologii [State protection of Archaeological Monuments]. Zvezda. № 200. 17 dekabrya.
- Shatokhin I.T. 2000. Drevneyshee proshloe kraya. Ocherki kraevedeniya Belgorodchiny. Uchebnoe posobie [The most ancient past of the region. Essays on local history of Belgorod region. Study guide]. Belgorod, BelGU: 10–24.
- Shatokhin I.T. 2001. Vvedenie v arkheologiyu Belgorodskogo kraya [Introduction to the archeology of the Belgorod Region]. Belgorod, BelGU, 64.
- Shatokhin I.T. 2002. Glava 3. Drevneyshee proshloe Belgorodskogo kraya. Belgorodovedenie: Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Chapter 3. The most ancient past of the Belgorod region. Belgorod studies: Textbook for educational institutions]. Belgorod, Izd-vo BelGU: 44–61.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.07.2023

Received 10.07.2023

Поступила после рецензирования 03.09.2023

Revised 03.09.2023

Принята к публикации 03.09.2023

Accepted 03.09.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бессуднов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6235-5451](https://orcid.org/0000-0002-6235-5451)

Alexander N. Bessudnov, Candidate of Historical sciences, Docent of the Department of Russian and World History, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia

Захарова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5504-8085](https://orcid.org/0000-0001-5504-8085)

Elena Y. Zakharova, Doctor of Historical sciences, Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Городцова Юлия Николаевна, аспирант кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9914-6648](https://orcid.org/0000-0001-9914-6648)

Yulia N. Gorodtsova, Postgraduate Student of the Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh State University, Voronezh, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

Обзорная статья

Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе

Казаков М.А. ¹, Лысцев М.С. ²

¹) Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;

²) Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева,
Россия, 603950, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Аннотация. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время российский сектор Арктики переживает глубокие перемены, обусловленные повышением военно-политического, коммуникационного, научно-исследовательского и энергетического значения региона. С 2022 года начался новый этап в политике его развития. Особый аспект в нем – смещение процессов, определяющих характер приоритетов и связей региона, действий механизмов взаимодействия и стабильности в сторону азиатских государств. Чему яростно противостоят страны-члены ЕС и НАТО, их приверженцы и сателлиты, демонстрируя в противовес диалоговому конфликтный подход со свойственными ему методами и инструментами.

Ключевые слова: Политико-военное противостояние, Индия, Китай, Корея, Сингапур, баланс военно-политических и экономических интересов

Для цитирования: Казаков М.А., Лысцев М.С. 2023. Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 779–789. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

Modern History and Prospects for Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region

Mikhail A. Kazakov ¹, Mikhail S. Lystsev ²

¹) National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603950, Russia

²) Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University,
24 Minin St., Nizhny Novgorod 603950, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Abstract. The study allows us to state that the Russian sector of the Arctic is currently experiencing profound changes. They are due to the growing military-political, communication, scientific and energy significance of the region. To analyze the changes, the following methods were used: dialectical, historicist methods, activity-based, comparative and structural-functional analysis. In 2022, a new stage in

the policy of its development began. The methodological basis of the study was the work of the Department of Political Science of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. A special aspect at the new stage is the shift in processes that determine the nature of the priorities and connections of the region, the operation of mechanisms of interaction and stability towards Asian states. What the EU and NATO member countries, their supporters and satellites fiercely oppose, acting within the framework of neorealism, demonstrating, in contrast to the dialogue approach, a conflict approach with its inherent tools.

Keywords: Political-military confrontation, India, China, Korea, Singapore, balance of military-political and economic interests

For citation: Kazakov M.A., Lystsev M.S. 2023. Modern History and Prospects for Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 779–789 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

До 1991 года, особенно во времена Брежнева и Горбачева, когда на базе военно-стратегического паритета СССР и США сумели перейти к совместным действиям по сокращению ядерных арсеналов, Арктика представляла собой зону политико-военного противостояния. В зависимости от характера решаемых задач она была подчинена как предотвращению ядерного безумия и одновременно готовности к отражению военной агрессии, так и развитию мер доверия, интеграции применительно, прежде всего, к окружающей среде. В 1987 г. в Мурманске генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев призвал к снижению напряженности и укреплению мира в регионе путем сотрудничества прибрежных стран в сфере охраны природы Арктики и рационального освоения ее ресурсов. Благодаря этим предложениям в 1989 году прошла встреча представителей восьми арктических стран в Рованиеми, на которой обсуждались вопросы в области охраны природы региона [Арктический совет, 2017].

После распада СССР Арктика обретает статус геополитического перекрестка мира. На рубеже XX–XXI вв. из-за стремительности трансформационных процессов первого периода постсоветской истории становится местом смены политик по отношению к ней арктических государств, острого интереса к статусу региона и его богатствам неполярных стран, ареной борьбы за право и доступ к ним элит разных стран, в том числе стремящихся достичь «нового типа отношений» КНР – США. Уже эти аспекты в совокупной динамике изменений в поведении и отношениях субъектов позволяют рассматривать происходящее в Арктическом регионе как политический процесс, где на тот момент пересекались интересы России, ЕС и НАТО [Казakov, Климакова, 2010, с. 39], чей либеральный проект (под эгидой США) не учитывал ни истории, ни опыта народов, ни особенностей взаимодействия государств в его освоении. После активизации Норвегии (в декабре 2006 г. была принята «Стратегия правительства Норвегии на Крайнем Севере»), России (экспедиция «Арктика-2007» и принятие в 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года») смена состояний структур и механизмов взаимодействия приняла новый оборот. Исследование специфики этого политического процесса в фокусе реального и возможного сотрудничества в нем РФ и азиатских государств – основная цель статьи.

Введение

Сначала под влиянием оценок «холодной войны» и перевода их в реальную плоскость военные Канады, а затем и США стали проводить в Арктике военные учения [Лысцев, 2014, с. 22–23]. Для обеспечения легитимности такой практики в 2009 году президент Дж. Буш-младший подписал директиву № 66 «Политический курс Соединенных Штатов в Арктическом регионе», а Оттава в том же году приняла «Северную стратегию Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее». Как следствие действия этих факторов, усили-

вающих противоречия между игроками «арктической пятерки», военно-политическая обстановка в регионе с конца первого десятилетия 2000-х гг. стала обостряться. По отношению к Арктике данный период может концептуально охватывать события вплоть до даты утверждения Президентом России новой редакции военной доктрины РФ 25 декабря 2014 года № Пр-297-б.

Современная геополитическая ситуация в Арктическом регионе определяется деструктивным взаимодействием трех групп государств. К первой группе, как уже отмечалось, относят «арктическую пятерку», члены которой непосредственно выходят к арктическому побережью. Это Россия, Канада, Норвегия, США и Дания (Гренландия). Ко второй группе – других членов Арктического совета (АС), что не имеют выхода к Северному Ледовитому океану, но так как часть их территории находится за Северным полярным кругом, они признаны арктическими государствами. Это Исландия, Швеция и Финляндия. К третьей группе причисляют государства, которые активно участвуют в арктической политике благодаря двусторонним и многосторонним связям с арктическими государствами и АС. К таковым можно отнести ведущие страны ЕС, Великобританию, Индию, Китай, Корею, Японию, Сингапур и т. д. Почти каждая страна из этих групп периодически обновляет свои арктические стратегии. Они исходят из национальных интересов, определяющих задачи государств на северных территориях в режиме конкретного времени. Складывающаяся в Арктике после начала РФ специальной военной операции (СВО) на Украине ситуация актуализирует жесткую конкуренцию геополитических проектов, собственных им идейно ориентированных действий и конфигураций. В обуславливающих ее источниках противовесом негативной перспективе выступает фактор сотрудничества РФ с азиатскими государствами.

Методология

Специфика предмета определила выбор системного подхода в качестве методологической основы исследования с привлечением для раскрытия содержания практик сотрудничества исторических, политических, социологических и общенаучных методов. Среди последних преобладает диалектический метод, позволивший выявить многоаспектность проблем, преломляющихся в арктическом регионе в рамках противоречивого политического процесса. Методы системного анализа дали возможность установить взаимосвязь общих для региона тенденций в политической и международной сферах, уточнить место Арктики в соответствующей системе координат. Из теорий международных отношений были востребованы концепции баланса «сил» и «угроз», новые потенции современной цивилизационной парадигмы, позволившие применительно к текущему периоду говорить о противостоянии двух знаковых концепций, идей, лежащих в основании конфронтации: *конфликта цивилизаций* (С. Хантингтон) и *диалога культур* (М.М. Бахтин). Первую в виде сохранения за США глобального лидерства разделяют члены ЕС и НАТО. За диалог культур и цивилизаций, прежде всего, Россия и Китай, против которых в Азии США создал альянс, кроме США включающий Австралию, Корею и Японию.

Метод историзма обеспечил более четкое определение истоков и динамики имеющихся в регионе связей и расхождений социокультурного, политического и межгосударственного характера. Применение методов структурно-функционального, деятельностного и сравнительного анализа стало важным для раскрытия характеристик политических элит, их стратегий и реальных действий. Ситуационный анализ для оценки и прогнозирования конкретных политических ситуаций использовался вместе с прикладными методами исследования: включенного наблюдения, case-study, контент-анализа СМИ. Рассмотрение геополитических приоритетов как направлений деятельности государств вызвало необходимость задействовать в исследовании методы (нео)институционального и коммуникационного подходов (когнитивные, координационные, интеграционные).

Результаты и их обсуждение

В межгосударственной практике многоуровневый методологический расклад объясняет конкретные линии поведения стран не только в Арктике, но и в миропорядке в целом. Следующие за политикой Запада по сдерживанию других центров силы конфликты направлены на борьбу, уничтожение оппонента, захват его территории, ресурсов. Диалогу свойственно равноправие, уважительное отношение сторон, кооперация, сотрудничество, что и предлагает РФ к еще не освоенным месторождениям региона. Открытый диалог может разблокировать проблемы в структуре культуры правящих элит, их геополитическом диагнозе, видении и мобилизации сторонников, в практиках стратегического планирования, организации совместной работы над приоритетами в привычных нормах и способах интеракции государств. В замкнутом, конфликтном континууме западной элиты наряду со смыслами удержания власти, монополии, дискредитации кого-либо в качестве инструментов чаще выступают все разновидности войн, манипуляции сознанием и процессами, включая историю, культуру, религию.

Неудивительно, что передел Арктики – одна из приоритетных политических целей Запада. Для большинства россиян это стало явным и понятным в последние годы из-за развертывания против РФ «холодной войны 2.0» и проведения СВО на Украине, политический режим которой держится на западном оружии (и пропаганде). К силовому подходу подключилась Дания, ранее нейтральная Швеция. После же вступления Финляндии в НАТО (4 апреля сего года) влияние данной совокупности фактов на мирное развитие Арктики обретает угрожающий характер. Регион все больше вытягивается в масштабную подготовку к военной агрессии, что ведет к его милитаризации. В пике сбывающимся прогнозам и оценкам экспертов о том, что шельф Северного Ледовитого океана в середине XXI века станет ключевым источником нефти и газа, а также важным транспортным коридором планеты [Лазарев, Фисенко, Останин, 2022, с. 230].

Наложение друг на друга таких противоположных перспектив не только формирует особые конкретные требования к системе обеспечения военной безопасности РФ, но и привлекает повышенное внимание различных политических сил. Закономерно поэтому как усмирение тех, кто ради циничной выгоды стремится к конфликтам, или умное, умелое противодействие замыслам «коллективного Запада», так и вовлечение в совместную деятельность по развитию Арктики азиатских государств из третьей группы. В 2013 году статус постоянных наблюдателей АС получили Китай, Япония, Корея, Индия и Сингапур. Их отличает наличие собственных интересов, разная самостоятельность практик в регионе, вытекающих из национальных потребностей и угроз безопасности. В то же время исторические и духовные связи, идентичность, колониальный опыт и т. п. заложили в их ценностях склонность к коллективному хозяйствованию, достижению мирных и равноправных условий сотрудничества государств в целях безопасности.

Элиты этих стран при разнице во внешнеполитических ориентациях стремятся утвердить свою причастность к арктическим проблемам путем попыток пересмотреть ключевые правовые нормы в свою пользу. Одной из таких проблем является правовой статус региона. Именно «арктическая пятерка» имеет юридическое право на освоение ресурсов с шельфа. Кроме того, они контролируют транспортные пути вдоль своей территории. Для оспаривания этого страны ЕС, к примеру, а также некоторые азиатские государства (в силу изменений в соотношении сил) предлагают проводить к Арктике политику «общего доступа», рассматривая регион «общемировой» кладовой.

На категорическое несогласие с этим России, имеющей опыт водного, природного и социокультурного освоения Севера, из-за разнонаправленности геополитических интересов, продиктованных различием цивилизационных моделей, ощутимое влияние оказывает и Вашингтон, и Пекин. Современные США, оторвавшиеся от своих конституционных устоев, недовольны как «укоренением» России в Арктике, несущей якобы угрозу их «эко-

номике» (Дж. Байден), так и активностью в ней КНР, считая ее более опасным конкурентом в ближайшей перспективе как в региональном, так и глобальном масштабе. Китай, уважая суверенитет арктических стран, занимает особую позицию, настаивая на сохранении баланса между интересами «арктической пятерки» и международного сообщества. Это, в свою очередь, «на руку» Брюсселю, Варшаве и Лондону, из года в год предпринимающим попытки по дискредитации суверенитета РФ в регионе. И не только.

Важно отметить, что принятая в октябре 2021 года Арктическая стратегия ЕС затрагивает вопрос добычи углеводородов в регионе, что в средне- и долгосрочной перспективе (как отмечалось тогда) может вызвать серьезные проблемы для многих его стран из-за их недопоставок. Напомним, что Брюссель поднял этот вопрос в начале председательства России в АС. Наша страна планировала развивать сотрудничество со всеми государствами участниками совета. Однако в условиях СВО, ставшей еще и источником альтернатив, ряд крупных зарубежных компаний покинули или заявили о своих намерениях уйти из проектов на российском шельфе, в том числе в Арктике. В марте 2022 г. семь постоянных членов Арктического Совета организовали срыв работы организации. Они пошли в отказ участвовать в заседаниях под председательством РФ. Как промежуточный итог – сдвиг действующей конструкции международного сотрудничества к турбулентности процессов, выходящих за границы региона.

Но далеко не все страны заинтересованы в кризисной ситуации на севере планеты. С первых лет XXI в. активно развивается индийская арктическая политика, связанная с проведением климатических и геологических изысканий. С начала 2007 года Дели стал отправлять арктические экспедиции под руководством Центра антарктических и океанских исследований Индии, что позволило в том же году открыть на Шпицбергене научно-исследовательскую станцию Химадри. В 2012 году страна, сопоставимая по росту ВВП с Китаем, приглашается в Совет Международного арктического научного комитета (IASC). В 2013 г. вместе с другими азиатскими государствами получает статус наблюдателя АС. В последующие пять лет сотрудничество между Россией и Индией идет по восходящей. Ее нефтегазовые компании, такие как Oil Natural Gas Corporation (ONGC), Indian Oil Corporation Limited и Bharat Petro Resources Limited, вместе с «Роснефтью» участвуют в разработке Ванкорского нефтегазового месторождения [Сухаг, 2022, с. 121].

Рассматривая в среднесрочной перспективе растущее внимание страны к углеводородам Арктики, аналитики ожидают, что Дели примет участие в развитии Северного морского пути (СМП) с целью диверсификации своих поставок нефти. Заинтересованы обе стороны и в развитии транспортных коридоров региона. Значимость сотрудничества с Индией определяется не только стабильностью экономических отношений, сколько ее реальными возможностями в пространственном развитии современных мирохозяйственных связей, основа которых (по идее Е.М. Примакова) сосредоточена в «стратегическом треугольнике» Россия – Индия – Китай в целях и формах партнерства трех стран. В этом плане выделим главные цели арктической стратегии Индии от 17 марта 2022 года: «наука и исследования, защита климата и окружающей среды, экономическое сотрудничество и сотрудничество в области человеческого развития, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество, наращивание национального потенциала» [Зайков, Бхагват, 2022, с. 272]. Добавим сюда еще и космос.

В них более чем наглядна важная особенность арктической политики Дели. Она является геоэкономически обоснованной и нейтральной. Индийские элиты стараются избегать серьезных геополитических и региональных противоречий, руководствуясь историческими традициями. Кроме этого, благодаря участию в развитии СМП и в освоении ресурсов российской Арктики позиция индийских властей является показательной в устойчивом развитии транспортной-логистической (коммуникационной) системы региона.

Значимой и перспективной для России выступает политика другого партнера в Арктическом регионе – КНР. С 90-х годов прошлого века Пекин, наращивая потенциал международного влияния, активен в решении его ключевых проблем. Одним из направлений китайской арктической политики является участие в международных научных дискуссиях и структурах. С конца XX столетия Китай состоит в Международном научном арктическом комитете, Тихоокеанской арктической группе и других организациях. В 2009 г. на форуме в Норвегии замминистра иностранных дел Китая Ху Чженюэ в преддверии появления «полноценной» стратегии работы в Арктике выразил обеспокоенность правительства КНР экономическими транспортными и экологическими проблемами региона, подчеркнув тем самым возможность оптимизации этих направлений в рамках АС. Получение статуса его наблюдателя в 2013 г. позволило Пекину более гибко продвигать свою позицию.

Как уже отмечалось, главная ее особенность состоит в том, что Китай настаивает на сохранении баланса между интересами «арктической пятерки» и международного сообщества. В истоках этой позиции два предполагаемых аспекта. Первый заявлен в исследовании, проведенном Государственной океанологической администрацией Китая. Арктика – это «богатство, унаследованное всем человечеством.., Северный Ледовитый океан не задний двор какой-либо страны и не является «частной собственностью» прибрежных арктических государств (Канада, Дания, Норвегия, Россия и США). И по аналогии с другими океанами мира, любая страна имеет равное право использовать Северный Ледовитый океан» [Медведев, Полончук, Шашок, 2020, с. 34]. Второй аспект – стремление укрепиться в статусе мировой державы, задействовав политику «общего доступа» для усиления своего влияния посредством партнерских отношений с возможным числом стран через двусторонние и многосторонние переговоры в рамках различных международных организаций.

В стратегическом приоритете подъем отношений «дружбы и сотрудничества» с Россией; «партнерские» (при сложности контактов) с Индией, что по ряду показателей также вышла к 2015 году на уровень мировых держав [Капицын, 2017, с. 186]. Эти моменты, включая расхождения в позициях, не отразились на интенсификации двусторонних отношений РФ и Китая по Арктике в научно-исследовательской работе. Основным ее участником с китайской стороны остается Первый институт океанографии Министерства природных ресурсов КНР, с российской – Тихоокеанский океанологический институт Дальневосточного отделения РАН. Осенью 2017 года во Владивостоке был создан объединенный китайско-российский научно-исследовательский центр изучения океана и климата [Sino-Russian Joint..., 2017]. Летом следующего года, после переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина, РАН и Китайская академия наук ратифицировали соглашение о сотрудничестве. А уже в июле 2019 года в Москве была подписана «дорожная карта» по его реализации [РАН и Академия наук..., 2019], что нашло отражение в различных источниках.

За подписанием программы действий последовало создание общего арктического научно-исследовательского центра, первая (из запланированных) совместная экспедиция коллектива российских и китайских учёных на шельф в Восточно-Сибирском море 2019 года [Ученые России и Китая..., 2019]. Научные связи в сочетании с политико-правовыми практиками, дающими возможность бесконфликтного развития других направлений, ускорили диверсификацию торгово-экономического, транспортно-коммуникационного и иных форм сотрудничества. Оно продолжилось в росте взаимного товарооборота, поставках нефти, газа, причем сместившимся в сторону азиатских рынков маршрутам. В обеспечении их безопасности как звена региональной безопасности, что является веским условием для конструктивной динамики интеграционного процесса в русле диалогового характера межгосударственного общения в Арктике. Интересен сам факт, что, играя в последние десятилетия одну из главных ролей в ее развитии, Пекин впервые опубликовал официальный документ о китайской политике в регионе только в 2018 году.

В нем, как и в стратегии 2010 г., признавая суверенитет арктических стран над их национальными территориями, Китай подчеркнул наличие законных интересов «других государств» в «справедливом распределении природных ресурсов Северного Ледовитого океана» и «свободном судоходстве» в его акватории. Логику действий Пекин увязывает с реализацией проекта «Один пояс, один путь», в том числе и на севере планеты [Ардаев, 2017]. В его геостратегической основе и ставка на диверсифицированный формат партнерства, и цель транспортировать грузы из Азии в Европу. Китайские руководители при этом ратуют за рачительное использование арктических богатств и эффективное сотрудничество путем многосторонних переговоров на международных площадках. Такая политика, направленная на взаимодействие, имеет ряд положительных моментов, однако она не так реалистична.

Китай выступает за модернизацию существующих механизмов взаимодействия в регионе. Но умалчивает (по-видимому, из-за санкций), что и в начале третьего десятилетия века здесь опасно значимыми остаются позиции США. С опорой на зависимые от них страны АС американцы стремятся не только сохранить статус-кво в Арктике, смещая усилия в сторону дестабилизации ситуации, сколько максимально ослабить и Россию, и Китай в регионе. Поэтому Арктика при усилении цивилизационных разломов в формах нарастающей деструкции между центрами геополитического влияния вполне может стать ареной военного противоборства. Его назначение и смысл помимо политических «аппетитов» – перемещение углеводородных маршрутов, грабеж ресурсов. Оно представляет собой крайнюю разновидность (и результат) конкурентной интеракции и кульминацию военно-политической деятельности.

Вопрос о пересмотре представлений о войне как приемлемом средстве достижения политических целей, переориентации политики в направлении ее предотвращения и укрепления мира в любом регионе планеты стал острым в начале века, тем более по отношению к Арктике. Еще в 1996 году о своем интересе к конструктивной деятельности в регионе, то есть сразу после создания АС, заявила республика Корея. В 2000 году были проведены первые совместные морские исследования с российским Институтом Арктики и Антарктики, а также Министерством природных ресурсов РФ. В 2001–2004 гг. были созданы Корейский Арктический Научный Комитет (KASCO) и Корейский Полярный Исследовательский институт (KOPRI); основана и начала работу на Шпицбергене научная станция «Дасан». Вполне закономерно, что Корея первой из азиатских государств приняла в 2013 году документ, определяющий ее политику в регионе. Он получил название «Основной план политики в Арктике на 2013–2017 гг.» [Ким, Марченков, 2019, с. 73].

В рамках его реализации уже в сентябре 2013 г. корейское судно-танкер прошло в водах российской Арктики по СМП [Казаков, Лысцев, 2019]. Последующее осуществление плана оказалось связанным с риторикой лидеров и СМИ. В этом смысле, апеллируя к заявлениям президента, Сеул стал проводить собственные, совместные с другими странами научные семинары по проблемам региона. В 2015 году Корейский морской институт вместе с университетом Арктики организует «Арктическую академию». В ноябре того же года в целях расширения круга национальных изысканий создается Корейский Арктический исследовательский консорциум (KoARC). Для эффективного обсуждения тем, определения и решения задач исследований встречи проходят по трем направлениям: наука, политика, промышленность. По истечению срока первого плана последовал новый «Основной план развития арктической деятельности» на 2018–2022 гг. [Со, Пак, Чистов, 2021, с. 90–91].

Кроме него в 2018 году Министерство океанов и рыболовства представило долгосрочное видение корейской арктической политики «Полярная Перспектива – 2050» [2050 Polar Vision Statement]. В ней Сеул обозначил три цели и семь стратегий на поэтапную перспективу. Первая цель исследовательская: открытие новых возможностей прогнозирования и реагирования на климатические изменения в регионе. Две последующие цели свя-

заны с экономическим и дипломатическим сотрудничеством с учетом того факта, что энергетическая дипломатия и инфраструктурные проекты в современном мире стали рассматриваться как единый ключевой инструмент реализации внешней политики. «Полярная Перспектива» продолжает политику, прописанную в основных планах, среди особенностей которой устремленность в будущее. Её контуры, помимо текущих задач «догнать Японию», не так ясны корейской элите, как ей декларируются. Но она выражает уверенность, что поэтапно достигаемые результаты политики, связанной с допуском к месторождениям Арктики, поспособствуют новому облику страны в пределах поставленной даты, как и развитие атомной отрасли, где также возможно сотрудничество с РФ, если бы не вызванный стараниями США новый виток милитаризации в стране.

Среди государств, которые заинтересованы в Арктике как новом направлении государственного развития, выделим и Сингапур. По сравнению с Кореей ему потребовалось всего два года (с декабря 2011 г., когда была направлена заявка, по май 2013 г., когда она получила одобрение), чтобы обрести статус наблюдателя АС. В январе 2012 года была учреждена должность специального посла в Арктике. После 2013 года главная роль в изучении Арктики и налаживании контактов с экспертами «арктической пятёрки» принадлежит научным структурам: Национальный университет Сингапура; Сингапурский морской институт; Наньянский технологический университет. Последний к тому же являлся участником российско-сингапурского арктического диалога «Арктика как глобальный транспортный коридор. Устойчивое арктическое судоходство», проходившего в 2021 году [Российско-сингапурский арктический диалог, 2021].

В перспективе Сингапур намерен заняться проблемами коренных народов Арктики, а Национальный комитет по изменению климата Сингапура планировал изучать влияние таяния арктических льдов на изменение мирового климата [Песцов и др., 2015, с. 10]. Однако за 10 лет, в отличие от других азиатских государств, Сингапур не сформировал полноценную арктическую стратегию. В тоже время в силу жесткой конкуренции на рынке электроники и IT-продуктов со стороны экономик других стран Южно-Азиатского региона государство активно искало новые для себя ниши. Выбор и упор на актуальные для бизнеса знания (связи со Сколково), прикладные исследования и наукоемкие производства (биотехнологии, медицина, судостроение, транспорт и др.) позволили Сингапуру определиться с ролью хаба для реализации экономических устремлений не только государств региона (Китая, Индии, Вьетнама), но и более дальними странами.

Важно отметить, что развитие данной платформы во многом является плодами сотрудничества с западными (преимущественно американскими) компаниями. Для России эта страна смогла превратить в товар свой опыт модернизации, используемый в ряде инновационных субъектов РФ (Татарстане, Нижегородской и Томской областях), а также Казахстане. Углеводородные ресурсы Арктики воспринимаются Сингапуром в виде механизма, с помощью которого можно «оседлать» экономический рост в соседних государствах, для чего при наличии определенных договоренностей он внутренне готов выступить в качестве канала инвестиций инфраструктурных, коммуникационных, судостроительных проектов и технологий для региона, но в реальных действиях сталкивается с препятствием в виде острой нестабильности геополитической ситуации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время российский сектор Арктики переживает глубокие перемены, обусловленные повышением военно-политического, коммуникационного, научно-исследовательского и энергетического значения региона. С 2022 года начался новый этап в политике его развития. Идёт процесс переоценки прежних подходов и поиск возможностей, связанный с формированием новых механизмов политической, экономической и экологической стабильности, обеспечиваю-

щих как безопасность в регионе, так и баланс военно-политических, экономических интересов разных сил вокруг его мирного движения, для чего есть все необходимое в виде комплекса организационно-управленческих решений, слаженных действий государственных, общественных и политических институтов.

В них геостратегическая культура, наряду с политической, важный источник выработки стратегий поведения элит внутри страны и на международной арене, выбора адекватного им инструментария, нужного сейчас России для решения системных проблем в отношениях со структурами «коллективного Запада» в регионе и без них, а также решения вызванных этим ряда вопросов, требующих использования всего арсенала структурных компонентов политической организации РФ, целенаправленных усилий стран-членов ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ (ее новых акторов) в арктической политике, выступающей сегодня международным интеграционным проектом суверенных партнеров с пониманием в нем роли и потенциала сотрудничества азиатских государств. К специфике арктической политики как процесса борьбы за ресурсы и значения региона, осуществляемой коалициями международных игроков, относим и то, что фактор сотрудничества Российской Федерации и азиатских стран отражает общее стремление к реальной коллективной безопасности, в отличие от альянсов государств под эгидой США, признающей ее только для себя.

Список литературы

- Ардаев В. 2017. Путь «Снежного дракона»: Китай идет в Арктику – вместе с Россией. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171013/1506780143.html?ysclid=lgwcuw2ubs523831674> (дата обращения: 23 июля 2023).
- Арктический совет. Досье. 2017. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/4244655> (дата обращения: 18 июля 2023).
- Зайков К.С., Бхагват Дж. 2022. Арктическая политика Индии: исторический аспект. Арктика и Север, 48: 261–274. doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
- Казаков М.А., Климакова О.Н. 2010. Государственная политика России в Арктическом регионе: противоречивая поступательность механизмов формирования. Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского: Серия Социальные науки, 2: 36–40.
- Казаков М.А., Лысцев М.С. 2019. Арктический вектор в политике азиатских государств. В кн.: Регионы мира: проблемы истории, культуры, политики. Выпуск 3. Н. Новгород: ННГУ: 131–137.
- Капицын В.М. 2017. Глобализм и интеграционный потенциал государства (к оценке проектов нового Шелкового пути). В кн.: Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 27 октября 2016 года). М., Изд-во Московского университета: 180–189.
- Ким Минсу, Марченков М.Л. 2019. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации. Арктика и Север, 7: 69–81. doi: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69
- Лазарев В.А., Фисенко А.И., Останин В.А. 2022. Арктическая зона как объект мировой геополитики. Оригинальные исследования (ОРИС). Т. 12. 7: 228–236.
- Лысцев М.С. 2014. Арктическая политика североамериканских государств. Регионология, 3: 21–29.
- Медведев Д.А., Полончук Р.А., Шашок Л.А. 2020. Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века. М.: АНО ЦСОиП, 84.
- Песцов С.К., Толстокулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. 2015. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <https://ras.ru/FStorage/fstructure.aspx?id=bc1f245b-9bf7-419c-b15c-292b9c4bf031> (дата обращения: 19 августа 2023).
- РАН и Академия наук Китая подпишут дорожную карту о сотрудничестве. 2019. РИА Новости. 18.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190718/1556641478.html> (дата обращения: 25 июля 2023).
- Российско-сингапурский арктический диалог. 2021. Арктика как глобальный транспортный коридор. Устойчивое арктическое судоходство. Сколково. 17.12.2021. URL: <https://www.skolkovo.ru/events/17122021-rossijsko-singapurskij-arkticheskij-dialog/?ysclid=llxx8dyt6r765969490> (дата обращения: 17 августа 2023).

- Со Х.-Г., Пак Ч.-К., Чистов И. 2021. Цели и задачи государственной политики Республики Корея в Арктике. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. 8: 90–96. doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96
- Сухаг В. 2022. Интересы Индии в российской Арктике. *Россия: общество, политика, история*. 2: 117–132.
- Ученые России и Китая изучат арктический шельф Сибири в ходе первой совместной экспедиции. ТАСС. 05.08.2019. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6733215> (дата обращения: 31 июля 2023).
- Sino-Russian Joint Research Centre on Oceans and Climate to promote cooperation between the two countries in Arctic scientific research and other fields. *Sputniknews*. 10.10.2017. URL: <http://sputniknews.cn/society/201710101023773921/> (дата обращения: 10 августа 2023).
- 2050 Polar Vision Statement. Korean Polar Portal service. URL: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (дата обращения: 15 августа 2023).

References

- Ardaev V. Put' "Snezhnogo drakona": Kitaj idet v Arktiku – vmeste s Rossiej [Path of the "Snow Dragon": China goes to the Arctic – together with Russia]. Available at: <https://ria.ru/20171013/1506780143.html?ysclid=lgwcuw2ubs523831674> (accessed: 23 July 2023) (in Russian).
- Arkticheskij sovet. Dos'e. [Arctic Council. Dossier]. Available at: <https://tass.ru/info/4244655> (accessed: 18 July 2023) (in Russian).
- Kazakov M.A., Klimakova O.N. 2010. Gosudarstvennaja politika Rossii v Arkticheskom regione: protivorechivaja postupatel'nost' mehanizmov formirovaniya [State policy of Russia in the Arctic region: contradictory progress of formation mechanisms]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky: Social Sciences Series*, 2: 36–40 (in Russian).
- Kazakov M.A., Lyscev M.S. 2019. Arkticheskij vektor v politike aziatskih gosudarstv [The Arctic vector in the politics of Asian states]. In: *Regions of the World: Problems of History, Culture, Politics*. Issue 3. Nizhny Novgorod: Publishing House UNN: 131–137 (in Russian).
- Kapicyn V.M. 2016. Globalism and integration potential of the state (to the assessment of the projects of the new Silk Road). In: *Gosudarstvennaja politika razvitija na sovremennom jetape: sodержanie, napravlenie i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [State development policy at the present stage: content, direction and prospects. Materials of international scientific conference]* (Moscow, 27 October, 2016). M., Publishing House of Moscow University: 180–189 (in Russian).
- Kim Minsu, Marchenkov M.L. 2019. Respublika Koreja v Arkticheskom regione: ot teoreticheskogo oformlenija politiki k ejo prakticheskoj realizacii [The Republic of Korea in the Arctic region: from the theoretical formulation of policy to its practical implementation]. *Arctic and North*, 7: 69–81. (in Russian, with English summary).
- Lazarev V.A., Fisenko A.I., Ostanin V.A. 2022. Arkticheskaja zona kak ob'ekt mirovoj geopolitiki. [Arctic zone as an object of world geopolitics]. *Original Research (ORES)*. Vol. 12. 7: 228–236 (in Russian).
- Lystsev M.S. 2014. Arkticheskaja politika severoamerikanskih gosudarstv [Arctic policy of the North American states]. *Regionology*, 3: 21–29 (in Russian).
- Medvedev D.A., Polonchuk R.A., Shashok L.A. 2020. Arkticheskaja politika Kitaja v pervoj chetverti XXI veka [China's Arctic Policy in the First Quarter of the 21st Century]. Moscow, ANO TsSOiP, 84 (in Russian).
- Pescov S.K., Tolstokulakov I.A., Labjuk A.I., Kolegova E.A. 2015. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: interesy i strategii stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona [International cooperation in the Arctic: interests and strategies of the countries of the Asia-Pacific region]. Available at: <https://ras.ru/FStorage/fstructure.aspx?id=bc1f245b-9bf7-419c-b15c-292b9c4bf031> (accessed: 19 August 2023) (in Russian).
- RAN i Akademija nauk Kitaja podpishut dorozhnuju kartu o sotrudnichestve [The Russian Academy of Sciences and the Chinese Academy of Sciences will sign a roadmap for cooperation]. Available at: <https://ria.ru/20190718/1556641478.html> (accessed: 25 July 2023) (in Russian).
- Rossijsko-singapurskij arkticheskij dialog. Arktika kak global'nyj transportnyj koridor. Ustojchivoje arkticheskoe sudohodstvo [Russian-Singapore Arctic Dialogue. The Arctic as a global transport

corridor. Sustainable Arctic shipping]. Available at: <https://www.skolkovo.ru/events/17122021-rossijsko-singapurskij-arkticheskij-dialog/?ysclid=llxx8dyt6r765969490> (Accessed: 17 August 2023) (in Russian).

So H.-G., Pak Ch.-K., Chistov I. 2021. Celi i zadachi gosudarstvennoj politiki Respubliki Koreja v Arktike [Goals and objectives of the state policy of the Republic of Korea in the Arctic]. World economy and international relations. Vol. 65. 8: 90–96 (in Russian, with English summary).

Suhag V. 2022. Interesy Indii v rossijskoj Arktike [Indian interests in the Russian Arctic]. Russia: society, politics, history, 2: 117–132 (in Russian).

Uchenye Rossii i Kitaja izuchat arkticheskij shelf Sibiri v hode pervoj sovместnoj jekspedicii [Scientists from Russia and China will study the Arctic shelf of Siberia during the first joint expedition]. Available at: <https://tass.ru/nauka/6733215> (accessed: 31 July 2023) (in Russian).

Zajkov K.S. Bhagvat Dzh. 2022. Arkticheskaja politika Indii: istoricheskij aspekt [Arctic policy of India: historical aspect]. Arctic and North, 48: 261–274 (in Russian).

Sino-Russian Joint Research Centre on Oceans and Climate to promote cooperation between the two countries in Arctic scientific research and other fields. Available at: <http://sputniknews.cn/society/201710101023773921/> (accessed: 10 August 2023).

2050 Polar Vision Statement. Available at: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (accessed: 15 August 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.08.2023

Received: 15.08.2023

Поступила после рецензирования 20.08.2023

Revised 20.08.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Accepted 30.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Михаил Анатольевич, профессор кафедры политологии, институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7001-4059](https://orcid.org/0000-0002-7001-4059)

Mikhail A. Kazakov, professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Лысцев Михаил Сергеевич, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, институт экономики и управления, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9117-9063](https://orcid.org/0000-0002-9117-9063)

Mikhail S. Lystsev, associate professor, Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Institute of Economics and Management, Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327+353.1

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-790-800

Оригинальное исследование

Индекс арктической научной дипломатии региона (на примере Санкт-Петербурга)

Золотарев Ф.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199304, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9
E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Аннотация. Возросший интерес к Арктике среди государств в международных отношениях повлиял на включение множества негосударственных субъектов. Они также проявляют интерес к изучению и региональным процессам, что привело к появлению отдельного феномена арктической научной дипломатии. В статье представлена попытка операционализировать концепт Арктической научной дипломатии региона и определить его главные индикаторы. Автор выделил четыре основных индикатора, по которым можно проанализировать и оценить индекс арктической научной дипломатии региона. На примере Санкт-Петербурга было показано, что даже не являясь арктическим регионом по географическому критерию, возможно дать качественную оценку результатам деятельности по арктической научной дипломатии. В заключении предлагаются возможные направления для дальнейшего изучения вопроса, которыми могут стать как более детальная проработка системы критериев, так и компаративные исследования отдельных регионов.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая научная дипломатия, регион, индекс, Санкт-Петербург

Для цитирования: Золотарев Ф.Е. 2023 Индекс арктической научной дипломатии региона (на примере Санкт-Петербурга). Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 790–800. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-790-800

Arctic Science Diplomacy Index for a Region (the Case of Saint Petersburg)

Fedor E. Zolotarev

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Abstract. The growing interest in the Arctic among states in the field of international relations has led to the inclusion of many non-state actors. These kinds of actors also demonstrate an interest in researching regional processes, which has led to the emergence of Arctic scientific diplomacy as a distinct phenomenon. This article attempts to define and measure the concept of Arctic scientific diplomacy of the region – or a state subject in a form of an administrative unit – by identifying its key indicators. The author has identified four main indicators that can be used to analyze and evaluate the index of Arctic scientific diplomacy of the region. Using Saint Petersburg as an example, the article demonstrates that it is possible to provide a qualitative assessment of the results of Arctic scientific diplomacy activities even for a subject that is not considered Arctic by geographical criteria. In conclusion, possible directions for further research of the issue can be followed by studies of a more comprehensive criteria system as well as some comparative studies of particular regions.

Keywords: Arctic, Arctic Science Diplomacy, Region, Index, Saint Petersburg

For citation: Zolotarev F.E. 2023. Arctic Science Diplomacy Index for a Region (the Case of Saint Petersburg). Via in tempore. History and political science. 50 (3): 790–800 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-790-800

Введение

Современная дипломатия имеет множество измерений и форматов: помимо классического межгосударственного взаимодействия она распространяется на отношения между другими субъектами, которые напрямую не связаны с государственным, дипломатическим или внешнеполитическим ведомством. В частности, отдельный трек научной дипломатии имеет своё значение как для государства, так и непосредственно для самих учёных.

Применительно к арктической научной дипломатии (АНД), которую можно обозначить в качестве частного типа научной дипломатии, подобное взаимодействие и государства, и отдельных исследователей создаёт синергетический эффект. В общем пространстве выстраивается межуровневое и международное взаимодействие, в котором агенты действуют исходя из своих интересов и целей. Из этого следует, что действующими субъектами АНД могут выступать также субнациональные акторы в лице регионов государства и городов.

Цель данной работы – операционализировать арктическую научную дипломатию региона и выделить её основные индикаторы, на которые можно опираться при составлении комплексных метрик. Подобные наблюдаемые индикаторы позволят упорядочить не только сбор данных об изучаемом объекте, но и создать основу для последующего компаративного анализа и сравнения регионов между собой по так называемому индексу АНД. Эмпирической основой исследования станут результаты деятельности и отчёты общественных, научных и региональных организаций в Санкт-Петербурге, органов исполнительной власти Санкт-Петербурга и подведомственных учреждений, которые задействованы в работе по арктическому направлению. Для достижения цели исследования автор прибегает к использованию сравнительно-описательного и системного метода, сочетание которых позволяет рассмотреть АНД региона как автономную область, составляющую государственную АНД [Гутенев, Сергунин, 2022].

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части даётся характеристика АНД в качестве особого типа научной дипломатии. Обозначаются основные группы акторов, которые вовлечены во взаимодействие по арктической тематике. Во второй части раскрывается понятие индекса, даётся критический анализ использования индекса в социально-политических исследованиях. В третьей части предлагается авторский вариант основных индикаторов, на которые можно опираться для оценки результатов и прогресса АНД отдельного региона. Детальнее это раскрывается на примере Санкт-Петербурга. В заключении даются основные выводы и предложения по дальнейшему изучению вопроса.

АНД как частный случай научной дипломатии

Сам концепт научной дипломатии имеет множество трактовок и интерпретаций в зависимости от исследовательской позиции [Крынжина, 2018, с. 194]. По-прежнему ведутся споры вокруг концепции, которая в настоящее время попеременно формулируется как новое понимание дипломатии, часть дискурса глобальных проблем, занимающая центральное место в интернационализации науки и олицетворяющая конкурентные инновации [Sabzalieva и др., 2021]. Однако возможно разделение на условные две группы, которые отличаются друг от друга источником интереса к взаимодействию представителей сферы науки и сферы дипломатии. Для первой группы будет характерен дискурс научной дипломатии как «области взаимовыгодного сотрудничества» при относительном паритете во влиянии одной области на другую. Для второй группы, напротив, характерно активное проникновение дипломатии в её государственной форме в область науки, навязывание своих правил и норм. В зависимости от приверженности к одной или другой группе определение научной дипломатии представляет собой спектр возможных интерпретаций.

Так, П.Б. Руффини включает в научную дипломатию разнообразие практик, в рамках которых наука и технологии пересекаются с международными отношениями. Представители академического мира выступают в качестве консультантов для органов власти. Их деятельность, основанная на универсальных ценностях науки, способствует трансформа-

ции международных отношений. Учёные при этом выступают проводниками этих изменений, которые могут иметь глобальный эффект [Ruffini, 2020]. Похожего взгляда придерживаются Ж.К. Модюи и М. Гуал Солер: для них научная дипломатия не имеет чётких границ, и она транслируется на все процессы, которые информируют или влияют на международные отношения в области науки и техники [Mauduit, Soler, 2020].

Государствоцентричный подход к научной дипломатии демонстрируют авторы доклада «Дипломатические практики содействия международному научному сотрудничеству в России». В нём научно-исследовательский коллектив Г.А. Краснова, И.Г. Дежина, Р.О. Райнхардт и О.И. Шакиров инструментализирует научную дипломатию, включает её в поле внешней политики государства. При этом на сам концепт происходит перенос черт, характерных для государственной внешней политики: вследствие этого в научной дипломатии также есть наряду с сотрудничеством и конкуренция, ведущая к большей напряженности в отношениях между сторонами [Краснова и др. 2021, с. 4]. Похожий подход к определению научной дипломатии предлагает другой коллектив исследователей, который в научной дипломатии видит особую сферу международных отношений по вопросам сотрудничества между государствами [Ильина и др., 2021, с. 20]. Отдельно стоит отметить позицию И.Г. Дежиной, которая на примере научной дипломатии Индии также «огосударвляет» эту сферу [Дежина, 2023].

АНД является одним из подвидов научной дипломатии, для которого характерно влияние отличных подходов так же, как и особое региональное измерение. Необходимо отметить новаторский способ выделения АНД из других типов научной дипломатии. В частности, А.А. Сергунин и М.Ю. Гутенев выделяют несколько теоретических подходов к изучению АНД:

1) *технический или инструменталистский*, для которого характерно построение прочных международных коллабораций на неидеологической основе и создания долгосрочных международных партнерств;

2) *сведение к мягкой силе государства*, что близко по сути к выражению интересов и целей государства через практики в рамках арктической тематики;

3) *вид «новой» (публичной) дипломатии*, под которой авторы подразумевают встраивание АНД в более широкое понятийное поле. В нём в качестве участников возможны как государственные, так и негосударственные акторы, что также может охарактеризовать АНД в качестве особого типа парадипломатии [Гутенев, Сергунин, 2022, с. 158–165].

Другой важной особенностью АНД можно назвать её привлекательность для неарктических государств и других акторов. В частности, пространство научного сотрудничества вместе с развитием контактов по научно-техническим вопросам представляет интерес для стран-наблюдателей Арктического совета, что также было закреплено в договорные формы [Гутенев, Митина, 2022, с. 171]. Подобная тенденция для АНД с большей вероятностью будет объясняться в категориях мягкой силы государства и публичной дипломатии, за которыми стоят определённые интересы государства.

Рассматривая АНД как пространство разноуровневых субъектов, мы тем самым допускаем участие не только классических акторов в лице государств. Несмотря на то, что влияние основных участников международных отношений формирует повестку обсуждений по региональным вопросам, сам арктический макрорегион параллельно конструируется взаимодействиями субнациональных правительств и многочисленными, не обладающими или не разделяющими государственной суверенитет общественными организациями. Всё это отражает многослойный характер процессов в регионе, где видную роль в последнее время играют внутригосударственные регионы [Sergunin, Konyshev, 2019; Landriault et al., 2023].

Проблематика индексов в социально-политических исследованиях

Стремление упорядочить, систематизировать информацию и представить её в удобной и визуально компаративной форме составляет основу для применения индексов. Индекс сам по себе – это способ ранжирования и сопоставления между собой объектов, ко-

торые сравниваются по определённому набору параметров или индикаторов. При этом сами индексы и проблематика их применения содержит в себе вопросы как методологического, так практического характера.

Индексирование как метод предлагает для исследователей удобный способ фиксации особенностей объекта с их последующим измерением, что не всегда точно поддаётся выражению без квантификации. Попытки измерить в гуманитарных и социальных науках наталкиваются на проблемы определения чёткой единицы отчёта. Во многом этот барьер преодолевается либо с помощью качественных оценок, либо с привлечением математических методов анализа в социальные науки.

При этом в качестве основных теоретических проблем при таком подходе к исследованиям остаются выбор теоретической базы, доступность самих данных, отбор более репрезентативных показателей и их последующая обработка. Универсального метода построения индексов не существует: в каждом случае их конструкция определяется конкретным применением, включая как формальные, так и эвристические элементы [Mazziotta, Paretop, 2013, pp. 70–71].

Отдельную группу составляют вопросы практического применения индексов, которые в повседневном мире получают название индексов эффективности или результативности. Здесь прежде всего инициаторами составления выступают заинтересованные лица за пределами академического сообщества: заказчики из коммерческого сектора, представители органов власти разных уровней. Движущей силой создания индексов в меньшей степени выступает стремление к систематизации, поиску скрытых зависимостей и тем самым лучшее понимание зависимостей между характеристиками объектов изучения. Вместо этого индекс призван стать инструментом сверки и определения некоторых изменений в динамике. Отсюда цель создания подобных способов измерения находится в плоскости практического применения и преобразований, что не исключает субъективный характер составления и подбора индикаторов на этапе разработки моделей.

При этом возможны случаи, когда по одной комплексной теме сосуществуют несколько различных индексов или рейтингов, которые подготовлены не только представителями академического сообщества, но и консалтинговыми агентствами. Зачастую индексы и рейтинги отличаются друг от друга выбранными индикаторами и методологией подсчёта. Показателен пример полярного индекса, по которому оцениваются российские компании, работающие в северных широтах и регионах Арктики, и их соответствие экономических показателей, выполнение социальных обязательств и ответственное экологическое хозяйствование¹³⁶.

Определение индекса эффективности АНД региона также подвержено этому влиянию: подбор критериев и метрик для подсчёта одновременно лежат в области академического или научного интереса, с одной стороны, и прикладного анализа, с другой стороны. Дополнительным ограничением следует учитывать меньшие ресурсы и возможности субнационального актора по сравнению с государством реализовывать АНД [Гутенев, Сергунин, 2022, с. 165]. В рамках данного исследования обозначим несколько групп критериев или измерений, которые потенциально сказываются на формировании индекса АНД региона. Среди них стоит назвать:

1. Научно-исследовательское измерение.

В эту группу включена информация про образовательные и научные институты, занимающиеся исследованиями в области Арктики. Зачастую их деятельность финансируется из регионального и национального бюджета, а также из международных и иностранных фондов. Например, грантовых средств на исследования и/или организацию и проведение научных, профильных исследований, международных проектов. Также важны сведения по научным и аналитическим коллективам, которые проводят исследования по во-

¹³⁶ Рейтинги устойчивого развития компаний и регионов Арктики. Полярный индекс [Электронный ресурс]. URL: <https://polarindex.ru/> (дата обращения 29.06.2023).

просам развития Арктики, региональных процессов, научно-технического оснащения, экологических вызовов или смежных с ними тем. Сюда включается информация о консультационных услугах, экспертизе и оценках, оказанных сотрудниками научной организации по внешним заказам; участие в разработке документов по заказу органов федерального, регионального, муниципального уровней, а также межправительственных организаций и программ; участие в разработке финансовых, институциональных механизмов фасилитации международного научного сотрудничества; создание межинституциональных экспертных групп международного характера на двухсторонней и многосторонней основе, лабораторий, иных научных инфраструктурных объектов.

2. Образовательное измерение.

Для данной группы характерно наличие образовательных учреждений, которые предлагают программы и отдельные направления обучения, напрямую или косвенно связанные с вопросами подготовки кадров для Арктической зоны, информированию о процессах в регионе. Отдельного внимания заслуживает международное взаимодействие образовательных учреждений с зарубежными партнёрами на двухсторонней и многосторонней основе.

3. Инструментальная база.

Эту группу составляют показатели по наличию объектов научной инфраструктуры для арктических исследований, которые задействованы в изучении Арктики и региональных процессов. В частности, на показатели этого измерения влияет наличие научно-исследовательских полярных станций, центров, лабораторий, ледоколов [Гутенев, Сергунин, 2022, с. 165] и доступность к такой базе.

4. Международная деятельность региона.

Для этой группы важно наличие как событий и мероприятий по арктической тематике, проводимых на территории субъекта федерации, так и участие в выездных мероприятиях представителей органов региональной власти и бизнес-групп. Вместе с этим среди особых форматов мероприятий стоит назвать проведение двусторонних и многосторонних официальных встреч с привлечением ученых; работа по гуманитарным направлениям, включая науку и образование, в рамках концепции городов побратимов.

На основе обозначенных параметров качественно рассмотрим АНД Санкт-Петербурга. Субъект федерации не только стоит у истоков, но и является важным координирующим центром для государственной политики в Арктике [Лобанов, Рязанцева, 2020, с. 81]. Ввиду особенностей информации, её доступности для анализа результаты будут браться с официальных порталов и сайтов в открытом доступе. Это накладывает определённые ограничения и сказывается на последующих выводах об результативности АНД региона.

Определяя индекс АНД Санкт-Петербурга

Научно-исследовательское измерение. Привлечение финансовых средств на реализацию научных грантов составляет значимый показатель для региона. Помимо вклада в национальное развитие, через этот инструмент возможно проследить, какие образовательные институты привлекают финансирование. Так, по информации Российского научного фонда (РНФ) за 2022 год, десять образовательных организаций сферы высшего образования и научно-исследовательских центров отправили заявку на реализации проектов, связанных с арктическими исследованиями: Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Российский государственный гидрометеорологический университет, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А.П. Карпинского, ООО «Астрономикон», Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), фонд «Нансен-Центр», Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Большая часть проектов связана с тематикой

наук о земле, этнологией и антропологией, однако присутствуют темы гуманитарного профиля. Лидером по числу заявок за указанный год стал СПбГУ, три проекта которых связаны с арктическим профилем. В количественном отношении из 73 исследовательских проектов по изучению Арктики 16 приходится на учреждения Санкт-Петербурга. Несмотря на то, что сумма выделенных грантов не раскрывается фондом в каждом отдельном случае, реальный объём аккумулированных средств можно будет оценить после дополнительных запросов.

Отдельно стоит упомянуть научные центры, которые занимаются исследованиями Арктики. Благодаря существенной образовательной и академической базе региона подавляющее число центров аффилировано или встроено в организационную структуру подразделения или института. Деятельность подобных центров зачастую фокусируется по четырём направлениям: научная и исследовательская (1); проектная и организационная работа по проведению междисциплинарных мероприятий (2); популяризаторство тематики Арктики и исследований севера (3); экспертно-аналитическая и консалтинговая деятельность по заказу со стороны внешних заинтересованных в лице бизнеса, СМИ или органов власти (4).

Согласно информации с сайта СПбГУ, в университете с 2019 года действует свой научно-исследовательский центр Арктики. В поле его деятельности входит координация проектов, которые направлены на развитие и проведение междисциплинарных исследований, оказание экспертной работы по вопросам устойчивого развития Арктики и Севера¹³⁷. А годом ранее, в 2018 году, в РАНХиГС Санкт-Петербурга был учреждён Центр арктических исследований и проектов (ЦАИП РАНХиГС), деятельность которого также охватывает проектную, исследовательскую, экспертно-аналитическую и консалтинговую сферу¹³⁸. Свой Центр арктических исследований МАЭ РАН, фокус которого сводится больше к работе в рамках этнографии, антропологии, археологии, музееведения, истории и других гуманитарных наук¹³⁹. Профильный научно-образовательный центр эколого-экономических исследований Арктики также есть в СПбГЭУ: начиная с 2021 года центр больше фокусируется на исследовательской, образовательной деятельности, что также не мешает им участвовать в роли экспертной группы по работе над программными документами для юридических лиц и органов государственной власти¹⁴⁰. Уникальным примером в изучении социальных процессов на крайнем севере и в Арктической зоне России является Центр социальных исследований Севера (ЦЕСИС) Европейского университета в Санкт-Петербурге¹⁴¹. Всё это говорит о том, что научные центры по комплексному изучению Арктики формируются именно в образовательных или научно-исследовательских учреждениях, под эгидой которых они ведут свою деятельность. Пик их появления приходится на вторую половину 2010-х гг., что также повлияло на внутренние перестройки в уже существовавших на тот момент центрах и исследовательских коллективах.

Отдельное место занимают конструкторские бюро и институты, деятельность которых связана с инженерно-техническими разработками. В частности, 51 центральный конструкторско-технологический институт судоремонта выступает ведущей организацией по разработке ремонтной документации для тех классов судов, которые участвуют в охране арктических

¹³⁷ Арктические проекты СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/nauka/arkicheskie-proektu-spbgu> (дата обращения: 29.06.2023).

¹³⁸ Центр Арктических исследований и проектов РАНХиГС. Президентская академия. Институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.ranepa.ru/science/czentr-arkicheskih-issledovaniy-i-proektov-ranhigs/> (дата обращения 29.06.2023).

¹³⁹ Центр арктических исследований. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/arctic (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁴⁰ Научно-образовательный центр эколого-экономических исследований Арктики. Санкт-Петербургский государственный экономический университет [Электронный ресурс]. URL: <https://unecon.ru/ob-universitete/organy-upravleniya-i-struktura/struct/noc-arktika/> (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁴¹ Центр социальных исследований Севера. Европейский университет в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://eusp.org/arctic-social-sciences/about> (дата обращения: 29.06.2023).

коммуникаций, осуществляют завозы для критически важных объектов в арктической зоне, производят гидрографические работы в районах Северного морского пути ¹⁴².

Образовательное измерение. Санкт-Петербург обладает внушительной образовательной базой: 74 вуза предлагают свои образовательные услуги и программы для подготовки кадров для последующей работой в арктической зоне ¹⁴³. Ввиду комплексного характера арктического макрорегиона и спроса на выпускников с разным образовательным профилем и опытом, институты высшего образования предлагают множество различных программ. Все их можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от области применения навыков:

Таблица 1
Table 1

Категории образовательных программ в Санкт-Петербурге, по которым проходит подготовка кадров для Арктики ¹⁴⁴
 Categories of educational programs in Saint Petersburg for the Arctic development's needs

№	Область деятельности	Примерные специальности
1	Работа с месторождениями углеводородов, полезных ископаемых и техническое обслуживание	Инженеры и технологи по обеспечению работ нефтегазового промысла, управленческий персонал в нефтегазовых проектах, специалисты сервисных компаний по эксплуатации и использования оборудования и т. п.
2	Судоходство и транспортная инфраструктура	Специалисты в области навигации, технический персонал портовой инфраструктуры, судоремонт, логисты и т. п.
3	Развитие городов с арктическим уклоном	специалисты по развитию городских территорий, учителя, медицинские работники и т. п.
4	Работа с коренными и малочисленными народами, взаимодействие с международными организациями	специалисты в области филологии, переводчики-лингвисты, в северном животноводстве, племенной работы, зооинженеры, зоотехники и т. п.

Безусловно, некоторые специальности можно отнести не только к работе в Арктике. Однако их учёт также важен с точки зрения образовательных и интеллектуальных ресурсов, которыми располагает Санкт-Петербург. В частности, для подготовки кадров по добыче полезных ископаемых значимое количество программ предлагает Санкт-Петербургский горный университет, в то время как для судоходства и транспортной инфраструктуры с логистикой есть отдельные программы в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, а Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова предлагает уникальную программу подготовки инженеров для эксплуатации гражданского атомного флота ¹⁴⁵.

Инструментальная база. Ввиду географической удалённости Санкт-Петербурга от Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) распространена коллаборация с внешними организациями и их объектами. Так, исследовательский институт Главной геофизической обсерватории имени А.И. Воейкова проводит свои исследования благодаря морским гидрометеорологическим станциям, находящимся в других арктических регионах, как в случае с МГ- 2 Певек. Безусловно, организация обладает собственным уникальным оборудованием, как, например, ведомственными эталонами, большой камерой туманов. Подобный опыт может говорить о способности компенсировать ограниченность доступа за счёт

¹⁴² Каталог арктических компетенций Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург в Арктике. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.mail.ru/public/YCpg/yMZSFgnvb> (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁴³ В Петербурге в 2023 году основой подготовки кадров для Арктики станет упор на практику. Тасс. 22 ноября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16398871> (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁴⁴ Составлено на основе данных, собранных автором.

¹⁴⁵ Каталог арктических компетенций Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург в Арктике. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.mail.ru/public/YCpg/yMZSFgnvb> (дата обращения: 26.06.2023).

внешних объектов¹⁴⁶. Следствие этого – институты и организации на территории Санкт-Петербурга, занимающиеся арктическими исследованиями, становятся центрами мониторинга и хранилищами информации, как в случае с Гидрометеорологическим университетом или Лесотехническим университетом¹⁴⁷.

Однако по вопросам технического и судостроительного характера Санкт-Петербург обладает собственными мощностями по производству и обслуживанию морского флота. Они опосредованно влияют на его уровень инструментальной базы: способность региона производить ремонт и модернизацию судов арктического плавания составляет важный элемент для государственной политики в АЗРФ. Так, Балтийский и Канонерский судоремонтный заводы¹⁴⁸ являются важными технологическими узлами этой системы.

Международная деятельность региона. В управленческой структуре Администрации Санкт-Петербурга фактическая деятельность по вопросам Арктики осуществляется между несколькими учреждениями. Несмотря на то, что начиная с 2018 года создан Комитет по делам Арктики, который и является исполнительным органом государственной власти региона¹⁴⁹, вопросы международного и профильного сотрудничества входят в компетенции других институций. Прежде всего это касается Комитета по внешним связям, уполномоченного не только на развитие связей с внешними акторами, но и на выстраивание межрегиональных отношений¹⁵⁰, включая регионы арктической зоны. Подобное распределение обязанностей позволяет задействовать больше административных и финансовых ресурсов на нескольких направлениях, реализовывать большее число проектов. Безусловно, обратным эффектом подобной кооперации является межведомственная конкуренция, стремление разграничить области своей деятельности.

Вместе с тем Санкт-Петербург выступает в качестве площадки для проведения крупных форумов и международных встреч, часть из которых затрагивает вопросы развития АЗРФ и региональных проектов. Площадка Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) является таким примером. Несмотря на то, что сам арктический регион имеет высокий интерес со стороны внешних стран¹⁵¹, тема Арктики на ней за 2023 год стала вопросом скорее национального, чем международного развития или кооперации¹⁵². Другой площадкой является Международная выставка и конференция «НЕВА»: она выступает местом сопряжения представителей органов власти и основных компаний, которые вовлечены в развитие инфраструктуры Северного морского пути и заинтересованы в сотрудничестве в области судоходств¹⁵³.

Сама деятельность представителей органов региональной власти Санкт-Петербурга в академическом сообществе часто получает обозначение парадипломатии региона [Гомелуау-

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Комитет Санкт-Петербурга по делам Арктики. Администрация Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/arkt/information/> (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁵⁰ Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. Администрация Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/information/ (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁵¹ Устойчивое развитие Крайнего Севера обсудили участники мероприятий стенда «Арктика – территория диалога» на ПМЭФ. Международный арктический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://forumarctica.ru/news/ustojchivoe-razvitie-krajnego-severa-obsudili-uchastniki-meroprijatij-stenda-%C2%ABarktika-territoriya-dialoga%C2%BB-na-pmef/> (дата обращения 29.06.2023).

¹⁵² Председатель Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики провел серию встреч в рамках ПМЭФ-2023. 16 июня 2023 года. Администрация Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/arkt/news/261643/> (дата обращения: 29.06.2023); На полях ПМЭФ-2023 обсудили перспективы развития арктического туризма. 17 июня 2023. Администрация Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/arkt/news/261669/> (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁵³ Представители Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики приняли участие в мероприятиях XVI международной выставки и конференции «НЕВА-2021». 22 сентября 2021 года. Администрация Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/arkt/news/222370/> (дата обращения: 29.06.2023).

ри, 2020; Heininen, 2016]. В отношении прямого сотрудничества с другими арктическими регионами Санкт-Петербург скорее является глобальным игроком, чем региональным, с фокусом на развитие связей с контрагентами из различных макрорегионов, без уникальной привязки к Арктике¹⁵⁴. Не в последнюю очередь на подобной особенности сказалось географическое положение региона, что вместе с общим международным контекстом и опосредованным противостоянием между Россией и странами НАТО, часть стран-членов которых являются арктическими государствами, не способствует выстраиванию сотрудничества с зарубежными регионами и городами из арктической зоны.

Заключение

Предложенные индикаторы для индекса эффективности АНД региона являются апробационными. Для внедрения и использования в качестве метрической системы, безусловно, понадобится критический взгляд на сами параметры, оценка их значимости и веса. На примере Санкт-Петербурга было показано, каким образом выбранные параметры могут отражать накопленный опыт региона как отдельного участника АНД России.

Среди сильных сторон Санкт-Петербурга как региона с потенциально высоким индексом АНД стоит назвать его научно-кадровые, исследовательские возможности. Образовательные и академические ресурсы сконцентрированы преимущественно в университетах, где есть собственные центры, занимающиеся широким кругом арктических и смежных вопросов. Через них происходит реализация АНД, так как они выступают локомотивом как по линии исследовательских проектов, так и по выстраиванию взаимовыгодных партнёрств. Дополнительно вклад исполнительных органов региональной власти способствует созданию условий для интенсификации межрегионального и международного сотрудничества по арктической тематике.

Особым индикатором АНД выступает инструментальная база региона. В отношении Санкт-Петербурга прослеживается, что субъект федерации вступает в коллаборацию с другими арктическими регионами: этим пользуются организации в лице исследовательских и образовательных институтов. В определённом смысле Санкт-Петербург является интеллектуальным хабом и центром хранения информации при ограниченном количестве инструментов для проведения самостоятельных исследований. Тем не менее материально-техническая база отдельных предприятий отражает высокую значимость региона в общей производственной цепочке и поддержании конкурентоспособности России в Арктике.

Таким образом, Санкт-Петербург является значимым регионом с уникальными особенностями в соответствии с обозначенными индикаторами АНД. На текущем этапе представляется два основных направления для оценки и индексирования АНД региона. Первое направление связано с изучением развития АНД Санкт-Петербурга за разные временные этапы. Второе направление предполагает компаративный анализ Санкт-Петербурга с другими субъектами федерации по уровню эффективности АНД. Обе эти исследовательские стратегии могут позволить критически подойти к операционализации АНД региона.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 г. № 38/2022 на тему «Роль Санкт-Петербурга в развитии арктической научной дипломатии Российской Федерации».

¹⁵⁴ Сотрудничество Санкт-Петербурга с зарубежными городами и регионами. Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/sankt-peterburg-strany-mira/sotrudnichestvo-sankt-peterburga-s-zarubezhnymi-gorodami-i-regionami/> (дата обращения: 29.06.2023).

Список литературы

- Гомелаури А.С. 2020. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга). *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 658–668. doi: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668>
- Гутенев М.Ю., Митина Ю.С. 2022. Научная дипломатия неарктических стран в Арктике. Теории и проблемы политических исследований, 11 (1А): 170–182. doi: 10.34670/AR.2022.48.61.020
- Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. 2022. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика. *Вестник международных организаций*, 17 (3): 155–174. doi: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
- Дежина И.Г. 2023. Научная дипломатия в Индии. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/> (дата обращения: 26.04.2023).
- Дипломатические практики содействия международному научному сотрудничеству в России: Доклад No 74 (аналитический доклад) / Авт. колл.: Г.А. Краснова, И.Г. Дежин, Р.О. Райнхардт, О.И. Шакиров / Российский совет по международным делам. М., НП РСМД, 2021. 41 с.
- Крынжина М.Д. 2018. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов. *Международные процессы*, 4 (55): 193–208. doi: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12.
- Ильина И.Е., Маленко С.В., Васильева И.Н., Реброва Т.П. 2021. Модель реализации научной дипломатии: зарубежный и российский опыт. *Управление наукой и наукометрия*, 16 (1): 10–46. doi: 10.33873/2686-6706.2021.16–1.10–46.
- Лобанов А.В., Рязанцева Е.А. 2020. Ключевые задачи и направления работы Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики. *Базис*, 1 (7): 80–85.
- Heininen L. 2016. *Future Security of the Global Arctic*. London, Palgrave Pivot London, 144 p. doi: <https://doi.org/10.1057/9781137468253>
- Landriault M., Payette J.F., Roussel S. 2023. *Mapping Arctic Paradiplomacy: Limits and Opportunities for Sub-National Actors in Arctic Governance*. London and New York, Routledge, 241 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781003131311>
- Mauduit J.C., Soler M.G. 2020. *Building a Science Diplomacy Curriculum*. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2020.00138/full> (accessed: 26.05.2023).
- Mazziotti M., Pareto A. 2023. *Methods for Constructing Composite Indices: One for all or all for one?* Available at: https://www.istat.it/it/files/2013/12/Rivista2013_Mazziotta_Pareto.pdf (accessed: 30.06.2023).
- Ruffini P.B. 2020. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review. *Humanit Soc Sci Commun*, 7: 124. doi: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00609-5>
- Sabzalieva E., Sá C.M., Martinez M., Kachynska N. 2021. Science Diplomacy Policy Processes in Comparative Perspective: The Use of Scientific Cooperation Agreements in Canada, India, Norway, and the UK. *Minerva*, 59: 149–172. doi: <https://doi.org/10.1007/s11024-020-09429-y>
- Sergunin A., Konyshov V. 2019. Forging Russia's Arctic strategy: actors and decision-making. *The Polar Journal*, 9 (1): 75–93. doi: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618549>

References

- Gomelaury A.S. 2020. Sub"ekt federacii kak kanal "myagkoj sily" gosudarstva (na primere Sankt-Peterburga) [The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg)]. *Via in Tempore. History and Political Science*, 47 (3): 658–668. doi: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668> (in Russian).
- Gutenev M.Yu., Mitina Yu.S. 2022. Nauchnaya diplomatiya nearkticheskikh stran v Arktike [Scientific diplomacy of non-Arctic countries in the Arctic]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 11 (1A): 170–182. doi: 10.34670/AR.2022.48.61.020 (in Russian).
- Gutenev M., Sergunin A. 2022. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *International Organisations Research Journal*, 17 (3): 155–174. doi: 10.17323/1996-7845-2022-03-06 (in Russian).
- Dezhina I.G. 2023. Nauchnaya diplomatiya v Indii [Scientific Diplomacy in India]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/> (accessed: 26.04.2023) (in Russian).
- Diplomaticheskie praktiki sodejstviya mezhdunarodnomu nauchnomu sotrudnichestvu v Rossii: Doklad No 74 (analiticheskij doklad) [Diplomatic practices of promoting international scientific

- cooperation in Russia: Report No. 74 (analytical report)] / Avt. koll.: G.A. Krasnova, I.G. Dezhin, R.O. Reihnhardt, O.I. Shakirov / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M., NP RSMD, 2021. 44 p. (in Russian).
- Kryzhina M.D. 2018. Nauchnaya diplomatiya v interpretacijah rossijskikh specialistov [Scientific Diplomacy in interpretation of Russian specialists]. *Mezhdunarodnye processy*. 4 (55): 193–208. doi: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12 (in Russian).
- Ilina I.E., Malenko S.V., Vasileva I.N., Rebrova T.P. 2021. Model' realizacii nauchnoj diplomatii: zarubezhnyj i rossijskij opyt. *Upravlenie naukoj i naukometriya* [The Application of the Science Diplomacy Model: the Russian and International Experience]. *Upravlenie naukoj i naukometriya*, 16 (1): 10–46. doi: 10.33873/2686-6706.2021.16(1): 10–46 (in Russian).
- Lobanov A.V., Ryazanceva E.A. 2020. Klyuchevye zadachi i napravleniya raboty Komiteta Sankt-Peterburga po delam Arktiki [Key tasks and areas of work of the St. Petersburg Committee for the Arctic]. *Bazis*. 1 (7): 80–85 (in Russian).
- Heininen L. 2016. *Future Security of the Global Arctic*. London, Palgrave Pivot London, 144 p. doi: <https://doi.org/10.1057/9781137468253>
- Landriault M., Payette J.F., Roussel S. 2023. *Mapping Arctic Paradiplomacy: Limits and Opportunities for Sub-National Actors in Arctic Governance*. London and New York, Routledge, 241 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781003131311>
- Mauduit J.C., Soler M.G. 2020. *Building a Science Diplomacy Curriculum*. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2020.00138/full> (accessed: 26.05.2023).
- Mazziotti M., Pareto A. 2023. *Methods for Constructing Composite Indices: One for all or all for one?* Available at: https://www.istat.it/it/files/2013/12/Rivista2013_Mazziotta_Pareto.pdf (accessed: 30.06.2023).
- Ruffini P.B. 2020. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review. *Humanit Soc Sci Commun*, 7: 124. doi: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00609-5>
- Sabzalieva E., Sá C.M., Martinez M., Kachynska N. 2021. Science Diplomacy Policy Processes in Comparative Perspective: The Use of Scientific Cooperation Agreements in Canada, India, Norway, and the UK. *Minerva*, 59: 149–172. doi: <https://doi.org/10.1007/s11024-020-09429-y>
- Sergunin A., Konyshov V. 2019. Forging Russia's Arctic strategy: actors and decision-making. *The Polar Journal*, 9 (1): 75–93. doi: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618549>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 28.06.2023

Received: 28.06.2023

Поступила после рецензирования: 23.07.2023

Revised: 23.07.2023

Принята к публикации: 25.08.2023

Accepted: 25.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Золотарев Федор Евгеньевич, аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Fedor E. Zolotarev, PhD Student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8789-0856](https://orcid.org/0000-0002-8789-0856)

УДК 327+ 321.61

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-801-812

Оригинальное исследование

Конвенция по Каспийскому морю в региональной системе международных отношений: интересные стороны и модели сотрудничества

Мельников А.В. ¹, Рыжов И.В. ², Сикираз В.В. ²

¹) Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а;

²) Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
antonmelnikov2003@gmail.com, ivr@fmo.unn.ru, sikirazh@imomi.unn.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о системе взаимоотношений между государствами в рамках региональной подсистемы международных отношений Каспийского региона. В контексте заключения конвенции по Каспию, у которой есть различные интересные стороны, преследующие интеграционные и дезинтеграционные цели в рамках региона, возникает вопрос о развитии международного торгового и экономического сотрудничества в рамках региональных проблем. Авторами проводится систематизация существующих целей и механизмов реализации у интересных сторон конвенции по Каспию, а также широко освещаются транспортные и иные инфраструктурные проекты, реализуемые при участии этих стран на Каспии. Авторами делается общий вывод о важности стабильности Каспийского региона для Евразии в целом и частные выводы о влиянии подписания конвенции на процессы внутри региона.

Ключевые слова: Каспийский регион, США, ТНК, Турция, Россия, ЕС

Для цитирования: Мельников А.В., Рыжов И.В., Сикираз В.В. 2023. Конвенция по Каспийскому морю в региональной системе международных отношений: интересные стороны и модели сотрудничества. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 801–812. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-801-812

Convention on the Caspian Sea in the Regional System of International Relations: Interests and Models of Cooperation

Anton M. Melnikov ¹, Igor V. Ryzhov ², Vladimir V. Sikirazh ²

¹) Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, 31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia;

²) Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
antonmelnikov2003@gmail.com, ivr@fmo.unn.ru, sikirazh@imomi.unn.ru

Abstract. The article tackles upon the issue of the system of relations between states within the framework of the regional subsystem of international relations of the Caspian region. In the context of the conclusion of the convention on the Caspian Sea, which has various interested parties pursuing integration and disintegration goals within the region, the question arises about the development of international trade and economic cooperation in the context of regional problems. The authors systematize the existing goals and mechanisms of implementation of the Convention on the Caspian Sea among the interested parties, as well as widely publicize transport and other infrastructure projects implemented with the participation of these countries in the Caspian Sea. The authors draw a general conclusion about the importance of the stability of the Caspian region for Eurasia as a whole, and particular conclusion about the impact of the signing of the convention on the processes within the region.

Keywords: Caspian region, USA, TNCs, Turkey, Russia, EU

For citation: Melnikov A.V., Ryzhov I.V., Sikirazh V.V. 2023. Convention on the Caspian Sea in the Regional System of International Relations: Interests and Models of Cooperation. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 801–812 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-801-812

Введение

Регион Каспийского моря представляет собой комплексную подсистему в рамках глобальной системы международных отношений, оказывающую влияние на евразийское пространство и мировые политические процессы. Занимая срединное положение, Каспийский регион представляет собой связующее звено нескольких регионов: Центральная Азия (куда входят Казахстан и Туркмения), Южный Кавказ (Азербайджан), Ближний Восток в широком смысле (Иран), Восточная Европа (Россия). Учитывая географическое положение Каспийского региона, а также наличие моря, логично то, что регион стал одним из пространств, где пересекались и пересекаются основные маршруты из Африки и Европы в Азию.

Важность Каспийского региона обусловлена сосредоточением ряда культур и этносов, его вхождением в систему международной торговли как центрального торгового узла нескольких регионов (Ближний Восток, Центральная Азия, Каспийско-Кавказский) и вовлеченностью в крупные инфраструктурные проекты, как, например, «Один пояс – один путь».

Ключевым в развитии данного региона является установление добрососедских отношений между странами, граничащими с Каспийским морем. Именно благодаря этому возможна реализация крупных проектов по развитию транспортной и экономической системы, способной поистине соединить восток и запад вне морских торговых маршрутов.

Реализация подобного сотрудничества возможна лишь при решении крупных внутрирегиональных противоречий, главным из которых является вопрос о разделе зон Каспийского моря. Таким образом, фокусом данного исследования становится рассмотрение вопроса урегулирования раздела Каспия в рамках «Конвенции по Каспию» и влияние данного документа на внутрирегиональные политические процессы.

Цель исследования – определить интересантов конвенции по регулированию статуса Каспийского моря и проследить основные тенденции их взаимодействия в рамках региональной подсистемы международных отношений.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает региональная подсистема международных отношений Каспийского региона. Методологической основой исследовательской работы является системный метод, который был использован для установления взаимосвязей в комплексе региональных международных отношений Прикаспийского региона между интересантами «Конвенции по Каспию». Типологический метод был необходим при рассмотрении статуса присутствия в регионе различных акторов, а также форматов их взаимодействия с государствами региона в контексте современных международно-политических процессов. Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач при проведении исследования также были использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция. Метод системно-структурного анализа способствовал изучению совокупности интеграционных образований, площадок и проектов в геополитической системе Каспийского региона в контексте вычленения решаемых и решенных вопросов, с одной стороны, перспектив развития взаимовыгодного взаимодействия с региональными и внерегиональными акторами с учетом их межгосударственных отношений и возникающих противоречий – с другой.

Результаты и их обсуждение

Каспийское море на протяжении долгого времени не имело определенного международного статуса, что во многом осложняло внутрирегиональную политическую обстановку. В дополнение к этому богатство углеводородных запасов Каспийского бассейна также стало фактором повышенного интереса как имеющих непосредственную географическую привязку к региону государств, так и тех, что не имеют прямого выхода к данным территориям, но обладают достаточным ресурсным потенциалом и политической волей для воздействия на события, происходящие в Каспийском регионе [Жильцов, 2004, с. 4].

Среди акторов, напрямую вовлеченных в деятельность внутри региона, стоит отметить Российскую Федерацию, США, Европейский союз. Кроме того, Каспий также является зоной пересечения интересов региональных акторов, таких как Турция, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и т. д. [Жильцов, Зонн, 2003, с. 103]. Каждое из этих государств имеет собственные интересы в Каспийском регионе, и потому они являются интересантами конвенции. Однако не все из них заинтересованы в функционировании Каспийского региона как единого пространства ввиду борьбы за свое усиление на международной арене. Более того, некоторые из этих стран прямо или косвенно противодействовали подписанию конвенции, что является также частью политического процесса, предшествовавшего ее подписанию.

Учитывая сложившуюся вокруг подписания конвенции по Каспию геополитическую обстановку и прозрачные интересы стран прикаспийского региона, в данном исследовании авторам хотелось бы сосредоточиться на изучении внешних по отношению к данному региону стран, их мотивов и моделей влияния на различные проекты, реализуемые на Каспии [Головина, Головин, 2023, с. 109].

Внешними по отношению к региону акторами являются в первую очередь США и Европейский союз. Связано это во многом с экономическими и политическими причинами, причем политический аспект носит в большей степени стратегический характер. Каспийский регион является одной из непосредственных зон влияния Российской Федерации. Ввиду обострения отношений между Россией и западными странами Каспий становится зоной, контроль над которой может стать той самой «козырной картой» в рукаве, способной кардинально изменить существующий на данный момент баланс сил в мире [Жильцов, 2004, с. 4]. США напрямую связаны с поддержанием нестабильности в ряде стран региона с целью замедления экономической кооперации. Отмечается высокий уровень нестабильности во внутриполитической обстановке ряда стран региона: Туркменистан, Иран, Азербайджан. Наличие внутриполитической нестабильности и нерешенных вопросов между государствами внутри подсистемы международных отношений успешно эксплуатируется западными странами для реализации собственного внешнеполитического курса [Жильцов, Зонн, 2003, с. 120]. Соединённые Штаты, в отличие от Европейского союза, в большей степени преследуют экономические интересы в регионе, чем политические, в основном продавливая идеи энергетической безопасности. Цель, преследуемая ими, заключается в вытеснении российской нефти (а также нефти ряда ближневосточных стран) с рынков Европы за счет поставок из Азербайджана и Казахстана. Развитие европейской нефтедобывающей промышленности напрямую зависит от появления новых месторождений в пользовании за пределами территории союза, и Каспийский регион с относительно низкой стоимостью добычи представляет для ЕС определенный интерес [Долгушин, Цуканов, Степанова, 2021, с. 361].

Особую роль в формировании т. н. Большого Среднего Востока занимает Турция, влияющая на политические процессы как на Ближнем Востоке, так и в странах постсоветского региона. После распада СССР Турция получила реальный шанс закрепить свое геополитическое влияние в регионе благодаря выгодному положению государства, находящегося как в Европе, так и в Азии. Кроме того, Турция является членом НАТО, имеет

специфическую государственную идеологию, сочетающую светские, европейские идеи и принципы с традиционно-мусульманскими ценностями [Рыжов, Толкачев, 2017, с. 77].

В Каспийском регионе Турция стремится укрепить свое влияние за счет отношений с Россией и Ираном, в большей степени в энергетической сфере¹⁵⁵. Находясь в постоянном лавировании между западным блоком и Россией, Турция как региональный актер не может претендовать в сложившейся ситуации на доминирование в Каспийском регионе [Драбади, 2010, с. 9]. Но тем не менее попытка закрепиться рядом с крупными месторождениями нефти четко прослеживается во внешнеполитической повестке Анкары.

В регионе действует огромное количество крупнейших ТНК из различных стран мира, но в большинстве своем преобладают западные компании, к примеру, такие как французские (Total, Gas de France), британские (British Gas, LASMO plc, British Petroleum Entrapos), американские (Mobil, Chevron Oil, Exxon, Willbroc, Americo International Trading) [Мамедов, 2017, с. 6].

Интересным является тот факт, что изначально выгода работы на Каспийском шельфе была сомнительной. Наплыв западных ТНК показывает нам, что в основе их деятельности лежит в первую очередь геополитический интерес, нежели только соображения экономической выгоды. Говоря об общей характеристике топливно-энергетического комплекса Каспия, мы можем выделить преобладание американских, европейских и китайских корпораций. Данные компании глубоко интегрируются в экономическую среду региона посредством прямых инвестиций и участия в региональных проектах [Кондратьев, 2021, с. 38].

Самой популярной и распространенной системой работы между ТНК и государствами прикаспийского региона является консорциум. Стоит отметить, что самыми открытыми государствами, привлекающими иностранные инвестиции и сотрудничающими с иностранными ТНК, являются Азербайджан и Казахстан. При этом Казахстан уступает позиции Азербайджану, так как имеет более линейный ориентир на торговлю с КНР [Кондратьев, 2021, с. 40].

Авторами систематизируются причины активного вовлечения ТНК в экономической жизни стран Каспийского региона:

1. Богатые запасы углеводородов.
2. Наличие технологий, доступ к которым у прикаспийских государств ограничен.
3. Неопределенный статус Каспийского моря до 2018 года, побуждавший региональных акторов к ускорению экспансии на залежи ресурсов.
4. Каспийское море – зона геополитических интересов западных стран.
5. ТНК на Каспии необходимы коллективному Западу для реализации транспортных потоков нефти и газа в обход России.
6. Лояльность политических элит и желание привлечения прямых инвестиций.

Основной упор в регионе делается на работу ТНК в Азербайджане и Казахстане [Chiragov, Kakachia, 2015, с. 45]. Иран является менее привлекательной площадкой ввиду регуляции и мониторинга нефтегазовой отрасли со стороны государства, а также «жестких правил игры» [Mohsen, 2016, р. 33]. Что касается российской части Каспийского моря, то работа с ТНК идет в рамках сотрудничества, совместных проектов, консорциумов и т. д.

После распада Советского Союза эксплуатации нефтегазовых ресурсов препятствовало отсутствие определенности в отношении статуса Каспийского моря – более того, это серьезно осложняло создание новых и развитие действующих крупных инфраструктурных проектов в регионе, хотя ряд знаковых инициатив в рамках нашего исследования необходимо отметить.

¹⁵⁵ Iran hosting 18th Caspian Sea littoral states ICBC meeting // Tehran Times. 10 June 2019. <https://www.tehrantimes.com/news/436791/Iran-hosting-18th-Caspian-Sea-littoral-states-ICBC-meeting> (accessed: 19.07.2023).

Нефтяной сектор

20 сентября 1994 года состоялось подписание контракта по международному разрабатыванию месторождений Азери, Чираг и Гюнешли в азербайджанском районе Каспийского шельфа и соответствующем разделе добытой продукции. Документ получил в азербайджанских СМИ неофициальное наименование «Контракт века», поскольку, несомненно, явился одной из основ экономики Азербайджана постсоветского периода, равно как является до сих пор крупнейшим примером межгосударственного сотрудничества в акватории Каспия, поскольку заложил основу для будущих нефтяных проектов на Каспии [Багатов, 2019, р. 59]. В консорциуме с приблизительной оценочной стоимостью инвестиций в 7,5 миллиарда долларов на 30 лет приняли участие 11 крупнейших игроков мирового нефтяного рынка (американские Amoco, McDermott, UNOCAL, Exxon, Pennzoil, британские BP, Ramco, азербайджанская SOCAR, российский Лукойл, норвежская Statoil, турецкая TP и саудовская Delta). Была создана соответствующая организационная структура – Руководящий комитет, Азербайджанская международная операционная компания и Консультативный совет. По предварительным оценкам, извлекаемые запасы нефти месторождений Азери, Чираг и Гюнешли составляли порядка 500 миллионов тонн, на основании последующих измерений цифры были установлены в объеме чуть более 1 миллиарда тонн.

Ноябрь 1997 года стал знаменательным – в рамках «контракта» была добыта первая нефть. В последствии в целях растущего спроса и улучшения логистики были созданы и запущены 3 новых нефтепровода:

1) Баку – Новороссийск в 1998 г. (протяженностью 1 330 км);

2) Баку – Супса 1999 г. (800 км), позволивший каспийской нефти выйти на мировые рынки;

3) Баку – Тбилиси – Джейхан в 2002 г. (1 750 км), ставший основным транскаспийским объектом по транспортировке нефти. Был основан при поддержке США в вышеупомянутом проекте.

Возведение трубопровода успешно завершилось в 2005 году, а уже в 2006 году по нему началась транспортировка каспийской нефти в турецкий порт Джейхан, а оттуда – танкерами конечным потребителям [Novikova, 2015, р. 40]. Мажоритарным акционером и оператором магистрали является транснациональная компания BP, а помимо нефти с месторождений Азери – Чираг – Гюнешли по трубам также идет конденсат с месторождения Шах-Дениз, а общая пропускная способность составляет более 1 миллиона баррелей в сутки. С 2008 года нефтепровод прокачивает казахстанскую нефть с каспийского шельфа (месторождение Кашаган), а с 2010 года – и туркменскую.

В сентябре 2017 года в столице Азербайджана состоялось подписание нового базового документа о международной разработке месторождений Азери – Чираг – Гюнешли, в котором приняли участие компании SOCAR, BP, Chevron, IMPEX, Statoil, ExxonMobil, TP, ITOCHU и ONGC Videsh. Основными итогами нового соглашения явились пункты о сохранении за BP статуса проектного оператора и увеличении доли нефтяной гос. корпорации SOCAR с 10 до 25 %, а также инициатива проектирования и постройки новой нефтедобывающей платформы [Shaban, 2018, р. 3].

Главной геополитической целью строительства нефтепровода явилось прокладывание независимого от России пути транспортирования каспийской нефти на мировой рынок, при полной поддержке США и Великобритании, диверсификация экспортных маршрутов, а в конечном итоге – снижение российского влияния в регионе.

Транскаспийский нефтепровод

Идея строительства Транскаспийского нефтепровода берет свое начало еще во второй половине 1990-х годов, когда американская администрация Клинтона выдвину-

ла в 1998 году «Инициативу Транскаспийского энергетического транспортного коридора Восток – Запад». Амбициозный маршрут экспорта каспийской нефти Актау – Баку – Тбилиси – Джейхан должен был простираться от Казахстана до восточного Средиземноморья. 16 июня 2006 года лидеры Азербайджана и Туркменистана подписали рамочное соглашение об инициации проекта Транскаспийского нефтепровода. А в апреле 2007 года был подписан меморандум о перекачке по трубопроводу Актау – Баку, добытой на казахских месторождениях Кашаган и Тенгиз нефти в Сенгачальский терминал [Karbuz, 2016, p. 64]. По итогу Транскаспийский проект был приостановлен, оставив лишь нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Транскаспийский газопровод

Идея газопровода возникла в конце 90-х гг., когда в 1997 году администрация президента США Клинтона заявила об инициативе создания Транскаспийского газопровода «Восток – Запад» в дополнение к проекту Транскаспийского нефтепровода. Туркменский газ должен был идти в Европу через Каспийское море, Баку, Тбилиси и турецкий Эрзурум вместе с казахстанским газом с месторождений Тенгиз и Актау [Bayramov, 2021, p. 15].

В 1998 году Турция и Туркменистан подписали тридцатилетнее соглашение на транспортировку газа, а Азербайджан, Грузия, Турция и Туркменистан подписали четырехстороннюю Межправительственную декларацию о создании правовой базы для строительства Транскаспийского газопровода. Однако в связи с проблемами финансирования и отсутствием правовой базы по статусу Каспийского моря переговоры прекратились. Не увенчался успехом и широко разрекламированный при поддержке США проект магистрального газопровода «Набукко» (непосредственно не затрагивающий Каспийское море, но связанный с прикаспийскими Туркменией, Ираном и Азербайджаном).

В 2015 году Азербайджан и Туркменистан вновь высказали интерес к проекту Южного газового коридора вместе с Турцией и ЕС, подписав декларацию в Ашхабаде и декларировав важность «равного и взаимовыгодного сотрудничества в деле обеспечения надежных поставок природного газа из Туркменистана в Европу». Однако никаких определенных шагов не последовало, а в декларации было указано, что вопросы строительства газопровода могут быть определены лишь странами, по территориям которых проведен газопровод, при условии, что он соответствует стандартам защиты окружающей среды [Алиева, 2018, с. 22].

Программа «ТРАСЕКА»

Программа технической помощи, направленная на развитие транспортного коридора между Европой и Азией через Черное море, страны Южного Кавказа, Каспийское море и страны Центральной Азии (программа ТРАСЕКА), была принята в мае 1993 года с целью укрепления экономических отношений, торговых и транспортных связей со странами, расположенными вдоль коридора.

Основа работы программы была заложена еще в 1998 году на бакинском саммите между главами государств, по итогам которого был подписан многосторонний договор о развитии транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия». В организацию входят Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Румыния, Таджикистан, Турция, Узбекистан, Украина.

В 1998 году для контроля за реализацией программы была создана Межправительственная комиссия (МПК), в состав которой вошли представители государственных органов стран ТРАСЕКА. Постоянный секретариат МПК находится в Баку. Пред-

ставители государств-членов ТРАСЕКА, называемые национальными секретарями, оказывают ему поддержку.

1-я министерская конференция между государствами Каспия, Черного моря и ЕС завершилась на взаимном согласии сторон в развитии транспортной инфраструктуры в соответствии с европейскими и международными стандартами. Также была отмечена необходимость координированного сотрудничества в секторе безопасности, экологии и экономического развития. По итогам было создано 5 рабочих экспертных групп для регулирования специализированных вопросов в различных транспортных отраслях (авиация, ж/д и т. д.)

Стратегическая цель проекта заключается в укреплении сотрудничества ЕС со странами черноморского и каспийского регионов, а также между странами региона. По возможности заседания рабочих групп проводятся совместно со встречами ТРАСЕКА. На 2-й конференции на уровне министров, которая проводилась в рамках Бакинской инициативы в мае 2006 года, были рассмотрены и приняты разработанные рабочими группами рекомендации по созданию механизма дальнейшего сотрудничества между ЕС и странами-партнерами [Тураева, 2016, с. 129]. К настоящему моменту завершились некоторые проекты в рамках программы ТРАСЕКА, например, инициатива по обучению и переподготовке сотрудников профильных транспортных ведомств стран-участниц, а также проект организации единой системы технической помощи для всех видов перевозок. Ключевыми проблемами, как, собственно, и на момент начала программы, остаются вопросы единого для всех участников тарифа на транспортные перевозки, а также долгие простои грузового транспорта на пограничных и таможенных пунктах досмотра.

Перспективы программы ТРАСЕКА, как представляется, в определяющей степени будут зависеть от реализации китайской стратегической инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей создание т. н. Нового шелкового пути – транспортно-коридора по скорейшему перемещению пассажирских и транспортных потоков из Восточной Азии в Европу. ТРАСЕКА потенциально может представлять собой один из ключевых элементов данной системы, поскольку имеет значительные практические наработки в области трансграничных транспортных перевозок.

Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря

Диалог о создании Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская конвенция) начался в 1995 году. Конвенция служит всеобъемлющей правовой основой, регулирующей сотрудничество в области управления окружающей средой и устойчивыми биоресурсами Каспия, в то время как обязательные соглашения по конкретным проблемам регулируются имплементационными протоколами [Магомед, 2019, с. 184]. В течение 1998–2003 годов было проведено семь региональных совещаний для окончательной доработки текста, правил процедуры и финансовых механизмов Конвенции, которая в итоге была подписана 4 ноября 2003 года и вступила в силу 12 августа 2006 года [Быстрова, 2009, с. 56].

Конвенция, заключенная в Актау, отмечает, что государства, расположенные в прикаспийском регионе, начали новый этап сотрудничества, который стал импульсом для реабилитации упущенных возможностей за десятилетия. На национальном уровне институциональный контекст Конвенции включает в себя различные министерства и научно-исследовательские учреждения, связанные с окружающей средой и рыболовством. Однако отсутствие четкого распределения ролей в координационном механизме, особенно в отношении управления биоресурсами, является основным пробелом. Для эффективного сотрудничества различных министерств были созданы националь-

ные структуры координации и осуществления, которые реализуют двухгодичные Программы для выполнения Конвенции и ее протоколов¹⁵⁶.

Таким образом, отметим, что многостороннее политическое, экономическое, экологическое сотрудничество стран Каспийского региона на протяжении постсоветского этапа развития претерпевало взлеты и падения, периоды активизации и стагнации. При этом в свете подписания Конвенции Актау о статусе Каспийского моря 2018 года представляется, что прибрежные государства уже на основании полноценной нормативно-правовой базы будут способны к разработке и практическому воплощению комплексных многосторонних инициатив, нацеленных на рациональное использование природных ресурсов Каспийского моря, заботу о его экологическом балансе и проведение устойчивой региональной политики при поддержке внерегиональных влиятельных акторов мировой политики.

Заключение

Описывая Каспийский регион как геополитический феномен современности, мы можем отметить, что он отличается высокой степенью участия внешних акторов. Помимо этого, стоит подчеркнуть, что регион богат углеводородами, что непосредственно влияет на взаимоотношения между региональными акторами и в то же время становится фактором привлечения внимания со стороны крупных транснациональных корпораций и геополитических гигантов, таких как США, ЕС и т. д.

Отдельно выделим следующие результаты исследования:

– во-первых, по мнению ряда экспертов, подписание «Конвенции по Каспию» не означает прекращение геополитической борьбы и противостояния в регионе. Такие международные акторы, как США и ЕС, например, стремившиеся поэтапно не допустить подписание, ратификацию конвенции, будут напрямую заинтересованы в ее неработоспособности, реализуя широкий спектр технологий по дезинтеграции сформировавшегося сообщества, по продвижению собственных интересов; соответственно, и страны Каспия, а также сопредельных регионов, реагируя на предложения внерегиональных игроков, решая национальные задачи порой посредством конфликтов с соседями, также вносили свою лепту в ситуацию турбулентности международно-политических процессов в регионе;

– во-вторых, как было сказано выше, Каспийский регион является территорией пересечения интересов и других стран, что также может вызвать возникновение конфликтных вопросов и пространств, угрожая достигнутым договоренностям;

– в-третьих, являясь результатом развития интеграционных процессов, «Конвенция по Каспию» актуализирует тему выработки и реализации эффективных технологий по упрочению международных связей, развития взаимовыгодных отношений, реализации совместных проектов с целью сопряжения интересов и конструктивного разрешения спорных моментов.

Основополагающей проблемой, определявшей на протяжении двух десятилетий основные тенденции внутри регионального развития, являлась неопределенность международно-правового статуса Каспийского моря. На протяжении долгого времени дипломатическая борьба за контроль над Каспием тормозила развитие региона, что явно отразилось на российской части Каспийского моря. Российские территории Каспия отличаются низким уровнем развития, нестабильной внутривнутриполитической обстановкой и высоким уровнем риска внутренних конфликтов.

Ведущими вопросами, стоящими на международной повестке дня относительно Каспийского региона, являются вопросы безопасности. В первую очередь данный вопрос актуален для Российской Федерации. В период активного развития геополитической стра-

¹⁵⁶ Caspian Sea – Results // International waters learning exchange & resource network. <https://iwlearn.net/iw-projects/basins/910/results> (accessed: 19.07.2023).

тегии государства Россия сталкивается с внешним давлением, призванным подорвать растущие политические амбиции государства в региональном и мировом масштабах. В первую очередь безопасность государства подвергается испытанию со стороны бывших союзных республик, меняющих вектор своих политических предпочтений в сторону западного блока. Стоит отметить, что подписание конвенции об особом статусе Каспийского моря во многом стало фактором укрепления политического влияния России как в Каспийском, так и в Ближневосточном регионах.

В заключении мы приходим к тому, что Каспий на данный момент представляет собой одну из зон противодействия крупных геополитических игроков. В работах большого числа ученых, как отечественных, так и зарубежных, регион представлен как ключевая точка в вопросе обеспечения влияния над Евразией в целом. С нашей точки зрения, данные предположения имеют основания быть принятыми за истину ввиду того, что экономическая и геополитическая ценность региона в современном мире предельно высока.

Список источников

- Caspian Sea – Results // International waters learning exchange & resource network. <https://iwlearn.net/iw-projects/basins/910/results> (accessed: 19.07.2023).
- Iran hosting 18th Caspian Sea littoral states ICBC meeting // Tehran Times. 10 June 2019. <https://www.tehrantimes.com/news/436791/Iran-hosting-18th-Caspian-Sea-littoral-states-ICBC-meeting> (accessed: 19.07.2023).

Список литературы

- Абдуллаев И.И. 2015. Проблемы безопасности в Каспийском регионе в контексте изменения геополитической ситуации. Проблемы постсоветского пространства, 4: 84.
- Алиева С. 2018. Статус Каспийского моря. Долгожданная конвенция. EaPThinkBridge, 4: 22.
- Быстрова А.К. 2009. Проблемы транспортной инфраструктуры и экологии в Каспийском регионе. М., ИМЭМО РАН, 2009, 56.
- Головина Е.Е., Головин В.Г. 2023. Геополитический и экономический ландшафт Большого Каспийского региона. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 1 (74): 107–111. <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskiy-i-ekonomicheskij-landshaft-bolshogo-kaspiyskogo-regiona> (accessed: 23.07.2023).
- Дарабади П. 2010. Каспийский регион в международно-геополитической системе начала XXI века. Кавказ и глобализация. 4: 1–2, 10.
- Долгушин А.Б. Цуканов А.А. Степанова А.А. 2021. Концепция стратегии устойчивого развития каспийского региона. Московский экономический журнал, 11: 356–376. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-strategii-ustoychivogo-razvitiya-kaspiyskogo-regiona> (accessed: 23.07.2023).
- Жильцов С.С. 2004. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений. Диссертация д-ра полит. наук. 4.
- Жильцов С.С., Зонн И.С. 2003. Стратегия США в Каспийском регионе. М., Эдель-М., 200.
- Кондратьев В.В. 2021. Политико-правовые основы формирования системы коллективной безопасности в Каспийском регионе. Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Астраханский государственный университет, 37–47.
- Магомед Г.К. 2019. О межгосударственном сотрудничестве прикаспийских государств в условиях деградации экосистемы Каспийского моря. Закон и право, 2: 183–185. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mezhgosudarstvennom-sotrudnichestve-prikaspiyskih-gosudarstv-v-usloviyah-degradatsii-ekosistemy-kaspiyskogo-morya> (accessed: 19.07.2023).
- Мамедов И.Б. 2017. Влияние транснациональных корпораций на формирование энергетической политики стран Каспийского региона. Кандидатская диссертация. М., МГУ, 142.
- Рыжов И.В. Толкачев В.В. 2017. Проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона в контексте конфликтов на ближнем востоке (2003–2016 гг.). Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2 (51): С. 75–82.

- Тураева М.О. 2016. Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии. Мир перемен, 1: 129.
- Agha Bayramov. 2021. Conflict, cooperation or competition in the Caspian Sea region: A critical review of the New Great Game paradigm. *Caucasus Survey* (9), p. 1–21. https://brill.com/view/journals/casu/9/1/article-p1_1.xml (accessed: 17.07.2023).
- Bayramov A. 2019. Great Game Visions and the Reality of Cooperation around Post-Soviet Transnational Infrastructure Projects in the Caspian Sea Region. *East European Politics*, 35 (2): P. 159.
- Fuad Chiragov Kornely Kakachia. 2015. The South Caucasus: Between Integration and Fragmentation. SAM. https://aei.pitt.edu/64200/1/pub_5598_the_south_caucasus_-_between_integration_and_fragmentation.pdf (accessed: 17.07.2023).
- Karbuz S. 2016. The legal status of the Caspian Sea: implications on Caspian resources development and transport. *Energy policy Turkey*, 2: 64. <https://dergipark.org.tr/en/pub/ept/issue/31246/340325> (accessed: 28.06.2023).
- Mohsen, M. 2016. Iran in a Reconnecting Eurasia. Foreign Economic and Security Interests. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. CSIS, 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-reconnecting-eurasia> (accessed: 28.06.2023).
- Nasirov, E. Iskandarov, K. 2017. The South Caucasus: A playground between NATO and Russia? *Connections: The Quarterly Journal*. 16: 47–56. 10.11610/Connections.16.3.03. P. 47–56. <https://www.pfp-consortium.org/articles/south-caucasus-playground-between-nato-and-russia> (accessed: 28.06.2023).
- Novikova, Gayane. 2015. The South Caucasus Between Russia and the West: How Pragmatic are the Stakeholders' Approaches? *Connections: The Quarterly Journal*. 14. 37–50. 10.11610/Connections.14.2.03, 37–50. <https://www.pfp-consortium.org/articles/south-caucasus-between-russia-and-west-how-pragmatic-are-stakeholders-approaches> (accessed: 28.06.2023).
- Shaban I. 2018. Baku-Tbilisi-Ceyhan Oil Pipeline Will Increase Shipment of Turkmen Oil to World Markets. *Caspian Barrel*. 27 April 2018. <http://caspiabarrel.org/en/2018/04/baku-tbilisi-ceyhan-oil-pipeline-will-increase-shipment-of-turkmen-oil-to-world-markets/> (accessed: 28.06.2023).

References

- Abdullaev I.I. 2015. Problemy bezopasnosti v Kaspijskom regione v kontekste izmeneniya geopoliticheskoy situacii [Security problems in the Caspian region in the context of the changing geopolitical situation]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 4: 84 (in Russian).
- Alieva S. 2018. Status Kaspijskogo morja. Dolgozhdannaja konvencija [The status of the Caspian Sea. The long-awaited convention]. *EaPThinkBridge*, 4: 22 (in Russian).
- Bystrova A.K. 2009. Problemy transportnoj infrastruktury i jekologii v Kaspijskom regione [Problems of transport infrastructure and ecology in the Caspian region]. M., IMEMO RAS P. 56 (in Russian).
- Golovina E.E., Golovin V.G. 2023. Geopoliticheskij i jekonomicheskij landshaft Bol'shogo Kaspijskogo regiona. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura [The geopolitical and economic landscape of the Greater Caspian region], 1: (74). 107–111. <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskij-i-ekonomicheskij-landshaft-bolshogo-kaspijskogo-regiona> (accessed: 23.07.2023) (in Russian).
- Darabadi P. 2010. Kaspijskij region v mezhdunarodno-geopoliticheskoy sisteme nachala XXI veka [The Caspian region in the international geopolitical system of the beginning of the XXI century]. *Kavkaz i globalizacija*, 4 (1–2), 10 (in Russian).
- Dolgushin A.B. Cukanov A.A. Stepanova A.A. 2021. Konceptcija strategii ustojchivogo razvitija kaspijskogo regiona [The concept of the strategy of sustainable development of the Caspian region]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*, 11: 56–376. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-strategii-ustoychivogo-razvitiya-kaspijskogo-regiona> (accessed: 23.07.2023) (in Russian).
- Zhil'cov S.S. 2004. Kaspijskij region kak geopoliticheskaja problema sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij [The Caspian region as a geopolitical problem of modern international relations]. Diss. d-ra polit. nauk, 4 (in Russian).
- Zhil'cov S.S., Zonn I.S. 2003. Strategija SShA v Kaspijskom regione [U.S. strategy in the Caspian region]. M., Jedel'-M, 200 (in Russian).

- Kondrat'ev, V.V. 2021. Politiko-pravovye osnovy formirovaniya sistemy kollektivnoj bezopasnosti v Kaspijskom regione [Political and legal bases for the formation of a collective security system in the Caspian region]. Problemy kompleksnoj bezopasnosti Kaspijskogo makroregiona: Sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, Izdatel'skij dom "Astrahanskij universitet", 37–47 (in Russian).
- Magomed G.K. 2019. O mezghosudarstvennom sotrudnichestve prikaspijskih gosudarstv v uslovijah degradacii jekosistemy Kaspijskogo morja [On interstate cooperation of the Caspian littoral States in the conditions of degradation of the Caspian Sea ecosystem]. Zakon i pravo, (2), 183–185. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mezghosudarstvennom-sotrudnichestve-prikaspijskih-gosudarstv-v-usloviyah-degradatsii-ekosistemy-kaspiyskogo-morya> (accessed: 19.07.2023) (in Russian).
- Mamedov I.B. 2017. Vlijanie transnacional'nyh korporacij na formirovanie jenergeticheskoj politiki stran Kaspijskogo regiona [The influence of transnational corporations on the formation of the energy policy of the countries of the Caspian region]. Kandidatskaja dissertacija. MSU, 142 (in Russian).
- Ryzhov I.V. Tolkachev V.V. 2017. Problemy obespechenija bezopasnosti Kaspijskogo regiona v kontekste konfliktov na blizhnem vostoке (2003–2016 gg.) [Problems of ensuring the security of the Caspian region in the context of conflicts in the Middle East (2003–2016)]. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura, 2 (51), p. 75–82 (in Russian).
- Turaeva M.O. 2016. Transportno-infrastrukturnye proekty v Evrazii [Transport and infrastructure projects in Eurasia]. Mir peremen, 1: 129 (in Russian).
- Bayramov A. 2019. Great Game Visions and the Reality of Cooperation around Post-Soviet Transnational Infrastructure Projects in the Caspian Sea Region. East European Politics, 35 (2): P. 159.
- Fuad Chiragov Kornely Kakachia. 2015. The South Caucasus: Between Integration and Fragmentation. SAM. https://aei.pitt.edu/64200/1/pub_5598_the_south_caucasus_-_between_integration_and_fragmentation.pdf (accessed: 17.07.2023).
- Karbus S. 2016. The legal status of the Caspian Sea: implications on Caspian resources development and transport. Energy policy Turkey, 2: 64. <https://dergipark.org.tr/en/pub/ept/issue/31246/340325> (accessed: 28.06.2023).
- Mohsen, M. 2016. Iran in a Reconnecting Eurasia. Foreign Economic and Security Interests. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. CSIS, 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-reconnecting-eurasia> (accessed: 28.06.2023).
- Nasirov, E. Iskandarov, K. 2017. The South Caucasus: A playground between NATO and Russia? Connections: The Quarterly Journal. 16: 47–56. 10.11610/Connections.16.3.03. P. 47–56. <https://www.pfp-consortium.org/articles/south-caucasus-playground-between-nato-and-russia> (accessed: 28.06.2023).
- Novikova, Gayane. 2015. The South Caucasus Between Russia and the West: How Pragmatic are the Stakeholders' Approaches? Connections: The Quarterly Journal. 14. 37–50. 10.11610/Connections.14.2.03, 37–50. <https://www.pfp-consortium.org/articles/south-caucasus-between-russia-and-west-how-pragmatic-are-stakeholders-approaches> (accessed: 28.06.2023).
- Shaban I. 2018. Baku-Tbilisi-Ceyhan Oil Pipeline Will Increase Shipment of Turkmen Oil to World Markets. Caspian Barrel. 27 April 2018. <http://caspianbarrel.org/en/2018/04/baku-tbilisi-ceyhan-oil-pipeline-will-increase-shipment-of-turkmen-oil-to-world-markets/> (accessed: 28.06.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 30.06.2023

Received: 30.06.2023

Поступила после рецензирования: 20.07.2023

Revised: 20.07.2023

Принята к публикации: 10.08.2023

Accepted: 10.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельников Антон Владимирович, бакалавр Высшей школы международных отношений, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9906-1887](https://orcid.org/0000-0002-9906-1887)

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6417-1517](https://orcid.org/0000-0002-6417-1517)

Сикираз Владимир Владимирович, младший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1744-4073](https://orcid.org/0000-0003-1744-4073)

Anton V. Melnikov, bachelor the Higher School of International Relations, Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

Igor V. Ryzhov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory “Study of World and Regional socio-political processes”, Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

Vladimir V. Sikirazh, Junior researcher Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky», Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 328.184

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-813-821

Оригинальное исследование

Позиция групп интересов по проблеме регулирования лоббизма в странах Латинской Америки

Закиров А.Р. , Зарипова А.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: azr12353@gmail.com, aigulzaripova@gmail.com

Аннотация. Проблема правового регулирования лоббистской деятельности является характерной чертой государств с развивающейся экономикой. В числе государств, которые столкнулись с проблемой институционализации лоббизма, страны Латинской Америки. Лоббистская деятельность, будучи неотъемлемой частью рыночных отношений, затрагивает интересы различных социальных групп, которые, в свою очередь, могут влиять на темпы закрепления формальных институтов лоббизма. Усиливающийся в странах Латинской Америки общественный запрос на прозрачность и подотчетность органов государственной власти делает проблему регулирования лоббирования острой темой общественной дискуссии и предметом споров различных политических сил и групп интересов. Данное исследование направлено на выявление позиций ключевых групп интересов по вопросу формализации лоббистской деятельности в Латинской Америке. В ходе исследования раскрываются взгляды основных групп интересов на переход от неформальных практик к правовому регулированию лоббизма в государствах региона. Включение в число групп интересов по данному вопросу не только лиц, принимающих политические решения, но и широких общественных слоев позволяет охарактеризовать влияние социально-политических сил на процесс институционализации лоббизма в Латинской Америке.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, институционализация, общественные интересы, Латинская Америка

Для цитирования: Закиров А.Р., Зарипова А.Р. 2023. Позиция групп интересов по проблеме регулирования лоббизма в странах Латинской Америки. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 813–821. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-813-821

Interest Groups' Attitude Towards Lobbying Regulation in Latin America

Aidar R. Zakirov , Aigul R. Zaripova

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Tatarstan, Russia
E-mail: azr12353@gmail.com, aigulzaripova@gmail.com

Abstract. The lobbying regulation issue activities is a characteristic feature of emerging economies. Latin America have faced with the problem of lobbying institutionalization. Lobbying as an integral part of free market affects the interests of various social groups. They, in turn, can influence on consolidation of formal lobbying institutions. The growing public demand for transparency and accountability of public authorities in Latin America makes the lobbying regulation issue an acute topic of public discussion and a subject of controversy between various political forces and interest groups. This study is aimed at identifying the key interest groups' attitude towards the issue of formalizing lobbying in Latin America. The study reveals the views of the main interest groups on the transition informal practices to the legal regulation of lobbying in the region. The inclusion of political decision-makers and general public in the

number of interest groups make it possible to characterize the influence of socio-political forces on the process of lobbying institutionalization in Latin America.

Keywords: lobbying, interest groups, institutionalization, public interest, Latin America

For citation: Zakirov A.R., Zaripova A.R. 2023. Interest Groups' Attitude Towards Lobbying Regulation in Latin America. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 813–821 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-813-821

Введение

Страны Латинской Америки переживают активную фазу встраивания существующих форм взаимодействия государственных и бизнес-акторов в формальные институциональные рамки. Общественный запрос, возникший в результате режимных трансформаций и формирования демократических институтов в регионе, послужил толчком к началу дискуссии о необходимости регулирования лоббизма. Несмотря на широкую поддержку со стороны гражданского общества, инициативы по внедрению системы контроля лоббизма столкнулись со значительными проблемами на этапе создания закона или на этапе реализации принятых норм. Неравномерность данного процесса вынуждает исследователей пристально следить не только за законотворческими успехами стран Латинской Америки в сфере лоббизма, но и уделить внимание позиции акторов, определяющих траекторию законодательного регулирования коммуникаций представителей власти и бизнеса.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является влияние групп интересов на процесс институционализации лоббизма в странах Латинской Америки. Исследование выполнено в рамках неинституционального подхода, который позволяет рассматривать лоббизм через призму институциональных процессов. В отличие от классического институционализма неинституциональный подход оценивает как формальные, так и неформальные правила и практики лоббистской деятельности. Институты в данном случае рассматриваются не только как структурные организации, но и правила взаимодействия акторов, направленные на снижение издержек и достижение предсказуемого результата.

Метод сравнительного анализа позволяет выявить особенности институционализации лоббизма и степень влияния групп интересов на данный процесс в регионе.

Результаты и их обсуждение

Когда речь идет о странах Латинской Америки, завершивших режимные трансформации, но еще находящихся на стадии консолидации демократических институтов, проблема представительства лоббистских групп и их равного доступа к процессу принятия политических решений остается все еще актуальной [Greenwood, Thomas, 1998].

Особенности регионального развития и специфика политических систем, сформировавшихся в данном регионе на рубеже веков, оказывают значительное влияние на запросы акторов. В частности, противостояние закрытой политической элиты, которая не отказалась от неформальных политических практик, с одной стороны, и общества с высоким уровнем социально-экономического расслоения и низким уровнем доверия к политическим структурам – с другой, определяет темпы институционализации лоббизма в регионе. Как отмечают исследователи, «господство персонализма и неформальных политических институтов в политической культуре порождает клиентелизм и другие формы партикуляризма, затрудняя закрепление формальных политических институциональных отношений» [Cristina et al., 2017, p. 407].

Ситуация усугубляется коррупцией, часто очень явно проявляющейся в политической жизни государств Латинской Америки. Это показал конфликт интересов в Чили с участием сына президента Мишель Бачелет и коррупционный скандал с участием бразильской национальной нефтяной компании Petrobrás, последствием которого стал импичмент президента.

Авторитарное прошлое и незрелые демократические институты также накладывают свой отпечаток на применяемых моделях регулирования лоббизма в Латинской Америке. В регионе существуют страны, опережающие своих соседей в темпах институционализации лоббизма. Инициативы в отношении регулирования лоббизма наблюдаются в Бразилии, Мексике, Перу, Чили и в ряде других государств. Именно этим странам удалось от общественно-политических дискуссий перейти к реальным шагам по регулированию неформальной лоббистской деятельности. Тем не менее масштабы регулирования деятельности лоббистов в указанных кейсах сильно разнятся. Колумбия и Мексика ограничились введением норм, не равносильных закону о лоббистской деятельности. Так, в Мексике лоббизм урегулирован только в рамках законодательной ветви власти и упоминается в Регламентах Палаты депутатов (Раздел 8, Глава 3) [Reglamento de la Camara] и Сената (Раздел 9, глава 8) [Reglamento del Senado]. В свою очередь, в Колумбии соответствующие нормы включены в Закон о борьбе с коррупцией (Глава 4, ст. 61). Регулирование лоббизма в данном случае ограничивается «возможностью компетентных органов потребовать дополнительную информацию, относящуюся к преступному действию или дисциплинарному проступку» [Estatuto anticorrupcion].

Полноценные законы о лоббизме, распространяющиеся на все публичные институты, были приняты только в Перу и Чили. В Чили на результаты правового регулирования лоббизма накладывала отпечаток необходимость учета интересов как бизнес-акторов, так и представителей политической власти. Поиск компромисса оказал влияние на итоговый проект закона. В частности, отсутствие четкой формулировки в определении лоббизма, добровольный характер регистрации итераций лоббистов и государственных служащих, отсутствие конкретных санкций за несоблюдение норм поставили под сомнение эффективность такого регулирования [Закиров, Зарипова, 2022, с. 98].

Принятый задолго до чилийского закон о лоббизме в Перу отличается большей точностью формулировок и конкретными требованиями к субъектам и объектам лоббизма. Однако именно это затруднило его применимость на практике. Конкретизация и довольно узкое понимание лоббистской деятельности привело к тому, что возникшие за последние 20 лет новые практики лоббизма фактически не попадают под действие этого закона.

Еще одной латиноамериканской страной, которая продемонстрировала заинтересованность в формальном регулировании лоббизма, стала Бразилия. Несмотря на многолетние дискуссии в федеральном парламенте, процесс законодательного регулирования лоббистской деятельности по сей день находится на начальной стадии. Споры о регулировании ведутся с 1984 г., когда был представлен первый законопроект в этой области. К 2015 г. было предложено по меньшей мере 17 законодательных инициатив, которые так и не удалось принять [Cunha, Santos, 2015]. Однако коррупционные скандалы возобновили дебаты по данному вопросу с новой силой.

Несмотря на отсутствие полноценного закона о лоббистской деятельности, в Бразилии существуют нормы, которые косвенно затрагивают деятельность лоббистов. Активность любых групп интересов и сил, продвигающих их позицию, осуществляется на основании пункта XXXIV, статьи 5 Конституции Бразилии, которая дает каждому право представлять свои интересы и выступать против незаконных и злоупотреблений властью [Brazil's Constitution]. Право на подачу петиции гарантирует, что требования и просьбы каждого гражданина рассматриваются органами государственной власти. Положение конституции дополняют отдельные нормы, регулирующие взаимодействие государственного

и частного сектора. На практике эти правовые нормы не могут оказывать существенного влияния на лоббистскую деятельность без проведения структурных преобразований и расширения обязательств лиц, принимающих решения [Farhat, 2007, p. 67]. Эту проблему можно преодолеть путем разработки полноценного закона, включающего все существующие правила лоббирования.

Такое положение дел в рассматриваемых государствах только усиливает общественный запрос на прозрачность и подотчетность. Следовательно, проблема регулирования лоббирования не покидает повестку дня, оставаясь острой темой общественной дискуссии и предметом споров различных политических сил.

Когда речь заходит о странах Латинской Америки, важно отметить ряд особенностей. Группы интересов, выступающие с требованием создания правовых рамок деятельности лоббистов, объединяет только стремление реформировать данную сферу. Принципиально затрудняют разработку норм различия акторов в мотивации и видении траекторий развития законодательства в данной сфере, что становится источником споров и разногласий сторон. Давление с целью принятия или реформирования законов о лоббировании исходит из нескольких источников: общественности, средств массовой информации, иностранных и национальных корпораций, представителей государственных органов власти и общественных движений. Рассмотрим позиции и запросы акторов, продвигающих тему регулирования лоббизма в политической повестке.

Интерес широких масс к проблеме связан в первую очередь с тем, что регулирование лоббирования рассматривается как важный аспект управления социально-политической жизнью общества.

Среди представителей среднего класса и других образованных слоев общества существует общее мнение, что регулирование лоббизма может положить конец коррупции или, по крайней мере, существенно уменьшить ее проявления [McGrath, 2008]. Опросы таких организаций, как Transparency International и Latinobarometer, показывают, что население Латинской Америки отмечает среди главных проблем государств высокую степень коррупции и ее сильное влияние на политико-экономический процесс. Например, 58 % населения региона, по данным Transparency International, думают, что принятие решений в государстве напрямую связано с получением взяток. При этом 61 % опрошенных воспринимают антикоррупционные меры, принятые их правительствами, как неэффективные. Этот показатель выше, чем в среднем по миру, который составляет 56 % [Transparency International, 2009].

Поэтому в Латинской Америке сегодня существует широкая политическая поддержка регулирования лоббирования. Общественный интерес к проблеме контроля лоббизма подогревается сообщениями в СМИ, которые активно продвигают эту тему в повестке, акцентируя внимание на коррупционных скандалах. Создается обстановка, в которой любое принятое политическое решение рассматривается общественностью как коррупционное влияние крупных экономических игроков на политическую элиту. Согласно опросу Latinobarometer, проведенному в 2018 г., 80 % опрошенных в регионе считают, что несколько влиятельных групп направляют политический курс в русле своих интересов [Engel, 2018]. Такое восприятие ситуации способствует делигитимации правительства, ослабляет поддержку реформ и снижает уровень доверия к властям [Hrebencar, Thomas, 2008].

Отдельного рассмотрения заслуживает позиция бизнес-акторов, на чью деятельность непосредственно оказывает влияние регулирование лоббизма. Крупные национальные бизнес-акторы, сформировавшие тесные и устойчивые связи с политической элитой, поддерживают статус кво. Например, за долгие годы существования колумбийская компания Grupo Santo Domingo установила тесные контакты с государственными структурами. Поддержка со стороны государства и реализация протекционистских мер превратили

крупную пивоваренную компанию страны в экономический конгломерат, охвативший большую долю телекоммуникаций в стране [Castaneda, 2018].

Крупные бизнес-акторы предпочитают поддерживать неформальные контакты, формировавшиеся на протяжении десятилетий, и не являются сторонниками реформирования этой системы, в отличие от иностранных корпораций. Для них принятие законов о лоббировании означает упрощение выхода на рынки региона и снижение издержек в их деятельности. А поддержка прозрачности и честной конкуренции способствует укреплению их позитивного имиджа среди общественности.

Интересным фактом является то, что структуры, профессионально занимающиеся продвижением интересов бизнеса в органах государственной власти, также являются сторонниками формализованного подхода к лоббизму. Число таких организаций растет во многом благодаря тому, что крупные компании предпочитают лоббировать свои интересы не напрямую, опасаясь репутационных издержек, а через посредников. «Самопредставительство частных компаний может легко интерпретироваться обществом как защита сугубо частных интересов в противовес общественным» [Santos, 2018, p. 141].

Именно такие крупные игроки в сфере лоббизма намерены создать четкие правила игры и выступают сторонниками формализации своей деятельности. Заняв нишу «правильных лоббистов», они стремятся снизить возможность возникновения коррупционного скандала и сохранить репутации всех участников процесса. В качестве примера рассмотрим структуру ABRIG, деятельность которой охватывает все штаты Бразилии и разные сектора экономики. Она выступила с инициативой по созданию этического кодекса (первый пример саморегулирования лоббирования в стране), также провела широкую кампанию по расширению своего членства и организовала ряд мероприятий в поддержку регулирования лоббирования [ABRIG].

ABRIG при поддержке других лоббистских организаций требует общественного признания своей деятельности. Результатом их усилий стало то, что с 19 февраля 2018 г. лоббисты получили официальное признание путем включения термина «специалист по правительственным отношениям» в реестр Бразильской классификации профессий [Classificação brasileira]. Еще одним направлением деятельности ABRIG стала работа по позитивному позиционированию лоббирования в общественном сознании. Поскольку термин «лобби» имеет негативную коннотацию, профессионалы ищут более подходящий термин, например, специалист по связям с государством (GR). Также организация уделяет внимание подготовке будущих профессиональных кадров. Ведущие учебные заведения Бразилии (FGV – Фонд Жетулиу Варгаса, Ibmec – Бразильский институт рынков капитала, Uniceub – Университетский центр Бразилии) внедрили учебные программы по подготовке GR-специалистов. Все эти меры, направленные на переход лоббизма из серой зоны в публичное поле, способствуют формированию образа лоббистов как посредников, общение с которыми не грозит бизнесу и власти репутационными рисками.

Несмотря на все гражданские инициативы в вопросе регулирования лоббизма решающий голос остается за политической элитой. Предпринимаемые государством меры по борьбе с коррупцией и, как следствие, ограничение лоббистской деятельности является побочным проявлением стремления восстановить доверие населения к правительству, веру в эффективность политической системы [Costa, Santos, 2012, p. 381]. Инициативность государственных органов власти в вопросах регулирования лоббизма связана с желанием заручиться поддержкой со стороны гражданского общества и легитимизировать свои будущие решения.

Опрос, проведенный в Бразилии в 2007 году среди 60 членов парламента и 60 высокопоставленных правительственных чиновников, показал, что государственные служащие, которых может затронуть закон о лоббизме, поддержали его. По мнению

47,5 % респондентов, лоббирование должно регулироваться и перестать ассоциироваться с коррупцией, конфликтом интересов и злоупотреблением служебным положением.

Также результаты опроса указывают на позитивные ожидания государственных служащих от регулирования данной сферы. 66,1 % респондентов считают, что закон внесет решающий вклад в снижение коррупции и сделает отношения между заинтересованными группами, политиками и чиновниками более прозрачными. Тогда как 33,9 % респондентов считают, что регулирование не будет иметь большого эффекта, потому что создаст барьеры для представительства групп интересов [Costa, Santos, 2012, p.383].

Оценивая предпринимаемые государствами Латинской Америки меры в сфере регулирования лоббизма, отметим, что они остаются поверхностными и не оказывают существенного влияния на ситуацию. Причина может быть в укоренившейся среди государственных служащих ориентации на личные интересы политической элиты [Scartascini, 2011]. Большинство выборных должностных лиц поддерживают такие законы неохотно и только под давлением общественности. Сопrotивление политических элит реформированию связано с тем, что внедрение новых регуляторов грозит изменением сложившихся форм взаимодействия и утратой политического влияния [Greenwood, Thomas, 2004]. Также неэффективность принятых норм может быть связана не только с личной незаинтересованностью лиц, принимающих решения, но и с внедрением решений, грубо скопированных с других стран без учета национального контекста.

Заключение

Регулирование лоббирования является предметом дискуссий в латиноамериканских странах. Сегодня лоббизм – это деятельность, затрагивающая интересы не только государственных и крупных экономических акторов, но и широких общественных масс. Поэтому создание четких формальных правил и обеспечение прозрачности в работе лоббистских акторов является общественно значимым вопросом. Эта проблема приобретает особое значение для латиноамериканского общества, регулярно сталкивающегося с проявлениями коррупции и неэффективности государственного администрирования. Всё вышесказанное побуждает государства Латинской Америки предпринимать меры по регулированию лоббизма.

Несмотря на продолжительность процесса институционализации лоббизма, страны Латинской Америки находятся на начальном этапе закрепления формальных норм. Эта сфера либо существует вне правового поля, либо регулируются только ее отдельные аспекты, что существенно снижает значение достигнутых успехов.

Медленные темпы внедрения реформ связаны в первую очередь со слабой мотивацией основных участников данного процесса. Крупные бизнес-акторы и политическая элита стремятся сохранить существовавшие долгие годы «надежные» практики взаимодействия, контроль и политическое влияние. Внимание со стороны СМИ и общественности к громким коррупционным скандалам вынуждает государственных акторов учитывать репутационные издержки и разрабатывать такие механизмы лоббизма, которые будут компромиссными для всех сторон.

При оценке участия ключевых групп интересов в развитии темы лоббирования невозможно игнорировать роль самих лоббистских структур. В случае латиноамериканских стран именно они вносят огромный вклад в выстраивание гармоничных и общественно одобряемых отношений между властью и бизнесом, а также способствуют продвижению в повестке темы правового регулирования своей деятельности. Они стремятся за счет формализации данной сферы закрепиться в нише, легализовать свою деятельность и создать понятные правила игры.

Сегодня проблема лоббизма вышла за пределы поля интересов лиц, задействованных напрямую в лоббистском процессе. Включение широких социальных групп и их ин-

терес к данному вопросу способствует ускорению перехода основных акторов от неформальных лоббистских практик к упорядоченной деятельности в рамках правового поля.

Список литературы

- Закиров А.Р., Зарипова А.Р. 2022. Институционализация отношений власти и бизнеса в странах Латинской Америки. Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение, 39: 92–100. doi 10.26516/2073-3380.2022.39.92
- ABRIG Associação Brasileira de Relações Institucionais e Governamentais [Brazilian Association of Institutional and Governmental Relations]. URL: <https://abrig.org.br/> (accessed: 01.08.2023).
- Brazil's Constitution of 1988 with Amendments through 2017. URL https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017.pdf?lang=en (accessed : 01.08.2023).
- Castaneda N. 2018. Business Interest Groups and Policymaking in Latin America. In: Riggiozzi P., Wylde C. Handbook of South American Governance. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1551549/1/businessdraft.pdf> (accessed: 01.08.2023).
- Classificacao brasileira de ocupacoes [Brazilian classification of occupations]. URL <http://www.mtecbo.gov.br/cbsite/pages/informacoesGerais.jsf;jsessionid=H8mYrrQ1fZIE76OGD7SVPQOiAzbQDaYYibYKoXNv.CBO-SLV04:mte-cbo> (accessed: 01.08.2023).
- Costa P.M., Santos L.A. 2012. The contribution of lobby regulation initiatives in addressing political corruption in Latin America. Journal of Public Affairs, 14, Is. 3–4: 379–391. doi 10.1002/pa.432
- Cristina A., Gozetto O., Thomas C.S. 2017. Public Affairs in Latin America: The Gradual and Uneven Formalization of a Long-Time Informal Activity. In: Harris P.; Fleisher C.S. The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs. California, SAGE Publication Ltd: 405–421.
- Cunha L., Santos M.L. 2015. Propostas de regulamentação do lobby no Brasil: uma análise comparada. Texto para Discussão [Proposals for Lobbying Regulation in Brazil: A Comparative Analysis. Text for Discussion]. URL: https://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/4374/1/td_2094.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Engel E. 2018. Report of the Expert Advisory Group on Anti-Corruption, Transparency, and Integrity in Latin America and the Caribbean. URL: https://publications.iadb.org/en/report-expert-advisory-group-anti-corruption-transparency-and-integrity-latin-america-and-caribbean_ (accessed : 01.08.2023).
- Estatuto anticorrupcion. Ley 1474 de 2011. Presidencia de la Republica. [Anti-corruption statute. Law 1474 of 2011. Presidency of the Republic]. URL: <http://wp.presidencia.gov.co/sitios/normativa/leyes/Documents/Juridica/Ley%201474%20de%2012%20de%20Julio%20de%2020n.pdf> (accessed: 01.08.2023).
- Farhat S. 2007. Lobby, o que é, como se faz: ética e transparência na representação junto a governos [Lobby, or what is it, how is it done: ethics and transparency in representation with governments]. São Paulo, Peirópolis, 511.
- Greenwood J., Thomas C.S. 1998. Introduction: regulating lobbying in the western world. Parliamentary Affairs, 51 (4): 489–499. doi 10.1093/PA/51.4.487
- Greenwood J., Thomas C.S. 2004. An evaluation of lobby regulations and its lessons: the United States and other liberal democracies. In: Thomas C.S. Research Guide to U.S. and International Interest Groups. Westport, Praeger Publishers: 381–389.
- Hrebenar R.J., Thomas C.S. 2008. Understanding interest groups, lobbying and lobbyists in developing democracies. Journal of Public Affairs, 8: 1–14. doi 10.1002/pa.287
- McGrath C. 2008. The development and regulation of lobbying in the new member states of the European Union. Journal of Public Affairs, 8: 15–32. doi 10.1002/pa.284
- Reglamento de la Camara de Diputados [Regulations of the Chamber of Deputies]. URL: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/Reg_Diputados_270421.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Reglamento del Senado de la República [Regulations of the Senate of the Republic]. URL: https://www.di-putados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/Reg_Senado_300321.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Santos M.L. 2018. Interest articulation and lobbying. In: Ames B. Handbook of Brazilian Politics. N.Y., Routledge: 132–158.
- Scartascini C. 2011. El juego político en América Latina ¿ Cómo se deciden las políticas públicas? [The political game in Latin America: How are public policies decided?]. Bogotá, Banco Interamericano de Desarrollo (BID), 494.

Transparency International. 2009. Global corruption barometer. URL: <http://www.transparency.org/publications/publications/gcb2009> (accessed 01.08.2023).

References

- Zakirov A.R., Zaripova A.R. 2022. Institucionalizaciya otnoshenij vlasti i biznesa v stranah Latinskoj Ameriki [The institutionalization of business-government relations in Latin America]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, 39: 92–100 (in Russian). doi 10.26516/2073-3380.2022.39.92
- ABRIG Associação Brasileira de Relações Institucionais e Governamentais [Brazilian Association of Institutional and Governmental Relations]. URL: <https://abrig.org.br/> (accessed: 01.08.2023).
- Brazil's Constitution of 1988 with Amendments through 2017. URL https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017.pdf?lang=en (accessed : 01.08.2023).
- Castaneda N. 2018. Business Interest Groups and Policymaking in Latin America. In: Riggirozzi P., Wylde C. *Handbook of South American Governance*. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1551549/1/businessdraft.pdf> (accessed: 01.08.2023).
- Classificacao brasileira de ocupacoes [Brazilian classification of occupations]. URL <http://www.mtebo.gov.br/cbosite/pages/informacoesGerais.jsf;jsessionid=H8mYrrQ1fZIE76OGD7SVPQ0iAzbQDaYYibYKoXNv.CBO-SLV04:mte-cbo> (accessed: 01.08.2023).
- Costa P.M., Santos L.A. 2012. The contribution of lobby regulation initiatives in addressing political corruption in Latin America. *Journal of Public Affairs*, 14, Is. 3–4: 379–391. doi 10.1002/pa.432
- Cristina A., Gozetto O., Thomas C.S. 2017. Public Affairs in Latin America: The Gradual and Uneven Formalization of a Long-Time Informal Activity. In: Harris P.; Fleisher C.S. *The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs*. California, SAGE Publication Ltd: 405–421.
- Cunha L., Santos M.L. 2015. Propostas de regulamentação do lobby no Brasil: uma análise comparada. Texto para Discussão [Proposals for Lobbying Regulation in Brazil: A Comparative Analysis. Text for Discussion]. URL: https://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/4374/1/td_2094.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Engel E. 2018. Report of the Expert Advisory Group on Anti-Corruption, Transparency, and Integrity in Latin America and the Caribbean. URL: <https://publications.iadb.org/en/report-expert-advisory-group-anti-corruption-transparency-and-integrity-latin-america-and-caribbean> (accessed : 01.08.2023).
- Estatuto anticorrupcion. Ley 1474 de 2011. Presidencia de la Republica. [Anti-corruption statute. Law 1474 of 2011. Presidency of the Republic]. URL: <http://wp.presidencia.gov.co/sitios/normativa/leyes/Documents/Juridica/Ley%201474%20de%2012%20de%20Julio%20de%2020n.pdf> (accessed: 01.08.2023).
- Farhat S. 2007. Lobby, o que é, como se faz: ética e transparência na representação junto a governos [Lobby, or what is it, how is it done: ethics and transparency in representation with governments]. São Paulo, Peirópolis, 511.
- Greenwood J., Thomas C.S. 1998. Introduction: regulating lobbying in the western world. *Parliamentary Affairs*, 51 (4): 489–499. doi 10.1093/PA/51.4.487
- Greenwood J., Thomas C.S. 2004. An evaluation of lobby regulations and its lessons: the United States and other liberal democracies. In: Thomas C.S. *Research Guide to U.S. and International Interest Groups*. Westport, Praeger Publishers: 381–389.
- Hrebenar R.J., Thomas C.S. 2008. Understanding interest groups, lobbying and lobbyists in developing democracies. *Journal of Public Affairs*, 8: 1–14. doi 10.1002/pa.287
- McGrath C. 2008. The development and regulation of lobbying in the new member states of the European Union. *Journal of Public Affairs*, 8: 15–32. doi 10.1002/pa.284
- Reglamento de la Camara de Diputados [Regulations of the Chamber of Deputies]. URL: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/Reg_Diputados_270421.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Reglamento del Senado de la República [Regulations of the Senate of the Republic]. URL: https://www.di-putados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/Reg_Senado_300321.pdf (accessed: 01.08.2023).
- Santos M.L. 2018. Interest articulation and lobbying. In: Ames B. *Handbook of Brazilian Politics*. N.Y., Routledge: 132–158.
- Scartascini C. 2011. El juego político en América Latina ¿Cómo se deciden las políticas públicas? [The political game in Latin America: How are public policies decided?]. Bogotá, Banco Interamericano de Desarrollo (BID), 494.

Transparency International. 2009. Global corruption barometer. URL:
<http://www.transparency.org/publications/publications/gcb2009> (accessed 01.08.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.08.2023

Received 02.08.2023

Поступила после рецензирования 20.08.2023

Revised 20.08.2023

Принята к публикации 20.08.2023

Accepted 20.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Закиров Айдар Робертович, доцент, доцент кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9843-9075](https://orcid.org/0000-0002-9843-9075)

Zakirov Aydar Robertovich, Associate Professor, Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Russia

Зарипова Айгуль Раисовна, доцент, доцент кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5810-5986](https://orcid.org/0000-0002-5810-5986)

Zaripova Aigul Raisovna, Associate Professor, Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Russia

УДК 328.18
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-822-830
Оригинальное исследование

Влияние видов субъектов Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной властей

Петров Е.С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 13, лит. Б
E-mail: jenia.jeny@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной властей в национально-территориальных образованиях Российской Федерации. Федеративное территориальное устройство предполагает наличие в стране административных образований разного типа, входящих в единую систему федеративного государства. Субъекты Российской Федерации являются равноправными в отношениях с федеральным центром, но особый статус республик и автономных округов позволяет делать вывод об асимметричном характере российского федерализма. В связи с этим данное исследование направлено на изучение влияния национальной автономии субъектов Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти. В научной литературе проблема взаимодействия федеральной государственной власти с региональными органами власти с позиции «центр – регионы» в рамках асимметричного федерализма достаточно хорошо проработана, но при этом аспект влияния специфики федеративного устройства России на региональную политику органов государственной власти Российской Федерации является малоизученным. В качестве основного рассматриваемого положения выносятся вопрос влияния статуса национально-территориального статуса субъекта Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти на формальном уровне. При этом исследование проводится в рамках институционализированных форм взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти, ограниченное нормативными принципами.

Ключевые слова: федерализм, регион, исполнительная власть, законодательная власть, модель, институциональный дизайн, республика, автономный округ

Для цитирования: Петров Е.С. 2023. Влияние видов субъектов Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной властей. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 822–830. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-822-830

The Influence of the Types of Subjects of the Russian Federation on the Model of Interaction of Regional Executive and Legislative Authorities

Eugene S. Petrov

St. Petersburg State University,
lit. b, 13 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: jenia.jeny@yandex.ru

Abstract: the article is devoted to the problem of interaction between regional executive and legislative authorities in the national-territorial formations of the Russian Federation. The federal territorial structure implies the presence in the country of various types of administrative entities that are part of a single system of a federal state. The subjects of the Russian Federation are equal in relations with the federal center, but the special status of republics and autonomous districts allows us to conclude about the asymmetric nature of Russian

federalism. In this regard, this study is aimed at studying the influence of the national autonomy of the constituent entities of the Russian Federation on the model of interaction between regional executive and legislative authorities. In the scientific literature, the problem of interaction of federal government with regional authorities from the position of center – regions within the framework of asymmetric federalism is quite well developed, but at the same time, the aspect of the influence of the specifics of the federal structure of Russia on the regional policy of state authorities of the Russian Federation is poorly studied. As the main provision under consideration, the question of the influence of the status of the national-territorial status of a subject of the Russian Federation on the model of interaction between regional executive and legislative authorities at the formal level is raised. At the same time, the study is carried out within the framework of institutionalized forms of interaction between regional executive and legislative authorities, limited by regulatory principles.

Keywords: federalism, region, executive power, legislative power, model, institutional design, republic, autonomous okrug

For citation: Petrov E.S. 2023. The Influence of the Types of Subjects of the Russian Federation on the Model of Interaction of Regional Executive and Legislative Authorities. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 822–830 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-822-830

Введение

В Российской Федерации существует единая система организации органов публичной власти на разных уровнях. Конституционная реформа в России, проведенная в 2020 году, позволила урегулировать федеральное и региональное законодательство и внести ряд значимых поправок в законодательство. Введено понятие единой публичной власти, что позволило повлиять на организацию государственной власти в регионах с целью унификации общей системы органов публичной власти. Практическая реализация данного принципа призвана повысить эффективность взаимодействия всех видов публичной власти как в горизонтальном, так и вертикальном измерении [Бутенко, Мохаммади, 2020]. Отличительная черта федеративного государства заключается в высокой роли, отводимой региональным органам государственной власти, и политическом процессе, выстраиваемом на их взаимодействии между собой [Golosov, Konstantinova, 2016]. Такое взаимодействие отличается высокой производительностью, а результаты этого непосредственно влияют на общеполитическую ситуацию в регионе. Именно этот фактор обуславливает необходимость изучения взаимодействия региональных органов власти.

Данная статья посвящена влиянию национально-территориального статуса регионов Российской Федерации на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти. Актуальность исследования обусловлена недостаточным изучением влияния национально-территориального статуса субъекта на модель взаимодействия региональных исполнительных и законодательных органов власти на формальном, институциональном уровне. Для того чтобы учесть административную специфику каждого субъекта, являющегося национальной автономией, необходимо выделить те институциональные особенности, которые могли бы повлиять на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти.

Исследователи часто делают акцент на изучении взаимодействия органов федеральной власти или анализируют их взаимосвязь с позиции «центр – регионы». Так, признанными исследователями в этой области являются: Р.Ф. Туровский, К.Ю. Джаватова [Туровский, Джаватова, 2019], К. Росс [Росс, 2011], М.И. Колыханов [Колыханов, 2018], А.В. Куракин, Д.В. Карпухин, Н.Ф. Попова [Куракин, Карпухин, Попова, 2018], П.Б. Кононенко [Кононенко, 2017], З. Нвогора [Nwohora, 2022]. Ученые не акцентируют особое внимание на влияние национально-территориального статуса субъекта на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти. Таким образом, научная новизна исследования заключается в изучении связей между национально-территориальным статусом субъекта России и моделью взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти.

Согласно статьи 65 Конституции РФ, все субъекты страны равны в отношениях с федеральным центром, но при этом имеют свои особенности в плане внутреннего устройства и властных отношений. Среди них можно выделить республики и автономные округа, поскольку эти субъекты имеют несколько иной конституционный статус, отличный от краев, областей, городов федерального значения и автономной области. По этой причине в данной работе исследуется территориальная специфика только автономных округов – регионов, имеющих более низкий административно-территориальный статус, и республик – субъектов, наделенных дополнительными правами в рамках асимметричного федерализма.

Методология и эмпирическая база

Цель исследования: определить степень влияния национально-территориальных автономий на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти.

Были поставлены следующие задачи исследования:

- выявить специфику федеративного устройства России;
- обозначить «особый» статус национально-территориальных автономий России;
- проанализировать степень влияния статуса национально-территориальной автономии на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти на формальном уровне.

Основной методологией исследования является институциональный подход и концепция регионализма. При помощи институционального подхода можно рассмотреть формальную составляющую процесса взаимодействия региональных органов исполнительной и представительной власти, закрепленную в нормативных документах, таких как Устав, Конституция субъекта и других нормативных актах как регионального, так и федерального уровней [Туровский, 2011]. Концепция регионализма предполагает, что каждая административно-территориальная единица имеет объективно существующие региональные различия, а также исходит из того, что регионы постоянно эволюционируют и подвержены изменению региональной политической системы.

Исследовательская гипотеза звучит следующим образом: «Если субъект Российской Федерации имеет национально-территориальный статус, то это повлияет на ”институциональный дизайн“ региона».

Ключевым понятием исследования является институциональный дизайн – совокупность формальных норм, которые определяют объем полномочий органов государственной власти и правила их взаимодействия между собой [Петров, 2021, с. 245]. Термин применим к взаимодействию между собой органов исполнительной и законодательной власти на формальном уровне [Medushevskiy, 2019]. Формальный уровень характеризуется наличием нормативных актов. В контексте исследования это могут быть Конституция Российской Федерации, федеральные законы, региональные Уставы, Конституции республик России, региональные законы, регламентирующие порядок взаимодействия указанных органов региональной государственной власти, которые регулируют процесс взаимодействия региональных органов власти. Все те аспекты, которые находятся вне рамок формального взаимодействия, не анализируются. При помощи институционального подхода возможно проанализировать нормативные документы, в которых отражен характер взаимодействия региональных органов представительной и исполнительной власти регионов России. На следующем этапе можно определить степень влияния национально-территориальных особенностей субъекта на модель взаимодействия региональных органов власти.

Автономный округ Российской Федерации: статус и влияние на институциональный дизайн региона

Конституцией Российской Федерации отмечено, что национальным республикам (государствам) и автономным округам отведен особый статус в рамках асимметричного

федерализма. Группы субъектов, образованные по национально-территориальному признаку, имеющие наиболее низкий фактический статус, являются автономными округами. Низкий фактический статус заключается в том, что представленные регионы входят в состав иных субъектов России. Вхождение автономного округа в состав другого субъекта не означает того, что национально-территориальный регион лишается своей субъектности. Автономный округ фактически является самостоятельным субъектом России со своими органами региональной государственной власти, но на основе подписанного договора с другим субъектом вынужден согласовывать некоторые общественно-значимые вопросы с органами государственной власти другого региона [Плешенков, 2007]. В России четыре субъекта имеют статус автономного округа (АО): Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ненецкий АО, Чукотский АО. Так, первые два входят в состав Тюменской области, Ненецкий АО – в состав Архангельской области. Данные регионы являются типическими случаями, поскольку обладают схожим критерием образования, поэтому возможно провести сравнительный анализ представленных автономных округов и сделать обобщающие выводы [Goncharov, Mikhaleva, 2021].

Чукотский АО не входит в состав другого субъекта РФ, субъект не может иметь низкий административно-территориальный статус, следовательно, данный кейс является отклоняющимся, следовательно, не анализируется в данном исследовании. Фактически статус Чукотского АО равен статусу области Российской Федерации, которая не может иметь низкий или высокий административно-территориальный статус. Таким образом, в рамках данного исследования процесс взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти в данном субъекте не рассматривается.

Для того чтобы определить степень влияния статуса региона, являющегося автономным округом, на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и представительной власти в автономном округе на формальном, институциональном уровне, необходимо провести анализ нормативных документов некоторых автономных округов и регионов, в которые входят эти национально-территориальные единицы.

В Ненецком АО, входящем в состав Архангельской области, определено, что проекты законов данного автономного округа, касающиеся установлению для отдельных категорий налогоплательщиков пониженных налоговых ставок налога на прибыль организаций, подлежат согласованию органами государственной власти Архангельской области. Кроме того, отмечено, что «согласование должно быть получено до принятия Собранием депутатов Ненецкого АО проектов законов Ненецкого АО, поправок к проектам законов Ненецкого АО... в окончательном чтении».

Данные полномочия отнесены к ведению Правительства Архангельской области, то есть к региональной исполнительной власти. В некоторой степени региональный парламент Ненецкого АО ставится в зависимость от регионального исполнительного органа другого субъекта. В рамках институционального дизайна это может сказаться на выборе модели взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти, поскольку изымается часть полномочий у регионального парламента в сфере налоговой политики в пользу регионального исполнительного органа власти другого субъекта. При определении модели взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти, например, по методике М. Шугарта и Дж. Кэри [Shugart, Carey, 1992], этот параметр необходимо учитывать при подсчете законодательных полномочий в пункте «эксклюзивное право законодательной инициативы». Другая нормотворческая деятельность регионального парламента Ненецкого АО не подлежит согласованию со стороны органов власти Архангельской области. Следовательно, данный кейс демонстрирует то, что статус национально-территориального образования может оказывать ограниченное влияние на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти, поскольку требует согласования с региональным исполнительным органом власти другого субъекта России некоторых вопросов налоговой политики.

В Уставе Ханты-Мансийского АО – Югры установлено, что «органы государственной власти Ханты-Мансийского АО – Югры координируют отношения с органами государственной власти Тюменской области через совместные заседания законодательных или исполнительных органов, а также в иных формах, установленных договором (соглашением)» (ст. 20); «...участвуют в организации и проведении выборов в органы государственной власти Тюменской области» (ст. 21); участвуют в организации и проведении референдума Тюменской области (ст. 22). В статье 14 Устава Тюменской области определены разграничения полномочий органов государственной власти области и автономных округов. В статьях 15, 16 Устава субъекта закреплен ряд полномочий органов государственной власти области и автономных округов, отнесенных к совместному ведению на основе Договора, и полномочия, передаваемые органами государственной власти автономных округов органам государственной власти области на основе Договора. За основу взяты некоторые экономические и правовые аспекты, которые направлены на реализацию общей стратегии реализации региональной политики.

Особое внимание уделяется вопросам налоговой политики: «В случае принятия решения органами государственной власти Ханты-Мансийского АО – Югры и (или) Ямало-Ненецкого АО о снижении ставки по налогу на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков в соответствии с действующим законодательством снижение ставки производится за счет доли налога на прибыль организаций, подлежащей зачислению в бюджет соответствующего автономного округа» (ст. 4). В отличие от предыдущего кейса, данная мера не требует обязательного согласования с органами исполнительной власти соседнего субъекта, что позволяет сделать вывод о том, что в нормативной базе отсутствуют аспекты, которые могли бы оказать влияние на институциональный дизайн автономного округа. Следовательно, данный кейс демонстрирует то, что от статуса национальной автономии не зависит модель взаимодействия органов региональной исполнительной и законодательной власти, поскольку полномочия, закрепленные за органами региональной исполнительной и представительной власти автономного округа, не делегируются или ограничиваются органами исполнительной и законодательной власти субъекта, в который входят данные автономные округа.

Таким образом, было определено, что тип национально-территориальной автономии – автономный округ может влиять на формальную модель взаимодействия региональных органов власти автономного округа в тех случаях, когда в договоре между органами государственной власти области и автономного округа о взаимодействии при осуществлении полномочий органов государственной власти субъектов России предусмотрена передача полномочий исполнительному или представительному органу власти другого субъекта. Из представленных кейсов можно сделать вывод, что в одном автономном округе присутствует процесс согласования решений законодательного органа власти автономного округа с исполнительным органом власти области в некоторых вопросах налоговой политики.

В двух случаях из трех органы власти автономного округа не передают часть своих полномочий органам исполнительной или законодательной власти другого субъекта или требуют согласования каких-либо решений с ними, что свидетельствует об отсутствии связи между статусом автономного округа и институциональным дизайном субъекта. Следовательно, пункт «эсклюзивное право законодательной инициативы» в данных случаях не учитывает особый статус автономных округов. Соответственно, тип субъекта Российской Федерации, имеющий более низкий статус в рамках федеративного государства, в некоторых случаях может оказывать ограниченное влияние на формальную модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти автономного округа.

Повышенный статус республик России и связь с региональным институциональным дизайном

Более высоким статусом субъекта России в рамках асимметричной структуры российского федерализма обладают национальные республики. Особый статус российских респуб-

лик отмечен в части 1 статьи 66 Конституции РФ. Статус республики определяется конституцией страны и конституцией республики. Особые права республик закреплены Конституцией Российской Федерации, федеральными договорами, региональными нормативными актами. К ним относятся такие права, как право устанавливать свои государственные языки; наименование республики ставится в ранг государства; основным законом является региональная конституция, региональным органом судебной власти является Верховный суд, что ставит республику в ранг национального государства. Также отдельно республики удостоились права подписывать договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти России и органами власти суверенных республик [Плешенков, 2017]. До определенного времени некоторые республики России на основе федеративного договора имели некоторые дополнительные права к уже существующим.

В связи с этим отмечается высокий статус республик, образованных по национально-территориальному признаку, что подтверждает асимметричный характер современного федеративного устройства Российской Федерации.

В основе определения статуса республики лежит национальный признак. В концептуальном плане это понятие должно предполагать, что титульный этнос в процентном соотношении составляет большую часть жителей республики, и по этой причине им предоставляются определенные дополнительные права, о которых было написано выше [Кононенко, 2003]. По данным федеральной службы государственной статистики наиболее высокая доля титульного этноса отмечается лишь в половине национальных республик [Будкова, 2014]. Это следующие республики: Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Чечня, Чувашия. В остальных республиках доля титульного этноса составляет меньше 50 %.

Для того чтобы определить влияние статуса республики, входящей в состав России, необходимо рассмотреть все случаи, чтобы исключить ложные выводы. В качестве основного критерия берется доля титульного этноса в составе национальной республики.

Исключительным полномочием республик считается право устанавливать свой государственный язык. Во многих конституциях республик отмечено, что статус государственных языков республики устанавливается федеральным и республиканским законодательством. В Конституции Российской Федерации, федеральных законах, конституциях республик и иных нормативных актах не установлены положения, которые определяют полномочия одной из ветвей власти устанавливать или изменять государственный язык республики. В дальнейшем были проанализированы конституции всех республик РФ на предмет установления государственного языка одной из ветвей региональной государственной власти. Определено, что статус государственного языка национальной республики устанавливается законом республики. Республиканский закон принимается региональным парламентом субъекта и в течение десяти календарных дней со дня принятия направляется главе региона для подписания и обнародования [Коврякова, 2005; Истиховская, 2017]. При этом глава субъекта может отклонить законопроект и отправить его на доработку. В соответствии с конституционным дизайном региона, региональный парламент может внести поправки в законопроект либо преодолеть вето главы региона, набрав определенное количество голосов. Объем полномочий региональных органов исполнительной и законодательной власти можно подсчитать, используя интервальную методику М. Шугарта и Дж. Кэри [Гельман, 1998]. Из этого следует, что исключительное право в вопросе определения статуса языка национальной республики не принадлежит ни одной из ветви власти.

Ни в одной из групп республик ни за исполнительной, ни за законодательными ветвями власти не закреплены полномочия единолично решать данный вопрос, следовательно, данный аспект не является фактором, который мог бы существенно повлиять на модель взаимодействия региональных исполнительных и законодательных органов власти. Другие положения, в частности корреляция некоторых названий государственных органов или основного

закона субъекта в ранг с национальным государством или иные особенности республики в составе Российской Федерации, не отражают сущность институционального дизайна региона. Другие политико-правовые особенности республик в составе РФ регулируются Конституцией РФ и федеральным законодательством, не отличаются от аналогичного регулирования в других административно-территориальных образованиях России и не могут оказать исключительного влияния на модель взаимодействия региональных органов власти.

При рассмотрении каждой конкретной республики в дальнейшем можно определить модели взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти на формальном, институциональном уровне, опираясь на методику М. Шугарта и Дж. Кэри [Shugart, Carey, 1992]. При этом спектр изучаемых полномочий существенно увеличится. В данном исследовании этот аспект не изучается, поскольку цель исследования – рассмотрение особенностей национально-территориальных образований в вопросе влияния на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти на формальном уровне. Таким образом, политико-правовые особенности, отличающие республики от остальных субъектов Российской Федерации, не влияют на институциональный дизайн региона.

Заключение

На основе полученных результатов можно сделать вывод о связи между переменной статуса региона и влиянием на модель взаимодействия региональных органов власти только в случае автономных округов. При этом необходимо учитывать то, что статус автономного округа автоматически не означает, что это повлияет на модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти и скажется на институциональном дизайне региона. В данном случае такая связь прослеживается в кейсе Ненецкого автономного округа, поскольку некоторые вопросы в области налоговой политики региональный законодательный орган автономного округа обязан согласовывать с правительством Архангельской области, что закреплено в договоре о взаимодействии при осуществлении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В Ямало-Ненецком АО и Ханты-Мансийском АО – Югре это не подтверждается, поскольку полномочия органов исполнительной или законодательной власти не усиливаются или не уменьшаются в связи со статусом региона. Результаты исследования, проведенного на примере республик, однозначны и сводятся к тому, что статус республики важен при характеристике федеративного устройства государства и при сравнении с другими административно-территориальными единицами Российской Федерации, но совершенно не значим при характеристике регионального институционального дизайна. Следовательно, исследовательская гипотеза может быть доказана лишь при выполнении определенных условий.

Таким образом, высокий статус субъекта (республики) Российской Федерации не оказывает никакого влияния на формальную модель взаимодействия региональных органов исполнительной и законодательной власти. Низкий статус субъекта (автономный округ) в определенных кейсах оказывает ограниченное влияние на институциональный дизайн региона. Данные выводы могут учитываться при определении модели взаимодействия исполнительной и законодательной власти на формальном уровне в регионах Российской Федерации.

Список литературы

- Будкова Д.А. 2014. Политические практики взаимодействия органов региональной власти в современной России: Дис. ... канд. полит. наук: СПб., 192 с.
- Бутенко В.А., Мохаммади Ш. 2020. Регионализация и «новый» регионализм. Право и политика, 7: 105–113.
- Гельман В.Я. 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики. Полис, 1: 87–105.
- Истиховская М.В. 2017. Актуальные вопросы правового регулирования парламентского контроля и его роль в укреплении властных полномочий законодательного органа субъекта

- Российской Федерации // Четвертые юридические чтения: Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) 23–24 декабря 2016 г. Республика Коми, г. Сыктывкар, издательство СГУ имени Питирима Сорокина, с. 207–2011.
- Коврякова Е.В. 2005. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М., Издательский дом «Городец», 191 с.
- Колыханов М.И. 2018. Распределение властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации. Регионоведение, 2 (103): 296–313.
- Кононенко П.Б. 2003. Политические факторы конституционного строительства в республиках Российской Федерации. Полис, 6: 135–143.
- Куракин А.В., Карпучин Д.В., Попова Н.Ф. 2018. Принципы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами. Административное и муниципальное право, 11: 19–35.
- Петров Е.С. 2021. Модели взаимодействия исполнительных и законодательных органов власти в субъектах России. Управление: история, наука, культура. Материалы XXIV межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Карельский филиал РАНХиГС. Петрозаводск: КарНЦ РАН, с. 245–250.
- Плешенков С.В. 2017. Актуальность корреляции принципов эффективности взаимодействия исполнительной и законодательной власти в субъектах РФ с методологией оценки регулирующего воздействия регионального законодательства. Государственная власть и местное самоуправление, 8: 18–20.
- Плешенков С.В. 2007. Политико-правовые аспекты реформирования отношений между органами законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации: на примере Центрального федерального округа: дис. ... канд. полит. наук. М., 188 с.
- Росс К. 2011. Кризис российского федерализма / Пер. Н.А. Звягина, А.А. Моисеенко. Политическая наука, 4: 71–96.
- Туровский Р.Ф. 2011. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? Гражданское общество и правовое государство, 2: 82–92.
- Туровский Р.Ф. 2009. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа. Полис, 2: 77–95.
- Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. 2019. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? Политическая наука, 2, 48–73.
- Golosov G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Powers in Russia: The Transformation of Regional Institutions Under the Centralizing Control of the Federal Authorities. Problems of Post-Communism 63 (4): 1–12.
- Goncharov V., Mikhaleva T. 2021. Analysis of the processes of optimization of the executive power system in Russia. E3S WebofConferences. 272–284.
- Medushevskiy A. 2019. Russian Constitutional Development: Formal and Informal Practices. BRICS Law Journal. 6 (3): 100–127.
- Shugart M.S., Carey J.M. 1992. Presidents and assemblies: Constitutional design a. electoral dynamics. Cambridge, Cambridge univ. press, IX, 316 p.
- Zim Nwokora. 2022. Constitutional design for dynamic democracies: A framework for analysis, International Journal of Constitutional Law, Volume 20, 580–610.

References

- Budkova D.A. 2014. Politicheskie praktiki vzaimodeystviya organov regional'noy vlasti v sovremennoy Rossii: Dis. ... kand. polit. nauk: SPB, 192 с.
- Butenko V.A., Mokhammad Sh. 2020. Regionalizatsiya i «novyy» regionalizm. Pravo i politika, 7: 105–113.
- Gel'man V.Ya. 1998. Regional'naya vlast' v sovremennoy Rossii: instituty, rezhimy i praktiki. Polis, 1: s. 87–105.
- Istikhovskaya M.V. 2017. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya parlamentskogo kontrolya i ego rol' v ukreplenii vlastnykh polnomochiy zakonodatel'nogo organa sub"ekta Rossiyskoy Federatsii. Chetvertye yuridicheskie chteniya: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem) 23–24 dekabrya 2016 g. Respublika Komi, g. Syktyvkar. Izdatel'stvo SGU imeni Pitirima Sorokina, s. 207–2011.
- Kovryakova, E.V. 2005. Parlamentskiy kontrol': zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika. M., Izdatel'skiy dom «Gorodets», 191 s.

- Kolykhanov M.I. 2018. Raspredelenie vlastnykh polnomochiy mezhdru tsentrom i regionami v Rossiyskoy Federatsii i Shveysarskoy Konfederatsii. *Regionologiya*, 2 (103): 296–313.
- Kononenko P.B. 2003. Politicheskie faktory konstitutsionnogo stroitel'stva v respublikakh Rossiyskoy Federatsii. *Polis*, 6: 135–143.
- Kurakin A.V., Karpukhin D.V., Popova N.F. 2018. Printsipy razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i ee sub'ektami. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 11: 19–35.
- Petrov E.S. 2021. Modeli vzaimodeystviya ispolnitel'nykh i zakonodatel'nykh organov vlasti v sub'ektakh Rossii. *Upravlenie: istoriya, nauka, kul'tura. Materialy XXIV mezhdregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Karel'skiy filial RANKhiGS. Petrozavodsk: KarNTs RAN*, 245–250.
- Pleshnikov S.V. 2017. Aktual'nost' korrelyatsii printsipov effektivnosti vzaimodeystviya ispolnitel'noy i zakonodatel'noy vlasti v sub'ektakh RF s metodologiyey otsenki reguliruyushchego vozdeystviya regional'nogo zakonodatel'stva. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 8: 18–20.
- Pleshnikov S.V. 2007. Politiko-pravovye aspekty reformirovaniya otnosheniy mezhdru organami zakonodatel'noy i ispolnitel'noy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii: na primere Tsentral'nogo federal'nogo okruga: diss. ... kand. polit. nauk, M., 188.
- Ross K. 2011. Krizis rossiyskogo federalizma. *Per. N.A. Zvyagina, A.A. Moiseenko. Politicheskaya nauka*, 4: 71–96.
- Turovskiy R.F. 2011. Institutsional'nyy dizayn rossiyskoy regional'noy vlasti: kazhushchayasya prostota? *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*, 2: 82–92.
- Turovskiy R.F. 2009. Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza. *Polis*, 2: 77–95.
- Turovskiy R.F., Dzhavatova K.Yu. 2019. Regional'noe neravenstvo v Rossii: mozhet li tsentralizatsiya byt' lekarstvom? *Politicheskaya nauka*, 2: 48–73.
- GolosoV G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Powers in Russia: The Transformation of Regional Institutions Under the Centralizing Control of the Federal Authorities. *Problems of Post-Communism* 63 (4): 1–12.
- Goncharov V., Mikhaleva T. 2021. Analysis of the processes of optimization of the executive power system in Russia. *E3S Web of Conferences*, 272–284.
- Medushevskiy A. 2019. Russian Constitutional Development: Formal and Informal Practices. *BRICS Law Journal*. 6 (3): 100–127.
- Shugart M.S., Carey J.M. 1992. Presidents and assemblies: Constitutional design a. electoral dynamics. Cambridge: Cambridge univ. press, IX, 316 p.
- Zim Nwokora. 2022. Constitutional design for dynamic democracies: A framework for analysis, *International Journal of Constitutional Law*, 20: 580–610.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.06.2023

Received: 20.06.2023

Поступила после рецензирования: 27.07.2023

Revised: 27.07.2023

Принята к публикации: 26.08.2023

Accepted: 26.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петров Евгений Сергеевич, аспирант факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Eugene S. Petrov, post-graduate student of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1476-5648](https://orcid.org/0000-0003-1476-5648)

УДК 323.396

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Оригинальное исследование

Предпринимательство элит и использование рент: интерпретация политической истории Кабардино-Балкарии (1989–2018 гг.)

Тумов А.А.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
Россия, 360002, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2

tumovasker@gmail.com

Аннотация. Относительная стабильность российской политической системы распространяется на ее региональные аналоги. Однако в долгосрочной перспективе стремления правящих элит воплотить в жизнь проект национального суверенитета сведутся к нулю без соответствующей стратегии социально-экономического развития, предпосылки которой определяются наличием политической воли у субъекта модернизации. В статье проанализирована историческая эволюция политической системы Кабардино-Балкарии с точки зрения моделей поведения правящего класса при распределении политических и экономических привилегий. Постсоветская история республики интерпретирована с использованием теории социальных порядков. В рамках конкретного социального порядка Кабардино-Балкарии функционируют три ключевые группы, составляющие правящую коалицию – высшая бюрократия, крупный бизнес с политическим капиталом (олигархия) и руководители органов правопорядка (силовики). На протяжении постсоветского периода политический класс республики не смог воплотить в жизнь попытки расширения доступа к источникам ренты и таким образом увеличить степень инклюзивности системы управления для большего количества политических акторов и экономических агентов. В подобных условиях траектория развития и перспективы существования социального порядка остаются открытыми для различных интерпретаций.

Ключевые слова: порядок ограниченного доступа, постсоветский период, политические элиты, современная история, Россия, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария

Для цитирования: Тумов А.А. 2023. Предпринимательство элит и использование рент: интерпретация политической истории Кабардино-Балкарии (1989–2018 гг.). Via in tempore. История. Политология. 50 (3): 831–842. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Entrepreneurship of Elites and Exploitation of Rents: Interpreting Political History of Kabardino-Balkaria (1989–2018)

Asker A. Tumov

Kabardin-Balkar Research Centre of RAS,
2 Balkarova St., Nalchik 360002, Russia

tumovasker@gmail.com

Abstract. A relatively stable political system in Russia extends its perseverance to subnational units. But in the long term, aspirations of ruling elites to implement the national sovereignty project are bound to be naught without a pertinent strategy for social and economic development, which requires a resourceful enforcer with political willingness. In this research, we investigate historical evolution

of political system in Kabardino-Balkaria at the level of the ruling elite that participate in distribution of political and economic privileges. We interpreted the post-Soviet history of the republic through the lens of social orders theory. Within the de quo social order, we laid emphasis on three key groups in the ruling coalition – top bureaucrats, politically connected large business (oligarchs), and heads of security forces (siloviki). Over the post-Soviet period, the ruling coalition failed to establish broader access to sources of rent and constitute a more inclusive political system for various political actors and economic agents. Against this backdrop, the path of development and outlooks for the existing limited access order remain open to interpretations.

Keywords: limited access order, post-Soviet period, political elites, contemporary history, Russia, North Caucasus, Kabardino-Balkaria

For citation: Tumov A.A. 2023. Entrepreneurship of Elites and Exploitation of Rents: Interpreting Political History of Kabardino-Balkaria (1989–2018). *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 831–842 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Введение

Стремительная социетальная трансформация российского общества на рубеже XX–XXI вв. стала объектом пристального внимания со стороны академического сообщества. На протяжении последних десятилетий исследователи пытаются осмыслить проблемы государственно-политического развития регионов России, соотношение целей реформирования с реальными практическими результатами, специфические факторы трансформации системы управления. При этом объект исследования – политическая система – трансформируется на глазах у исследователей параллельно со вводом в научный оборот новых источников. В результате многие вопросы, находящиеся в домене политической науки и ее субдисциплин, не получили должного ответа.

В подобном положении оказалась сфера изучения региональных элит, их констелляций и трансформации состава, а также роли в определении траектории политико-экономического развития общества. Так, в 1990-х гг. политическая динамика российских элит интерпретировалась в рамках транзитологии – теории переходов от авторитарных к демократическим режимам [Растоу, 1996; Харитоновна, 1996; Гельман и др., 2000]. В 2000-х гг. осознание «незавершенности» российского демократического транзита сформировало критический взгляд на возможности использования транзитологии применительно к российскому опыту [Мельвиль, 1998, Лукин, 2000; Капустин, 2001; Hughes, 1997]. В поле зрения исследователей оставались проблемы разнообразия региональных политических режимов [Солник, 1995; Росс, 1999; Вартумян, 2004]. Рецентрализация и унификация региональных систем управления деактуализировали и это направление [Гельман, 2006; Kahn et al, 2009; Golosov, Konstantinova, 2014]. Но в практике историко-политологических исследований в регионах Северного Кавказа проблема функционирования и трансформации правящего класса не получает должного внимания. Напрямую затрагивалась она в последние годы только в историко-политологических работах, посвященных общему анализу процессов политического развития Северного Кавказа и в обзорных экспертных докладах [Литвинова, 2011; Современная эволюция..., 2011; Стародубровская, Казенин, 2016].

Обобщения в масштабе макрорегиона требуют, помимо наблюдений за текущим состоянием региональных политических режимов и практик, серьезного предварительного анализа исторического опыта конкретных региональных «случаев» режимной трансформации. При этом в изучении политических процессов на Северном Кавказе и, в частности, Кабардино-Балкарии доминируют этнополитологические работы, фокус которых был ограничен противоборством т. н. «этнических элит». Исследования констелляции правящего класса в республике либо были посвящены отдельным аспектам,

либо носили по преимуществу описательный характер [Апажева, 2000; Гугова, 2002]. Вопрос о сущностной взаимосвязи трансформации правящего класса и институциональных изменений в них не ставился, и влияние этой взаимосвязи на природу сложившейся в республике системы управления оставалось в тени.

Чтобы получить концептуально-насыщенное целостное представление регионального опыта роли правящего класса в институциональной трансформации, необходимо придерживаться междисциплинарной методологии. Во-первых, в основе исследования должен лежать принцип историзма – реконструкция хода политических событий должна происходить в контексте основных этапов развития общероссийского трансформационного процесса. Во-вторых, здесь правомерно использовать институциональный подход, позволяющий в зависимости от социально-экономического контекста выявить ограничивающие произвол элит правила и характер распределения политических и экономических привилегий. В-третьих, к этой конструкции необходимо приложить анализ продуктивности использования привилегий. Цель исследования заключается в том, чтобы осуществить первичную проверку приложимости обозначенных методологических подходов к опыту постсоветского политического развития Кабардино-Балкарской Республики. Предполагается, что таким образом можно получить более корректную оценку траектории политико-экономической трансформации общества.

Теоретическая основа

В исследовании 2009 г. представлен оригинальный подход к анализу общественного развития на основе изучения роли насилия и рент [North et al, 2009]. Авторы исходят из очевидного постулата о том, что каждый индивид вынужден делать выбор: усердно работать ради «куска хлеба» или использовать силу для присвоения чужого «куска». В отсутствие ограничений на использование насилия вторая опция становится предпочтительной, что имеет фундаментальное значение для общественного развития в долгосрочной перспективе. Зарождение государства стало попыткой обуздать насилие и предотвратить его деструктивные последствия. Разумеется, ограничения на использование силы имеют свои издержки. Для поддержания стабильных правил игры группы с насильственным потенциалом должны получать компенсацию за «воздержание» от использования насилия – ренту, т. е. эксклюзивный доступ к экономическим и политическим привилегиям. Первые обеспечивают получение дохода, а вторые помогают определять «правила игры» для всех остальных. Подобная социальная организация определяется как «порядок ограниченного доступа» (далее – ПОД) и характеризует большинство существующих обществ.

Авторы выделяют группу из 20–25 «порядков открытого доступа» – их граждане обладают большими возможностями участия в экономических видах деятельности и политической жизни, и они более эффективно реагируют на экономические и политические потрясения. Переход к открытому доступу стал возможен благодаря совпадению «пороговых условий», характеризующих межэлитные взаимоотношения:

- транзит от личных привилегий к безличным правам;
- возникновение долгосрочных форм организаций;
- установление консолидированного контроля государства над организациями с насильственным потенциалом.

Переход к открытому доступу невозможно осуществить простым переносом рыночных и демократических институтов из развитых стран в развивающиеся. Подобный перенос стимулирует экономический рост, поскольку разрушает барьеры, ограничивающие доступ к рентам и привилегиям и демотивирующие развитие фирм. С другой

стороны, ликвидация барьеров подрывает систему распределения рент между элитами с насильственным потенциалом. Поэтому многие развивающиеся страны в период экономической либерализации и демократизации 1980–90-х гг. столкнулись со всплесками насилия [North et al, p. 328].

Ренты в подобной теоретической рамке должны рассматриваться как необходимый элемент функционирования и динамики ПОД. Увеличение или уменьшение доли рент в распоряжении элит сопровождается переходом от хрупкого к базовому порядку, от базового к зрелому и наоборот. Последний пункт особенно важен, так как авторы подчеркивают всегда существующую возможность регресса в виде подрыва институтов безличных прав и всплесков насилия. Подобное происходит, когда рентные потоки истощаются либо растущее давление на элиты не позволяет им достичь новых договоренностей о распределении рент и включении новых групп в состав правящей коалиции.

Для анализа предпочтений элитных групп в использовании рент используется теория типов предпринимательства (имеется в виду любая инициативная деятельность в бизнесе и публичном управлении) [Baumol, 1990]. Правящие элиты могут следовать одной из трех моделей предпринимательства:

- продуктивное: затраты на входжение на новые рынки, создание новой продукции, технологизация, инвестиции в общественные блага;
- непродуктивное: роскошное потребление, расширение бюрократического аппарата без увеличения эффективности работы, имиджевые амбициозные проекты;
- деструктивное: открытая борьба с другими группами за контроль над источниками рент.

Мы исходим из предположения, что предпочтения элитных групп относительно способов использования ренты могут измениться в соответствии с приоритетами, объемами рент и внутренними и внешними вызовами.

Эволюция социального порядка в Кабардино-Балкарии в 1992–2018 гг.

Опыт политического развития Кабардино-Балкарии представляет собой специфический региональный срез общенационального политического опыта постсоветской России. Старт радикальной политико-экономической трансформации и переход на принципы экономического и политического либерализма, демократии и федерализма характеризовались ростом количества новых угроз и возможностей. Основным вопросом, вставший перед кабардино-балкарским обществом, заключался в стабилизации политической системы, сохранении целостности в качестве единого субъекта в составе России.

Точкой отсчета в транзите к новой политической системе можно считать 1989 г. Политическая реформа в союзном центре позволила сформироваться региональной оппозиции; в силу высокого мобилизационного потенциала национализма на Северном Кавказе она приобрела ярко выраженный этнический характер^{157,158,159}. В условиях экономического кризиса правящая коалиция потеряла многие источники ренты, а с ними – монопольный доступ к власти в широком смысле этого слова. Начавшаяся политическая борьба вынуждала стороны обращаться к любым возможностям сохранения своих позиций: для оппозиции таким инструментом стали съезды народов, для правящего класса – участие в «параде суверенитетов» и введение института президентства [Kahn, 2000]. Итоги политического процесса показали крепкие позиции ядра партийно-советской

¹⁵⁷ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 144. С. 44–46.

¹⁵⁸ Устав-Программа общественной организации «Адыгэ Хасэ» // Кабардино-Балкарская правда. 3 июля 1990. № 124. С. 3.

¹⁵⁹ Устав и Программа Тёре // Кабардино-Балкарская правда. 24 июля 1990 г. № 139. С. 3.

номенклатуры, которое удержалось у власти за счет тактических приобретений. Этническая оппозиция не смогла закрепить за собой ключевых позиций, а ее умеренные лидеры были инкорпорированы в состав правящей коалиции, что способствовало расколу и ослаблению протеста¹⁶⁰. Помимо прочего, гражданские конфликты на Северном Кавказе заставили федеральные власти склониться к союзу с властями КБР в обмен на обеспечение стабильности¹⁶¹. В итоге республика оказалась в авангарде «лоялистов» по отношению к Москве; сложившаяся система управления формально регулировалась демократическими институтами, хотя реальные практики управления характеризовались доминированием номенклатуры и существованием модифицированной иерархически-аппаратной системы управления [Боров, Тумов, 2017].

Относительная стабилизация политической системы в России во второй половине 1990-х гг. нашла свое отражение в консолидации режима в КБР. Оппозиция была разгромлена, парламент подконтролен правительству, а силовые органы обладали достаточной силой для защиты интересов элит. Внешне сплоченность внутри правящего класса Кабардино-Балкарии проявилась, во-первых, в виде безальтернативных президентских выборов 1997 г.¹⁶², во-вторых – в результатах парламентских выборов, утвердивших бюрократию и крупный бизнес как основных бенефициаров режима¹⁶³, а в-третьих – в принятии конституции, формально утвердившей *status quo*¹⁶⁴. Правящая коалиция закрепила за собой доступ к основным ресурсам и привилегиям и даже могла вести диалог с федеральным центром посредством «торга». При этом сложившаяся система управления естественным образом создавала дисбаланс в доступе различных групп населения к рентам, что способствовало поляризации общества, увеличению количества криминальных группировок и росту популярности взывающего к справедливости исламского фундаментализма.

Начало 2000-х гг. закрепилось в науке как период «рецентрализации». Администрация В.В. Путина предприняла ряд усилий по стабилизации политической системы, построив «вертикаль власти», ограничив полномочия губернаторов, приведя к унификации конституции и уставы субъектов и переподчинив силовые органы федеральному центру. Ослабленные кризисом 1998 г. регионы не оказали сопротивления, а население поддержало политику Москвы. Коррекция политико-правовых итогов 1990-х гг. в КБР не оказала большого влияния на расклад сил, за исключением смены президента в 2005 г. по естественным причинам. При этом Кабардино-Балкария прошла через очередной этап активизации протестного движения. Его основу составили, с одной стороны, балкарское этническое движение, которое эксплуатировало риторику земельного вопроса, с другой – исламистское движение, которое оказалось в состоянии конфронтации с региональными властями из-за роста озабоченности религиозным терроризмом^{165,166}.

¹⁶⁰ Полевой материал автора, записи 2017 г. Хатажуков В., бывший тхамата «Адыгэ Хасэ», руководитель Правозащитного центра КБР. Интервью в Нальчике.

¹⁶¹ Виктор Черномырдин на Северном Кавказе // Коммерсантъ. № 87. 12 мая 1993 г.

¹⁶² Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1997. С. 66–67.

¹⁶³ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998. С. 85–95.

¹⁶⁴ Конституция КБР. Принята Парламентом КБР в первом чтении 1 июля 1997 г. // Кабардино-Балкарская правда. 9 июля 1997. № 130. С. 1.

¹⁶⁵ Постановление Избирательной комиссии КБР «О заявлении зарегистрированного кандидата на должность Президента КБР Кучукова И.А.» // Кабардино-Балкарская правда. 11 января 2002 г. № 5. С. 1.

Оба движения обладали достаточной мобилизационной базой в лице сельских жителей. Конфронтация между органами власти и религиозными общинами вылилась в нападение на Нальчик 13 октября 2005 г., символизировавшее окончательный переход исламистской оппозиции к насильственной борьбе.

В период 2007–2018 гг. сформировавшаяся ранее политическая организация претерпела трансформацию внутренних характеристик, при этом формальный дизайн системы управления остался практически нетронутым. Главным отличием стал более жесткий контроль над регионом со стороны федерального центра, который в одностороннем порядке принимал решение о назначении главы и проводил перманентный мониторинг эффективности использования федеральных субвенций и обеспечения социально-политической стабильности. Ввиду этого правящая коалиция больше зависела от одобрения со стороны центра, нежели черпала легитимность в поддержке населения. Этот феномен ярко проявился в том обстоятельстве, что когда в 2012 г. регион получил возможность вернуться к выборности главы, республиканские элиты сделали выбор в сторону сохранения института назначения¹⁶⁷. Другой качественной характеристикой стал рост автономии силовиков по отношению к местному политическому классу, что позволяло им сосредоточить в своих руках беспрецедентные ресурсы в вооруженной борьбе против исламистского подполья [Современная эволюция..., 2011, с. 6]. Политический процесс характеризовался короткими всплесками активности этнических проектов, а также конфликтом с исламистской оппозицией. Последняя в виде своего радикального крыла была «обезглавлена» в ходе контртеррористических операций и активной деятельности спецслужб, а ее умеренные представители превратились в субкультуру со специфическими бизнес-интересами. При этом внутриэлитная борьба в республике не прекращалась, ее основным итогом стало вмешательство федерального центра в 2013 г., когда вместо А.Б. Канокова главой был назначен Ю.А. Коков. Как и его предшественник, новый глава неудовлетворительно справлялся с задачами политической стабилизации и экономической модернизации и был отправлен в отставку в 2018 г.

Состав правящей коалиции и ключевые источники ренты

Исследователи элитных констелляций в России традиционно фокусируются на двух группах: во-первых, к ним относятся представители крупного бизнеса с развитым политическим капиталом, т. н. олигархи [Guriev, Rachinsky, 2005]; во-вторых, руководители органов правопорядка и спецслужб, т. н. силовики [Kryshtanovskaya, White, 2003]. Представляется релевантным выделение еще одной социально-профессиональной страты, наследующей позднесоветской номенклатуре – высшей бюрократии. В таблице 1 представлены позиции трех групп в правящей коалиции и их трансформация на протяжении постсоветского периода. Эта таблица не включает представителей федеральных элит, которые очевидным образом играют важную роль в процессе принятия решений в регионах; в данном случае мы преследуем цель изучить констелляцию региональных акторов, которые зачастую выступают в роли клиентов по отношению к патронам из «центра».

¹⁶⁶ Гусейнов О. 10 подростков из КБР уехали к боевикам в Чечню // Газета Юга. 2 ноября 2000 г. № 45. С. 4.

¹⁶⁷ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 23 апреля 2014 года № 19-РЗ «О порядке избрания Главы Кабардино-Балкарской Республики депутатами Парламента Кабардино-Балкарской Республики». [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/412302881> (дата обращения: 01.05.2023).

Таблица 1
Table 1

 Элитные группы в составе правящей коалиции
Elite groups in the ruling coalition

Основные группы	1992–1999	2000–2005	2005–2013	2013–2018
Номенклатура / бюрократия	Ключевой партнер	Ключевой партнер	Ключевой партнер	Ключевой партнер
Олигархия	Младший партнер	Основной партнер	Ключевой партнер	Младший партнер
Силовики	Младший партнер	Младший партнер	Основной партнер	Основной партнер
Основные источники ренты	Дотации, приватизированные предприятия	Дотации, агропромышленный комплекс	Дотации, агропромышленный комплекс, туризм	Дотации, агропромышленный комплекс, туризм
Стимулы для продуктивного использования рент	Слабые, (макроэкономическая и политическая нестабильность)	Слабые (политическая нестабильность, но рост предсказуемости экономического развития)	Средние (экономический рост и инвестиции из федерального бюджета)	Средние (инвестиции из федерального бюджета, ограниченность технологического развития)
Политическое влияние федеральных элит	Низкое	Среднее	Высокое	Высокое
Политическое влияние других групп (СМИ, общественные организации, малый и средний бизнес)	Среднее	Низкое	Среднее	Низкое

Если приложить типологию использования рент, представленную в разделе II, к основным группам правящей коалиции КБР, указанным в таблице 1, мы получим картину, продемонстрированную в таблице 2. Важно подчеркнуть основное различие между бизнес-элитами, бюрократией и силовиками. У первых двух групп продуктивное использование рент предполагает создание благ, продуктов, технологий, инфраструктуры и человеческого капитала. Третья группа способна защищать созданные другими блага (либо снижать риски их разрушения), но не может создавать ценность сама.

Формирование ключевых групп в кабардино-балкарской политике в 1990-е гг. представляет собой одновременную трансформации партийной и хозяйственной номенклатуры в бюрократию и олигархию. Анализ составов Парламента показывает, что в I созыве 1993 г. 44 % депутатов работали в республиканских органах власти, 33 % возглавляли государственные и муниципальные предприятия¹⁶⁸. Во II созыве 54 % депутатов работали в органах власти, еще 29 % были руководителями предприятий либо бизнесменами¹⁶⁹. Эта коалиция контролировала два основных источника ренты: унаследованные от советской административной системы приватизированные предприятия и субвенции из федерального бюджета на решение социальных вопросов и поддержку инфраструктуры.

¹⁶⁸ Депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Первый созыв. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 171 с.

¹⁶⁹ Депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Второй созыв. Нальчик: Эль-Фа, 1998. 177 с.

Таблица 2
 Table 2

Модели предпринимательства
 Entrepreneurship patterns

Использование рент	Олигархия	Номенклатура / бюрократия	Силовики
Продуктивное	Инвестиции в создание новых предприятий, продуктов, технологий	Создание общественных благ (образование, здравоохранение, инфраструктура, регулирование бизнеса)	Риск-менеджмент, обеспечение безопасности, защита бизнеса
Непродуктивное	Борьба за доступ к ресурсам, потребление	Расширение штата, амбициозные проекты	Расширение штата, не ведущее к качественному росту безопасности
Деструктивное	Использование ресурсов для присвоения личных или общественных благ	Использование власти для присвоения личных или общественных благ	Использование насильственного потенциала для присвоения личных или общественных благ

Основным предназначением этих рент стало «умиротворение» республики, что требовало кооптации ряда акторов в правящую коалицию, поэтому использование рент бюрократией было по большей части непродуктивным. Зарождающийся бизнес в условиях нестабильности и близости этнополитических конфликтов не имел стимулов для инвестиций, поэтому использование рент тоже было преимущественно непродуктивным. Финансовый кризис 1998 г. с особенной силой отразился на региональных бюджетах и сделал их еще более зависимыми от дотаций, политически ослабив субъекты, но законсервировав экономическую конъюнктуру.

На втором этапе (2000–2005 гг.) политическая система испытала ряд новых вызовов, обусловленных внешними и внутренними факторами. Проактивная политика правительства и рецентрализация еще больше усилили центр. Политическая динамика в КБР немного отставала от общероссийских процессов – на федеративном уровне силовики вымещали олигархию из ключевых позиций в правящей коалиции, в то время как в республике сохранялся патронажный контроль президента В.М. Кокова над органами внутренних дел [Yemeljanova, 2005]. Тем не менее рецентрализация подорвала автономию социального порядка в Кабардино-Балкарии. Одновременно система испытала эндогенный шок в виде активности религиозных экстремистов, которые вступили в борьбу за контроль над рентой, связанной с неформальной экономической активностью. В сложившейся системе управления не было процедур, которые позволили бы им занять «место за столом» мирным путем. Отставка В.М. Кокова по времени совпала с переходом религиозных групп к насильственной борьбе против государства.

На следующем этапе развития, который характеризовался усилением террористической активности, силовики не могли оставаться младшим партнером в правящей коалиции – их роль в обеспечении безопасности многократно выросла, они были поставлены под прямое руководство полпреда президента РФ в СКФО, а руководящий состав органов правопорядка комплектовался в основном за счет выходцев из других субъектов; по сути, силовики стали основными проводниками линии федеральных элит в регионе. При этом в созыве парламента 2009 г. бюрократию и олигархию представляли по 40 % депутатов¹⁷⁰. Источники ренты претерпели изменение качественных и количественных характеристик –

¹⁷⁰ Список депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики (IV созыв) по состоянию на 04.07.2014. Архив Парламента КБР.

во-первых, высокие цены на нефть в 2000-е гг. позволили увеличить размер дотаций; во-вторых, за эти годы произошел экономический рост и восстановление после шока 1998 г.; в-третьих, всплески насилия на Северном Кавказе обусловили еще большее увеличение размера дотаций. Объемы бюджетных субвенций на модернизацию экономики и развитие инфраструктуры выросли, одновременно развивался агропромышленный комплекс¹⁷¹. При этом состав правящей коалиции испытывал флуктуации – интересы широкой коалиции элит были заменены более узким непотизмом, а характер рент обусловил окончательное установление клиентелистской зависимости Нальчика от Москвы. Пришедшая к власти республиканская олигархия больше ориентировалась на одобрение со стороны центра, нежели на легитимность в регионе¹⁷². При этом следует отметить, что новое правительство потерпело неудачу в попытках обеспечить политическую стабильность, но достигло определенного уровня инноваций, особенно в сфере АПК. Тем не менее недостаток легитимности среди значительной части элит сопровождался очередным всплеском этнических проблем, продолжающаяся активность террористического подполья представляла особенную угрозу в свете приближающихся Олимпийских игр в Сочи, а протесты 2011–2012 гг. в Москве сместили приоритеты центра – во главе проблемных регионов должны находиться не бизнесмены, но силовики.

После 2013 г., когда республику возглавил выходец из МВД Ю.А. Коков, система взаимоотношений региона с центром претерпела ряд качественных изменений. В условиях секьюритизации политической системы доступ к системе безопасности стал решающим ресурсом для участия в распределении рент. Испытывающие давление со стороны старших партнеров бизнес-элиты стали еще одним ресурсом обеспечения рент. Новый характер использования рент силовиками позволил выстроить более комплексную стратегию действий в отношении вооруженного подполья: она отныне была нацелена в том числе на вытеснение части комбатантов за границу, одновременно предоставляя возможность реинтеграции в нормальную жизнь для желающих¹⁷³. В подобных условиях состав бизнес-элит увеличился за счет предпринимателей из исламской среды, которые прочно закрепились в нескольких рыночных сегментах. По сути, государство разрешило вопросы в сфере безопасности, но потерпело неудачу в попытках использовать бюрократические ренты; в подобных условиях Москва в очередной раз сменила руководство республики, назначив главой чиновника с технократическим бэкграундом К.В. Кокова.

Заключение

Как объяснить причины неудач программ социально-экономического развития в постсоветских обществах? Историко-политический анализ трансформации системы управления Кабардино-Балкарии демонстрирует, что ответ на этот далеко не банальный вопрос лежит в плоскости изучения стимулов элит к использованию привилегий. Политическое устройство КБР не является исключением на фоне других регионов – его характеризуют безусловное доминирование исполнительной власти, ограниченный доступ к ренте, значимая роль патронажных сетей, высокий уровень зависимости от федеральных акторов. При этом государственная власть обладает достаточным потенциалом для решения проблемы насилия, однако этот потенциал используется и для поглощения организаций за пределами государства и подчинения ему всей общественной жизни; государство в данной системе является единственным стабильным институтом. Такой порядок может счи-

¹⁷¹ Глава КБР: уровень дотационности республики снизился до 49 %. РИА-новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20131004/967743035.html> (дата обращения: 22.05.2023).

¹⁷² Полевой материал автора (записи 2017 г.), Рахаев М., бывший глава администрации Безенги. Интервью в Нальчике 12.09.2017.

¹⁷³ Полевой материал автора, записи 2018 г. Дзасежев Х., председатель Духовного управления мусульман КБР. Интервью в Нальчике.

таться неэффективным для экономической модернизации, однако способен поддерживать устойчивое равновесие в управлении обществом. Внутренний потенциал для институционального обновления ограничен заинтересованностью элит в сохранении своего положения и слабостью гражданского общества.

В такой ситуации неизбежно встает вопрос, во-первых, об аспектах политического реформирования, нацеленного на эффективную реализацию программы социально-экономического развития; во-вторых, об определении политического субъекта, обладающего волей и ресурсами для воплощения в жизнь этой программы. Региональная власть в данном случае не выглядит подходящим кандидатом на роль субъекта, поскольку заинтересована в поддержании описанного выше эквилибриума. Решающую роль в данном контексте имеет фактор влияния федеральной власти на политический процесс в Кабардино-Балкарии. С одной стороны, федеральные акторы располагают властным ресурсом, необходимым для реформирования институциональной структуры регионального социального порядка. С другой стороны, более высокая степень легитимности федеральной власти в глазах населения позволяет мобилизовать гражданскую активность в правовых рамках, что открывает пространство для дальнейшего усложнения структуры организаций и в последствии – перехода к открытому доступу.

Список литературы

- Апажева Е.Х. 2018. Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе 1985–2000 гг. М., БИБЛИО-ГЛОБУС, 200.
- Боров А.Х., Тумов А.А. 2017. Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии. Исторический журнал: научные исследования, 4: 40–55.
- Вартумян А.А. 2004. Региональный политический процесс в современной России: динамика, тенденции, особенности. М., 180.
- Гельман В., Рыженков С., Бри М. 2000. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Издательство «Весь Мир», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag», 376.
- Гельман В.Я. 2006. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России. Полис, 2: 94–95.
- Гугова М.Х. 2002. Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской республики: 2-я половина 80-х – середина 90-х гг. XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 195.
- Капустин Б.Г. 2001. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). Полис, 4: 6–26.
- Литвинова Т.Н. 2011. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 292 с.
- Лукин А.В. 2000. Демократизация или кланизация? (Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России). Полис, 3: 61–79.
- Мельвиль А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. Полис, 2: 6–38.
- Растоу Д.А. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели. Полис, 5: 5–15.
- Росс К. 1999. Федерализм и демократизация в России. Полис, 3: 16–29.
- Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов. М., 2011, 49.
- Солник С. 1995. «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990–1995. Полис, 6: 95–108.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. 2016. Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад. М., 70.
- Харитоновна О.Г. 1996. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей). Полис, 5: 70–79.
- Baumol W.J. 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. Journal of Political Economy, 98 (5), 893–921.

- Golosov G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Power in Russia. *Problems of Post-Communism*, 63 (4), 241–252.
- Guriev S., Rachinsky A. 2005. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1): 131–150.
- Hughes J. 1997. Sub-national Élites and post-communist transformation in Russia: A reply to Kryshtanovskaya & White. *Europe-Asia Studies*, 49 (6): 1017–1036.
- Kahn J. 2000. The Parade of Sovereignties: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism. *Post-Soviet Affairs*, 16 (1): 58–89.
- Kahn J., Trochev A., Balayan N. 2009. The Unification of Law in the Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, 25 (4): 310–346.
- Kryshtanovskaya O., White S. 2003. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 19 (4): 289–306.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New-York: Cambridge University Press, 308.
- Yemelianova G. 2005. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities*, 5 (1): 51–82.

References

- Apazheva E.Kh. 2018. Nacionalnyj vopros i mezhnacionalnye otnosheniya na Severnom Kavkaze 1985–2000 gg. [The National Issue and Interethnic Relations in the North Caucasus in 1985–2000]. Moscow: Biblio-Globus, 200.
- Borov A.Kh., Tumov A.A. 2017. Elity i postsovetskaya transformaciya politicheskikh rezhimov v respublikah Severnogo Kavkaza: «sluchaj» Kabardino-Balkarii [Elites and the post-Soviet Transformation of Political Regimes in the North Caucasus: the Case of Kabardino-Balkaria]. *Historical Journal: Academic Research*, 4: 40–55.
- Vartumyan A.A. 2004. Regionalnyj politicheskij process v sovremennoj Rossii: dinamika, tendencii, osobennosti [Regional Political Process in Contemporary Russia: Dynamics, Tendencies, Characteristics]. Moscow, 180.
- Gelman V., Ryzhenkov S., Bri M., editors. 2000. *Rossija regionov: transformaciya politicheskikh rezhimov* [Regional Russia: Transformations of Political Regimes]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag», 376.
- Gelman V. 2006. Vozvrashchenie Levifana? Politika recentralizacii v sovremennoj Rossii [The Return of Leviathan? Politics of Recentralisation in Contemporary Russia]. *Polis*, 2:90–109 (in Russian).
- Gugova M.Kh. 2002. Obshhestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoj respubliki: 2-ja polovina 80-h – seredina 90-h gg. XX v. [Social and Political Movements of Kabardino-Balkaria: Late 1980s – Mid-1990s.] Diss. ... cand. hist. sciences. Nalchik, 195 p.
- Kapustin B.G. 2001. Konec «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletija) [The End of “Transitology”? (Reflecting on the First post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation)]. *Polis*, 4: 6–26 (in Russian).
- Litvinova T.N. 2011. Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitija rossijskoj gosudarstvennosti [Political Institutions in the North Caucasus in the Context of Development of Russian State]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 292.
- Lukin A.V. 2000. Demokratizaciya ili klanizaciya? (Evoljuciya vzglyadov zapadnyh issledovatelej na peremeny v Rossii) [Democratization of Clanization? (Evolution of Western Researchers' Views on the Changes in Russia)]. *Polis*. 3: 61–79.
- Melville A.Yu. 1998. Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i procedurnogo podhoda k demokraticeskim tranzitam [An Essay of Theoretical and Methodological Synthesis of the Structural and the Procedural Approaches to Democratic Transits]. *Polis*, 2: 6–38.
- Rustow D.A. 1996. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to Democracy: Attempting a Dynamic Model]. *Polis*, 5: 5–15.
- Ross K. 1999. Federalizm i demokratizaciya v Rossii [Federalism and Democratization in Russia]. *Polis*, 3: 16–29.
- Sovremennaja jevoljucija politicheskoi sistemy na Severnom Kavkaze i perspektivy modernizacionnyh processov [Modern Evolution of Political System in the North Caucasus and Prospects of Modernization]. Moscow, 2011, 49.

- Solnik S. 1995. «Торг» mezhdru Moskvoy i sub"ektami Federacii o strukture novogo Rossijskogo gosudarstva: 1990–1995 [The "Bargaining" Between Moscow And the Federation Subjects over the Structure of the New Russian State: 1990–1995]. *Polis*, 6: 95–108.
- Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. 2016. Severnyj Kavkaz i sovremennaja model demokraticeskogo razvitiya [The North Caucasus and Contemporary Model of Democratization]. Moscow, 70.
- Kharitonova O.G. 1996. Genezis demokratii (Popytka rekonstrukcii logiki tranzitologicheskikh modelej) [Genesis of Democracy (Logical Reconstruction of Transit Models)]. *Polis*, 5: 70–79.
- Baumol W.J. 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*, 98 (5): 893–921.
- Goloso G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Power in Russia. *Problems of Post-Communism*, 63 (4): 241–252.
- Guriev S., Rachinsky A. 2005. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1): 131–150.
- Hughes J. 1997. Sub-national Élites and post-communist transformation in Russia: A reply to Kryshchanovskaya & White. *Europe-Asia Studies*, 49 (6): 1017–1036.
- Kahn J. 2000. The Parade of Sovereignities: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism. *Post-Soviet Affairs*, 16 (1): 58–89.
- Kahn J., Trochev A., Balayan N. 2009. The Unification of Law in the Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, 25 (4): 310–346.
- Kryshchanovskaya O., White S. 2003. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 19 (4): 289–306.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New-York: Cambridge University Press, 308.
- Yemelianova G. 2005. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities*, 5 (1): 51–82.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 30.05.2023

Received: 30.05.2023

Поступила после рецензирования: 20.06.2023

Revised: 20.06.2023

Принята к публикации: 20.08.2023

Accepted: 20.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тумов Аскер Асланбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

Asker A. Tumov, Cand. Sci. (History), Research Fellow, Kabardin-Balkar Research Centre of RAS, Nalchik, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0001-8684-8886](https://orcid.org/0000-0001-8684-8886)